UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322578 6

Digitized by the Internet Archive
in 2018 with funding from
University of Toronto

https://archive.org/details/novyeliudi00gipp

0446.
39
Gippius, Zinaida Nikolaevna 1869-1945 I

З. Н. ГИППІУСЪ

Novye liudi

НОВЫЕ ЛЮДИ

РАЗСКАЗЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій просп., 8.
1896.

CHR
II
Gippius, Zinaida Nikolaevna

З. Н. Гиппіусъ (Мережковская)

Novye lüdi

НОВЫЕ ЛЮДИ

РАЗСКАЗЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій просп., 8.
1896.

PG
3460
G5N6a

LIBRARY
FEB 28 1966
UNIVERSITY OF TORONTO

1053188

Oct. 27 60
OXOS

А. Л. Волынскому.

Разными путями можно итти къ одной цѣли. Ваша дорога отлична отъ моей, оружіе, которымъ Вы боретесь—иное, но мы идемъ въ одну сторону, ведемъ одну войну. И Вы, и я окружены врагами: тѣмъ отрадные встрѣтиться друзьямъ. Духъ того, что Вы пишете, близокъ мнѣ, и я дарю Вамъ эту книгу—первыя ступени къ новой красотѣ, которая дорога намъ обоимъ.

З. Гиппіусъ.

18 Ноября, 1895.
С.-Петербургъ.

Яблони цвѣтутъ.

I.

Зачѣмъ она такъ сдѣлала, что я не умѣю жить безъ нея? Это она сдѣлала, я не виноватъ...

Я написалъ это—и мнѣ стало странно. Говорю точно о возлюбленной. Но возлюбленной у меня нѣтъ. Это моя мать сдѣлала такъ, что я умираю безъ нея. Если человѣка держать въ теплѣ всю жизнь, а потомъ неодѣтаго выгнать на двадцатиградусный морозъ, онъ непремѣнно умретъ. И я умру. Умру изъ-за нея.

Давно ужъ мнѣ хочется разсказать кому-нибудь все, о чемъ я думаю, или хоть написать. Разсказать некому, никто не хочетъ, чтобы я разсказывалъ, такъ уже лучше я напишу. Все-таки легче.

Мнѣ кажется, что эти послѣдніе дни—важные и значительные дни для меня. Я до чего-то дошелъ, кончилъ половину моей жизни, а дальше дорога прямая, унылая, быстрая и такая однообразная, что уже нельзя будетъ замѣтить, идешь-ли впередъ—или назадъ, вверхъ—или внизъ. И не знаю, нужно-ли покориться, какъ всегда, и идти по ней.

Мнѣ теперь двадцать восемь лѣтъ, но никто этому не вѣритъ, такимъ старымъ я кажусь. Я самъ знаю, что я старикъ. У меня было прежде красивое и нѣжное лицо, какъ у мамы, мы съ ней часто вмѣстѣ смотрѣлись въ зеркало, и намъ казалось, что мы удивительно похожи другъ на друга.

Теперь она не узнала бы меня. Я согнулся, глаза потускли, борода выросла большая, лицо стало желтое, темное. Я думаю, что я скоро умру. У меня нѣтъ, кажется, никакой болѣзни, но я долженъ умереть, потому что живетъ тотъ, кто хочетъ, кто имѣетъ волю жить, а у меня нѣтъ воли. Въ послѣдніе дни, когда я это созналъ и увидѣлъ, что мнѣ больше и ждать нечего—я даже думалъ о самоубійствѣ. Но я не могу. Я боюсь. Я знаю, что у меня пошлое и трусливое сердце. Я боюсь.

Все это она сдѣлала. Правда, я думаю — что отъ нея же у меня то чувство, которое совсѣмъ не пошло, и одно давало мнѣ счастіе жизни — сантиментальность. Я не стыжусь этого слова, какъ всѣ стыдятся. Да, всѣ стыдятся, потому что у всѣхъ оно есть...

Я музыкантъ и если не хорошій, то порядочный, какъ говорятъ. Думаю, хорошимъ я и не могу быть, потому что когда играю длинныя, трудныя рапсодіи и фуги, даже сонаты, я совершенно холоденъ, и мысли у меня самыя обыденныя, скучныя. Чувство прекраснаго рѣдко бывало у меня; это—совсѣмъ не сантиментальное чувство, оно захватываетъ и зоветъ впередъ, а мнѣ это трудно; я люблю тихое умиленіе, воспоминанія, когда такъ сладко болитъ сердце, и въ душѣ глубокая тишина.

Бывало, играя блестящую прелюдію въ концертѣ (теперь ужъ давно я не выходилъ на эстраду), я взглядываю на какого-нибудь пожилого господина въ первомъ ряду и думаю: «вотъ ты смотришь на меня, слушаешь внимательно и знаешь, что́ я играю, потомъ будешь дѣлать толковыя замѣчанія о моей «техникѣ» и «экспрессіи»... А если бы я бросилъ теперь эту прелюдію и сыгралъ маленькую, простую малороссійскую пѣсенку, которая напомнила бы тебѣ далекіе годы, темный, теплый садъ и, можетъ быть, чьи-нибудь милые, забытые глаза—ты всталъ бы и ушелъ, чтобы скрыть невольныя слезы, радостную грусть и счастье, котораго не даетъ тебѣ блестящая прелюдія. И непремѣнно ты хотѣлъ бы скрыть это счастіе, потому что тебѣ стыдно и кажется, что ты одинъ такъ чувствуешь и другіе не поймутъ, а между тѣмъ всѣ такъ-же чувствуютъ — и каждый стыдится, думая, что онъ одинъ. У каждаго есть свѣтлое облако въ прошломъ.

И у меня оно есть, какъ у всѣхъ.

II.

Скучно разсказывать съ самаго начала, съ тѣхъ поръ, какъ я былъ ребенкомъ. Да и въ двадцать лѣтъ я жилъ такъ же, какъ въ десять. Только въ двадцать я былъ счастливѣе, потому что переросъ маму и могъ гулять съ ней подъ руку. Отношенія же наши не измѣнялись. Бывало, мальчикомъ я часто дѣлалъ ей сцены, когда она уѣзжала въ театръ безъ меня, говорилъ, что она не имѣ-

етъ права веселиться, когда я долженъ учить уроки. Она серьезно умоляла простить ее, даже дѣлалась печальна, если я дулся. Намъ нельзя было ссориться. У нея не было никого, кромѣ меня. И у меня была она одна.

Съ отцомъ я даже не разговаривалъ никогда. Пожилой господинъ, вѣчно занятый какими-то постройками, жившій въ другой половинѣ дома, онъ совсѣмъ не интересовалъ меня. А мама была такая молодая, тоненькая, какъ дѣвочка, съ большими черными глазами, свѣжая, блестящая; платье ея шумѣло при быстрыхъ движеніяхъ, и вѣяло отъ нея какими-то странными духами, — я такъ и не узналъ, какъ они называются. Запахъ ихъ напоминалъ самую раннюю весну.

Конечно, мы жили не въ Петербургѣ. Я говорилъ, что у всѣхъ есть что-то необычное, свѣтлое въ прошломъ. Но я не знаю и сомнѣваюсь, что́ можетъ быть у людей, которые родились въ Петербургѣ и не видали другого солнца. Хорошо, если я ошибаюсь и сужу по себѣ. Но я никогда не примирюсь съ этимъ низкимъ небомъ и темнымъ воздухомъ, съ этой квартирой, гдѣ я одинъ. Впрочемъ, объ этомъ впереди. И все равно, я одинъ въ цѣломъ свѣтѣ, какъ-же мнѣ не быть одному въ этой квартирѣ?

Мы жили въ большомъ городѣ на югѣ, въ своемъ домѣ. Домъ былъ новый, выстроенный отцомъ, неудобный и холодный. Во дворѣ былъ небольшой, но чистый садъ, къ которому со всѣхъ сторонъ примыкали чужіе сады, а потому онъ казался мнѣ безконечнымъ. Отецъ все хотѣлъ его вырубить и

построить два флигеля и сарай, но такъ и не собрался. Не знаю, впрочемъ, можетъ быть, теперь ужъ и нѣтъ нашего сада. Не знаю, да и знать не хочу.

Я никогда не былъ въ гимназіи. Въ самомъ дѣлѣ, съ кѣмъ бы мама оставалась? У нея было много знакомыхъ, но никто никогда за ней не ухаживалъ серьезно, хотя и знали ея отношенія къ отцу. Я думаю, она сама не хотѣла.

У меня были лучшіе гимназическіе учителя, и я учился недурно. Мама, конечно, училась со мною, но ей часто надоѣдало, и она говорила:

— Володя, бросимъ книги, пойдемъ гулять, а?

И мы шли,—она нарядная, веселая, а я счастливый, что у меня такая хорошенькая мама, и я такъ на нее похожъ.

Она совсѣмъ не измѣнялась, не старѣла, и скоро насъ стали принимать за брата и сестру, особенно, когда у меня выросли усы и маленькая борода. Мнѣ казалось, что и я не измѣнился внутренно. Только къ двадцати годамъ я серьезно сталъ заниматься музыкой и мечталъ о консерваторіи. Гимназическій экзаменъ я сдалъ хорошо, и надо было на что-нибудь рѣшаться.

— Ты поѣдешь въ консерваторію, въ Москву, непремѣнно,—говорила мама.—Надо скорѣе, тебѣ уже двадцать лѣтъ. Ты будешь знаменитымъ, вотъ увидишь.

— А когда же мы поѣдемъ?

— Осенью, я думаю. Хорошо?

Не было и рѣчи о томъ, чтобы мнѣ ѣхать безъ мамы. Съ кѣмъ бы я сталъ говорить? Кто бы ласкалъ меня и ходилъ со мною гулять? А кто бы

ухаживалъ за мною, когда я заболѣю? Да развѣ возможно ей оставаться безъ меня, когда мы ни на одинъ день не разставались, все дѣлали и обсуждали сообща? Я и заниматься не сталъ бы безъ нея.

Такъ же, какъ бывало ребенкомъ,—я садился по вечерамъ у огня въ ея комнатѣ, на полу, около ея ногъ, и разсказывалъ ей, какъ та и та барышня въ меня влюблены, какъ я за ними ухаживаю, и какая мнѣ больше нравится. Мнѣ въ это время казалось, что всѣ барышни должны быть въ меня влюблены, потому что я такой красивый и такъ хорошо играю на фортепіано.

— Знаешь, Володя,—сказала мнѣ разъ мама,— вѣдь ты совсѣмъ не похожъ на мужчину, ты совершенно женщина, оттого, должно быть, мы съ тобой такъ и сошлись... Или это я сама такъ сдѣлала, прибавила она подумавъ.—Ты, напримѣръ, въ мужскомъ обществѣ и не бываешь никогда; а среди женщинъ я тебя видѣла—тамъ ты тоже какъ-то не ухаживаешь, а кокетничаешь. Не знаю... но мнѣ кажется, будь ты мнѣ чужой — ты мнѣ не понравился бы.

Я страшно обидѣлся и надулся. Какъ! Сама же она говорила, что я похожъ на нее, а теперь я ей не нравлюсь? Если это и не хорошо, что я похожъ на женщину, то вѣдь она же сама прежде этого не боялась?

Да и что тутъ нехорошаго? Пусть я похожъ на женщину! Я люблю прежде всего все красивое— но безъ суровости, безъ силы, а нѣжное и простое. Я не виноватъ, что я такой...

Мама долго просила у меня прощенія, и мы помирились. Но я не забылъ ея словъ и часто потомъ говорилъ ей:

— Вотъ Сыромятниковъ, или Маремьяновъ, правда, какіе мужественные? Правда, они должны нравиться женщинамъ?

Мама улыбалась и зажимала мнѣ ротъ своей большой, но красивой рукой съ безчисленными звенящими браслетами.

Я зналъ, что дѣлался фатомъ, потому что я все-таки очень нравился тамошнимъ барышнямъ, зналъ—жизнь проходила пусто, и сердце дѣлалось пошлымъ отъ этой вѣчной рисовки и безцѣльнаго желанія нравиться. Самъ я ни разу не влюблялся. Нравились многія, но не сильно. Въ сущности, я былъ очень чистымъ въ то время, какъ рѣдкіе, но мысленно я оказывался не лучше другихъ. Говорятъ, что всегда чистые люди—не чисты въ мысляхъ; но мнѣ кажется, что это неправда. И у меня это было временно и, я думаю, отъ робости, отъ пошлой и праздной жизни, и оттого, что меня всѣ портили и баловали.

III.

Удивительно, какъ мало меня интересовали книги. Я ихъ читалъ, пока не сдалъ экзамена. А съ тѣхъ поръ я занимался только музыкой. Она одна меня волновала и заставляла вспоминать то, чего не было. Для музыки я могъ забыть многое.

Наконецъ, мы поѣхали въ Москву. И я былъ

радъ. Я инстинктивно чувствовалъ, что надо все перемѣнить.

Съ нами поѣхала наша старая экономка, безъ нея мы совсѣмъ пропали бы. Я въ Москвѣ никогда не былъ, а мама хотя и жила тамъ прежде, однако ничего не знала и не умѣла. Можетъ быть, и съумѣла бы, но ей было скучно заботиться и суетиться, и я это отлично понималъ.

Мы наняли хорошенькую квартирку на Малой Никитской и зажили припѣваючи, по-товарищески. Ѣздили въ театръ, кататься. Скоро явились знакомые, нашлись родственники. Но я сталъ заниматься ревностно и даже рѣдко выходилъ, когда у мамы бывали гости.

Въ консерваторіи я ни съ кѣмъ не сошелся, кромѣ своего профессора, еще молодого человѣка.

Я ему казался страннымъ, хотя, какъ онъ говорилъ, очень талантливымъ. Онъ, однако, угадалъ меня только послѣ того, какъ я его ввелъ къ намъ, и онъ увидалъ мою маму. Насъ другъ безъ друга понять было нельзя, а вмѣстѣ, какъ говорили, мы составляли одно цѣлое.

— Смотрите, молодой человѣкъ,—сказалъ мнѣ разъ профессоръ,– занимайтесь хорошенько. Изъ васъ должно выйти что-нибудь, или вы совсѣмъ пропадете.

И я занимался. Даже лѣнь свою забылъ, не заботился о волосахъ и объ одеждѣ, рѣдко выѣзжалъ и все игралъ свои гаммы. Я ихъ не любилъ и терпѣлъ только, какъ трудную лѣстницу, по которой нужно взбираться наверхъ. Какъ я тосковалъ о синемъ небѣ, о землѣ, о цвѣтахъ! Я ни о

чемъ такъ не тосковалъ, я не думалъ, что будетъ тоска. Мама утѣшала меня, но... это было мое больное мѣсто. Я зналъ, что тутъ мы не понимаемъ другъ друга, только тутъ. Она даже сада нашего не любила,—гулять ходила по улицамъ, говорила, что солнечный свѣтъ гораздо безпокойнѣе полутьмы гостиной, а ея духи лучше запаха настоящей весны.

Когда я объ этомъ думалъ, приходило невольное чувство на минуту, что она не молода, что она не можетъ быть вполнѣ моимъ товарищемъ, что въ глубинѣ души--между нами преграда.

Но это были только минуты...

Я говорилъ, что не сошелся ни съ кѣмъ. Близко не сходился, но знакомился, и нѣсколько разъ попадалъ на кутежи, не ночевалъ дома...

Мама разспрашивала меня съ любопытствомъ и безъ всякихъ упрековъ, но я былъ какъ-то недоволенъ и разсказывалъ подробно съ омерзѣніемъ, хотя не безъ гордости.

— Это неважно, Володя,—говорила мама.—Это я все такъ и думала. Ты только меня не долженъ забывать. Понимаешь, чтобы я была у тебя первой, и всегда, какъ ты у меня. Понимаешь? Иначе жить нельзя. Понимаешь?

Я только улыбался и обнималъ ее. Какъ же она можетъ быть не первой? Кто же тогда?

IV.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Я кончалъ консерваторію, выступалъ въ концертахъ—и съ успѣхомъ.

Но я самъ былъ не совсѣмъ доволенъ. Что мнѣ въ этихъ трескучихъ пьесахъ, гдѣ я такъ быстро перебираю пальцами, и всѣ удивляются и хвалятъ меня? Когда-же я смогу сыграть то, что слышу часто — но что ускользаетъ отъ меня? Если съумѣю, если найду — то все сразу измѣнится, и я буду одно чувствовать съ тѣми, кто слушаетъ. Мы вмѣстѣ будемъ плакать, потому что оно пройдетъ не мимо, а задѣнетъ, зацѣпитъ самое тайное, самое глубокое, одно для всѣхъ... Да, мы будемъ плакать; а потомъ... потомъ все-равно, ну — умремъ. Все равно... Я зналъ, что, пока я самъ не чувствую — ничего не будетъ; и вѣрилъ безъ сомнѣній, что если придетъ ко мнѣ — то и ко всѣмъ придетъ, кому я буду «говорить». Я всегда мысленно вмѣсто «играть» употреблялъ выраженіе «говорить съ людьми».

Можетъ быть, все это было не умно. Но я никогда не считалъ себя умнымъ человѣкомъ. У меня и самолюбія тутъ не было. Я зналъ, что я не развитъ и мало образованъ. Да и пусть. Я не къ этому шелъ, у меня другое счастье, другая дорога меня поведетъ наверхъ.

Мама раза два меня оставляла одного на нѣсколько недѣль, ей необходимо было уѣхать домой. И каждый разъ я умиралъ, бросалъ заниматься. почти не ѣлъ. У меня являлся какой-то нервный ужасъ, мнѣ казалось, что я одинъ на свѣтѣ, ея нѣтъ и не было. Главное — не было! А если не было, — значитъ и не будетъ...

Зачѣмъ она такъ связала меня съ собою, что жизнь безъ нея не могла длиться? Если я скажу,

что любилъ ее — это будетъ не то слово: не *люблю* я воздухъ, пищу, — а жить безъ нихъ не могу. Я знаю, что я слабый, слабый человѣкъ. У меня нѣтъ силы сдѣлать противъ себя, не страдать, когда я страдаю...

Я былъ послѣдній годъ въ Москвѣ, когда заболѣлъ отецъ, и мама уѣхала передъ Рождествомъ. А въ концѣ января я заболѣлъ самъ, бросилъ все и пріѣхалъ домой. Что-жъ, лишній годъ — такъ лишній годъ, а заниматься безъ нея я все равно не могу. Я пріѣхалъ, и мы цѣлый вечеръ просидѣли вмѣстѣ на диванчикѣ въ ея комнатѣ и молчали. Но я зналъ, что она довольна. Она такъ же не могла жить безъ меня, какъ я безъ нея...

V.

Я проводилъ дни дома и много игралъ. У меня была небольшая комната въ одно окно, и окно это выходило на дворъ, къ саду. Я поставилъ свой рояль къ окну и смотрѣлъ на небо и на деревья, когда игралъ.

Въ срединѣ февраля стало совсѣмъ ужъ тепло. Я ходилъ въ садъ и смотрѣлъ на голубое небо между голыми вѣтвями черешень и яблонь. Какое оно было веселое, золотое между черными сучьями! А на дальнихъ горахъ чуть желтѣла, даже еще не зеленѣла, а желтѣла первая травка. Она всегда изъ земли выходитъ такая свѣтлая и молодая, что кажется желтой. Люблю я эти крошечныя травинки, первыя; онѣ — точно дѣти, любопытныя и неловкія, подымаютъ сѣрый комокъ земли и гля-

дятъ на солнце. Ахъ, мама... Зачѣмъ она не ходила со мной въ садъ и не любила того, что я любилъ? И опять холодная струя пробиралась въ мое сердце, опять отчужденность...

Какъ это странно! И какъ больно...

Чѣмъ дальше шла весна, тѣмъ больше я сидѣлъ въ саду, и тѣмъ радостнѣе мнѣ становилось. Точно я самъ росъ вмѣстѣ съ желтыми цвѣтами. Свои фуги я забросилъ; опять я слышалъ въ душѣ что-то такое, что свѣтлѣе всякихъ фугъ, опять я искалъ — и не могъ найти. Оно было тутъ, близко, въ весеннемъ шумѣ, въ весеннемъ запахѣ... И какъ оно далеко отъ меня теперь!..

Листьевъ не было видно, но на яблоняхъ и черешняхъ розовѣли круглыя, крѣпкія почки, совсѣмъ еще закрытыя, точно спящія. Мнѣ одинъ разъ пришло въ голову: откуда онѣ, эти почки, зачѣмъ онѣ? Зачѣмъ это небо, эта весна? Отчего я ничего не знаю? Но я испугался. Не надо, не надо вопросовъ, не нужно думать, нужно покориться и отдаться всему, и тогда будетъ не страшно и просто...

Я сидѣлъ въ концѣ узенькой, сырой дорожки, на низкой скамеечкѣ у самаго дальняго забора моего сада. Это былъ не заборъ, а живая изгородь, пока еще черная. Я никогда не горевалъ, что мой садъ не тянулся далеко, а кончался здѣсь, у этой изгороди. Всюду, куда я ни смотрѣлъ — были деревья, трава и земля, а надъ ними небо. Какое мнѣ дѣло до того, что это деревья чужихъ садовъ, когда они такія-же, какъ и мои? Все мое, на что я смотрю и что меня радуетъ. И тѣ обрывистыя

горы съ глубокими, сизыми тѣнями — далеко на небѣ — онѣ тоже мои. Солнце шло къ западу, и лучи его дѣлались холоднѣе. Я зналъ, что мнѣ пора идти домой, но не могъ разстаться со своей скамейкой. Вдругъ позади меня кто-то прошелъ, тихо, такъ что я едва услышалъ. Я обернулся: шаги слышались за изгородью, въ чужомъ саду. Это были даже не шаги, а какой-то связный шорохъ, точно что-то проволоклось по землѣ — и затихло. Я могъ бы встать и посмотрѣть, что это такое, — изгородь приходилась мнѣ въ одномъ мѣстѣ чуть выше пояса, — но я подумалъ: «ну, все равно, не стоитъ». Весенній воздухъ утомилъ меня, мнѣ хотѣлось быть спокойнымъ и дремать.

Но опять повторился шорохъ и умолкъ сразу. Я поднялъ глаза и встрѣтился съ чужими глазами, которые пристально и зло смотрѣли на меня. Я почувствовалъ, что они смотрѣли зло, потому что мнѣ стало безпокойно. Потомъ сразу выраженіе глазъ измѣнилось и стало равнодушнымъ. За изгородью стояла незнакомая мнѣ дѣвушка. Нѣсколько времени мы молчали и смотрѣли другъ на друга. Я думалъ, что она уйдетъ. Но она заговорила.

— Здравствуйте, — сказала она непривѣтливо. — Я васъ давно вижу. Зачѣмъ вы вѣчно здѣсь сидите?

— Тутъ хорошо, — отвѣчалъ я какъ-то робко, точно извиняясь. — А я васъ никогда не видѣлъ.

— Я смотрѣла издали. Я живу вонъ тамъ, — и она указала на чуть видный за деревьями домъ, далеко отъ изгороди.

Когда она сдѣлала движеніе рукой, я въ первый разъ замѣтилъ, что одежда ея была странная, непохожая на обыкновенныя платья барышень. То она мнѣ казалась маскарадной, то совсѣмъ простой и даже единственно возможной. Это было широкое платье изъ мягкой бѣлой матеріи, но одинаково широкое вверху и въ подолѣ (я видѣлъ теперь ее всю, потому что стоялъ у изгороди съ другой стороны), съ узкимъ темно-краснымъ поясомъ. Я понялъ, почему былъ такой странный шорохъ, когда она шла: платье кончалось длиннымъ шлейфомъ, и даже не шлейфомъ, а просто падающимъ сзади кускомъ матеріи, небрежнымъ и красивымъ. Рукава были узкіе и длинные, почти до пальцевъ.

Я, хорошо воспитанный молодой человѣкъ, умѣлъ держать себя съ барышнями. Но тутъ ни на одну минуту я не подумалъ, что это—барышня и съ ней надо вести себя, какъ съ другими. Я спросилъ ее:

— Отчего это на васъ такое странное платье?

Она не удивилась.

— Оно красивѣе. Меня никто не видитъ, и потому я забочусь, чтобы я сама себѣ нравилась.

— И мнѣ нравится,—сказалъ я.—А какъ васъ зовутъ?

— Марта.

— Марта? Развѣ вы не русская?

— Нѣтъ, русская. Моя фамилія Коренева, я живу здѣсь съ матерью. Развѣ вы не слышали? Слѣпая Коренева? Богачка?

Я вспомнилъ, что точно слышалъ что-то о

слѣпой старухѣ Кореневой, очень богатой, и о ея молоденькой дочери, которая много учится и нигдѣ не бываетъ.

— Да, я слышалъ,—медленно проговорилъ я.— Какъ странно, мы сосѣди, а я только теперь васъ вижу...

— Я не люблю выходить,— поспѣшно сказала она.—Да, такъ вы удивились, что я Марта. Я — Мароа, но Марта красивѣе, и потому меня такъ называютъ.

— Да... Вы вообще красивы, — сказалъ я въ раздумьи, почти про себя.

— Правда? — просто отвѣтила она. — Вотъ я тоже нахожу, что я красива. А многіе говорятъ, что нѣтъ. Я думаю, что они не понимаютъ.

Меня не удивлялъ нашъ разговоръ. Я не могъ убѣдить себя, что Марта — барышня, а я ей говорю комплименты. Она казалась мнѣ красивой, какъ небо сквозь деревья, какъ нѣжный, душистый воздухъ, какъ розовыя облака около уходящаго солнца. Она такъ подходила ко всему, даже къ этому предвечернему часу, что мнѣ не хотѣлось ни разговаривать, ни удивляться, а просто радоваться всему вмѣстѣ.

И она замолчала.

— Ну, теперь прощайте, — сказала она наконецъ. — Вы можете приходить сюда, — прибавила она чуть-чуть высокомѣрно, но снисходительно.— Вы не портите сада.

И опять я услышалъ связный шорохъ ея платья, она ушла. Я не удивился и ея послѣднимъ словамъ: она думала почти о томъ-же, о чемъ я.

Удивляешься тому, что еще чуждо, что внѣ тебя, а не въ тебѣ...

Я былъ страннымъ весь вечеръ. Я пробовалъ играть, но звукъ рояля мнѣ показался противнымъ, рѣзкимъ и слишкомъ опредѣленнымъ. Я пришелъ проститься къ мамѣ, но не сказалъ ей ни слова. И въ первый разъ въ жизни мнѣ показалось, что ея духи пахнутъ не настоящей весной...

VI.

Два дня я не былъ въ саду.

Я самъ не знаю, чего я боялся. Должно быть того, что такъ хорошо ужъ не будетъ, а воспоминаніе я испорчу. Мама нѣсколько разъ замѣчала, что я блѣденъ и мало играю. Отецъ все еще лежалъ, и мама большую часть дня была занята.

— Что ты, Володя? Хочешь, вечеромъ пойдемъ гулять?

Я отвѣчалъ вяло и апатично. Гулять по улицамъ мнѣ не хотѣлось.

Наконецъ, на третій день, я рѣшился вдругъ, какъ рѣшаются слабые люди, быстро взялъ шляпу и твердыми шагами отправился въ садъ.

Тамъ многое измѣнилось. Дорожки стали суше, желтые анемоны ползли около цистерны; а на яблоняхъ почки побѣлѣли и расширились. Даже на изгороди кое-гдѣ появились крошечные зеленые листики. Не успѣлъ я сѣсть на свою скамейку и опомниться, какъ сейчасъ же, сію минуту я услышалъ знакомый шорохъ, Марта подошла къ изгороди и сказала:

— Здравствуйте.

Я всталъ и приблизился къ ней. Она была въ томъ-же, или въ такомъ-же, платьѣ, только поясъ былъ не красный, а золотой.

— Отчего вы не приходили?—спросила она.— Вѣдь я вамъ сказала, что вы можете приходить. Впрочемъ, я знаю, почему вы не приходили.

— Почему?

— Все равно... Я знаю.

Можетъ быть, солнце бросало на нее свои лучи особенно; можетъ быть, это было мое воображеніе, но мнѣ казалось, что сегодня одежда ея чуть-чуть отливала розовымъ, какъ цвѣты яблони.

Странное лицо было у Марты, я его не могу вспомнить; знаю только, что въ ней во всей ничего не было темнаго или яркаго. Волосы, завязанные сзади въ простой узелъ, почти небрежный, сѣрѣли и сливались съ окружающимъ воздухомъ; лицо блѣдное, тонкое, продолговатое; глаза тоже блѣдные, но прозрачные, какъ чистая вода. Я не знаю, какого цвѣта были эти глаза. Я думаю, въ полдень, когда небо очень синее, они темнѣли.

Такъ—я помню всѣ черты, помню тоненькія, прямыя полоски бровей, свѣтло-розовыя, сжатыя губы, а все лицо ускользаетъ отъ меня. И я почти радъ этому. Чѣмъ неуловимѣе воспоминаніе, тѣмъ оно полнѣе.

— А я знаю, гдѣ сегодня спрячется солнце,— сказала Марта.—Вонъ тамъ, за этимъ уступомъ. А вчера оно зашло лѣвѣе, гораздо лѣвѣе. Я каждый день знаю, куда садится солнце. Вѣдь это мои дни, мои!—произнесла она съ торжествомъ.—

Хотите знать, что будетъ въ саду завтра? Хотите я вамъ скажу, въ какую ночь распустятся яблони?

— Какъ вы знаете?—спросилъ я тихо.

— Я знаю и садъ, и весну, и солнце, и цвѣты, потому-что я ихъ люблю...

И я повѣрилъ вдругъ, что она точно все знаетъ.

— Вы думаете, что́ чувствуетъ вонъ та акація?—спросила она.

— Я думаю—радость...

— А какую?

— Какъ вы и я... Вотъ такую-же... Радость отъ солнца.

— Да. Мы всѣ вмѣстѣ радуемся, всѣ вмѣстѣ...

— А я слышу иногда,—прибавила она, помолчавъ,—какъ вы играете. Отсюда хорошо, не рѣзко. Я люблю...

Я вспомнилъ, какъ и мнѣ въ эти дни звукъ рояля казался рѣзкимъ.

— Только...—продолжала Марта,—вы не сердитесь, но часто вы играете такое составное, изъ многихъ разныхъ нотъ, а всего-то нѣтъ. Знаете, надо удаляться отъ того, что люди придумали, а надо слушать здѣсь,—она провела рукой по воздуху,—и стараться согласно, чтобъ все вмѣстѣ шло къ одному...

Она остановилась, видимо затрудняясь объяснить свою мысль, но, конечно, я ее понялъ.

— Я всегда такъ и думалъ,—сказалъ я.—Хорошо, что и вы тоже. Значитъ, это вѣрно.

— А вы не умѣете играть чего-нибудь простого, такого нескораго? Вотъ я одинъ разъ слышала пѣсню. Ее и въ концертахъ поютъ, и игра-

ютъ, но не такъ. Знаете: «Ни слова, о другъ мой, ни вздоха»... У меня нѣтъ голоса, я не могу пѣть, но я вамъ спою, чтобы вы знали мотивъ.

И она запѣла тихо, почти говоря. Я прислушался къ мотиву и попросилъ повторить.

— И слова какія хорошія,—сказала она.— Только теперь для меня непонятныя. Теперь мои дни, — повторила она опять. — А вотъ кончится весна...

Голосъ ея упалъ. Я вдругъ вспомнилъ, что не видалъ ея улыбки.

— Вы никогда не смѣетесь, Марта? — спросилъ я.

— Солнце заходитъ, серьезно отвѣтила она. Утромъ я смѣюсь.

Теперь, когда я сижу въ своей петербургской квартирѣ съ темными окнами безъ занавѣсокъ, съ черно-сѣрымъ потолкомъ, немного нависшимъ въ серединѣ, гдѣ торчитъ большой угрюмый крюкъ,— теперь мнѣ кажется, что ничего этого не было и не могло быть. Или все это я видѣлъ во снѣ? Но то, что случилось потомъ, ужасное, гадкое, невозможное, изъ-за чего я умираю, то вѣдь не сонъ. И между тѣмъ одно зависѣло отъ другого.

Было-ли все случайно? Или, напротивъ, нѣтъ и не можетъ быть ничего случайнаго? Не знаю. Мнѣ трудно думать объ этомъ. Пусть рѣшаютъ другіе.

Въ тотъ-же вечеръ, послѣ второго свиданія съ Мартой, я потушилъ свѣчи въ своей комнатѣ, отворилъ окно и сѣлъ играть. Я старался вспомнить мотивъ, который она мнѣ дала. Это былъ

тихій, простой мотивъ, изъ несложныхъ нотъ. Я не прибавилъ къ нему ни одного лишняго аккорда, ни одной гаммы. Я повторялъ все одно и тоже, и опять сначала, и каждый разъ, мнѣ казалось, выходило иначе, лучше, больше напоминало весенній шумъ и желтые лучи вечерней зари.

Я самъ не знаю, что было со мною. Но было что-то хорошее. Я подошелъ къ окну и поглядѣлъ внизъ, не думая. Потомъ отворилъ дверь, спустился по темной лѣстницѣ на дворъ и пошелъ въ садъ.

Тамъ было свѣтлѣе, чѣмъ въ комнатахъ; стоялъ какой-то неясный, мерцающій полумракъ. Молодой мѣсяцъ закатился, свѣтили только звѣзды.

Въ концѣ дорожки тускло бѣлѣло платье Марты. Я такъ и зналъ, что она тутъ и слушала. Она должна была слушать...

— Хорошо,— сказала она шопотомъ, когда я былъ близко.—Не говорите громко. Я васъ ждала, мнѣ надо сказать вамъ два слова. Завтра въ садъ не ходите. А послѣ завтра, да, послѣ завтра приходите съ закатомъ, надолго. Въ тотъ вечеръ яблони станутъ распускаться. Мы можемъ увидать первый цвѣтокъ. Первые цвѣты.. Хотите? Придете?

— Да, приду,—сказалъ я, тоже шопотомъ.

Она кивнула головой, отдѣлилась отъ изгороди и ушла.

Я остался одинъ.

VII.

Я всталъ поздно. Лѣниво прошелъ въ столовую, лѣниво не допилъ своего кофе и, помня при-

казаніе, въ садъ не пошелъ, а вяло слонялся по комнатамъ. Приняться за что-нибудь не было силы.

Я хотѣлъ пойти къ мамѣ, сѣсть съ нею рядомъ, помолчать; несмотря на туманъ, въ которомъ я жилъ послѣдніе дни, я безпокоился, мнѣ не доставало чего-то — я рѣдко видѣлъ маму. Я ей не хотѣлъ ничего разсказывать — вѣдь она не любитъ сада, а это только о садѣ. Но мама была мнѣ нужна, какъ я самъ. Я теперь только понялъ, что она чувствовала не то, что я, и не такъ, какъ я. Но зачѣмъ она обманывала меня столько времени? Зачѣмъ все сдѣлала, чтобы я не смогъ безъ нея жить?

Я сидѣлъ за обѣдомъ — вялый и блѣдный, ничего не ѣлъ. Вдругъ я почувствовалъ чей-то взглядъ на себѣ и обернулся. Мама смотрѣла на меня въ упоръ потемнѣвшими глазами, и столько въ нихъ было неожиданной злобы и ненависти, что я вздрогнулъ, и сердце у меня похолодѣло, хотя я еще ничего не успѣлъ подумать и сообразить.

— Да нѣтъ, я брежу, это мнѣ показалось, этого не можетъ быть, — мелькнуло у меня въ головѣ въ слѣдующую минуту. Но точно большая тяжесть придавила меня, и я сразу уменьшился и съежился и сталъ чувствовать свое собственное тѣло, и мои члены стали мнѣ мѣшать.

Прямо изъ-за стола я пошелъ въ мамину уборную. Мамы тамъ еще не было, но я сталъ ждать. Она придетъ.

Она, дѣйствительно, пришла, — не взглянувъ на меня, сѣла въ большое кресло и молчала. Я тоже молчалъ и страдалъ невыразимо, потому что эти

страданія были какія-то неожиданныя, безсмысленныя и безнадежныя.

— Я все знаю, Володя, — сказала она, наконецъ.

При первыхъ звукахъ ея голоса мнѣ стало легче. Но словъ ея я не понялъ.

— Ты о чемъ?— спросилъ я съ усиліемъ.

— Говорю тебѣ—я все знаю и все поняла. Ты влюбленъ. Ага! это должно было придти, говорятъ. Но я говорю—нѣтъ, не должно. Нѣтъ, не можетъ! Я въ это силы свои положила, и ты не уйдешь!

Я съ отчаяніемъ и тупостью смотрѣлъ на ея безуміе. Я испугался ея злобы, но не жалѣлъ ея.

— Да о чемъ ты, скажи хоть слово! Я не могу понять.

Она успокоилась немного и продолжала тише:

— Ты любишь Марѳу Кореневу. Я знаю, что вы видитесь въ саду. Ты ходишь, какъ безумный. Не желаешь ли жениться на ней? Къ сожалѣнію, не могу отъ тебя скрыть, твоя возлюбленная со странностями. Распущена съ дѣтства и чудитъ. Или дурочка, или ужъ черезчуръ умна. Берегись! И напрасно ты молчалъ. Я вѣдь все знаю.

Мысли перепутались у меня въ головѣ, языкъ не повиновался. Я люблю Марту? Да быть же не можетъ! Я хочу на ней жениться? Я—жениться? Нѣтъ, или кто-нибудь изъ насъ сумасшедшій, или всѣ сумасшедшіе. Я сталъ говорить, запинаясь, путаясь, самъ себя не понимая. Говорилъ о садѣ, о веснѣ, о яблоняхъ, о Мартѣ, и что Марта для меня—ожившій садъ, тоже,—что небо и вѣтеръ...

Но сейчасъ же вспоминалъ, какъ-то безнадежно, что нельзя этого понять, если не чувствовать...

Въ душѣ у меня былъ только инстинктивный, рѣжущій страхъ, что я одинъ, что она уходитъ и ненавидитъ меня, а я не могу остаться одинъ. Я готовъ бы солгать въ эту минуту, еслибъ это чему-нибудь помогло, а я еще никогда не лгалъ. Я думаю, она увидала, что мнѣ тяжело.

— Ну, хорошо,— перебила она,— ты и самъ, кажется, не подозрѣвалъ, что это такъ случится. Но помни, Володя. Наши отношенія не таковы. Я не могла никогда и не могу быть пассивно-нѣжной матерью. Я тебѣ жизнь отдала до послѣдней капли—и ты мнѣ всю свою отдай, всю, я къ этому шла и не разлучалась съ тобой, и сдѣлала тебя сама—для себя. Можетъ быть, это дурно, мнѣ все равно. Это справедливо. Я на самопожертвованія не способна. Да и поздно теперь. Теперь—какъ бы ты ни любилъ жену, возлюбленную, какъ бы она тебя ни любила—ты безъ меня не проживешь!

Она сказала это злорадно и встала. Я подошелъ къ ней, обнялъ и заглянулъ въ глаза.

— Не мучай меня,—проговорилъ я.— Ну да, я твой, не могу безъ тебя. Я никакихъ женъ не хочу. Я никого не люблю. Мнѣ странно, зачѣмъ ты... Я садъ люблю, я цвѣты люблю и музыку... Прости мнѣ.

Она обняла меня крѣпко и сказала:

— Ты долженъ обѣщать,—что не пойдешь въ садъ и не увидишь Марту. Ты еще не любишь ея, но я чувствую, не говори, я чувствую, что нельзя... Я знаю, ты можешь измѣнить своему

обѣщанію, мой слабенькій мальчикъ... Завтра только потерпи... Послѣ завтра утромъ мы уѣдемъ. Хорошо?

Завтра! Вѣдь въ этотъ вечеръ должны только распуститься яблони.

— Ты молчишь? Тебѣ не хочется?

Она опять сдвинула брови.

Я обѣщалъ. Мнѣ было тяжело, я плакалъ. Я такъ любилъ цвѣты... Но я зналъ, что смогу для нея. Я вѣрилъ, хотя не понималъ, что нельзя идти...

VIII.

Съ утра начались приготовленія къ отъѣзду. Экономка не могла ѣхать съ нами, потому что отецъ еще былъ боленъ. Мама энергично принялась за все сама. Никто не понималъ, зачѣмъ мы ѣдемъ и почему такъ скоро. Я сидѣлъ, какъ мертвый, съ полузакрытыми глазами. Солнце подошло къ окну, и лучи упали на меня. Я словно испугался, всталъ и спустилъ занавѣску. Солнце было не мое.

Часы проходили, сердце во мнѣ какъ-то тупо ныло, тупо и безпрерывно. Я страдалъ съ недоумѣніемъ, но покоряясь и не разсуждая, не имѣя силы ни выбирать, ни рѣшать. Все равно, будь что будетъ.

Но въ часъ заката я хотѣлъ пойти къ мамѣ, прижаться къ ней, закрыть глаза и просидѣть такъ долго, безъ времени.

Я вышелъ въ гостиную, взглянулъ въ окошко.

Солнце было уже круглое и большое и касалось однимъ краемъ сѣрой горы.

Я пошелъ, почти побѣжалъ въ мамину комнату. Тамъ никого не было. Я миновалъ угловую,— никого. Въ корридорѣ я встрѣтилъ горничную.

— Гдѣ барыня?—спросилъ я, спѣша.

— Уѣхали-съ, только сейчасъ, насчетъ коляски—завтра утромъ, а оттуда велѣли сказать, что къ Полоцкимъ поѣдутъ, вернутся поздно; что коли угодно—такъ, чтобы и вы къ Полоцкимъ часовъ въ 9 пожаловали, а коли не такъ здоровы, то чтобы лечь изволили пораньше...

Я не дослушалъ горничную. Это было жестоко. Это было не по силамъ мнѣ Я — одинъ, теперь, въ эту минуту, одинъ со своимъ обѣщаніемъ и такимъ больнымъ желаніемъ еще разъ увидѣть садъ, весну, послушать, что будутъ говорить яблони... Какъ всему я покоряюсь безъ борьбы, всему, что сильнѣе меня—я покорился и тутъ неизбѣжному. Я еще разъ посмотрѣлъ на солнце, слабо улыбнулся и, не оглядываясь, не останавливаясь, пошелъ въ садъ.

IX.

Когда я захлопнулъ за собой калитку и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вглубь — я вдругъ ожилъ. Ожилъ и все забылъ. Съ каждой секундой мнѣ дѣлалось легче и радостнѣе. Ароматы смѣшанные, разнородные, разнотонные охватили меня. Я вернулся къ друзьямъ, и мнѣ было стыдно, что я у нихъ давно не былъ. Незамѣтно я дошелъ до конца дорожки.

Марта была тутъ, уже не за изгородью, а на моей скамейкѣ; она сидѣла со сложенными на колѣнахъ руками и смотрѣла на меня строго.

— Простите, Марта,—сказалъ я.—Солнце закатилось.

— Нѣтъ. Оно еще не за горизонтомъ. Оно только за горой. Ничего.

Я сѣлъ съ ней рядомъ. Она показалась мнѣ блѣднѣе, чѣмъ была. Но платье, теперь я уже не могъ сомнѣваться, было не бѣлое, а чуть-чуть розовое.

— Мы будемъ ждать,—сказала Марта.—Онѣ должны сегодня распуститься. Видите мѣсяцъ на небѣ? Видите, — бѣлый, какъ маленькое облачко? Когда онъ станетъ свѣтлѣть, а небо станетъ выше—тогда онѣ распустятся.

— Отчего вы такая, Марта?—спросилъ я.—Вы точно сами съ ними.

— А вы развѣ не такой? И вы такой, и вы также любите, оттого я и рада, что вы со мной, и люблю васъ.

— И я люблю васъ, Марта,—сказалъ я.—Какъ садъ, какъ все.

Она повторила: «какъ все»... и задумалась. Короткія сумерки пролетѣли. Мѣсяцъ сверкнулъ и бросилъ робкій, неумѣлый и неясный свѣтъ на дорожку. Сильнѣе запахло землей и анемонами. Крѣпкія вѣтки яблони кинули тѣнь. И точно все, до тѣхъ поръ безмолвное и неподвижное, зашепталось и зашевелилось. Чуть видный, почти невидный, паръ, или дымъ, скользилъ по лунному свѣту. Тѣни набѣгали и сбѣгали съ цвѣтовъ. Небо, вмѣстѣ съ

мѣсяцемъ, становились все выше, все дальше и холоднѣе.

Мнѣ было страшно и жутко. Я ждалъ чего-то, весь ушелъ въ это ожиданіе. Марта не смотрѣла на меня. Ей было холодно. Она подвинулась ко мнѣ, я безсознательно обнялъ ее, просто, чтобъ быть ближе и вмѣстѣ ждать.

— Надо спокойнѣе, спокойнѣе, — проговорила Марта, положивъ блѣдную руку на мою. — Мы не должны волноваться. Мы должны такъ тихо, совсѣмъ тихо ждать. Безъ тишины въ душѣ нельзя быть близкими *ей*.

Я понялъ, что она хотѣла сказать — «природѣ».

— А мы будемъ близки, правда, мы будемъ? — продолжала она торопливо, заглядывая мнѣ въ глаза. — И я, и ты, мы оба — съ ней вмѣстѣ...

Никогда больше, никогда сильнѣе я не чувствовалъ, что я — «съ ней вмѣстѣ», и что въ этомъ счастье, если это можетъ длиться.

Какой-то новый, неясный запахъ дошелъ до насъ. Мы оба сразу его услышали и оба вмѣстѣ поняли черезъ минуту, откуда онъ.

— Первый цвѣтокъ распустился, — сказала Марта. — Оставь, не смотри на него. Погоди, сейчасъ другіе...

Она говорила шопотомъ, но торжественно и серьезно, и крѣпче прижималась ко мнѣ. Я хотѣлъ что-то сказать, но она шепнула: «ни слова»... — и посмотрѣла умоляюще. Я замолчалъ — и радъ былъ молчать. Мнѣ больше ничего не хотѣлось, кромѣ того, что было. Я думаю, это и

есть счастье. Весь садъ наполнялся новымъ, сильнымъ ароматомъ. Мѣсяцъ никнулъ и уходилъ съ неба, но яблони не темнѣли. Онѣ были бѣлыя не отъ луннаго свѣта.

Когда прошло время, и все кругомъ насъ стало яснѣе и холоднѣе, небо позеленѣло, и утреннія сумерки спустились,—я взглянулъ близко въ лицо Марты, Марта сидѣла все въ томъ-же положеніи, прижавшись ко мнѣ. Она подняла глаза и улыбнулась.

— Пора, сказала она. — Сейчасъ будетъ солнце. Яблони цвѣтутъ.

Что-то ударило меня въ сердце. Я вспомнилъ. Я поблѣднѣлъ, въ груди стало тяжело и холодно.

Марта тревожно взглянула.

— Что съ тобой?

— Марта. Я сталъ несчастенъ... Пожалѣй меня... Я уѣзжаю...

— Уѣзжаешь? проговорила она медленно, безъ удивленья. — Такъ рано? Подожди. Еще есть время. Подожди, пока онѣ начнутъ осыпаться.

— Не могу, не могу... Я не самъ... меня..

— Ахъ, другіе, сказала она спокойно.—Они всегда мѣшаютъ, всегда, во всемъ. Ступай, не будь несчастенъ. Только я не хотѣла такъ рано...

Я съ тоской взглянулъ въ ея глаза. Они были широко раскрыты и покойны, только совсѣмъ, до краевъ, полны слезами. Казалось, если она чуть пошевельнетъ рѣсницами или переведетъ взглядъ, слезы прольются.

Я всталъ. Она осталась на скамейкѣ и не смотрѣла на меня.

— Прощай, Марта, сказалъ я.

— Прощай. Ты не забудь...

— Чего?

— Всего. Я не забуду. Мы оба теперь знаемъ, какъ нужно жить.

— Марта! Но вѣдь другіе...

— Да, другіе! А ты не можешь, ты не съумѣешь.. Все-таки не забудь.

Я взглянулъ на нее, на зеленое, совсѣмъ свѣтлое, небо, яблони, точно осыпанныя снѣгомъ, и сказалъ:

— Не забуду. Прощай.

Она кивнула мнѣ головой. Я ушелъ.

X.

Что случилось дальше—я разскажу коротко и скоро, мнѣ слишкомъ тяжело. Она, мама, сдѣлала все нарочно, чтобы отомстить мнѣ, я знаю. Правда, она сама въ эту ночь похудѣла и осунулась, но я думаю, отъ сильной ненависти ко мнѣ. Все тутъ сошлось. Да я и зналъ, что она не проститъ. Она не могла простить. Я и не говорилъ ей ничего. Я былъ, какъ мертвый. Еслибъ она велѣла мнѣ взять револьверъ и застрѣлиться—я бы, молча, взялъ револьверъ и застрѣлился. Она велѣла мнѣ уѣхать одному, сказала, что никогда не увидитъ меня и не проститъ. Но я думаю, она чувствовала, что не выдержитъ и проститъ, когда увидитъ, что я не могу жить; поэтому, чтобы не измѣнить себѣ, она умерла нарочно. Да, да, я не сомнѣваюсь, что она это сдѣлала нарочно. Доктора говорятъ, что

у ней былъ дифтеритъ, но чтожъ изъ этого? Дифтеритъ могъ быть, а все таки она бы вѣрно не умерла, еслибъ сильно хотѣла не умереть. Я пріѣхалъ изъ Москвы на третій день послѣ смерти. Она уже стала разлагаться. Такой уксусный и страшный запахъ шолъ отъ нея. Я посмотрѣлъ ей въ лицо и ничего не сказалъ.

Какой-то господинъ подошолъ ко мнѣ, долго жалъ руку, просилъ подкрѣпиться и сказалъ:

— Да, ваша матушка была удивительная женщина. Какъ вы должны быть потрясены! У васъ были съ нею удивительныя отношенія...

Я неестественно размѣялся и сказалъ:

— Да, да, вы правы...

И самъ пожалъ руку господину.

Потомъ ее похоронили, и я уѣхалъ. Зачѣмъ-бы я тамъ остался? О Мартѣ я не спросилъ, въ садъ не заходилъ...

И прошло сколько-то лѣтъ. Я не помню, теперь хорошо — сколько. Я не помню, какъ я жилъ. Я все сталъ забывать. Порой, впрочемъ, я вспоминаю ту ночь, когда распускались яблони. Сажусь за рояль и играю маленькую пѣсенку: «ни слова, о другъ мой»... Мнѣ дѣлается свѣтлѣе.

Но это рѣдко; я рѣдко могу вспоминать... И съ каждымъ часомъ прибавляется тяжесть жизни. Я живу, потому что не имѣю силы даже умереть. Живу въ Петербургѣ, одинъ, въ темной и пропащей кухней квартирѣ, даю свои ненужные уроки музыки и ненужно возвращаюсь домой. Сколько времени это еще будетъ продолжаться?

Посрединѣ потолка, въ большой комнатѣ, есть

крюкъ... Я ужъ говорилъ о немъ. Такъ вотъ мнѣ приходитъ мысль: что̀, если я принесу изъ передней веревку отъ чемодана и закину ее на крюкъ? Вѣдь никто даже и не узнаетъ, особенно теперь, ночью... Старуха, моя кухарка, спитъ. И главное, ничего не сдѣлается отъ того, что я закину веревку на крюкъ. Ее можно снять и снести обратно въ переднюю. Даже если я петлю сдѣлаю—и то ничего ровно не случится, вѣдь не повѣшусь-же, вѣдь не долженъ-же я, оттого что сдѣлаю петлю, непремѣнно повѣситься? Это такъ ужасно, такъ некрасиво... Какъ я далеко отъ Марты!.. Но развѣ я въ самомъ дѣлѣ...? Нѣтъ, нѣтъ, я только попробую, никто не узнаетъ, а я попробую...

Ближе къ Природѣ.

I.

Всѣ были недовольны.

Пока никто еще не говорилъ ни слова, но ясно было, что всѣ недовольны. Непріятности начались съ минуты пріѣзда на станцію. Шелъ дождикъ, облака бѣжали низко. Озеро тянулось сѣрое, тусклое. И оказалось, что до имѣнія Столбы, гдѣ двѣ семьи, Назаровы и Каминскіе, наняли вмѣстѣ дачу — дороги нѣтъ и лошадей достать нельзя.

Поѣздъ ушелъ, на мокрой платформѣ лежали вещи, сундуки, коробки и матрасы, зашитые въ рогожи. Экономка Текла Павловна поддерживала слѣпую бабушку. Два мальчика держали за цѣпь большую собаку. Старшіе совѣщались. Тоненькая Лили, въ открытыхъ туфелькахъ, презрительно молчала, глядя въ сторону. Она даже зонтика не раскрывала и высокіе стебельки мака на ея шляпѣ печально колебались отъ дождевыхъ капель. Своей презрительно покорной позой Лили точно хотѣла

сказать: «по своему хотѣли сдѣлать, не спросили меня—и отлично. И еще не то будетъ. И я очень рада...»

Въ сторонѣ, около вещей, стояла кухарка и двѣ горничныхъ. Всѣ три были молодыя дѣвушки. Но одна, самая высокая и полная, отличалась рѣзко своей одеждой и манерами изъ двухъ другихъ. На ней была надѣта ватная деревенская кофта изъ черновато-рыжаго люстрина и большіе сапоги. Она молчала и смотрѣла глубоко-равнодушно.

Наконецъ, дѣло разъяснилось. Дороги на Столбы точно не было. Дамы смотрѣли имѣніе зимой и ѣздили на саняхъ по замершимъ озерамъ и рѣкѣ. Въ полтора часа можно было доѣхать. Теперь же единственное средство попасть на дачу—оказывался пароходикъ. Пароходикъ былъ такъ малъ, что больше походилъ на кофейникъ. Пассажиры садились вокругъ машины, иные на лавкахъ, иные на дровахъ. Въ лицо жара, сзади вѣтеръ. Ѣхать такъ приходилось четыре часа.

Дѣлать было нечего. Дачники отправились къ пароходу по высокой насыпи. Точно сговорившись, никто не выражалъ недовольства, всѣ угрюмо смотрѣли и молчали. Старшія дамы чувствовали, что онѣ виноваты, забыли справиться о лѣтнемъ сообщеніи. Студентамъ было все равно. Бабушка ничего не видѣла. А Лили думала: «и пусть, и пусть... Я очень рада».

Тащили вещи, Луша и Оля кричали, что тюки уронятъ въ воду.

— Ну, иди ты! Чего стоишь! Тебѣ говорятъ, Дунька! Иди скорѣе, пароходъ отъѣдетъ.

Невозмутимая дѣвушка въ деревенской кофтѣ влѣзла, наконецъ, по доскѣ и умостилась на дровахъ у самой машины. Пароходъ отчалилъ. Но въ Столбы не доѣхали засвѣтло, потому что на второмъ озерѣ еще три четверти часа просидѣли на мели.

II.

Назарова и Каминская были двоюродныя сестры. Обѣ—дамы полныя, среднихъ лѣтъ, обѣ—вдовы и обѣ притомъ не богатыя, хотя и не бѣдныя. У Назаровой было два мальчика и слѣпая бабушка, а у Каминской взрослая дочь и три сына студента.

Кузины рѣшили, что жить вмѣстѣ на дачѣ гораздо выгоднѣе. Даже прислуги можно не столько держать. Совершенно довольно двухъ горничныхъ. Текла Павловна не въ счетъ, она экономка — и кромѣ того водитъ слѣпую бабушку.

Не нужно только забираться далеко отъ Петербурга. Станція, ближайшая къ Столбамъ, всего въ двухъ часахъ ѣзды отъ города. Никто-же не могъ предвидѣть, что тутъ явится еще пароходъ. Конечно, злополучный пароходъ дѣлаетъ Столбы порядочной глушью.

Старый деревянный домъ, выстроенный не для зимняго житья, былъ похожъ не то на дачу, не то на баракъ. Стоялъ онъ на пустой горѣ, а внизу текла рѣка съ зелеными мелями и лысинами. Кое гдѣ изъ воды торчалъ рядъ кольевъ для рыбной ловли, точно поломанные зубы какой-нибудь громадной твари. На другой сторонѣ виднѣлся желтый пригорокъ и деревня; а правѣе деревни, вда-

лекѣ, надъ кущей деревьевъ, возвышалась остроконечная соломенная крыша съ низкой трубой на самомъ верху: это была крыша стекляннаго завода.

Оказалось, что провизіи на Столбахъ доставать рѣшительно неоткуда. Мясники не ѣздили, о булкахъ и говорить нечего. Первая Текла Павловна начала вслухъ высказывать свое недовольство.

— Что-же это такое? разсуждала она. Ни мяса, ни хлѣба, картофелю даже нѣтъ! А управляющій этотъ, Анкундимъ (тоже управляющій! Прямо себѣ мужикъ!) говоритъ, вы, говоритъ, ничего не достанете по деревнямъ. Развѣ, говоритъ, на заводъ съѣздите. Тамъ лавка есть. Можетъ и достанете чего.

— А самъ-то онъ какже? робко замѣчаетъ барыня.

— А ему чего! Живетъ себѣ на мызѣ, тамъ коровы, телята... Хорошо еще, молоко намъ оттуда даютъ. А скоро, говорятъ, и молока не станутъ давать.

— Такъ надо бы, Текла Павловна, на заводъ...

Главная черта характера Теклы Павловны—была полная безнадежность. Она никогда не вѣрила, что какое нибудь дѣло хорошо кончится, что нибудь удастся. Стоило члену семьи запоздать на прогулкѣ—она съ полной увѣренностью говорила, что онъ либо утонулъ, либо его задавили, ограбили... Сны она видѣла самые дурные, предвѣщавшіе смерть и всякія несчастія.

Текла Павловна совершенно не вѣрила въ стеклянный заводъ и не видѣла возможности туда попасть.

— Кто же это поѣдетъ черезъ озеро? возразила она съ негодованіемъ.—Да я первая не поѣду. Пусть самъ Анкундимъ и ѣдетъ.

— Мы перевеземъ, отозвались студенты.—На берегу яликъ есть, вверхъ дномъ лежитъ. Спросить надо управляющаго, гдѣ весла.

Студенты отправились на мызу и вернулись въ недоумѣніи.

Анкундимъ объяснилъ имъ, что на яликѣ теперь ѣхать нельзя, вода спала и отъ берега нужно итти сажени три по колѣно въ водѣ и яликъ нести, пока дойдешь до глубокаго мѣста.

— Тамъ пристать можно, а отъѣхать на яликѣ никакъ нельзя. У насъ берегъ низкій.

— Какъ-же вы на ту сторону ѣздите?

— А на ботикѣ. Лопатой гребемъ. Теперь вода очень спала.

Ботикомъ назывался выдолбленный стволъ толстаго дерева, мелкій и шаткій, какъ щепка. Ѣхать можно было въ крайнемъ случаѣ двумъ, причемъ одинъ, стоя сзади, гребъ лопатой.

Студенты не рѣшились отправиться на ботикѣ. Требовался большой навыкъ. Въ воскресенье Анкундимъ обѣщалъ дать работника.

III.

Текла Павловна, внѣ себя, пришла на кухню. Надо было самой посмотрѣть пироги. Лукерья ничего не умѣла.

— Въ воскресенье! волновалась Текла Павловна.—Жди до воскресенья! А у насъ ни картофелю, ни

капусты, ни керосину! Да и не дастъ онъ въ воскресенье никакого работника!

— Что это, Текла Павловна? спросила любопытная Оля.

Она была хорошенькая петербургская горничнея, затянутая въ корсетъ и скучавшая здѣсь не меньше своей барышни, Лили.

Текла Павловна принялась жаловаться.

— А что вы думаете? сказала вдругъ Луша, доставая противень изъ духовой. У насъ Дунька ботикомъ править умѣетъ. Около ихней деревни озеро есть.

Всѣ посмотрѣти на Дуню.

Она сидѣла на порогѣ открытой двери и толкла сахаръ.

— Правда что-ли, Дуня? Ѣздила на ботикѣ?

— Ѣздила. Я могу.

Дуня совсѣмъ не шевелила губами, когда говорила, а потому слова ея были невнятны. Полное лицо ея съ тупымъ носомъ и свѣтлыми глазами напоминало невыразительныя лица нѣкоторыхъ статуй. Ротъ она никогда не закрывала, точно верхняя губа была слишкомъ коротка. Одѣвалась въ деревенскія платья съ лифчикомъ, но онѣ не портили ея широкую фигуру. Когда Дуня шла босая мимо буфета, посуда звенѣла и дерево трещало.

— Да вретъ она все, деревенщина, проговорила Текла Павловна,

Дуня ничего не отвѣтила и продолжала толочь сахаръ.

— Не вретъ, вступилась Луша.—Она умѣетъ. Я хоть сама съ ней поѣду.

— Поѣдете вы, какже! Вотъ попробуйте-ка, утоните-ка!

— Зачѣмъ утопать. Я могу на ботикѣ,—мѣрно проговорила Дуня, не шевеля губами.

Рѣшено было попробовать и отправить Дуню съ Лушей въ заводскую лавку.

— Ишь ты какая умѣлая, сказала Оля.—Никто и не зналъ. Даромъ, что изъ лѣсу.

Дуню только два мѣсяца тому назадъ привезла къ Назаровой тетка ея изъ глухой деревни, которая была недалеко отъ ея собственнаго захолустнаго имѣнія, въ Тверской губерніи. Назарова давно хотѣла нанять деревенскую дѣвушку.

Дуня была ко всему равнодушна, говорила мало и непонятно, молча работала, сохраняя почти веселый видъ.

— Дуня, ты какой губерніи? приставала къ ней Оля.

— А я не знаю.

— Эка ты! А какъ царя зовутъ?

— Да не знаю.

— А Троица святая гдѣ?

— Какая Троица? На Троицу дѣвки вѣнки...

— А звать тебя какъ?

— Звать Авдотьей.

— Слава Богу, это хоть знаешь. Что у васъ всѣ такіе-то?

— Какіе?

— Да ничего не знаютъ ни царя, ни Бога?

— А откуда что знать? Церква далеко. Школа далеко. Бабы всѣ такія.

— Ну а мужчины?

— Мужики? Мужики похитрѣе.

— Откуда-жъ мужики знаютъ?

— Они въ волость ходятъ. Имъ подать. Ихнее дѣло не бабье.

Дуня устала отъ длиннаго разговора. Однако, Оля и Луша не унимались.

— А что, Дунька, у тебя женихъ есть?

Дуня удивленно взглянула.

— Да я-жъ въ услуженіи. Я замужъ теперь не пойду.

— Отчего такъ?

— Воля. Дѣвка—что хошь, то и дѣлаешь. А баба—другое.

— А парни у васъ на деревнѣ есть?

— Есть.

— Что-жь, тебѣ не нравились?

— Ничего. Дѣвкѣ—воля. Вотъ баба—другое.

— Чудная ты, Дунька. Никакого у васъ понятія ни о чемъ нѣтъ. Люди тоже называются. Сторона-то глухая у васъ.

— Что-жь, что глухая?

Оля не нашлась отвѣтить.

IV.

Солнце стояло еще высоко, было душно, когда къ пристани стекляннаго завода причалилъ ботикъ. Имъ управляла Дуня, стоя съ лопатой на одномъ концѣ. Внутри, держась обѣими руками за борты, сидѣла Луша.

У пристани пыхтѣлъ грузовой пароходикъ «Альбертъ». Онъ только-что притащилъ четыре пустыя барки со станціи. На берегу валялись рогожи, мусоръ и кучи битаго стекла. Рабочіе кричали и бранились.

— Дяденька, куда намъ въ лавку пройти? робко спросила Луша.

— Прямо идите.

Луша и Дуня отправились по дорогѣ въ гору. Дорога была хорошая, съ двумя канавками, съ густыми деревьями по обѣимъ сторонамъ.

Заводъ оказался цѣлымъ небольшимъ поселкомъ. Домики, домики, около даже доски положены, вродѣ тротуара. Приближаясь къ главному зданію, Дуня и Луша услыхали пронзительный свистокъ. Было четыре часа, рабочимъ полагался отдыхъ и чай.

Главное зданіе—большой черный деревянный сарай съ соломенной крышей—смотрѣло непривѣтливо. Внутри было темно, жарко, только бѣгали красные отсвѣты отъ пылающихъ печей, на полу валялись осколки и брызги стекла, люди въ высокихъ деревянныхъ башмакахъ суетились и что-то кричали. Едва-едва Луша добилась, чтобы ей показали лавку.

Въ лавкѣ были пуговицы, чай, сапоги, колбаса, замки, марки и капуста. Только все оказалось втридорога и въ самой лавкѣ сильно пахло мышами. Толстая сердитая нѣмка и говорить съ Лушей не стала, когда та вздумала торговаться.

Пока отмѣривали и отвѣшивали, въ лавку во-

шелъ рабочій, одѣтый чисто, въ синей рубахѣ съ кушакомъ.

— Копченой на пятачокъ, сказалъ онъ, подавая книжку.

— На пять нельзя, на десять можно, сказала нѣмка, записала что-то въ книжку и отпустила товаръ.

Рабочій взялъ, но не уходилъ.

— Чего-жъ ты, Филиппъ? сказала нѣмка.

— Вотъ на красавицъ еще погляжу.

— Очень вамъ благодарны, отвѣтила бойкая Луша.—А только не стоитъ глядѣть.

— Нельзя-ли по имени-отчеству узнать? Откуда, съ какой стороны?

— Меня Лукерья Аѳанасьевна, а это—Авдотья, сказала Луша.—Мы не изъ далека. Мы на Столбахъ живемъ.

— А, на Столбахъ! Ну, сосѣди значитъ! Еще увидимся. Прощенья просимъ.

Онъ улыбнулся и вышелъ.

— Что, каковъ, красивый? сказала нѣмка, которая стала добрѣе.

— Очень хорошенькій! съ убѣжденіемъ проговорила Луша.—Кто такой?

— Филиппъ, подмастерье, въ шлифовной работаетъ. Хорошо зарабатываетъ, только пьетъ. А такой недурной.

У Филиппа были—что не часто между крестьянами—совершенно черные волосы. Сзади они вились правильными, блестящими кудрями. Небольшая борода и усы, здоровый цвѣтъ лица и пріятные свѣтлые глаза—все было въ немъ привлекательно.

— Дуня, тебѣ Филиппъ понравился? говорила Луша, когда онѣ ѣхали назадъ на ботикѣ съ мукой, крупой и другими припасами.

— Ничего.

— Ничего! Эка разиня! Съ медвѣдями росла! Не видитъ—не слышитъ!

— Нѣтъ, онъ ничего. Онъ мнѣ понравился, настойчиво произнесла Дуня.

V.

Окна комнаты Лили выходили на маленькій балкончикъ, совсѣмъ отдѣльный.

Какая скука, Господи, какая скука! Лили къ тому-же рѣшила проучивать маму и тетю. Коли одиночество—такъ одиночество. Не гулять-же съ мальчишками и съ ихъ сенбернаромъ, не заниматься же физикой съ братьями-студентами?

И цѣлые дни Лили сидѣла на своемъ балконѣ, на низкомъ плетеномъ стулѣ, положивъ ножки на табуретъ.

Лили смотрѣла на свои ажурные чулки, изящныя красныя туфельки и думала о томъ, что ей даже читать нечего, и единственное занятіе—смотрѣть на красныя туфельки. Впрочемъ отъ времени до времени Лили взглядываетъ и въ открытое окно своей спальни, гдѣ Дуня убираетъ. Дуня сердитъ Лили. И гдѣ это Оля? А Дуня вѣчно одѣяло постелетъ наизнанку, а то еще уляжется на постель и спитъ. Ее нѣсколько разъ заставали спящую. Это была истинная правда. Дунѣ казалось, что въ жизни есть двѣ радости: сонъ и ѣда.

Остальное время надо употреблять для достиженія этихъ радостей.

Дуня часто улыбалась про себя при мысли, что придетъ вечеръ и она ляжетъ спать. Когда ей казалось, что никто не узнаетъ и никто поэтому ее бранить не станетъ—она рѣшалась ложиться днемъ на барскія кровати. Она понимала, что худо, когда бранятъ, но не понимала, худо-ли слать на кровати само по себѣ.

Сразу у Дуни никакъ не могло быть больше одной мысли, или много-много двухъ. Когда она видѣла постель—думала о снѣ; видѣла чьи-нибудь слезы—понимала, что его бранили или обидѣли; видѣла вкусное—хотѣлось съѣсть; но въ послѣднее время стала думать, какъ-бы никто ничего не зналъ и не видѣлъ. Тогда все можно.

Лили, услышавъ подозрительный звукъ бумаги, стремительно вскочила и вбѣжала въ комнату. Дуня стояла передъ коробкой шеколада отъ Крафта и преспокойно откусывала отъ каждой конфетки по маленькому кусочку.

— Что ты дѣлаешь? закричала Лили.—Мой шеколадъ отъ Крафта! А, теперь я знаю! Вотъ куда дѣвались двѣ тягучки у меня со стола! Такъ ты еще и воровка! Вотъ это мило!

Дуня молчала какъ пень и смотрѣла въ землю.

— Ты не думай! Я мамѣ разскажу и тебя выгонятъ! кипятилась Лили. Потомъ, пристально взглянувъ на молчавшую Дуню, она подумала: «можетъ быть... ces gens là... они не имѣютъ и понятія о нравственности... Ей можно-бы внушить...»

— Дуня, сказала она, сдерживаясь.—Ты пони-

маешь, что ты воровка, что это чужое, что воровать дурно? Большой грѣхъ брать чужое, понимаешь? И вообще нехорошо... и... (тутъ Лили запнулась) и Богъ не велѣлъ воровать. Ты знаешь заповѣди?

— Не знаю, промямлила Дуня.

— Хочешь, я тебя буду учить? въ порывѣ великодушія воскликнула Лили.—Ты тогда узнаешь, какъ это дурно, и если-бъ даже никто не видалъ, все таки дурно...

Именно этого-то Дуня и не понимала. И на лицѣ ея такъ ясно выразилось непониманіе, что Лили невольно перемѣнила тонъ и прибавила:

— Теперь иди. Помни, что я тебѣ говорила. Если еще увижу—мамѣ скажу и тебя прогонятъ. Слышишь?

Дуня пошла по балкону въ кухню, тяжело ступая босыми ногами.

VI.

Въ кухнѣ сидѣлъ сотскій.

Текла Павловна не особенно любила его за балагурство. Однако чаемъ его поила.

Онъ былъ богатый мужикъ изъ сосѣдней деревни. Пожилой, крѣпкій, сильно бѣлокурые волосы въ кольцахъ, глаза голубые — онъ еще казался молодцемъ. Мѣсяца три тому назадъ овдовѣлъ и ужъ подумывалъ о новой женитьбѣ— дѣтей больно много въ дому, не справиться.

Оля и Луша до упаду хохотали его шуткамъ.

— Сотскій, правда, что тебя становой въ уѣздномъ городѣ знаетъ? спрашивали дѣвушки.

— Меня-то? Со мной становой знакомъ лично. Онъ со мной за руку здоровается. Моя должность такая. А вы, вотъ, красавицы, изъ низкаго сословія...

— Да, какже! Почище тебя! И какая такая твоя должность?

— А вы не знаете? Попросту сказать—фискалъ. Случится кража или убійство—я сейчасъ подъ дверями, подъ окнами долженъ подслушивать, что говорятъ. Ну и найду, кто виноватъ. А ужъ особенно я насчетъ младенцевъ люблю. И сколько я на своемъ вѣку этихъ младенцевъ доказалъ!

— Это что-же такое?

— А вотъ дѣвка ежели родитъ, положимъ, а младенца своего — тряпку въ ротъ, да въ подвалъ. Такъ мы эту дѣвку непремѣнно накроемъ. Тамъ ужъ ей дорожка прямая.

— Ужасы какіе вы говорите! жеманясь сказала Оля.—А воспитательный-то на что?

— Ну, нынче въ воспитательный не очень навозишь. Этимъ лѣтомъ двоихъ дѣтей возили и назадъ привезли. Двадцать пять рублей давай—тогда примутъ. По зимѣ хоть 10 было, а теперь 25. Ну, не у всякой тоже есть. Эхъ, дѣти, дѣти! Что мнѣ съ моими дѣлать! Вотъ жениться хочу.

— А взяли-бы меня? лукаво замѣтила Оля.

— Тебя? Бѣлоручку-то? Ну нѣтъ, и даромъ не надо. Вотъ кого возьму! закричалъ онъ, увидавъ вошедшую Дуню.—Вотъ красавица-то, лучше всѣхъ васъ, бѣлѣе да румянѣе! Дунюшка свѣтъ, пойдешь за меня?

Сотскій даже со стула вскочилъ и подлетѣлъ къ

Дунѣ. Въ это время дверь отворилась и на порогѣ показался Филиппъ.

— Здравствуйте, сказалъ онъ.—Чай да сахаръ.

— Милости просимъ, отвѣчали ему дѣвушки.

— За кого это ты сватался, старикъ? спросилъ Филиппъ.

— А тебѣ-то что? Твоего не тронемъ. И получше твоего найдемъ, произнесъ сотскій, подмигивая. Мы вотъ Дунюшку-красу за себя взять хотимъ.

Онъ попытался обнять Дуню, но она неожиданно вырвалась и оттолкнула сотскаго. Всѣ захохотали.

— Нечего, сказала Дуня.—Только зубы скалить. Эдакого стараго я и слушать не хочу. Я замужъ не пойду.

— Ай-да Дуня, молодецъ! сказалъ Филиппъ. — Вотъ люблю!

Дуня посмотрѣла сердито и вышла на крыльцо.

Филиппъ тоже сталъ прощаться. Онъ былъ на мызѣ и зашелъ мимоходомъ. У него и ботикъ на берегу.

На крыльцѣ онъ встрѣтилъ Дуню.

— Когда на заводъ къ намъ пріѣдете? спросилъ онъ немного измѣнившимся голосомъ, и свѣтлые глаза его стали свѣтлѣе и ласковѣе.

— Не знаю... Можетъ пріѣдемъ.

— То-то... Или мнѣ, что-ль, въ гости побывать? А, Дунюшка?

— Побывай, ничего... Побывай, сказала Дуня и вдругъ улыбнулась.

Онъ, надвинувъ картузъ, пошелъ къ рѣкѣ. Дуня не посмотрѣла ему вслѣдъ.

VII.

Филиппъ, когда не пилъ, очень много думалъ. Иногда онъ отъ мыслей и запивалъ. Мысли были его горе. Войдетъ что-нибудь въ голову, онъ и самъ не радъ, а отвязаться не можетъ. Онъ былъ убѣжденъ, что мысли его погубили. Жилъ съ женой хорошо—да сталъ думать, зачѣмъ ихъ повѣнчали, зачѣмъ они вмѣстѣ живутъ, когда настоящей любви между ними нѣту. И зачѣмъ непремѣнно жениться нужно, когда холостому лучше жить? Ушелъ на фабрику, жена умерла. На фабрикѣ Филиппу хорошо, можетъ онъ и самъ-бы мастеромъ въ шлифовной сдѣлался, отъ себя бы подмастерьевъ и дѣвушекъ держалъ, да и тутъ мысли ему мѣшаютъ. Иной разъ просто пустяки въ голову придутъ, а ничего не подѣлаешь. Филиппъ до сихъ поръ помнитъ, какъ онъ два дня думалъ, отчего говорятъ стеклянный *заводъ*—и ситцевая *фабрика*, и бумажная *фабрика*, а сахарный опять *заводъ*—и ужъ тутъ не ошибешься, а отчего такъ — неизвѣстно. Филиппъ еще мальчишкой долго въ школѣ учился, грамотѣ зналъ хорошо, бывалъ и въ городѣ—однако нигдѣ про это ему не говорили. Спрашивалъ онъ барина, дачника—тотъ помялся, помялся—однако не могъ сказать. Филиппъ въ село поѣхалъ, батюшкѣ покаялся—тотъ велѣлъ Богу молиться. Можетъ, де, Господь и откроетъ, если ему, Филиппу, знать это суждено. Филиппъ не выдержалъ — запилъ. Цѣлую недѣлю послѣ этого пилъ.

Наташку Филиппъ не любилъ, а она сама какъ-то ему навязалась. Вначалѣ она ему нравилась. Высокая, худая, смуглая, носъ тонкій, лицо строгое. Она въ шлифовной рядомъ съ нимъ работала.

Онъ ее не обижалъ, дарилъ ей много и денегъ давалъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Филиппъ увидалъ Дуню и она вошла въ его сердце — Наташа ему совсѣмъ не мила стала.

— И вѣдь вотъ, неизъяснимо какъ! думалъ Филиппъ, идя въ шлифовную однажды раннимъ утромъ. — Чѣмъ она меня, Дуня эта, взяла? И слова-то путемъ сказать не умѣетъ, изъ какой стороны глухой, къ мѣсту нашему не подходящая—а вѣдь взяла всего какъ есть, только о ней и думаю, только увидать-бы... Эхъ!

Шлифовная была большая четыреугольная зала съ окнами кругомъ. Вдоль стѣнъ стояли ящики и сосуды съ пескомъ, вертѣлись круглые маленькіе жернова, называемые здѣсь «шайбами». Были тутъ и станки—на нихъ работали мастера и подмастерья, втачивали стеклянныя пробки въ горлышки графиновъ и банокъ, обрѣзали рюмки... Рюмки, сложенныя въ корзины, которыя то и дѣло таскали мальчишки, еще не походили на рюмки: онѣ были безъ отверстія наверху и кончались закругленіемъ, точно яйцо.

Дѣвушкамъ давали работу попроще, стояли онѣ по три, потому что каждая вещь должна была пройти три «шайбы». Новенькихъ ставили на чугунную шайбу. Шлифуетъ дѣвушка дно у стакана на чугунной шайбѣ, поливаетъ ее водой

съ пескомъ: и дно станетъ бѣлое. Передастъ другой, на каменную шайбу—и дно станетъ только мутное; послѣдняя шайба—деревянная—донышко сдѣлается чистое и свѣтлое.

Наташа стояла на деревянной шайбѣ. Она была понятлива, но дѣло сегодня не спорилось. Филиппъ работалъ недалеко отъ нея. И онъ задумался. Испортилъ двѣ пробки, пролилъ воду. Мастеръ на него сталъ косо поглядывать.

Никто не разговариваетъ. Лица, особенно у женщинъ, блѣдныя и равнодушно-больныя. Лужи воды текутъ и стоятъ на полу. Слышенъ звонъ разбиваемой посуды, визгъ стекла и шумъ вертящихся колесъ. Хлопаютъ двери. Это мальчишки приносятъ корзины со стекломъ и уносятъ готовое. И опять визгъ и бульканье воды, опять, безъ конца...

Слава Богу, свистокъ! Двѣнадцать часовъ. Всѣ бросили работу, только мастеръ сердито кончаетъ стаканъ. Ему платятъ поштучно.

Въ темныхъ сѣнцахъ Наташа остановила Филиппа.

— Чего тебѣ? отозвался онъ сурово.—Проходи-ка, мнѣ время нѣту. Штрафныя двѣ пробки послѣ обѣда втачивать буду.

— Сейчасъ, сейчасъ, Филя, я только тебѣ сказать хотѣла... Давеча Мирошка Анкудимовъ опять прибѣгалъ на мызу, къ управляющему въ работницы зовутъ... Такъ какъ скажешь, итти, али нѣтъ? Мать говоритъ: иди... Отъ фабричной работы отдохну, а то здоровье-то мое какое... По осени, коли придется, можно опять въ шлифовню пос-

тупить... А? Филиппъ?—Она держалась за рукавъ его рубахи и смотрѣла робкими глазами.

— Чтожъ? Иди, сказалъ усмѣхаясь Филиппъ. Но усмѣшка у него вышла невеселая.—Иди, я въ гости побываю, на этой-же недѣлѣ, коли случится...

Наташа вдругъ закрылась фартукомъ, прислонилась головой къ стѣнѣ и громко зарыдала.

Филиппъ совсѣмъ нахмурился.

— Это еще что? Чего ты?

— Знаю я... знаю... я-ли тебя не любила... теперь ужъ не то пошло... не ко мнѣ ты на ту сторону поѣдешь... Люди-то говорятъ тоже... а я на мызу пойду, пойду... сама увижу...

Филиппъ схватилъ Наташу и съ силой повернулъ ее отъ стѣны. Наташа сразу умолкла.

— Такъ вотъ какъ, сказалъ онъ тихо, почти шепотомъ.—Ты за мной подглядывать идешь... Иди. Только мало ты Филиппа знаешь. Силкомъ его не возьмешь.

Онъ оттолкнулъ дѣвушку и вышелъ вонъ.

VIII.

Уже цѣлый часъ сидитъ Филиппъ въ кухнѣ, шутитъ съ Олей и Лушей, а Дуни еще не видалъ. Филиппъ пріодѣлся, у него клѣтчатый жилетъ и визитка открытая. Въ рубахѣ онъ ходитъ только на заводѣ.

Наконецъ стало смеркаться.

— Пора веселой компаніи пожелать пріятныхъ сновъ, сказалъ Филиппъ, вставая и безпокойно

оглядываясь вокругъ. — А нельзя ли узнать, гдѣ скрывалась Авдотья Лукинишна?

— Знаемъ, знаемъ, по комъ сердце болитъ! засмѣялась Оля.—И весьма вкусу вашему удивляемся. Конечно, кому нравится необразованность...

— Мой вкусъ при мнѣ и останется, Ольга Даниловна. Напрасно вы себя безпокоите, съ нами, мужиками, разговариваете...

— Скажите пожалуйста!

Оля обидѣлась.

Луша была добрѣе и сказала Филиппу:

— А ты пойди правой дорожкой къ рѣкѣ, тамъ Дунька бѣлье полоскаетъ. Эка лѣнивая, до сей поры кончить не можетъ!

Филиппъ встрѣтилъ Дуню у самаго берега, она возвращалась домой съ кучей мокраго бѣлья на плечѣ. Изъ подъ розоваго платья виднѣлись крѣпкія босыя ноги. Голова была не покрыта.

Филиппъ сразу почувствовалъ, какъ у него дыханье захватило отъ радости—и удивился. Никогда съ нимъ этого не было.

— Дунюшка, сердце мое, тихимъ голосомъ началъ Филиппъ.—Я къ тебѣ шелъ. Какъ ты мнѣ мила, родная, я и разсказать не могу. Вотъ какъ передъ Богомъ—ни жену, никого такъ не любилъ. И словечка еще съ тобой не сказалъ, а ужъ душу тебѣ отдалъ... Дуня, а ты, скажи? Не противенъ я тебѣ? Полюби меня, радость!

— Я ничего, сказала Дуня и улыбнулась.—Я тебя не манила. Ты самъ ко мнѣ льнешь.

— Дуня, хочешь гостинцевъ? Я тебѣ завтра изъ лавки всего навезу. А вотъ тебѣ пока рубль

денегъ, можетъ быть пригодится на что-нибудь. Хоть брось да возьми, писанная моя красавица! Приходи завтра въ это-же время сюда, подъ липки. Придешь? А, Дуня?

— Чего не притти? Приду. Ты ласковый да пригожій. Ты меня не обидишь. Гостинцевъ-то привези.

— Привезу, привезу!

Онъ, радостный, крѣпко обнялъ Дуню, но не поцѣловалъ, и бѣгомъ спустился къ рѣкѣ, гдѣ стоялъ его ботикъ.

Дуня, какъ только вошла въ кухню, первымъ долгомъ объявила, заговоривъ отъ волненія совсѣмъ по-деревенски:

— А дѣвоньки, послушь-ка, что я скажу: Филиппъ то мнѣ встрѣтился, рубль денегъ далъ!

— Ну, что ты? Покажи!

Дуня показала.

— Ишь ты, подцѣпила молодца! Смотри, однако, ухо востро держи. Вотъ дурамъ-то счастье! Господа бы только не узнали.

— Не узнаютъ, равнодушно проговорила Дуня.

— Дуня, а Дуня! нѣжнымъ голосомъ начала Ольга.—Дай-ка ты мнѣ этотъ рубль. На что онъ тебѣ? А я завтра необходимо должна рубль денегъ Андрею въ Петербургъ послать. Дай, Дуня!

— Возьми.

Дуня сказала это просто и даже удивленно: она не понимала, почему Оля такъ умоляетъ; коли нужно—такъ пусть себѣ и беретъ.

IX.

Въ серединѣ августа, послѣ дождей, наступили холодные, ясные дни. Особенно холодно бывало ночью. Ни вѣтерка, порѣдѣвшія деревья стоятъ, опустивъ листья, круглая луна равнодушно смотритъ сь морознаго неба. Бѣлыя, мертвыя пятна лежатъ на лугу и по стѣнамъ ветхаго дома. Стекла оконъ тускло мерцаютъ. И кажется, что эта не добрая, мертвая природа—не дѣйствительность, а сонъ, холодный кошмаръ. Надо уйти въ комнаты, зажечь свѣчи и крѣпко закрыть занавѣси, чтобы не проникнули злыя очи луны. Богъ съ ней, съ природой, въ такое время! Не другъ она человѣку.

Въ кухнѣ ужинали и собирались ложиться спать. Дунька дремала съ ложкой въ рукахъ. Говорили о томъ, что скоро и въ городъ ѣхать, что сначала отправятъ старую барыню съ Теклой Павловной и мальчиковъ, а потомъ ужъ и всѣ двинутся.

Кто-то постучалъ въ окно.

Луша встала и подошла ближе.

— Кто тамъ? Что нужно?

— Это я... раздался женскій голосъ за окномъ. Вышлите мнѣ пожалуйста Авдотью. Мнѣ надо ей слова два сказать... Я не войду, некогда...

— Ну-ка, просыпайся, Дунька! сказала Луша, смѣясь.—Иди Варвара на расправу. Это вѣдь Филькина Наташка. Она въ работницахъ на мызѣ. Развѣ ты ее не видала? Она сюда приходила.

— Нѣтъ, я видала... протянула Дуня.

— Иди-ка теперь, что она тебѣ говорить будетъ. Иди, не бойся.

— Да я не боюсь. Чего ей меня обижать? Она, чай, не барыня.

У Дуни было твердое убѣжденіе, что «обидѣть» могутъ только господа, а свой братъ, простой человѣкъ, что бы ни сдѣлалъ—ничего. Не страшно.

На крыльцѣ, бѣломъ и тускломъ отъ луны, сидѣла Наташа, закутанная въ большой платокъ. Лицо ея казалось еще худѣе и чернѣе въ тѣни этого платка, надвинутаго на лобъ.

Дуня вышла даже не покрывшись.

— Здравствуй.

— Здравствуй, сказала Наташа.

И помолчавъ прибавила:

— Ты присядь-ка, дѣвушка, здѣсь. Послушай, что я тебѣ говорить стану.

Наташа хотѣла казаться спокойной.

Дуня присѣла на верхнюю ступеньку.

— Ты Фильку знаешь? проговорила Наташа шопотомъ, наклоняясь къ ней.

И неожиданно для себя заплакала.

Дуня молчала.

— Дуня, чѣмъ ты его приманила? говорила Наташа, немного успокоившись.—Развѣ онъ тебѣ подъ стать? Разсуди ты сама. Брось ты это дѣло, Дуня. Мѣсто ваше глухое, народъ вонъ какой сѣрый. Развѣ ты это понимаешь, чтобы любить кого-нибудь? У васъ этого и понятія нѣтъ. Оно—кто его знаетъ—можетъ быть и лучше, только у насъ-то не такъ. Сторона—сама видишь, заводская, городъ не далеко, у насъ такой обычай, что

коли я люблю кого—такъ ужь и буду любить. Извела ты меня, Дуня. Самая я несчастная изъ-за тебя. Непонятный онъ, Филька, человѣкъ. Брось. Развѣ ты ему подходящая? Брось ты его, Дунюшка, родная.

— Жалко...

— Что тебѣ жалко? Кого жалко? Гостинцевъ, что-ли, жалко?

— Его самого жалко.. Убиваться станетъ.

— А меня не жалко? Я какъ щепка высохла. Вѣдь онъ, Филиппъ-то, какъ меня, бывало, наряжалъ! Отцу-матери одежду пошилъ, мнѣ двѣ подушки пуховыя, перину, одѣяло ватное справилъ... Да ужь не надо-бы и одѣяла ватнаго, только бы онъ на меня хоть разокъ посмотрѣлъ. Онъ за тобой и въ Питеръ потянется, коли ты его здѣсь не бросишь. Ты его не знаешь, Филиппа, какой онъ непонятный человѣкъ. А я его знаю. Онъ все конца ищетъ, во всемъ, во всякомъ дѣлѣ, во всякой мысли добраться хочетъ до послѣдняго. У насъ рѣзчики есть на заводѣ, отъ руки рѣжутъ вензеля, да цвѣты, и онъ хорошимъ рѣзчикомъ былъ—такъ нѣтъ, это ему мало: почему не могу всякую картину вырѣзать, и людей, и все... а только буквы да листья... Коли рѣзать—такъ чтобы все умѣть. А гдѣ-же дойти? Это учиться надо. Ну и запечалился, да какъ! Пить сталъ. Пробки втачиваетъ теперь черезъ силу. Ну вотъ и съ тобой также: полюбилъ тебя—и все будетъ больше да больше любить, пока ужь и любви въ немъ не останется... Такой онъ человѣкъ, Филиппъ этотъ! Дунюшка, Дуня! На тебя

одну моя надежда. Больная я, вся теперь оборванная, ни чулокъ у меня, ни платчишка. Да и сердце все по немъ болитъ. Можетъ онъ опять ко мнѣ... ежели ты-то, Дуня... ежели скажешь...

Она опять заплакала, плакала долго, всхлипывая. Дуня словно что-то соображала.

Потомъ тронула Наташу за плечо и сказала:

— Полно-ка. Не убивайся. Ничего. Я его не манила. Онъ самъ. А мнѣ что? Мнѣ пожалуй какъ хочешь... Завтра у насъ стирка. А потомъ поутру я къ тебѣ на мызу буду. Ладно? Тамъ уговоримся... Не плачь.

X.

Дуня прибѣжала на мызу рано и вызвала Наташу къ ригѣ.

— Вотъ тебѣ, сказала она, подавая ей узелокъ.

— Что это ты принесла?

— А тебѣ. Тутъ пара чулокъ барышниныхъ, да наволочка, да два полотенца. Не узнаютъ. Я скажу—полоскала, такъ въ рѣку упустила. У нихъ чулокъ этихъ—страсть! Въ годъ не переносишь. А тебѣ надо.

— Какъ-же такъ? нерѣшительно проговорила Наташа.—Вѣдь это негодится. Какъ-же я возьму?

— Да вѣдь не узнаютъ-же, сказала Дуня убѣжденно.—Носи. Вотъ еще платокъ красный шелковый, отъ молодого барина. Ты Филиппу подари. Я сама хотѣла—да ужь пусть лучше ты. Можетъ онъ къ тебѣ.

— Ладно, Дунюшка, заговорила обрадованная Наташа,—я подарю, спасибо тебѣ. А только если

Филиппъ къ тебѣ нынче придетъ, ты его неласково прими. Много, васъ, молъ, такихъ-то шляется, скажи.—Не сиди съ нимъ. Дуня, я тебѣ вѣкъ не забуду.

Когда Филиппъ явился вечеромъ, Дуня вошла на минуту съ самоваромъ и не поглядѣла на него.

— Мое почтеніе, сказалъ Филиппъ.

— Много васъ такихъ-то шляется, проговорила Дуня, какъ заученный урокъ и поскорѣе вышла.

— Это что-же значитъ-съ? и Филиппъ большими глазами, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Ольгу и Лушу.

— А должно быть всему конецъ бываетъ, злорадно отозвалась Ольга.—Намъ, впрочемъ, ничего неизвѣстно.

XI.

Шумъ, сборы, суета.

Пьютъ чай, закусываютъ, не смотря на ранній часъ—слѣпую бабушку нарядили въ мантилью и чепецъ, мальчики опять держатъ на цѣпи своего сенбернара, Текла Павловна внѣ себя и увѣряетъ, что ничего изъ этого не будетъ, на пристань поспѣть нельзя, да и пароходъ, чего добраго, не пойдетъ.

Но пароходъ свиститъ.

Пора итти.

— Это-же это такое? вопитъ Текла Павловна.—Я должна и бабушку вести, и за мальчиками смотрѣть, и вещи сдавать? Я не могу. Я рѣшительно отказываюсь. Это не въ моихъ силахъ.

— Что-же вы раньше не говорили, Текла Павловна? сердится барыня.—Ну, берите Дуньку... кого хотите.

— Давайте Дуньку! Давайте Дуньку! Да скорѣе чтобъ собиралась! Пусть большой платокъ накинетъ, скарбъ ея послѣ привезутъ.

Дуньку въ мигъ собрали. Она уѣхала совершенно неожиданно.

— Что, кланяться Филиппу? спросила ее Луша на крыльцѣ.

— Кланяйся... А то нѣ, не надо... Наташкѣ кланяйся, прибавила Дунька, оживившись на минуту.

Филиппъ пришелъ въ тотъ-же вечеръ, принесъ съ собой какой-то узелокъ.

— А Дуня-то уѣхала, прости-прощай! объявила Луша.

— Куда уѣхала? спросилъ Филиппъ, блѣднѣя.

— Въ Питеръ, нынче утромъ. И кланяться не велѣла. Такъ и сказала «не надо». Наташкѣ, говоритъ, кланяйся, а Филиппу не надо.

— Не надо—сказала? машинально повторилъ Филиппъ.—Лицо его сразу осунулось, поблѣднѣло желтоватой блѣдностью. — Ну, не надо — такъ что-жъ... Такъ тому и быть.

Онъ повернулся и пошелъ.

— Куда ты, парень? Вотъ, узелокъ забылъ.

Филиппъ пріостановился, безсмысленно взглянулъ на Лушу, махнулъ рукой и пошелъ дальше.

Въ узелкѣ оказались леденцы, полфунта пряниковъ и три аршина голубого ситцу.

XII.

Пришла осень. Дни стояли чистые, желтые, прозрачные, небо казалось блѣднымъ и прохладнымъ, пахло гарью и лѣсной паутиной, золотые листья падали тихо, безъ шума.

Даже потеплѣло.

Дачники оставались на Столбахъ послѣдніе дни. Лили была весела, вѣроятно въ ожиданіи скораго отъѣзда, гуляла и даже играла въ крокетъ на площадкѣ передъ балкономъ.

Партіи случались интересныя. Играли студенты и даже «тетя», какъ называла Лили m-me Каминскую.

Но сегодня почему-то всѣ играли дурно. Студенты не прошли средняго креста впередъ; Лили обыкновенно первая приводила свой шаръ къ палкѣ и на правахъ «разбойника» крокировала всѣ шары; но теперь и она запоздала—ей не давали пройти послѣднихъ воротъ.

Порѣдѣвшіе кусты на берегу позволяли видѣть далеко рѣку и озеро. Труба стекляннаго завода слабо дымилась.

Вдругъ зоркіе глаза Лили замѣтили узенькій ботъ, медленно подвигавшійся отъ завода вдоль по рѣкѣ. На ботикѣ стоялъ бѣлый досчатый гробъ.

— Посмотрите, посмотрите, гробы возятъ! взволновалась Лили. Можетъ болѣзнь какая-нибудь на заводѣ! Узнать-бы?

— Въ самомъ дѣлѣ, гробъ, согласились студенты.

Лили, увидавъ около кухни водовоза, принялась кричать.

— Федоръ, Федоръ! сходите, пожалуйста, къ рѣкѣ, узнайте, чей это гробъ везутъ? Ѣдутъ близко отъ берега. Пожалуйста, Федоръ, поскорѣе.

Водовозъ побѣжалъ бѣгомъ. Видѣли, какъ ботъ остановился и мужикъ, который гребъ, что-то долго кричалъ Федору.

Федоръ безъ шапки, запыхавшись, вернулся къ господамъ. Лили и студенты, съ крокетными молотками въ рукахъ, обступили его.

— А это, барышня, не болѣзнь какая, объяснилъ Федоръ, а это вчера на зарѣ подмастерье заводскій Филиппъ утонулъ. Его въ село везутъ, къ батюшкѣ.

— Да не можетъ быть! закричали всѣ въ одинъ голосъ.—Филиппа знали. Лили даже слышала что-то о его ухаживаніи за Дуней.

— Je comprends... протянула она.—Вы знаете, несчастная любовь, прибавила она, обращаясь къ своимъ.—Но какъ-же это онъ? Нарочно?

— Нѣтъ, зачѣмъ! возразилъ Федоръ.—Выпивши они были, онъ, кузнецъ съ заводу, и еще одинъ рабочій. И вздумали на другую сторону ѣхать. А какъ Филиппъ больше всѣхъ выпивши былъ и въ неразсудительности могъ ботъ перевернуть, то кузнецъ и рабочій его по рукамъ и ногамъ связали, да на дно и положили. Однако и они тоже не выдержали, стали пѣсни пѣть, то да се—ботъ-то и дѣйствительно перевернулся. Тѣ отрезвѣли и выплыли—а Филиппъ, связанный-то, какъ ключъ ко дну пошелъ. Утромъ только нашли.

— Ай, какой ужасъ! замѣтила тетя,—довольно впрочемъ равнодушнымъ голосомъ.

Лили почему-то была немного разочарована.

— Вотъ что значитъ пьянство, поучительно проговорила она, не обращаясь ни къ кому.

Федоръ сказалъ:

— Это точно.

Потомъ постоялъ, постоялъ и пошелъ въ кухню.

— Ну что-же, господа? раздался звонкій голосъ Лили.—Будемъ продолжать, надо-же кончить партію! Тетя, пожалуйста! Господа, мой чередъ! Прохожу послѣднія ворота! Я разбойникъ!

Богиня.

I.

— Я влюбленъ — не буду скрывать отъ васъ, тѣмъ болѣе, что мы только-что познакомились. Да, я влюбленъ.

Пустоплюнди помертвѣлъ.

— Въ нее влюблены? спросилъ онъ почти шепотомъ.

— Въ кого «въ нее?» Вотъ чудакъ! Конечно, въ нее. Только я не знаю, о комъ собственно вы говорите.

Викторъ всталъ со скамейки, гдѣ они оба сидѣли, обдернулъ свою полотняную блузу, подтянулъ кушакъ, молодцовато дрогнулъ на ногахъ и посвисталъ.

Послѣ этого онъ сѣлъ опять и сталъ вертѣть палкой въ воздухѣ съ ужасающей быстротой.

Пустоплюнди тоскливо и тягостно смотрѣлъ на Виктора. У Виктора было бѣлое полное лицо съ крупнымъ розоватымъ носомъ, очень голубые глазки и рѣсницы молочнаго цвѣта. Волосы, та-

кіе-же молочные, онъ стригъ подъ гребенку, розовая кожа нѣжно просвѣчивала на головѣ.

Пустоплюнди и познакомился эъ этимъ мальчикомъ только ради того, чтобы знать правду. Викторъ чаще другихъ гулялъ съ «ней» и Пустоплюнди показалось даже, что «она» особенно благоволитъ къ нему. Боже мой! Боже мой! что изъ этого выйдетъ! Викторъ всего только воспитанникъ шестаго класса реальнаго училища и даже, кажется, остался въ шестомъ классѣ на второй годъ.

Одна была надежда—можетъ быть Викторъ равнодушенъ; но нѣтъ, онъ признался прямо, что влюбленъ.

Пустоплюнди и Викторъ сидѣли на самой дальней дорожкѣ парка, у пруда, подъ развѣсистыми березами. День былъ жаркій, съ тяжелыми тучами. Отъ темной неподвижной воды, заслоненной у берега висящими вѣтвями, шелъ запахъ тины и душной сырости. По ту сторону неширокаго пруда солнце блестѣло ослѣпительно и жгло безъ того сожженную траву.

Лѣто было съ грозами и жаркое. Дачники имѣнія купцовъ Жолтиковыхъ, села Вознесенскаго—не запомнятъ такого лѣта. Викторъ, который во младенчествѣ провелъ недѣлю въ Тифлисѣ, увѣрялъ, что нынѣшнее лѣто совершенно кавказское и для мѣстностей подъ Москвой — несоотвѣтственное.

— Скажите, пожалуйста, вотъ что, началъ Викторъ.—Я до сихъ поръ не знаю, какъ ваша настоящая фамилія?

— Апостолиди.

— Апосто... Вотъ странность-то! вѣдь васъ какъ-то совсѣмъ иначе называютъ. Вы не русскій?

— Я грекъ, я греческаго происхожденія... Я, впрочемъ, жилъ всегда въ Москвѣ. А что называютъ меня иначе, такъ это всегда, еще съ гимназіи, всѣ меня Пустоплюнди называли. Въ университетѣ иногда даже странно, когда по настоящему назовутъ. Трудна, должно быть, моя фамилія для усвоенія.

— А вы не похожи на грека. У васъ носъ не греческій. Да... Что, вашъ воспитанникъ поправляется?

— Нѣтъ, все еще боленъ. Ужасно непріятно: я живу здѣсь, чтобы репетировать его, а онъ все время боленъ. И я совсѣмъ безъ дѣла живу.

— Ну, это не бѣда. Вы себѣ развлеченіе найдите. Я, напримѣръ, не скучаю.

Несмотря на то, что Викторъ былъ реалистъ шестаго класса, а Пустоплюнди студентъ и гораздо старше, Викторъ считалъ себя въ правѣ говорить небрежно и покровительственно. Отчасти это было потому, что Виктору нравились его собственные голубые глазки, быстрота ногъ и талія, стянутая кожанымъ поясомъ, а Пустоплюнди ему искренно казался уродомъ съ его смуглымъ, почти коричневымъ лицомъ, тупымъ, короткимъ носомъ и широко разставленными черными глазами. Всѣ черты лица его дѣйствительно были очень крупны и грубы. Кромѣ того Викторъ зналъ, что онъ весьма развязенъ и умѣетъ говорить съ барышнями. А Пустоплюнди блѣднѣлъ отъ робости,

едва очутившись въ обществѣ, и не умѣлъ сразу начать разговора. Такую робость Викторъ считалъ отчасти глупостью, отчасти признакомъ дурнаго воспитанія, а про себя самого думалъ что онъ во-первыхъ—молодецъ, а во-вторыхъ—образцовый кавалеръ во всѣхъ отношеніяхъ.

— Но мы отвлеклись отъ интереснаго вопроса, сказалъ Викторъ, уже начиная слегка скучать со своимъ новымъ знакомымъ. Они представились другъ-другу и говорили въ первый разъ, хотя все лѣто встрѣчались въ общемъ паркѣ. Паркъ былъ невеликъ.

— Да, отъ вопроса, повторилъ Пустоплюнди, опять пугаясь.

— Я вамъ признался, что я влюбленъ, но прошу васъ, пожалуйста... это останется между нами...

— Конечно, пролепеталъ Пустоплюнди.

— У меня есть свои причины; я хочу замедлить объясненіе, а если она узнаетъ стороной... Впрочемъ, она съ вами никогда и не разговариваетъ, прибавилъ Викторъ, не заботясь скрывать настоящую причину своей, какъ будто неосторожной, болтливости.

— Да... она почти не разговариваетъ, уныло сказалъ Пустоплюнди.—Она все съ вами...

— Со мной? Ну, нѣтъ, я даже сталъ избѣгать ея общества. Я вамъ говорю, что я не желаю подавать поводовъ къ толкамъ... Я даже стараюсь ухаживать за другими. Неужели вы не замѣчали? За Женей и потомъ за этой... какъ ее...

Пустоплюнди выпрямился на скамейкѣ и вы-

тянулъ шею по направленію къ Виктору, расширивъ глаза отъ удивленія и недоумѣнія.

— За Селифановой? робко подсказалъ онъ.

— Ахъ, да что вы болтаете! За какой Селифановой? Я даже и не знакомъ съ ней. За этой я ухаживаю... ну какъ ее? За поповной!

Пустоплюнди преобразился. Онъ хотѣлъ и не смѣлъ понять. Неужели? Такъ все это нарочно? Значитъ Викторъ «ее» не любитъ! и она, значитъ, Виктора... не...

— Что это съ вами? удивлялся Викторъ.— Чего вы?

Пустоплюнди, понявъ наконецъ и повѣривъ, вдругъ засмѣялся, открывъ рядъ очень бѣлыхъ, рѣдкихъ зубовъ немного заостренной формы. Онъ смѣялся такъ долго и такимъ радостнымъ смѣхомъ, что, глядя на него, и Викторъ захохоталъ, несмотря на свое первоначальное желаніе обидѣться.

— Такъ вы, значитъ, не въ нее? спросилъ Пустоплюнди, переведя духъ.—Такъ въ кого-же вы?

— А вы вообразили, что я въ поповну влюбленъ? Въ эту самую такъ-называемую Попочку, которая каждое воскресенье отправляется съ мамашей съ дачи въ городъ къ обѣдни въ тотъ приходъ, гдѣ служитъ ея папаша? И почему ее хорошенькой называютъ — удивляюсь! По моему Женька—и та лучше. И съ чего вамъ представилось? Рыба какая-то...

— Ну, это положимъ... заикаясь, но горячо вступился Пустоплюнди. Впрочемъ, онъ сейчасъ-же опомнился и прибавилъ по возможности спокойно:

— Такъ въ кого-же вы влюблены?

— Я влюбленъ, медленно, отчеканивая каждое слово, произнесъ Викторъ,—я влюбленъ въ единственную здѣсь достойную любви женщину—въ Агриппину Ивановну Кошкину.

И Викторъ побѣдоносно взглянулъ на Пустоплюнди.

Прошло нѣсколько секундъ молчанія.

Пустоплюнди опять хотѣлъ засмѣяться, но удержался изъ уваженія къ чужой любви. Такъ именно онъ сказалъ это себѣ. Онъ сталъ припоминать Агриппину Ивановну, даму за тридцать лѣтъ съ помятымъ, болѣзненнымъ личикомъ и капризнымъ выраженіемъ глазъ. Агриппина Ивановна занимала большую дачу вдвоемъ съ мужемъ, который гдѣ-то служилъ и пріѣзжалъ только по праздникамъ. Агриппина Ивановна одѣвалась очень мило, вѣчно была больна, держала себя высокомѣрно, а въ бесѣдки парка приказывала приносить свои собственныя длинныя кресла.

Она, впрочемъ, была со всѣми знакома и любила, чтобы за нею ухаживали. Виктора она посылала изъ парка домой за шерстью для своего вышиванья, заставляла собирать клубнику на грядахъ, позади сосновой аллеи, и называла его иногда «многообѣщающимъ юношей».

Но Пустоплюнди въ простотѣ сердечной не думалъ, чтобы кто-нибудь, а тѣмъ болѣе маленькій Викторъ, могъ влюбиться въ эту солидную даму.

Викторъ принялъ молчаніе Пустоплюнди за благоговѣніе и заторжествовалъ. Онъ сталъ рас-

пространяться о привлекательности Агриппины Ивановны.

— Нѣтъ, какъ она одѣвается! Вѣдь это одно изящество! А женственность какая, томность... А замѣтили вы, когда она въ церкви на колѣни становится, какія у нея ножки? Замѣтили—цѣлое облако бѣлыхъ кружевъ и крошечная, капельная туфелька съ французскимъ каблучкомъ... Да будь ты хоть раскрасавица, но если у тебя нога какъ у этой Попочки, напримѣръ...

Тутъ Викторъ сразу примолкъ, отчасти потому, что на лицѣ Пустоплюнди замѣтилъ необычное волненіе, и кромѣ того въ кустахъ раздался шорохъ.

Оба собесѣдника обернулись и увидѣли розовое личико пятнадцатилѣтней Жени.

— Вы знакомы? спросила она удивленно, раздвигая кусты и выходя на дорожку.—А я не знала. Ну, все равно, тѣмъ лучше. Викторъ, не дѣлайте, пожалуйста, презрительнаго лица—оно вамъ нейдетъ. О чемъ вы тутъ разсуждали? Я увидѣла изъ бесѣдки красную рубашку господина Пусто... Апосто... и явилась, чтобы сообщить вамъ завтрашній проектъ. Вы еще ничего не знаете? Въ самомъ дѣлѣ, еще ничего не знаете?

Она болтала, усѣвшись на лавочку, вертѣлась во всѣ стороны и смѣялась. Женю можно было бы назвать хорошенькой дѣвочкой, еслибы она иначе себя держала. Но она слишкомъ рано поняла, что она хорошенькая, и стала нестерпимо кривляться. Впрочемъ, иногда это кривлянье соединялось у нея съ дѣтскимъ простодушіемъ, весельемъ — и выходило милымъ.

— Ну-съ, завтра пикникъ! сказала она съ важностью, хлопнувъ обѣими руками себя по колѣнамъ.—Всѣ, всѣ ѣдутъ. Это недалеко, въ Отрадное—кто пойдетъ, кто поѣдетъ. Кошкина въ своемъ шарабанѣ поѣдетъ. Кого-то она съ собой возьметъ? Очень нужно! Я иду пѣшкомъ, я рѣшила. Тамъ будемъ чай пить, въ теннисъ играть... Князья теперь не живутъ, одинъ управляющій... Домъ-то какой, страсть! Тамъ, говорятъ, Пушкинъ жилъ. Какая тамъ библіотека!..

— А... а Селифанова тоже принимаетъ участіе? спросилъ Пустоплюнди, хотя ему было рѣшительно все равно,—принимаетъ-ли Селифанова участіе или нѣтъ.

— Да когда я вамъ говорю, что всѣ! И Селифанова... она, положимъ, незнакома съ нѣкоторыми—все равно, познакомится—и двѣ Петровы, и, конечно, Пашенька Крестовоздвиженская... Да, еще Пашенька увѣряла, что вы не пойдете, что у васъ нога болѣла, вы говорили.

— У меня дѣйствительно... болѣла немного... но теперь ничего.

— Такъ, значитъ, вы пойдете? Отлично! Послушайте, Викторъ, мнѣ надо съ вами поговорить насчетъ завтрашняго — что брать съ собою... Я, впрочемъ, всѣхъ этихъ хозяйственныхъ дѣлъ не знаю, а вотъ пойдемте къ Агриппинѣ Ивановнѣ, она въ плющевой бесѣдкѣ, она вамъ надаетъ приказаній...

Викторъ всталъ, обдернулъ блузу и прокашлялся. Женя теребила его и тащила въ плющевую бесѣдку.

— До свиданія пока, сказалъ Викторъ Пустоплюнди, едва сдерживая самодовольную улыбку.— Я думаю, что еще даже сегодня не разъ увидимся.

Женя схватила Виктора подъ руку, и они отправились. Пустоплюнди посмотрѣлъ имъ вслѣдъ. Потомъ онъ всталъ и поплелся внизъ, къ пруду, гдѣ у конца дорожки стоялъ маленькій паромъ и качалась бѣлая дачная лодочка.

II.

На краю парома сидѣлъ мальчишка лѣтъ десяти или одиннадцати и удилъ рыбу. Мальчишка былъ одѣтъ въ темный парусинный костюмчикъ, обшитый синимъ кумачемъ. Рыба не ловилась и не могла ловиться по очень многимъ и важнымъ причинамъ. Во первыхъ, вмѣсто лесы у мальчишки висѣла веревка въ родѣ тѣхъ, которыми завязываютъ сахарныя головы, во вторыхъ, и крючекъ былъ сдѣланъ изъ простой головной шпильки, въ третьихъ, крючекъ болтался пустой, безъ всякой приманки, и наконецъ въ четвертыхъ, кажется, и рыбы никакой въ этомъ пруду не водилось. Тѣмъ не менѣе мальчишка цѣлыми днями просиживалъ на плоту. Онъ былъ фаталистъ и думалъ, что если суждено рыбѣ пойматься, то она все равно поймается.

Пустоплюнди нѣсколько разъ порывался ему сказать, что коли такъ—онъ могъ бы спокойно сидѣть дома и раздумывать: если суждено рыбѣ моей быть—она и въ комнату придетъ. Но Пусто-

плюнди не смѣлъ спорить, потому что онъ зналъ, какой ядовитый мальчишка былъ Амосъ Крестовоздвиженскій. И Пустоплюнди зналъ тоже, что Амосъ владѣетъ его тайной. Амосъ былъ не изъ таковскихъ, чтобы наивничать и разбалтывать всѣмъ то, что ему могло пригодиться на черный день. А тѣмъ болѣе съ сестрицей своей онъ не станетъ откровенничать. Но разъ угадавъ приблизительно состояніе души Пустоплюнди, онъ безъ церемоніи издѣвался надъ несчастнымъ и заставлялъ его всячески служить себѣ.

У Амоса были выпуклые черные, совершенно косые, глаза, и когда онъ ихъ выворачивалъ или просто вертѣлъ ими, стараясь навести взглядъ на собесѣдника, то послѣднему поневолѣ дѣлалось жутко. Къ тому же, улыбаясь, Амосъ показывалъ уже успѣвшіе почернѣть зубы, и все это въ сложности дѣлало его отвратительнымъ мальчишкой.

— Какая сестра хорошенькая, говорили дачники о Попочкѣ, или, иначе, о Павлѣ Сергѣевнѣ Крестовоздвиженской,—и какой братъ некрасивый, а вѣдь похожи, вотъ что удивительно!

Амосъ и бровью не шевельнулъ, когда Пустоплюнди вошелъ на паромъ.

Пустоплюнди посмотрѣлъ ему въ затылокъ съ уныніемъ.

— Здравствуйте, Амосъ! Опять ловите?

— Опять. Убирайтесь! Вы всю рыбу распугаете.

— Послушайте, Амосъ, я давно вамъ хотѣлъ сказать: вы такой умный мальчикъ, и это даже странно съ вашей стороны...

— Да уйдете ли вы! яростно закричалъ Амосъ, ворочая раскосыми глазами.—Чего вамъ-то? Ну, чего? Вѣдь я ловлю рыбу, а не вы! И я знаю, знаю, что выловлю рыбу, придетъ ей время... Крючки эти ваши да черви—это все вздоръ... Пойматься, такъ и безъ нихъ поймается. Вамъ дѣла нѣтъ! Чего вы лѣзете? Смотрите у меня, я знаю чего ради вы ко мнѣ лѣзете...

Пустоплюнди слушалъ съ привычной и покорной грустью. Онъ не обижался и не негодовалъ — вѣдь это былъ «ея» братъ.

Амосъ обернулся спиной и снова принялся за уженье. Пустоплюнди не уходилъ.

Прошло нѣсколько минутъ. Мальчишка смягчился и проворчалъ сквозь зубы:

— Пашка сейчасъ купаться пойдетъ.

Пустоплюнди вспыхнулъ и невольно посмотрѣлъ налѣво, гдѣ сквозь кусты лозняка бѣлѣла парусинная купальня.

— Такъ я домой... сказалъ онъ, путаясь.

— Подождите, говорю—Пашка купаться пойдетъ.

Но Пустоплюнди замахалъ руками и собирался исчезнуть, когда въ концѣ дорожки показались двѣ женскія фигуры. Онѣ приближались къ пруду.

Одна изъ нихъ была горничная, она несла простыню. Другая — Павла Сергѣевна Крестовоздвиженская, которую всѣ называли Попочкой.

Попочка казалась Пустоплюнди прекраснѣйшей женщиной въ мірѣ, а другимъ людямъ—довольно хорошенькой барышней. Нѣкоторые, впрочемъ, находили ее несимпатичной, даже непріятной.

Она была очень высока ростомъ, тонка, но не худощава, ходила немного наклонившись впередъ, опустивъ вдоль стана руки съ розоватыми ладонями. Свѣтлокаштановые волосы ея лежали блестящими крѣпкими, непушистыми волнами—точно она никогда не могла быть непричесанной. Носъ небольшой, короткій, совершенно прямой; красивый ротъ безъ выраженія и глаза сѣрые, на выкатѣ, свѣтлые, холодные и безжалостно-равнодушные. Но самое удивительное у Попочки — это былъ ея цвѣтъ лица: не розовый и бѣлый, а какой-то прозрачный, не живой, удивительной чистоты и нѣжности, точно ея голова была сдѣлана изъ куска мрамора. Странно было бы представить это лицо оживленнымъ радостью или страданіемъ.

Попочка неторопливымъ шагомъ приблизилась къ парому, откуда былъ поворотъ налѣво, на дорожку, ведущую къ купальнѣ. Она не раскрывала зонтика, и солнце, проникая между деревьями аллеи, свободно падало на ея свѣтлое лицо, которое не боялось загара. Глазъ она не щурила. Пустоплюнди низко поклонился. Она отвѣтила кивкомъ безъ улыбки и прошла.

Амосъ даже не обернулся.

III.

Поздно ночью, когда мѣсяцъ закатился и въ паркѣ было черно и страшно, Пустоплюнди все не спалъ и все ходилъ, и думалъ, и мучился.

Пустоплюнди любилъ Попочку. Онъ давно ее

любилъ, такъ давно, что даже не могъ вспомнить времени, когда ее не любилъ. Пустоплюнди пріѣхалъ на дачу двѣнадцатаго іюня, Попочка съ семействомъ — пятнадцатаго; въ этотъ самый день онъ ее въ первый разъ увидѣлъ и сейчасъ же вѣроятно и полюбилъ. Познакомились они послѣ, да и знакомство было не короткое. Пустоплюнди робѣлъ, Попочка тоже оказалась не изъ разговорчивыхъ. Голосъ у нея былъ грубоватый и глухой. И хотя Пустоплюнди не казалось, какъ очень многимъ другимъ, что Попочка при знакомствѣ проигрываетъ, однако онъ рѣдко самъ подходилъ къ ней и никогда не заговаривалъ.

Пустоплюнди, или, по настоящему, Апостолиди, былъ грекъ и по отцу, и по матери. Его привезли въ Москву груднымъ ребенкомъ, и онъ никогда даже не зналъ хорошенько, гдѣ онъ родился. Мать умерла вскорѣ послѣ переѣзда, а отецъ жилъ еще долго и имѣлъ лавочку книгъ и гравюръ на Арбатѣ. Сына отдали въ гимназію. Съ шестого класса онъ началъ давать уроки, потомъ нашелъ урокъ за столъ и квартиру и переѣхалъ съ Арбата.

Отецъ умеръ. Пустоплюнди не горевалъ. Отецъ былъ суровый, дикій человѣкъ. Съ сыномъ онъ никогда не разговаривалъ.

Пустоплюнди остался одинъ. Ему было страшно. Онъ не думалъ о будущемъ, не вспоминалъ о прошломъ, да и настоящее-то для него скользило быстро, слишкомъ быстро, и онъ не успѣвалъ о немъ подумать. Онъ учился машинально, безъ малѣйшаго интереса и пониманія, скверно, конечно,

но гимназію кончилъ. Среди товарищей онъ прослылъ почему-то за идеалиста, мечтателя и даже поэта, хотя никогда стиховъ не писалъ, не зналъ и не читалъ ихъ. Онъ старался дѣлать все какъ всѣ — тогда не ошибешься. У него не было ни самолюбія, ни честолюбія. Кажется, не было даже эгоизма.

Онъ поступилъ на юридическій факультетъ, потому что онъ былъ самый легкій и на него шло много народу. Книги продолжали быть для него мертвыми уроками, понятными, но безцѣльными. Пустоплюнди не могъ ожидать, что съ нимъ случится этимъ лѣтомъ странная исторія. Онъ раньше не думалъ о любви.

Всегда только непонятное и необъяснимое имѣло силу давать ему радость. Онъ любилъ горячіе, самые горячіе лучи солнца и синее небо. Онъ часто лѣтомъ ложился на землю, на траву и смотрѣлъ въ самую глубину неба, гдѣ оно темное, темное... Онъ выбралъ себѣ мѣстечко въ паркѣ, на прогалинкѣ, между прямыми соснами. И высокіе, круглые, голые стволы этихъ сосенъ не мѣшали его радости, а даже увеличивали ее. Они шли къ небу, прямо къ небу и ему хотѣлось, чтобы стволы были еще прямѣе и выше и ничего бы не было кромѣ этихъ стволовъ на синемъ, солнечномъ небѣ. Онъ точно вспомнилъ что-то, чего съ нимъ никогда не случалось, можетъ быть страны, которыхъ глаза его никогда не видѣли; онъ самъ не зналъ, чего ему хочется. То ему хотѣлось, чтобы еще гдѣ-то было небо, другое — ему казалось мало одного. Онъ смотрѣлъ въ воду

пруда, но тамъ онъ небо видѣлъ чернымъ, гадкимъ, а еще чаще просто видѣлъ тинистое дно. Онъ не зналъ, что онъ любилъ, не зналъ—есть ли то, что онъ любилъ, и даже не хотѣлъ знать.

Такъ же онъ полюбилъ Попочку. Неизвѣстно за что, неизвѣстно почему, но полюбилъ; вся она ему нравилась, и опять были въ этой любви у него невѣдомыя родныя и неясныя воспоминанія о томъ, чего онъ никогда не видѣлъ. Когда солнце на нее падало—ему казалось, что онъ любитъ ихъ вмѣстѣ, и хотѣлось, чтобъ она осталась неподвижной навѣки, чтобы они были вмѣстѣ—и солнце, и она, и онъ вѣчно бы смотрѣлъ на нее.

Пустоплюнди боялся Попочки. Онъ боялся, не говоря этого себѣ (онъ вообще никогда не думалъ словами), что это все ему только кажется, что ничего нѣтъ, что она — какъ всѣ люди, изъ той же крови и такая же смѣшная, и тоже оттуда, откуда гимназія, книги вообще, уроки и пикники... а небо и радость, и прямые стволы, и свободныя воспоминанія — это не ея... И онъ смотрѣлъ издали, благоговѣя и замирая отъ ужаса при каждомъ ея движеніи.

Но всѣ движенія Попочки были странно красивы, безъ граціи. Чаще всего она сидѣла совершенно неподвижно, даже не мигая рѣсницами, и такъ она была удивительно хороша.

Пустоплюнди сдѣлался смѣлѣе. Онъ любилъ слишкомъ искренно и слишкомъ много и потому думалъ, что любовь его даетъ ему право быть съ ней и любоваться ею.

Когда ему показалось, что Викторъ за ней

ухаживаетъ и нравится ей, онъ много страдалъ— не отъ ревности, а отъ какого-то внутренняго чувство дисгармоніи: она... и Викторъ! Викторъ... и она! Не умѣя понять этого чувства, онъ объяснялъ его себѣ безпокойствомъ за ея судьбу: вѣдь Викторъ всего реалистъ шестого класса... Что выйдетъ изъ этой склонности?.. Но тревожило его другое, и радъ онъ былъ, что ошибся, не за нее и не за себя, а за что-то неизвѣстное.

Никакихъ опредѣленныхъ мечтаній онъ не имѣлъ. Ему казалось необходимымъ быть вблизи, а для этого надо и ея согласіе, надо, чтобы она до конца была настоящая, какою онъ ее видѣлъ, и относилась бы ко всему, ему близкому, какъ онъ самъ.

Какъ достичь этого — Пустоплюнди не зналъ.

Онъ бродилъ по чернымъ дорожкамъ парка, странный и глупый, и перепутанныя нелѣпыя мысли ему приходили въ голову.

То ему казалось, что ей слѣдуетъ просто все разсказать и повести ее на полянку съ прямыми соснами; то онъ выдумывалъ себѣ подвиги, припоминая уже слегка и книжки, хотѣлъ спасти ее отъ смертельной опасности или вдругъ просто рѣшался оборвать всю клубнику на грядахъ за аллеей въ одну ночь и подарить клубнику ей... Но это было уже совершенное идіотство.

Пустоплюнди бродилъ до разсвѣта, но ничего не могъ рѣшить. Да ему какъ-то и неловко было рѣшать, точно кому-то слѣдовало распорядиться за него.

Но одно онъ зналъ твердо: что тянуться попрежнему это не можетъ.

IV.

У Жени Решъ не было матери, а потому и некому было усмирять ея пылкіе порывы. Предполагаемый пикникъ не далъ ей уснуть всю ночь. Катерина Ѳедотовна, не то компаньонка, не то нянька, съ которой Женя вдвоемъ занимала почти всю дачу (отецъ пріѣзжалъ только на праздники), Катерина Ѳедотовна пожелтѣла еще больше отъ внутренней злобы на свою несносную воспитанницу и бросала самые ядовитые взгляды, хотя слова ея, какъ всегда, были сладки и угодливы.

— Вы, Катерина Ѳедотовна, тоже пойдете, распоряжалась Женя.—Одѣвайтесь. А я побѣгу къ Агриппинѣ Ивановнѣ, узнаю—какъ, что...

Собственно устроителями пикника были Агриппина Ивановна, ея два кузена-офицера, которые у нея въ то время гостили, семья Селифановыхъ и Александръ Лукичъ, пріятный молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ, тихимъ голосомъ, черной остренькой бородкой и вообще томнымъ видомъ.

Александръ Лукичъ былъ родственникъ купцовъ Жолтиковыхъ и говорили даже, что онъ въ Москвѣ просто на просто сидитъ въ лабазѣ; но, вѣроятно, эта была злая клевета, ибо у Александра Лукича всѣ признавали самыя изысканныя манеры, а подъ его сдержанностью могло скрываться только очень тонкое образованіе.

Рѣшено было собираться у Агриппины Ивановны. Дача ея стояла на горѣ, далеко отъ большаго дома, гдѣ жили сами Жолтиковы и близко

отъ парка. Хотѣли выѣхать въ 8 часовъ, но только въ одиннадцать Агриппина Ивановна вышла. Она была въ сѣромъ полосатомъ платьѣ и большой бѣлой кружевной шляпѣ. У крыльца уже стоялъ хорошенькій плетеный шарабанъ и линейка.

На линейку нагрузили провизію и усѣлись мамаша Селифанова, Катерина Ѳедотовна, еще нѣсколько дамъ и даже Иванъ Семеновичъ со своими удочками, шутникъ, балагуръ и дамскій угодникъ, но уже съ порядочной лысиной и хромой.

Попочка пришла только съ Амосомъ. Ея мамаша была неохотница до большого общества и велѣла дочкѣ сказать, что она не такъ здорова.

Попочка смотрѣла равнодушно, почти брезгливо, и стала, прислонившись къ зеленому забору палисадника. Она была одѣта въ свѣжее, легкое, бѣлое платье, которое сидѣло на ней удивительно. Длинная и блѣдная до прозрачности шея Попочки была полуоткрыта и выходила изъ рюшей и сборокъ, точно окруженная волнами бѣлаго пара.

Агриппина Ивановна усѣлась въ свой шарабанъ и взяла возжи.

— Ну, господа, кто же со мной? крикнула она какъ-то неестественно, потому что, хотя она и дѣлала видъ, что еще не рѣшила и сама не знаетъ, кого возьметъ съ собой, однако, никто не сомнѣвался, что она это уже рѣшила и знаетъ.

Викторъ въ сторонѣ торопливо и вполголоса объяснялъ Пустоплюнди, забѣгая впередъ:

— Она, знаете, вчера намекала и даже приставала — не поѣду-ли я въ шарабанѣ, но я рѣшительно отказался: это не въ моихъ планахъ. Еще

не время, знаете. А пока не время—нечего подавать поводъ къ толкамъ, а?

Между тѣмъ въ шарабанъ усѣлся приглашенный Александръ Лукичъ. Агриппина Ивановна смѣялась и увѣряла, что поля его панамы будутъ мѣшать ей, однако дернула возжами и покатила впередъ.

Линейка тоже собиралась тронуться, когда вдругъ подошла Попочка и объявила, что она тоже поѣдетъ, что она не можетъ идти пѣшкомъ три версты по жарѣ. Сначала было рѣшено, что она пойдетъ вмѣстѣ со всѣми барышнями и молодежью.

Потѣснились и дали ей мѣсто. Пустоплюнди растерянно посмотрѣлъ вслѣдъ облаку пыли, Амосъ пронзительно захохоталъ, а Женя проворчала:

— Фря! и, съ трескомъ распустивъ зонтикъ, энергично отправилась въ путь.

Начало дороги было пріятное, лѣсомъ. Компанія разбилась. Шли большею частью попарно. Только Викторъ шагалъ одинъ впереди, насвистывая что-то и сбивая своей толстой палкой головки цвѣтовъ и листья съ низкихъ вѣтвей, да Пустоплюнди тащился позади всѣхъ, ошеломленный «ея» исчезновеніемъ. Онъ думалъ о ней, представляя ее себѣ такою, какъ видѣлъ сейчасъ, въ бѣломъ платьѣ, гордую, похожую на богиню. Пустоплюнди не зналъ, какія бываютъ богини, онъ не видѣлъ ни одной, и называлъ Попочку мысленно богиней, совершенно не отдавая себѣ отчета, что именно хотѣлось ему сказать— и все-таки выражался именно такъ.

Послѣднія двѣ версты пришлось итти по солнцу, по голой и пыльной дорогѣ. Барышни начинали серьезно пищать, когда, наконецъ, мелькнула изъ-за дальняго бора бѣлая Отрадненская церковь.

Путешественники, усталые и пыльные, миновали поселокъ, перешли мосты черезъ большіе свѣтлые пруды съ цѣлымъ лѣсомъ ивъ и вербъ по берегамъ и спросили у встрѣчнаго мужика— не пріѣзжали-ли здѣсь господа?

Господа оказались пріѣхавшими. Они даже устроили чайный столъ и завтракъ въ липовой аллеѣ, за домомъ.

Княжескій домъ смотрѣлъ угрюмо и гордо въ своемъ старинномъ великолѣпіи. Онъ былъ весь бѣлый каменный, съ террасами и балконами, съ широкими подъѣздами. Заднимъ фасадомъ онъ выходилъ въ паркъ, тянувшійся на нѣсколько верстъ, глубокій и тѣнистый. Около самаго дома паркъ начинался липовой аллеей, да такой, что даже Викторъ свиснулъ удивленно и заявилъ, что на Кавказѣ ничего подобнаго нѣтъ. Липы, толстыя, крѣпкія, стояли близко-близко одна отъ другой, стволы ихъ дѣлали безконечную стѣну, безконечную потому, что вѣтви наверху давно соединились и сплелись подвижнымъ зеленымъ потолкомъ. Говорили, что тутъ жилъ Пушкинъ, писалъ, гулялъ и охотился. Въ домѣ даже была картина, изображающая Пушкина съ собакой въ липовой аллеѣ.

Единогласно рѣшили осматривать прежде всего домъ, поручивъ Ивану Семеновичу, который досто-

примѣчательностями не интересовался — заботу о завтракѣ.

Александръ Лукичъ подалъ руку Агриппинѣ Ивановнѣ; Викторъ рѣшился утѣшаться съ Женей, а Пустоплюнди удалось, наконецъ, пойти рядомъ съ Попочкой, глядѣть на нее сбоку и говорить ей о чемъ-то. Время отъ времени она кивала головой или говорила «да». Пустоплюнди были ненужны ея слова: ему только хотѣлось, чтобы она была такая, какъ есть, именно такая, неподвижная и прекрасная, и позволяла глядѣть на себя.

Когда явился любезный управляющій съ ключемъ и дачники вошли въ первую комнату—всѣхъ охватилъ сумракъ и холодъ церкви. Комната была полукруглая, со стеклянной дверью и съ окнами подъ потолкомъ. Темныя стѣны, темная строгая мебель; только потолокъ выдѣлялся свѣтлымъ, страннымъ пятномъ: онъ былъ выкрашенъ въ голубую краску и долженствовалъ изображать небо съ бѣлыми облаками. Невольно всѣ обратили вниманіе на этотъ потолокъ, такъ онъ не шелъ ко всей комнатѣ.

— А это недавно ремонтировали у насъ, пояснилъ управляющій.—Старый-то рисунокъ поистерся, такъ архитекторъ велѣлъ маляру замазать гладко, а тотъ, затѣйникъ, вонъ что вывелъ. Ничего, хитро!

Всѣ промолчали.

Управляющій пошелъ дальше, изъ двери въ дверь. Мелькали полутемныя прохладныя комнаты, гостиныя и диванныя, спальни и будуары съ тусклорозовыми гобеленами, на которыхъ едва выдѣля-

лись непомѣрно большія, блѣдноватыя фигуры людей, собакъ и лошадей. Кое-гдѣ смотрѣли незакрытыя старинныя картины, темныя и волшебныя. Были тутъ и маленькія проходныя комнатки съ разноцвѣтными стеклами въ узкомъ окнѣ и кресломъ строгаго стиля, съ высокой спинкой, обитымъ желтой кожей. Въ столовой ждало еще новое, хотя и не яркое, великолѣпіе. Комната была овальная съ однимъ, очень большимъ, окномъ. Стѣны дубовыя, темныя; на рѣзныхъ полкахъ кубки и чаши; стулья съ вогнутыми кожаными сидѣньями; а въ трехъ дверцахъ дубоваго буфета стояли вырѣзанныя изъ цѣльныхъ кусковъ три человѣческія фигуры натуральной величины. Самый средній былъ Вакхъ, некрасивый, здоровый и веселый, со складками вокругъ смѣющагося рта, съ виноградомъ въ волосахъ и сильными руками. Когда другіе ушли изъ столовой, Пустоплюнди все стоялъ передъ Вакхомъ и смотрѣлъ на него. Пустоплюнди самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается въ этомъ домѣ. Ему казалось, что онъ вступаетъ въ какой-то неизвѣстный міръ, чуждый даже его счастливому міру неба и прямыхъ сосенъ, но не менѣе прекрасный. Все ему нравилось здѣсь до слезъ, и онъ не могъ объяснить почему. Въ первый разъ ему захотѣлось *знать* больше, идти дальше, онъ чувствовалъ, что есть, есть тотъ міръ, куда его влечетъ, и куда онъ не знаетъ дороги...

Пустоплюнди опомнился и побѣжалъ догонять компанію. Уже поднимались на лѣстницу во второй этажъ, когда Пустоплюнди, смущенный, отыскалъ Попочку и пошелъ съ ней рядомъ. Она казалась

такой же холодной, волосы ея попрежнему лежали неподвижной волной, и она была еще красивѣе подъ высокими потолками этихъ старинныхъ комнатъ.

Въ верхнемъ этажѣ была библіотека. Книги обнимали стѣны, книги уходили къ потолку, который почти весь былъ стеклянный, книги, книги большія и маленькія лежали на столахъ, у глубокихъ креселъ на полу — вездѣ. Здѣсь не убирали, только стирали пыль. Переходы вели изъ одной комнаты въ другую, и вся цѣпь комнатъ была полна книгами, иногда маленькими, отдѣланными какъ драгоцѣнные камни, иногда тяжелыми, угрюмыми фоліантами съ желтыми шершавыми листами. Одна комната была наполнена гравюрами, слѣдующая — старинными рукописями. Въ каждой комнатѣ были небольшія лѣсенки, табуреты и глубокія покойныя кресла...

Дачники проходили толпой, шумя своими платьями, которыя пахли свѣжимъ воздухомъ, и невольно притихли, точно боясь растревожить спящія книги. Пустоплюнди тоже молчалъ. У него было смутное желаніе молиться, хотя онъ никогда не молился.

Очарованіе стало исчезать, когда вышли въ садъ, на солнце и тепло. Управляющій звонко щелкнулъ ключемъ. Стали разговаривать, восхищаться, спорить. Агриппина Ивановна увѣряла, что, хотя и красиво, но она бы съ тоски и страха умерла въ этомъ домѣ; кузены, которые пока были въ комнатахъ невольно умѣряли шагъ, чтобы не звенѣли ихъ шпоры, теперь стали говорить, что у баро-

нессы X въ Петербургѣ обстановка лучше. Викторъ свистѣлъ, Попочка брезгливо улыбалась, и только одна Женя осталась вѣрной старому дому и заявила безаппеляціоннымъ тономъ:—«А я лучше этакихъ комнатъ никакихъ другихъ не знаю и завидую Пушкину, если онъ тутъ жилъ. Я сама бы здѣсь стихи стала писать.»

Яйца переварились, кофе чуть не убѣжалъ, Иванъ Семеновичъ кричалъ, что онъ отъ всего отступается, если сейчасъ же не сядутъ кушать.

Завтракъ былъ плотный и сытный. Пили много вина, больше, чѣмъ чаю. Агриппина Ивановна сняла широкополую шляпу, разгорѣлась и закидывала голову назадъ, когда хохотала; да и всѣ были веселы; даже Попочка раза два сама обратилась къ снѣмѣвшему Пустоплюнди и улыбнулась, показавъ рядъ бѣлыхъ и тѣсныхъ зубовъ.

«Богиня», думалъ Пустоплюнди, «нѣтъ, она такая, она оттуда вся. . Вонъ другіе простые... Развѣ есть въ ней хоть черта похожая?»

Амосъ не ходилъ осматривать домъ; онъ пошелъ на озеро съ удочкой Ивана Семеновича и вдругъ вытащилъ большого окуня. Къ общему удивленію вмѣсто восторга онъ обнаружилъ ярость, швырнулъ Ивану Семеновичу его удочку и живую рыбу и, повертѣвъ передъ нимъ раскосыми глазами, съ цѣлымъ потокомъ бранныхъ словъ удалился вглубь аллеи и не хотѣлъ завтракать. Вѣроятно его разсердило опроверженіе фатальной теоріи, что всѣ крючки и приманки вздоръ, и такое наглядное доказательство, что въ рыбной ловлѣ бо́льшую роль играеть мѣсто и условія, чѣмъ судьба.

Уже солнце собиралось садиться, когда подумали о возращеніи домой.

— А я узналъ новую дорогу, сказалъ необычайно веселый Викторъ, который все время разгуливалъ подъ ручку съ Женей и шепталъ ей на ухо что-то должно быть веселое, потому что она помирала со смѣху.

— Новую дорогу? Гдѣ?

— А вотъ сейчасъ и прелестную—все паркомъ. Идемте же! Тутъ мы почти къ нашему лѣсу выйдемъ.

Началось разсаживанье въ экипажи. На этотъ разъ поѣхали только пожилыя особы. Попочка рѣшилась итти, и даже Агриппина Ивановна сказала, что она пойдетъ пѣшкомъ, пока не кончится паркъ, велѣла одному кузену сѣсть въ шарабанъ и дожидаться ея на выѣздѣ, на дорогѣ.

Жара спала, итти было отрадно, особенно по извилистымъ и влажнымъ дорожкамъ парка. Дорожки вились и спускались, и ужъ видна была роща и оврагъ, и вознесенская дорога, и даже какъ будто кузенъ съ шарабаномъ, но вдругъ компанія услышала разочарованные возгласы Жени и Виктора, которые шли впереди.

Пустоплюнди велъ Попочку подъ руку и это ему казалось счастіемъ. Ему только хотѣлось заслужить какъ нибудь свое счастіе, сдѣлать необычный и геройскій поступокъ: побороть шестерыхъ разбойниковъ, убить медвѣдя...

— Немножко поскорѣе, проговорила Попочка.—Тамъ что-то случилось. Надо взглянуть.

На дорогѣ было препятствіе и не малое: ка-

навка или рѣчка, узкая, но довольно быстрая. Ни мостика, ни доски, только два нетолстыхъ березовыхъ ствола были перекинуты съ одного высокаго берега на другой, на поларшина отъ воды.

Назадъ приходилось итти слишкомъ далеко. Дѣлать было нечего. Первый подалъ примѣръ оставшійся кузенъ и перевелъ или перетащилъ свою даму — Селифанову. Потомъ Амосъ переползъ безъ всякаго страха, потому что зналъ—если ему суждено упасть—все равно упадетъ.

Агриппина Ивановна кричала, визжала, выла отъ ужаса, самъ Александръ Лукичь сдѣлалъ два невѣрныхъ шага, но, однако, все кончилось благополучно.

Попочка молча пошла впередъ по стволамъ, Пустоплюнди держалъ ее за руку и двигался осторожно. Но дойдя до половины моста Попочка споткнулась. Ея каблучекъ скользнулъ по тонкой корѣ круглаго ствола, она хотѣла удержаться и не могла, Пустоплюнди выпустилъ ея руку—и тѣло ея грузно упало въ воду, а кверху полетѣлъ цѣлый столбъ брызгъ.

Одно мгновеніе прошло съ тѣхъ поръ, какъ Попочка скрылась подъ водой. Пустоплюнди это мгновеніе простоялъ на мосту, потомъ такъ же стремительно бросился внизъ и, погрузившись на секунду, поплылъ, причемъ отфыркивался, билъ ногами, обутыми въ сапоги, плашмя по водѣ и держалъ руки «граблями», съ раздвинутыми пальцами, какъ всѣ люди, скверно плавающіе. Въ зубахъ онъ тянулъ платье Попочки, но это было совершенно безполезно, потому что Попочка не плыла, а шла по

дну рядомъ, и вода едва доходила ей до пояса. Наконецъ и Пустоплюнди сообразилъ, что онъ плыветъ напрасно, всталъ на ноги, и пошелъ пѣшкомъ. Вода на самой серединѣ не была глубже полутора аршина: Попочка скрылась подъ водой вѣроятно потому, что не успѣла встать на ноги.

Все это случилось скорѣе и стремительнѣе, чѣмъ кто либо успѣлъ произнести слово. Когда Попочка вышла на берегъ—всѣ бросились къ ней. Но Попочки больше не было. Мокрый Пустоплюнди широкими отъ ужаса глазами глядѣлъ на нее, на себя и припоминалъ все случившееся. Онъ ясно помнилъ, какъ она тяжело упала, какъ онъ бросился и какъ глупо плылъ, ударяя сапогами воду плашмя. И эти сапоги ему были смѣшны и противны, и противно илистое дно, гдѣ онъ сразу схватилъ Попочку за лицо, а потомъ за платье, противна эта мокрая рыдающая барышня, всхлипывающая въ истерикѣ, какъ кликуша. Бѣлаго платья, похожаго на паръ, больше не было: въ грязи, въ тинѣ, въ илѣ, намокшее повисшее, облипшее—оно было страшно. Волосы Попочки упали; тонкая коса, выше пояса,—почернѣла и заострилась на кончикѣ, и съ кончика тихо капала вода. Лицо было жалкое, трусливое, истеричное, изсиняблѣдное. Она бросилась было на шею къ Агриппинѣ Ивановнѣ, но та отстранилась, боясь замочиться, и утѣшала ее издали. Женя была добрѣе, но не знала, что дѣлать при истерикѣ: хотѣла воды, но воды дать было какъ-то неловко—и безъ того Попочка проглотила ея довольно. Наконецъ кое-какъ бѣдную Попочку успокоили. Агриппина Ивановна великодушно предло-

жила свой шарабанъ съ кузеномъ для скорѣйшаго отправленія пострадавшей домой. Вспомнили о Пустоплюнди. Попочка пожала ему руку мокрой и холодной рукой и назвала своимъ спасителемъ. Викторъ хохоталъ. Амосъ хохоталъ до неприличія и повторялъ:

— Гляжу, а ужъ онъ плыветъ... И ногами-то такъ и орудуетъ, сапогами, сапогами...

Пустоплюнди улыбался растерянно. Онъ чувствовалъ прилипшее холодное бѣлье, воду въ сапогахъ и чувствовалъ, что всему пришелъ конецъ. Точно онъ выстроилъ себѣ большой прекрасный замокъ подъ самое небо, а кто-то пришелъ и дунулъ—и замокъ улетѣлъ, какъ улетаетъ паръ отъ самовара, и никто даже не знаетъ—былъ ли онъ когда нибудь. Пустоплюнди безобразенъ со своими сапогами, но и *она* была безобразна. Она — равна ему, равна всѣмъ. Въ ней онъ не найдетъ того, что дорого сердцу. Но оно есть, это дорогое. Надо искать его.

Пустоплюнди отказался отъ лѣтняго урока и уѣхалъ изъ Вознесенскаго. Говорятъ, что онъ перешелъ съ юридическаго факультета на филологическій, работаетъ по урокамъ вдвое больше прежняго и старательно копитъ деньги. Онъ хочетъ побывать на родинѣ, тамъ, гдѣ прямыя колонны изъ пожелтѣвшаго мрамора уходятъ въ синее жаркое небо, тамъ, гдѣ есть другое небо, которое люди называютъ моремъ, гдѣ онъ найдетъ то, чего не зналъ и всегда любилъ—красоту.

Простая жизнь.

I.

...Всегда я была гордая и упрямая. Да и то сказать, будь я смиренная, не умѣй сама за себя постоять—пожалуй и на свѣтѣ бы теперь меня не было. Я вѣдь «казенная», изъ Воспитательнаго дома, а «казенныя дѣти», пока выростутъ, могутъ всего натерпѣться. Отдаютъ ихъ еще крошками въ деревню — тутъ около Петербурга, больше къ чухнамъ; хорошо, если попадется добрая мамка; а у иной своихъ пять человѣкъ—гдѣ же о чужомъ ребенкѣ заботиться.

Я до восьми лѣтъ горя мало видѣла. Моя кормилица-чухонка была хорошая, меня любила; и я ее любила, матерью называла. Она воспитывала меня по-божьему.

Умерла чухонка — кончилось мое привольное житье. Ея сестра стала насъ съ братомъ Андрюшей всячески тиранить и мучить. Андрюша тоже воспитанникъ былъ, не родной мнѣ братъ, названный. Новая хозяйка наша Бога не боялась и людей не

страшилась. Бывало, зимой холодно, одёжи никакой не давала, по снѣгу босикомъ бѣгаемъ; и рубашки намъ по четыре раза въ годъ мѣняла. Лѣтомъ мы вмѣсто пастуховъ были: овецъ, свиней пасли; а придутъ заморозки—до-свѣту гонятъ насъ на поле, картошку копать. Холодно, темно... Только и радости, что скрадемъ у хозяйки спичекъ, разведемъ на полѣ огонекъ и печемъ картошку; да и то оглядываемся, не идетъ-ли кто.

Прошло три года, мнѣ десять лѣтъ минуло. Всѣхъ десятилѣтнихъ отбираютъ и везутъ ближе къ Петербургу, чтобы по-русски научились. Я по-русски ни слова не знала, все по-чухонски. Инымъ воспитанникамъ и не хочется уѣзжать, привыкнутъ, а нельзя — надо. Наборъ этотъ бываетъ всегда осенью, послѣ Покрова.

Въ самый Покровъ пріѣхалъ окружной врачъ, строго наказалъ воспитателямъ привести насъ всѣхъ, сколько назначено, въ одно время въ окружной лазаретъ.

До лазарета считалось двадцать-пять верстъ. Пріѣхали мы, идемъ въ пріемную комнату—а тамъ плачъ, шумъ: наши названные отцы и матери плачутъ, провожаютъ. Иныхъ какъ своихъ родныхъ воспитывали.

Когда мы остались одни, начальникъ провѣрилъ, всѣ-ли явились; насъ было много, двѣсти-девятнадцать человѣкъ.

Отсюда всѣхъ везутъ въ Петербургъ, въ Воспитательный, тамъ ужъ назначаютъ, кого куда.

Рано разбудили насъ на другое утро. Докторъ далъ билеты казенные, велѣлъ не потерять и читалъ

наставленіе, чтобы слушались мы своихъ будущихъ хозяевъ; да еще роздалъ намъ отъ казны по яблоку и по мармеладинкѣ.

Увезли насъ.

II.

Я попала въ богатый домъ. Ребятишекъ было человѣкъ пять, все маленькіе. Хозяйка мнѣ сразу не понравилась: лицо хитрое, злое. Я потомъ про себя ее вѣдьмой звала. Окружной врачъ велѣлъ меня чисто одѣть и пускать каждый день въ школу. Не понравился хозяйкѣ такой приказъ: я ея ребятъ нянчила, домашнюю работу справляла.

До школы было девять верстъ. Собрались всѣ мальчики и дѣвочки рано, зашли за мной, а я и спроситься не смѣю; хозяйка сердита, ходитъ по избѣ, ворчитъ. Одинъ мальчикъ сказалъ ей:

— Ты, тетка Марья, пусти ее сегодня; сегодня всѣ должны притти, записываться будутъ, а потомъ какъ тебѣ угодно.

Она крикнула мнѣ съ сердцовъ: «ступай!» А какъ итти? холода сильные, надѣть вовсе нечего. Ну, однако, надѣла лохмотье какое-то, пошла.

Началось мое мученье: учитель велитъ непремѣнно каждый день приходить, а тетка изъ дому не пускаетъ. Урывками только и могла учиться; но я не лѣнилась и скоро стала все по-русски понимать, цифры узнала и буквы. На экзаменахъ очень стыдно бывало: всѣ пріодѣнутся, одна я въ лохмотьяхъ, словно цыганка.

Такъ бѣгала я въ школу, босая и неодѣтая, двѣ зимы, а на третью сильно заболѣла. Въ лаза-

ретѣ пришлось цѣлый годъ пролежать: сначала корь была, а потомъ ноги все ломило. Хозяева мои за это время ни разу не навѣстили меня, не пришли узнать, жива ли я.

Я поправилась, назначили меня на выписку. Я была рада; думала, вотъ снова поѣду на прежнее мѣсто, буду въ школу ходить, хоть понемногу ученье продолжать.

Но не вышло по-моему. Въ послѣдній день сказала мнѣ сидѣлка, что я опять «переводная»: къ другимъ хозяевамъ, въ колонію, къ нѣмцамъ меня назначили. Горько мнѣ стало: я всегда слышала, что колонисты злые, и питомцамъ у нихъ худо живется.

Пріѣхалъ за мной колонистъ; съ виду онъ былъ добрый, но я ему все-таки не очень-то вѣрила. Хозяйка оказалась не сердитой; она была немножко помѣшана, въ хозяйство не входила; я одна должна была обо всемъ заботиться. Въ школѣ учиться ужъ не пришлось.

Въ колоніи я отдохнула немного отъ моихъ прежнихъ мытарствъ и поправилась.

III.

Мнѣ исполнилось семнадцать лѣтъ; взяли меня изъ колоніи въ Петербургъ, въ «казну», т.-е. на казенную службу въ институтъ. Изъ питомокъ каждый годъ отбираютъ въ казну положенное число. Въ институтѣ мнѣ понравилось, и занятіе свое я скоро поняла: меня опредѣлили въ бѣлевую, смотрѣть за бѣльемъ.

Подругъ много, весело; у насъ, дѣвушекъ, и вечера бывали. Мы танцовать любили и умѣли: какъ у воспитанницъ танцклассъ—мы въ сосѣднюю комнату, и все, что имъ учитель показываетъ, мы перенимаемъ. Привыкла я тоже книжки читать; всѣ дѣвушки романы потихоньку читали. Одинъ разъ мнѣ попался страхъ какой интересный: «По локоть руки въ золотѣ, по локоть руки въ крови». Я этотъ романъ все по ночамъ читала, чтобы наша кастелянша, мадамъ Рязанова, не увидѣла. Она не любила.

Сидѣла я разъ вечеромъ въ дѣвичьей—работу мы покончили — вдругъ приходитъ моя знакомая, Анна Ивановна. Я ужъ ее цѣлый годъ не видала, мы съ ней никогда особенно не дружили. Не знаю, какъ это она меня вспомнила.

— Пойдемъ, Паша, ко мнѣ, посидимъ, чайку напьемся. Тутъ недалеко, на Николаевскомъ вокзалѣ.

Пошли мы. Ея названный мужъ былъ дома, я его раньше не видала, ну—познакомились.

Пока чай готовили, я сѣла у окна.

Дверь отворилась. Въ комнату вошелъ незнакомый человѣкъ, снялъ пальто, тихо сказалъ: «здравствуйте», и сѣлъ къ столу. Анна Ивановна засуетилась, угощаетъ его, но меня ему не отрекомендовала. Я узнала потомъ, что это оберъ-кондукторъ съ Николаевской желѣзной дороги; онъ у Анны Ивановны комнату снималъ, жилецъ ея былъ.

Съ перваго взгляда онъ мнѣ показался уже немолодымъ, некрасивымъ: темные усы висѣли книзу, волосы спереди подрѣзаны, самъ высокій, худо-

щавый... Но тихій и кроткій разговоръ его я слушала съ удовольствіемъ.

Помню, вскорѣ послѣ того, мы его на Троицу на балъ пригласили. Въ этотъ день у дѣвушекъ всегда балъ: двухъ гармонистовъ зовутъ,—большія у нихъ такія гармоніи,—угощенье бываетъ и танцы въ «кругломъ саду».

Вечеръ былъ теплый, ясный; молоденькіе листочки едва развернулись, дни стояли длинные, ночи почти не было—сумерки. Все же, когда чуть стемнѣло, ушли танцовать въ дѣвичью; мы съ нимъ одни остались въ саду, долго гуляли между деревьями.

Онъ мнѣ разсказывалъ о себѣ, говорилъ, что любитъ спокойную жизнь, семейный уголъ... Я молчала; мнѣ было хорошо съ нимъ, и казалось, что я его давно знаю, давно слышала такія рѣчи, тихія и разумныя.

Мой новый знакомецъ, Борисовъ, кротостью вошелъ въ мое сердце. Я его не сразу полюбила. То нравится онъ мнѣ, то будто чую въ немъ что-то хитрое и злое, страшно мнѣ сдѣлается, дальше отъ него быть стараюсь.

IV.

Началась у насъ переписка, свиданья пошли. Мы часто видѣлись у Анны Ивановны. Позоветъ она меня къ себѣ, а сама сидитъ-сидитъ—вдругъ вспомнитъ: «Ахъ, Боже мой, вѣдь меня кума Пелагея Васильевна зайти сегодня зачѣмъ-то просила! Ты погоди, Паша, я сейчасъ вернусь».

И уйдетъ. А я радовалась, это время мы съ жильцомъ, Николаемъ Ивановичемъ, вдвоемъ просиживали. Я ужъ тогда начала къ нему очень привыкать. Чуть день не повидаю—скучно, и работать не могу. Онъ и въ институтъ часто приходилъ. Я о своей любви ему никогда не говорила, держала себя гордо.

Разъ—это было ужъ въ концѣ мая—онъ цѣлый день не приходилъ. Къ вечеру, часовъ въ восемь, я не вытерпѣла: дай, думаю, пойду къ Аннѣ Ивановнѣ—можетъ, и онъ съ поѣзда вернулся.

Погода стояла славная, тепло, тихо. По улицамъ и огней не зажигали, совсѣмъ день, свѣтло. У Анны Ивановны посидѣла я немного — гляжу, идетъ онъ.

— Здравствуйте, — говоритъ, — какъ здоровье? Душевно радъ васъ видѣть. Я сегодня цѣлый день ѣздилъ, вотъ только сейчасъ съ поѣзда.

Пока мы тамъ сидѣли, я все время надъ нимъ смѣялась, дерзкія рѣчи говорила, сама не знаю отчего. А онъ былъ самолюбивый: вижу я, поблѣднѣлъ, губы кусаетъ—разсердился. Стало мнѣ его жалко, однако я этого не показываю, собираюсь домой.

Анна Ивановна въ разговорѣ нашемъ его сторону держала, спорила со мной. Онъ какъ будто повеселѣлъ.

— Позвольте, — говоритъ, — проводить васъ, Прасковья Александровна; вотъ и Анна Ивановна пойдетъ, погода очень прекрасная.

Мы вышли.

Стало свѣжѣе и какъ будто стемнѣло; часы на

вокзалѣ показывали одиннадцать. Мнѣ было весело и легко. Николай пересталъ дуться, шутилъ и смѣялся.

Мы проходили по Лиговкѣ; вдругъ слышимъ— музыка играетъ, окна освѣщены.

— Что это?—спрашиваю я у Николая.

— Это гостинница «Дунай». Хорошая гостинница. Хотите, зайдемъ? Выпьемъ чайку, музыку послушаемъ. Право, зайдемъ? Вѣдь вамъ еще не поздно, Прасковья Александровна...

Я не знала, что сказать; заходить мнѣ не хотѣлось, а отказаться — его было жаль: онъ такъ просилъ, и такъ я его обижала.

Вдругъ Анна Ивановна говоритъ:

— Зайдемъ, пожалуй, отчего не зайти? Вы намъ пару пива поставите. Идешь, Паша?

Я молча пошла за ними. Мы отворили парадную дверь и стали подниматься по лѣстницѣ во второй этажъ. Оглянулась я, а моей Анны Ивановны нѣтъ какъ нѣтъ.

Я испугалась.

— Гдѣ жъ Анна Ивановна?

— А она, кажется, своего мужа встрѣтила въ дверяхъ. Она сейчасъ придетъ...

Насъ провели въ номеръ. Это была небольшая узкая комната въ одно окно. Пестренькая занавѣска была спущена. Такая-же пестрая перегородка раздѣляла номеръ на двѣ половины. Передъ диваномъ стоялъ столъ, покрытый бѣлой вязаной салфеткой. Я не хотѣла садиться, прохаживалась по комнатѣ и все спрашивала, гдѣ Анна Ивановна.

— Право же она встрѣтила Василія Дмитріе-

вича и пошла съ нимъ,—сказалъ Николай.—Она сейчасъ придетъ сюда. А вѣрнѣе всего, что они тутъ, въ сосѣдней комнатѣ. Человѣкъ! двѣ бутылки меду! Пива тоже подай. Вы что пьете, Прасковья Александровна?

— Я ничего не пью, — право, мнѣ ничего не нужно.

— Ну, я одинъ буду пить за ваше здоровье. Только присядьте со иной.

Я сѣла на диванъ. Принесли меду. Сначала я видѣла, какъ онъ тихонько улыбался, наливая себѣ стаканъ, потомъ сразу сдѣлался серьезенъ, поднялся со своего мѣста и сѣлъ рядомъ со мной. Я посмотрѣла на него: онъ былъ блѣденъ, а въ глазахъ его мнѣ почудилось что-то злое и жестокое. Я испугалась и хотѣла встать, но онъ удержалъ.

— Полюбите меня!

— Послушайте,—право, я удивляюсь: не глупый вы мужчина, и вдругъ такія у васъ ни къ чему не нужныя мысли. И гдѣ это только Анна Ивановна?

Онъ помолчалъ.

— Я слыхалъ, Прасковья Александровна — за вами артельщикъ одинъ очень ухаживаетъ?

— Правда, ухаживаетъ. А вамъ-то что? За мной не одинъ онъ ухаживаетъ.

— Вотъ это-то мнѣ и не нравится.

Николай крѣпко обнялъ меня. Я вскрикнула, хотѣла вырваться, но онъ держалъ меня, и наклонившись близко, произнесъ:

— Не кричи, все равно—дверь заперта...

Помню одно, что послѣ я какъ безумная выбѣжала оттуда на улицу. Я не хорошо пони-

мала, что́ со мной, и не знала, что́ дѣлать. По счастью я захватила съ собой изъ дому два рубля; не раздумывая долго, я пошла на вокзалъ взяла билетъ и уѣхала къ дядѣ въ колонію. Онъ не удивился: изъ института меня часто пускали къ нему гостить. Только тамъ я немножко одумалась и начала понимать, что со мною случилось.

V.

Николай сталъ мнѣ писать письма, но я ихъ не читала; разорву на мелкіе кусочки и отошлю назадъ. И слышу я — все онъ своимъ знакомымъ про меня разсказываетъ; должно быть, очень ужъ сердился, что ничего со мной не можетъ подѣлать и что писемъ его не принимаю.

На душѣ у меня было горько и тяжело; я его все-таки любила.

Такъ минуло лѣто. Пришелъ сентябрь, дожди; работы прибавилось; понемногу я начала привыкать къ мысли, что никогда его не увижу. Дурные его поступки я забыла.

Вдругъ все сразу перемѣнилось.

Стала я прихварывать, все мнѣ неможется,— то тамъ болитъ, то здѣсь; съ лица осунулась, пожелтѣла. Надо, думаю, къ доктору сходить. Долго собиралась, наконецъ пошла.

Посмотрѣлъ докторъ: «Это, говоритъ, болѣзнь не опасная...»

Я сначала не поняла, — ну, онъ пояснѣе сказалъ. Вышла я отъ него, и сама себѣ удивляюсь, какъ это я еще иду; кабы въ то время случилось

въ Лиговкѣ воды побольше—можетъ, меня теперь и на свѣтѣ-бы не было.

Что́ дѣлать? Вотъ когда настала моя забота; цѣлыя ночи напролетъ я не спала; лежу съ открытыми глазами, смотрю въ темноту и думаю: что́ дѣлать?

Одно оставалось—на мѣсто итти.

Я говорила знакомымъ, что выхожу изъ казны, просила мѣсто мнѣ пріискать, но мѣсто не находилось.

Прошла недѣля, и стало мнѣ не въ мочь. За эту недѣлю душа у меня изболѣлась. И я рѣшила про себя: пусть будетъ что будетъ; хоть и стыдно это—напишу Николаю.

Написала коротенькое письмо, просила притти завтра въ четыре часа.

Цѣлый вечеръ и слѣдующее утро я ходила блѣдная, испуганная.

— Придетъ или не придетъ?

Онъ пришелъ. Мы были одни.

Николай обнялъ меня крѣпко «Прости меня, Паша, прости...» и еще что-то тихо говорилъ, я ужъ не разобрала, горько плакала; сразу воротилась моя любовь къ нему, я позабыла обиды. Вижу, не совладать все равно съ собою: пусть ужъ, думаю, пусть люблю...

Поуспокоились мы немножко, — онъ спрашиваетъ, какъ мнѣ живется.

Я ему всю правду сказала.

Онъ задумался.

— Знаешь что, Паша? Тебѣ тутъ оставаться не приходится.

— А какъ быть-то? Мѣсто на волѣ скоро-ли выйдетъ? Да и искать въ такомъ моемъ положеніи не знаю гдѣ.

— Совсѣмъ тебѣ никакого мѣста не нужно, а найму я комнату, переходи жить. Теперь, конечно, мнѣ свадьбу играть разсчету нѣтъ, жалованье маленькое, мать на рукахъ. Къ веснѣ виднѣе будетъ. Я тебя такъ не оставлю.

— Не пойду я къ тебѣ. Я всегда тѣхъ осуждала, кто на легкихъ хлѣбахъ живетъ—сама не пойду.

— Эхъ, Паша, теперь вѣдь ужъ все равно, теперь тебя кто-жъ возьметъ? Тебѣ кромѣ меня ни за кого не итти. Да и не ты первая, не ты послѣдняя. А я тебя обижать не стану, вотъ ей-Богу-же не стану. Такъ я пойду комнату искать.

Онъ всталъ.

Я не знала, что ему сказать; на душѣ было невесело, думалось нехорошо я поступаю, да вспомнила, что съ ребенкомъ некуда итти—и согласилась.

Вечеромъ, дня три спустя, сидѣла я въ дѣвичьей, чай былъ накрытъ; вдругъ входитъ Борисовъ.

— Милости просимъ,—говорю я, — какъ разъ къ чаю.

— Охъ, Паша, не до чаю мнѣ; я,—говоритъ,—мѣсто потерялъ.

Я вся обомлѣла. Смотрю на него, а онъ блѣдный и самъ будто не въ себѣ.

— Отчего такъ?—спрашиваю.

— Да такъ ужъ, случилось такое дѣло. Теперь не знаю, какъ мнѣ и быть. Главное—мать-старуха, куда я ее дѣну?

У меня глаза были полны слезъ. Хотѣла сказать ему, что пусть-бы мать пока у меня погостила—да не посмѣла; я сама была бездомная.

Просидѣли мы съ нимъ такъ минутъ пять, и говоритъ онъ наконецъ, все невеселый:

— Вотъ что я, Паша, надумалъ; ты ужъ пожалуйста не сердись, переѣзжай ты пока къ моей сестрѣ или къ брату. У нихъ есть хорошій, чистый уголъ въ дворницкой. Я это дѣло устрою. Тамъ мнѣ за тебя и платить ничего не придется. Что-жъ ты, согласна?

Подумала я немного:—Хорошо,—говорю,—Николай, переѣду, согласна.

VI.

Рано утромъ я встала, вздумалось къ Скорбящей Божіей Матери помолиться поѣхать: можетъ Господь ему и пошлетъ.

Одѣлась я, сѣла на конку у Николаевскаго вокзала и отправилась. Это вѣдь недалеко, за Невской заставой, пять копѣекъ стоитъ. Тамъ прежде, разсказываютъ, только одна заброшенная часовня была, Николая Чудотворца, а образъ Божіей Матери такъ, сбоку стоялъ. И висѣла тамъ кружка, а въ кружкѣ грошики мѣдные, старинные. Случилась лѣтомъ гроза. Молнія ударила въ часовню и попала прямо въ кружку. Она разсыпалась, но грошики на землю не попадали, а всѣ къ образу Божіей Матери такъ и прилипли. До сихъ поръ они тамъ. Пришелъ сторожъ, увидалъ чудо. И узнали, что эта икона чудотворная.

Съ того времени тамъ совершились многія исцѣленія, и, говорятъ, если задумать что и поѣхать Божіей Матери помолиться—непремѣнно сбудется. Тамъ теперь церковь большая, богомольцевъ много, приводятъ больныхъ.

Стала я въ уголку, свѣчку купила, помолилась хорошенько—и сдѣлалось у меня на душѣ посвѣтлѣе. Можетъ, думаю, Господь ему и пошлетъ.

Два дня минуло—идетъ Николай веселый.

— Ну что? спрашиваю.

— Да что, слава Богу, на мѣсто поступаю. Тутъ на углу Гороховой и Семеновскаго, домъ Королева, знаешь? Такъ я къ этому Королеву иду, вродѣ какъ въ управляющіе.

— Ну, слава Богу, слава Богу! Я за тебя у Скорбящей молилась.

— Я и самъ Богу молился. Безъ Бога развѣ можно? Безъ Бога намъ-бы помирать надо. Я вчера въ часовню пелену свезъ и молебенъ отслужилъ — вотъ Господь-то и посылаетъ. Конечно, жалованья много сразу не дадутъ, придется сначала какъ-нибудь перебиваться, да все-же пристроенъ. А про тебя я сестрѣ говорилъ,—хоть завтра переходи. У меня теперь хлопоты будутъ по новому мѣсту—я, можетъ, не скоро зайду, ты не скучай.

Надо было выходить изъ института. Сняла я казенное платье, попрощалась со всѣми, поплакала, въ канцеляріи мнѣ выдали аттестатъ и немного денегъ. Кончилась моя безпечная жизнь.

Мужъ Николаевой сестры, Платонъ, служилъ старшимъ дворникомъ въ Семеновскомъ полку; къ нимъ въ дворницкую я и переѣхала, а они съ Ни-

колаемъ условились ничего съ меня за уголъ не брать, и обѣдала я съ ними; только это даровое мнѣ хуже дорогого обошлось: Даша, жена Платонова, всѣ платья у меня выпросила, какія были, а отказать совѣстно, ѣла-пила съ ними.

Въ дворницкой сыро, темно, кругомъ лавки нечистыя. Днемъ я все одна да одна. Даша, и та рѣдко дома бывала, особенно въ праздникъ. Часу въ десятомъ придетъ Платонъ пьяный, колобродить начнетъ, безобразія пойдутъ разныя... Ужъ думаешь, пусть-бы дольше не приходили; одной-то хоть и страшно, и скучно, а все-таки лучше.

Время шло, а о Николаѣ не было ни слуху, ни духу. Но я не безпокоилась: пусть, думаю, устроится на новомъ мѣстѣ,—придетъ.

Но вмѣсто Николая явился ко мнѣ разъ пріятель его, Митя. Этотъ Митя у него и проживалъ, не знаю ужъ зачѣмъ Николай велъ съ нимъ дружбу. Его изъ полиціи со службы выгнали; хитрый онъ былъ человѣкъ, врагъ между нами; ссорилъ насъ часто; мнѣ про Николая все передавалъ, а ему про меня наговаривалъ. Душу имѣлъ самую подлую, а видомъ былъ красавецъ-мужчина: черные волосы вьются, глаза синіе съ поволокой, руки какъ у барина. Николаю нравилось, что этотъ самый Дмитрій Мауткинъ умѣетъ всякую просьбу написать, проведетъ и выведетъ, къ себѣ въ адвокаты его готовилъ.

Я Митю встрѣтила ласково.

— Здравствуйте, здоровы-ли? Давно васъ не видно. Присядьте, гость будете.

— Да что, Прасковья Александровна, я вамъ

вѣсть принесъ. У Борисова вчера благословенье было. Слезно онъ просилъ вамъ не говорить, да я ужъ, васъ жалѣючи, не утерпѣлъ.

— Господи! — говорю, а сама поблѣднѣла: — съ кѣмъ-же это?

И я узнала, что Николай давно ужъ невѣсту себѣ присмотрѣлъ, племянницу придворнаго поставщика, Лизку. Она была съ деньгами, изъ себя такая дурная, ее за него-бы не отдали, да ужъ влюбилась очень. Митя мнѣ все разсказалъ.

— Что-же вы, Прасковья Александровна, теперь предпринять намѣрены? Если желаете, я могу выяснить, что именно, въ виду вашего положенія...

Я встала, перекрестилась на образъ и говорю:

— Ничего я дѣлать не намѣрена, ничего мнѣ не нужно. Господь съ нимъ! А вы, Дмитрій Васильичъ, уйдите пока.

Митя ушелъ, я осталась одна.

Ту ночь я вовсе спать не ложилась. Ребенка было жаль. Въ Воспитательный очень не хотѣлось отдавать. Знала я, какъ тамъ сладко.

VII.

Я сидѣла вечеромъ одна у окошка; въ дворницкой никого не было. На дворѣ еще не совсѣмъ смерклось, а кругомъ меня давно тьма. Слышу, вошелъ кто-то, у двери возится, нейдетъ ближе.

— Кто тамъ?—спрашиваю.

Молчитъ.

Я испугалась.

— Да кто-же это? отвѣчайте!

Вижу, подходитъ ко мнѣ.

— Не бойся, Паша, это я!—говоритъ.

Узнала я голосъ—стою, двинуться не могу.

Онъ снялъ шубу, сѣлъ къ столу.

— Темно тутъ у тебя, не видать ничего.

— Сейчасъ вотъ... огонь засвѣчу...

Опомнилась я немножко, отыскала на столѣ спички, а зажечь не могу, руки дрожатъ.

— Постой, я зажгу,—говоритъ.

Взялъ у меня тихонько коробку, лицо свое освѣтилъ. И какъ увидала я его тутъ въ первый разъ — обрадовалась, позабыла, что можетъ это онъ прощаться со мной пришелъ; захотѣлось приласкаться къ нему, прежнее воротить... Да во время удержала себя, стою, молчу.

Онъ зажегъ лампу, повѣсилъ ее, сѣлъ.

— Ну что-жъ, здравствуй, Паша.

— Здравствуй.

— И не спрашиваешь, что долго не шелъ, гдѣ гулялъ, какія дѣла дѣлалъ?

— Что мнѣ! Про то ты самъ знаешь, а я тебя не касаюсь.

— Ты сердишься на меня, Паша?

— Не сержусь я; видитъ Богъ—нѣтъ у меня зла къ тебѣ.

— Паша, скажу по правдѣ, я вотъ за какимъ дѣломъ пришелъ: завтра у меня свадьба; я и самъ не радъ теперь, что затѣялъ, отказаться ужъ не могу; такъ дай ты мнѣ росписку, что не препятствуешь браку. Я, право, и самъ не радъ, да дѣлать-то ужъ нечего. Вотъ, росписка у меня готова, тебѣ только подписать.

Онъ сталъ проворно рыться въ карманахъ, наконецъ вытащилъ небольшой клочокъ почтовой бумаги и положилъ на столъ.

Я молчала.

Онъ посмотрѣлъ на меня, подождалъ, что я скажу.

— Ну, такъ какъ-же, Паша, росписку-то? Ты повѣрь, я-бы радъ отказаться, да ужъ нельзя. Подпишешь, что-ли?

Пересилила я себя, слезы удержала,—отвѣчаю ему:

— Я обѣщалась себѣ и Богу — ничего тебѣ напротивъ не дѣлать. Обѣщанья моего не нарушу.

Въ углу на окнѣ стояла чернильная баночка, лежало перо; я перо взяла и поскорѣй на той бумажкѣ росписалась: не препятствую, молъ; а сама ужъ не стерпѣла, горько заплакала.

Гляжу—становится онъ передо мной на колѣни, поклонился въ землю, самъ плачетъ. Потомъ всталъ, обнялъ меня.

— Паша, — говоритъ, — вѣришь-ли, вотъ какъ жаль тебя! И, кажется, еслибы только можно было отказаться... Ты Бога ради прости меня. И вотъ десять рублей, послѣднія мои деньги, потому теперь тебѣ скоро надо. Когда будешь больная, пришли ко мнѣ Платона; я приду и денегъ принесу. Я и послѣ женитьбы готовъ тебѣ всегда помочь.

Но денегъ я не взяла.

— Господь съ тобою и съ твоими деньгами, Николай; только-бы ребенокъ остался живъ,—это для меня дороже всего; а помощи твоей я и теперь не приму, и послѣ женитьбы не надо.

Обнялъ онъ меня, не пускаетъ; и долго мы такъ стояли, плакали оба; наконецъ распростились навѣкъ.

Послѣ я узнала, что до священника въ его приходѣ дошелъ слухъ обо мнѣ—онъ вѣнчать не соглашался; для него у меня Николай и взялъ росписку.

Митя потомъ смѣялся надо мной, зачѣмъ я дала; онъ меня совсѣмъ за дуру считалъ.

VIII.

Я затосковала. Сидишь одна, и дѣла никакого нѣтъ; хоть-бы что-нибудь работать, все-бы веселѣе.

— Знаешь что? Поступай-ка на мѣсто,—говоритъ мнѣ разъ Даша.—Тутъ, на нашемъ-же дворѣ, генералъ прислугу ищетъ. Я тебя порекомендую. А придетъ твое время — онъ на недѣлю-то отпуститъ къ акушеркѣ.

Я подумала—и согласилась.

Новый мой баринъ, генералъ, былъ вдовецъ, пожилыхъ ужъ лѣтъ и изъ себя очень смѣшной: ножки коротенькія, самъ толстенькій, усы торчкомъ. На головѣ почти-что вовсе ничего не росло, а лицо и утромъ, и вечеромъ—все одинаковаго цвѣта: красное.

Онъ со мною часто разговаривалъ.

Придетъ послѣ обѣда или вечеромъ на кухню, сядетъ передо мной, улыбается, усами шевелитъ, головой покачиваетъ.

— И какъ это вы могли въ казнѣ съ собой такую штуку устроить?

Я разсержусь.

— Да очень просто!

И больше онъ отъ меня ни слова не добьется. А то еще фотографія у него была, все онъ карточки снималъ; только проку мало было, портилъ больше. Устроилъ себѣ такую будочку темненькую, красный фонарь тамъ зажжетъ и сидитъ, тарелку съ водой качаетъ, а въ водѣ какое-то стекло. Часто меня туда съ собой звалъ.

— Пойдемте,—говоритъ, — я васъ научу, какъ это дѣлать.

Разъ, вижу я, болталъ онъ тарелку, болталъ, потомъ болтать бросилъ, лѣзетъ ко мнѣ въ темнотѣ...

Тутъ я совсѣмъ разсердилась, толкнула его, изъ будочки поскорѣй вышла.

Зоветъ онъ меня потомъ какъ-то опять учиться фотографіи, а я нейду.

— Не женское, говорю,—это дѣло, не нуждаюсь я изучать никакую фотографію.

У генерала мнѣ все-таки легче было, чѣмъ вовсе безъ работы, и подруги навѣщали; особенно одна, Анюта, часто забѣгала; она въ фельдшерской школѣ училась, женихъ подвернулся, свадьбу назначили, такъ Анна все ко мнѣ приданое шить ходила.

Приближалось время моей болѣзни; только я объ этомъ совсѣмъ мало думала,—не вѣрила, что скоро.

Генералъ самъ въ Обуховскую больницу ѣздилъ узнать, принимаютъ-ли, есть-ли мѣста.

Пріѣхалъ назадъ—во всякое, говоритъ, время дня и ночи принимаютъ, будьте спокойны.

Ну, я и жду. Коли, думаю, начнется что — я живо до больницы добѣгу.

Какъ то утромъ—убрала я комнаты, кофей сварила — и стало мнѣ скучно; однако ничего, часу въ двѣнадцатомъ генерала снарядила — уѣхалъ. Тогда чувствую—хуже мнѣ. А все-таки не думаю ни о чемъ, хожу по комнатѣ, въ больницу и не собираюсь. Можетъ, такъ, поболитъ, да и пройдетъ.

Ужъ два часа пробило, я и обѣдъ не готовлю, не могу. Вдругъ идетъ Анюта.

— Что это съ тобой?

— Не знаю, болитъ какъ-будто; хожу — такъ легче, можетъ, пройдетъ.

— Да что ты, сумасшедшая, одѣвайся скорѣе, пойдемъ въ больницу. Пойдемъ, пойдемъ, нечего; еще здѣсь на квартирѣ бѣда случится. Скорѣе одѣвайся, а я Дашу въ комнаты позову.

Кликнули Дашу, я въ узелокъ кое-что связала, денегъ было немного — съ собой взяла, отправились мы. Обуховская на Загородномъ, а мы отъ угла Загороднаго черезъ два дома жили, по Верейской. Дошли. Спрашиваемъ: принимаютъ?

Вышла къ намъ «крестовица», сестра милосердія отъ Краснаго Креста.

— Я, говоритъ, не знаю; у насъ такихъ больныхъ не принимаютъ, я не могу. На то родильные есть.

Анютка разсердилась.

— Да я и разговаривать-то съ вами не хочу! Вы права не имѣете, вы должны принять!

— Я ничего не могу. Подождите, скоро дежурный врачъ придетъ.

Сѣли мы, ждемъ; я едва-едва сижу, худо мнѣ. Наконецъ приходитъ докторъ.

— Нѣтъ,—говоритъ,—вы идите въ Надеждинскую. Сюда васъ принять нельзя. А до Надеждинской вы еще дойдете, вамъ полезно ходить.

Дѣлать нечего, мы вышли. Только до угла Гороховой дошли—не стало моихъ силъ.

— Нѣтъ,—говорю,—Анюта, дальше не пойду, какъ хочешь.

Она задумалась.

— Да постой, вотъ часть напротивъ; а при каждой части обязаны три-четыре кровати имѣть. Я сейчасъ узнаю.

Сбѣгала она—нѣту, говорятъ.

— Что дѣлать? И Анюта моя пріуныла; а мнѣ все хуже, да хуже.

Стоимъ мы на углу; я къ дому прислонилась, кругомъ смотрѣла. Мнѣ не страшно было, только удивительно, отчего все такъ по-старому идетъ, точно и ничего? Вонъ разнощикъ съ апельсинами, мальчишка почтовую бумагу продаетъ; франтъ какой-то проѣхалъ съ барыней, обернулись, на меня взглянули. Народъ мимо спѣшилъ; иные, кому дѣлать нечего, останавливались; интересуются, что со мной дальше будетъ. Постоятъ, видятъ—ничего пока, пойдутъ своей дорогой.

Одна женщина долго стояла пригорюнившись, смотрѣла; потомъ, спасибо ей, говоритъ:

— Вотъ здѣсь, по Гороховой вторыя ворота, акушерка живетъ; она приметъ.

Обрадовалась Анюта, поблагодарила, повела меня.

И у меня точно силы прибавилось.

Дворикъ чистенькій, мощеный, указали намъ дверь—акушерка жила въ первомъ этажѣ.

Она сама насъ встрѣтила — полная женщина, низенькая, съ просѣдью и по-русски одѣта, кофта прямая. Въ зальцѣ у нея на окнахъ герани стояли, висѣли занавѣски бѣлыя кисейныя.

Мнѣ хоть и худо было, а я всякую малость замѣчала въ то время, послѣ сама удивлялась.

— Такъ и такъ,—говоритъ Анюта:—вотъ больная; ее нужно скорѣй въ постель положить.

— Это все будетъ, только у меня за пріемъ семь рублей полагается, чай, сахаръ, булки—отдѣльно.

Скажи она мнѣ тогда не семь, а пятнадцать рублей, и то-бы я осталась, дальше-бы не пошла.

Увела она меня; Анюту я домой прогнала; лучше, молъ, послѣ придешь.

Черезъ часъ мнѣ Богъ далъ сына.

Выкупала его акушерка, убрала и говоритъ мнѣ:

— Мать, принести тебѣ сына?

Я говорю:—Ну, дайте посмотрѣть.

Маленькій такой, красненькій, глазками едва смотритъ. Жалко его.

На другой день, въ субботу, окрестили, Колькой я его назвала, а въ воскресенье ужъ надо было везти въ Воспитательный.

Утромъ, вижу—собираетъ бабушка Кольку въ путь-дорогу. Завернула въ одѣяло, подала мнѣ на кровать проститься, сама вышла.

Онъ точно все понималъ, смотритъ мнѣ прямо въ глаза, не плачетъ. Онъ у меня полненькій былъ,

на головѣ волосы совсѣмъ бѣлые. Бабка его такъ и прозвала: «Колька сѣдой». Я все вглядывалась въ него, точно запомнить его хотѣла, всѣ примѣточки разсмотрѣла, волоски бѣлые цѣлую, сама плачу. Наконецъ благословила его, три раза перекрестила:--Христосъ съ тобой, дѣтка, поѣзжай съ Богомъ!—И отпустила. Бабка увезла.

IX.

Съ того дня я все ждала и дождаться не могла, когда можно будетъ уйти отъ акушерки, чтобы навѣстить Кольку.

Къ генералу явилась еще совсѣмъ слабая, больная. Въ первую же пятницу отправилась въ Воспитательный. По дорогѣ кое-чего мамкѣ купила: сахару, булку французскую. Подъѣхала ближе—упало у меня сердце: можетъ, ужъ и померъ.

Черезъ дворъ прошла, мимо садика; въ прихожей швейцаръ стоитъ, въ красное одѣтъ.

— Раньше, — говоритъ, — двухъ часовъ не пускаютъ, подождите.

Тутъ ужъ много женщинъ дожидалось, и лавки всѣ заняты. Отошла я къ сторонкѣ, сѣла на окно, жду. Прихожая просторная, только невысокая; колонны сѣрыя кругомъ. Около моего окна, на скамейкѣ, сидѣли три женщины; тоже къ дѣтямъ своимъ пришли, видно: всѣ съ узелками, да съ мѣшочками. У самой стѣны, прижавшись, сидѣла должно быть швейка; некрасивая, блѣдная, бѣлокурые волосы гладко подобраны подъ розовый гарусный платокъ; смиренная такая, робкая,

все молчала. Мнѣ понравилась крестьянка, со швейкой рядомъ: лицо длинноватое, строгое и пріятное. На другомъ краю скамейки, ближе къ дверямъ, сидѣла либо кухарка, либо экономка какая-нибудь, круглолицая, нестарая. Подъ полой своего широкаго салопа съ потертымъ мѣховымъ воротникомъ она прятала крошечный узелокъ, а глазки такъ и бѣгали. Она что-то разсказывала крестьянкѣ, та со вниманіемъ слушала.

«И подала она, мать моя, прошеніе,—говорила женщина въ салопѣ:—подала она прошеніе, такъ и такъ, значитъ, у меня троё дѣтей, онъ не исполнилъ. И чтобы его не вѣнчать. Только наканунѣ подала, а на другой день слышитъ — у Покрова свадьба, его, значитъ, вѣнчаютъ. Она забрала ребятишекъ—туда. Ей-бы какъ чужой притти, притаиться: ну, пришла-пришла свадьбу смотрѣть; а она нѣтъ, плачетъ: «скоро-ли, говоритъ, мой измѣнщикъ пріѣдетъ?» Ну, прослышали это и велѣли ее вонъ вывести, за ограду. И только, значитъ, душеньку-то прежнюю за ограду вывели—невѣста и въѣхала!..

— И что-жъ, и окрутили? — спросила крестьянка.

— Окрутили, мать моя, окрутили! Я ужъ ей говорю потомъ:—дура ты! ну, куда ты теперь...

— Дѣтей изъ Надеждинскаго родильнаго привезли,—сказалъ кто-то около меня.

Въ сосѣднюю комнату, «пріемъ», прошли закутанныя женщины. Двери «пріема» были стеклянныя—все видно насквозь. Я стала ближе.

Я видѣла, какъ маленькихъ клали на вѣсы,

дама у стола записывала что-то; бумажку уносили вмѣстѣ съ ребенкомъ.

— Батюшки, никакъ двойни! — вскрикнула за мной одна женщина.

Гляжу — лежатъ на вѣсахъ два, маленькіе, голенькіе, совсѣмъ одинакіе. Такъ ихъ вмѣстѣ и унесли.

Наконецъ пробило два. Кругомъ все закопошилось, верхнюю одежду стали снимать. Экономка спѣшила пробиться впередъ и толковала барынѣ въ высокой шляпѣ, что богатыя чаще бѣдныхъ сюда дѣтей подкидываютъ отъ зазору, либо отъ лѣни, и что имъ на томъ свѣтѣ «отольются дѣтскія слезки», а сама на барыню смотрѣла, точно про нее говорила. Барыня стыдилась, хотѣла уйти, но экономка не отставала.

Мы поднялись по широкой лѣстницѣ въ палаты. Чисто такъ, свѣтло; по стѣнамъ стоятъ мамкины кровати, а между ними люльки съ зелеными навѣсиками; по три, по четыре люльки, у какой мамки сколько дѣтей. Два стола, направо и налѣво, гдѣ маленькихъ пеленаютъ, называются «парадными» столами. На кроватяхъ нельзя пеленать — онѣ такія высокія, горбатыя, точно гробы, тканьевымъ одѣяломъ сверху закрыты. Мамки ходятъ простоволосыя, темные сарафаны ситцевые, старенькіе, видно. Въ люлькахъ подушки соломенныя. Я думала, что вотъ и я въ такой люлькѣ спала, и я здѣсь провела свои первые дни.

Я показала билетъ: «вашъ, — говорятъ, — живъ, здоровенькій, въ шестой палатѣ». Я перекрестилась: слава Богу! и пошла. Иду, ищу, сразу-то

не найду. Въ одной палатѣ подошла къ парадному столу: не здѣсь-ли? «Это четвертая палата», говорятъ.Хотѣла ужъ дальше идти—смотрю, одна мамка кладетъ на столъ ребенка: желтый такой и словно опухшій.

— Что это? Отъ чего такой желтенькій?

— Да помираетъ, — говоритъ мнѣ мамка. — Ужъ онъ давно мается. Ну, Христосъ съ нимъ.

Взяла тряпочку, подъ подбородокъ ему положила, чтобы слюни на пеленку не попали. Онъ такъ легко умеръ, скоро. Вздохнулъ раза три глубоко, глазки закрылъ, потомъ тихо-тихо открылъ— и кончился.

Колинъ нумеръ былъ 5311-й. Я какъ вошла въ шестую палату, сейчасъ увидала—на дощечкѣ написано: Николай Александровъ. Онъ у мамки на рукахъ спалъ. Я взяла его, сѣла на скамейку: онъ самый, онъ, вотъ и волоски его бѣленькіе, и на ушкѣ родинка.

Бѣдный ты мой, бѣдный! каково-то тебѣ здѣсь живется?

Мамка разсказывала, что онъ смирный, не плачетъ.

— Не то что вотъ дѣвочка у меня, такая крикунья; ну, да она больная, голова ростетъ, а тулово не ростетъ, худѣетъ.

Дѣвочка заплакала.

— Ишь ты, обидѣлась!—сказала мамка.—Полно ужъ, ничего, поправишься.

Я мамкѣ отдала гостинцы, 20 копѣекъ денегъ; и дѣвушкѣ дала полтинникъ, чтобы мнѣ выбрали мамку получше, когда его отправятъ въ деревню.

Передъ самой отправкой фельдшерицѣ пришлось послѣдніе три рубля отдать.

Наканунѣ, какъ ему ѣхать, я пришла въ Воспитательный; ему ужъ на шейку пломбу надѣли: круглая такая бѣлая косточка, гдѣ его годъ и нумеръ вырѣзаны. Шнурокъ-то короткій, шейку рѣжетъ, узелъ печатью свинцовой припечатанъ, не развязывается.

Я сидѣла, на рукахъ его качала: не мой ты ужъ больше, ты теперь подъ казеннымъ нумеромъ. И знать меня не будешь, когда я навѣстить пріѣду. Прощай, дѣточка моя, запечатанная!

X.

Я считала дни, недѣли, думала, вотъ онъ теперь ужъ смѣется, имя свое знаетъ. Мнѣ изъ деревни писали, что онъ здоровъ, ростетъ.

Къ генералу моему пріѣхали пасынки, молодые люди, веселые такіе, надъ старикомъ все потѣшались. А онъ фотографіей занимался, да манную кашу къ обѣду заказывалъ, чтобы подешевле.

Только стала я замѣчать — ужъ очень онъ ко мнѣ ласковъ: и то, и се, и книжки даетъ, и гулять посылаетъ, покупаетъ апельсины.

Ну — я ничего.

Какъ-то, поздно вечеромъ, входитъ ко мнѣ генералъ и вдругъ начинаетъ разныя глупости говорить, подарки мнѣ обѣщаетъ, жалованья пятнадцать рублей...

Я страхъ какъ разсердилась, кричу ему:

— Извольте выйти вонъ! Я къ вамъ въ прислуги нанималась, а не что нибудь! Ничего мнѣ отъ васъ не нужно. Ужъ вы думаете, что если разъ человѣкъ проступился, такъ онъ никакого благородства не можетъ понимать! Пожалуйте въ комнаты, а я Сашѣ и Ванѣ все разскажу.

Онъ испугался, что пасынки узнаютъ.

— Ничего, говоритъ, ничего... Я такъ... Я уйду...

Все-таки съ того раза началъ онъ ко мнѣ очень приставать. Я ужъ и уйти думала, да безъ мѣста оставаться—Кольку жаль, нечего ему въ деревню послать.

Говорила я Дашѣ о моемъ горѣ. А тутъ какъ разъ ея господа изъ Москвы пріѣхали, квартиру искали.

— Вотъ, поступай на мое мѣсто,—говоритъ Даша.—Меня, все равно, мужъ домой въ деревню посылаетъ. Я тебя порекомендую.

Съ барыней мы скоро уговорились. Молодая такая барыня, точно дѣвочка; платьице коротенькое и коса свѣтлая за спиной. Баринъ вышелъ. Тоже молоденькій еще, маленькій, черноватый; только носъ длинный и видѣнъ. Курточка синяя надѣта. Посмотрѣлъ на меня—вижу, ничего, веселый баринъ.

Всего ихъ двое; служба, думаю, не тяжелая будетъ. Перебралась я на новое мѣсто.

У господъ мопса была, и зайца въ корзинкѣ они съ собой привезли. Потомъ этотъ заяцъ по черной лѣстницѣ убѣжалъ — такъ и пропалъ. А мопсу я полюбила, она со мной и спала. Господа

часто уходили въ гости, мнѣ съ мопсой и веселѣе. Вставали поздно; напьются кофею — сейчасъ баринъ въ свою комнату, двери кругомъ запретъ и начнетъ наискось, отъ угла до угла, бѣгать, а самъ громко ворчитъ и руками размахиваетъ.

Нижніе жильцы стали жаловаться, безпокойно имъ; спрашиваютъ: боленъ у васъ баринъ? А онъ поворчитъ-поворчитъ, въ книжечкѣ маленькой немного попишетъ и кличетъ барыню: «Соня! Гдѣ ты? Поди сюда!»

Придетъ барыня, сядетъ—и сейчасъ-же онъ ей что-то выпѣвать начнетъ; мало понятно, гулъ одинъ. Кончитъ—и спрашиваетъ барыню:

— Ну, какъ, хорошо-ли?

Та скажетъ: «хорошо», а иной разъ: «нѣтъ, говоритъ, мнѣ это не нравится, вотъ тутъ-то и тутъ-то плохо».

Баринъ сейчасъ книжечку объ полъ, самъ на диванъ ничкомъ, и кричитъ:

— Что-же теперь?! Ну, что дѣлать? Нѣтъ, вижу, ничего я не могу, ничего!

Потомъ уладится какъ-нибудь, барыня въ гостиную уйдетъ, а онъ опять бѣгаетъ и ворчитъ про себя.

Узнала я, что баринъ нашъ—сочинитель. Нижнимъ жильцамъ толкую: онъ не боленъ, онъ сочинитель, ему нельзя, чтобы не ходить.

— А, сочинитель! Коли сочинитель, говорятъ, такъ ужъ что-жъ дѣлать, ужъ пусть.

А одинъ студентъ внизу былъ, сердитый такой, кричитъ:

— Мнѣ наплевать, что сочинитель! Онъ мнѣ

заниматься мѣшаетъ! Сочинитель! Вѣрно и не сочинилъ еще ничего!

— Вотъ и неправда, — говорю ему,—цѣлую книжку сочинилъ, все стихами; у нихъ на столѣ и лежитъ.

Помню, я комнаты убирала, въ баринову книжку заглянула, страницы двѣ прочла—нѣтъ, непонятно! Я многихъ сочинителей стихотворенія читала—очень хорошо! И понятно. Только и нашъ баринъ не изъ плохихъ былъ: онъ каждый понедѣльникъ въ собранія ходилъ какія то, а въ томъ домѣ у меня лакей знакомый; такъ говорилъ, что тамъ всѣ самые умные сочинители бываютъ, и нашъ баринъ тоже умный, говоритъ съ ними хорошо.

Барыня никогда не сердилась, развѣ мопса потеряется; барыня мопсу какъ дочь любила. Ну, баринъ, правда, сердился, только больше когда ему посыльный свертки приносилъ. «Опять не приняли, — кричитъ, — безобразіе! Какое непониманіе!» Тогда ужъ и не подступайся — все не по немъ, все неладно.

А такъ — они веселые были, бѣгаютъ по комнатамъ, ловятъ другъ друга, смѣются—точно дѣти.

XI.

Прошло полгода. Я все думала, какъ-бы мнѣ сынишку выростить, онъ одинъ у меня на радость остался. Изъ деревни писали прежнее — здоровъ, ростетъ. И захотѣлось мнѣ его навѣстить. Ноябрь

былъ, осенняя погода; но, думаю, ничего, не бѣда Я барынѣ сказала.

— Ну, что-жъ,—говоритъ,—поѣзжайте, только нельзя-ли намъ на эти дни кого-нибудь вмѣсто васъ.

У меня знакомая была, Саша, жила недалеко. Сбѣгала я къ ней — обѣщалась притти двѣнадцатаго числа. А пока я Колѣ стала обновки готовить: рубашонокъ ему теплыхъ бумазейныхъ нашила, связала чулочки пуховые, смастерила чепчики изъ лоскутковъ разноцвѣтныхъ.

Двѣнадцатаго утромъ всего накупила: чаю, сахару, хлѣба полубѣлаго, ситцу мамкѣ. Совсѣмъ собралась, а Саша не пришла. Нельзя ѣхать. Ахъ, ты, Господи, думаю, вотъ несчастье! Досадно мнѣ стало. Пошла къ Сашѣ. А она была совсѣмъ глупая.

— Что же ты? – спрашиваю.

— А нешто нынче двѣнадцатое? Я не знала. Ну, ладно, къ вечеру приду; завтра поѣдешь.

На другое утро я поѣхала. День былъ сѣрый, пасмурный, въ десятомъ часу едва разсвѣло. Съ неба падалъ не то снѣгъ, не то дождь. Мнѣ грустно и страшно было: можетъ, не писали, а онъ боленъ. И я думала, что всякое горе лучше, чѣмъ такъ мучиться, не знать.

На станцію мы пріѣхали только въ половинѣ третьяго. Вышла я изъ вагона, наняла извозчика:— вези, говорю, голубчикъ, поскорѣе, ужъ темнѣетъ. Минули мы большое село, вотъ лѣсъ, а за лѣсомъ и Пѣжевицы видны. У меня сердце упало, сижу какъ мертвая, ничего не думаю.

Наконецъ въѣхали въ деревню.

— Вотъ и Пѣжевицы, барышня,—сказалъ мужикъ.—Который домъ-то?

— Павла Петрова... я не знаю... гдѣ?

— А вотъ онъ, съ того конца третій домъ, новый.

Мы подъѣхали къ воротамъ. Я сняла съ телѣги сундучокъ съ подарками, на землю поставила. Изъ окна выглянули три бѣлыя дѣтскія головки.

Отчего не выходитъ хозяинъ или хозяйка? думаю себѣ. Я не знаю, куда итти, пусть покажутъ! Надо-же встрѣтить меня; зачѣмъ нейдутъ?

Дверь заскрипѣла.

Мужчина лѣтъ тридцати стоялъ на ступенькахъ крыльца. Онъ слегка приподнялъ фуражку, молчалъ и смотрѣлъ на меня.

Я взялась одной рукой за край телѣжки.

— Что, Колька живъ?

— Нѣтъ... померъ,—сказалъ мужчина.

— Какъ померъ? Когда померъ?

— Да вчера вечеромъ.

Я смотрѣла на него. Я не вѣрила.

— Зачѣмъ вы лжете мнѣ, пугаете меня? Оставьте, я и такъ чуть жива.

— Нѣтъ, вправду померъ. Вотъ повезли въ лазаретъ на освидѣтельствованіе; скоро теперь назадъ привезутъ.

Тогда я повѣрила. Тихонько вошла въ избу, стала передъ образами, въ землю поклонилась. Не плачу и не хочу плакать. Должно быть, я не достойна была его увидѣть. Еслибы наканунѣ по

ѣхала, какъ собиралась, еще застала-бы. Не допустилъ меня Господь.

— Когда онъ заболѣлъ-то?—спрашиваю. — Отчего вы мнѣ не писали?

— Онъ только вчера и заболѣлъ, и сейчасъ-же померъ. А васъ мы все поджидали. Что, думаемъ, мать не ѣдетъ на сына любоваться, какой онъ большой сталъ да веселый.

Я сѣла на лавку, къ окну, молчала; ребятишки тоже молча ютились въ уголку. Тихо было въ избѣ; только тараканы шуршали за образами. Не знаю, сколько времени прошло. Одинъ изъ мальчиковъ робко всталъ, вышелъ. Стемнѣло. Въ окно едва чернѣла дорога, по деревнѣ засвѣтились огни. Мальчикъ скоро вернулся.

— Кажись, мать ѣдетъ съ Колькой изъ лазарету,—сказалъ онъ негромко.

Я пошла на крыльцо. Мамка подъѣхала, слѣзла; смотрю, беретъ Колю изъ телѣжки - въ одѣяло съ головой завернутъ, холодный, твердый...

И вдругъ я горько заплакала. Обхватила руками крылечный столбикъ, головой къ нему припала, плачу, утѣшиться не хочу.

Мамка тоже заплакала.

Вошли мы въ избу, мамка Колю на кровать положила — большая, двуспальная у нихъ въ углу стояла. Я открыла его, плачу, цѣлую; лежитъ бѣдненькій, губки слиплись, и глазокъ ему не закрыли.

Всю ночь я не спала. Въ два часа гляжу— встаетъ хозяинъ: «надо, говоритъ, Колѣ домикъ строить». У него доски были съ вечера приготов-

лены. Ну, онъ умылся, помолился, стругать началъ; ребятишки повставали, помогаютъ ему. Хозяйка огонь развела, блины стала печь.

Къ тремъ часамъ гробикъ былъ готовъ. Мамка мнѣ три вѣника принесла; я листья ощипала, въ гробѣ ихъ положила, чтобы Колькѣ мягче было лежать, а сверху накрыла полотенцемъ. Мальчикъ мой хорошенькій лежалъ; я его и мертваго любила; кабы можно было, такъ и хоронить не стала-бы.

Утромъ хозяинъ къ священнику пошелъ; нельзя-ли, спрашиваетъ, сегодня младенца схоронить?

Священникъ сразу отказался.

— Я не могу, я на праздникъ ѣду, въ село, вотъ тутъ, недалеко; у меня девять покойниковъ— всѣхъ просили, чтобы сегодня схоронить, я и то отказался.

— Такъ, батюшка, такъ; да родная мать пріѣхала, нынче вечеромъ обратно должна; ужъ нельзя-ли какъ нибудь?

Услыхалъ попъ, что родная мать—согласился.

— Въ три часа, къ вечеру, приходите, я буду дома, а теперь вотъ и лошадь мнѣ подана, въ Роготино ѣхать.

Въ три часа пріѣхала я къ нему и гробикъ привезла. Онъ дѣйствительно уже дома былъ, попросилъ меня къ себѣ.

Только-что я открыла дверь—онъ изъ комнатъ выходитъ, высоко руку держитъ, благословилъ меня. Спросилъ, какъ мое имя.

Я сказала.

— Ну вотъ, Прасковья Александровна, вы про-

сили, чтобы вашего младенца непремѣнно сегодня похоронить...

— Да, говорю, я на мѣстѣ, дольше остаться не могу...

— Такъ пожалуйте въ церковь; я ужъ послалъ за сторожемъ; сейчасъ и самъ туда буду.

Я взяла гробикъ на руки, понесла къ церкви— заперта церковь. Стою я, къ зеленой желѣзной двери головой прислонилась; темнѣть начинало; вѣтеръ шевелилъ байковый платокъ, я имъ гробикъ закрыла. Долго мы съ Колей ждали. Наконецъ, вижу, идетъ священникъ, а навстрѣчу ему и сторожъ, папироска въ зубахъ. Ну, батюшка сейчасъ на него закричалъ, какъ онъ къ нему съ папироской являться смѣетъ; тотъ ему въ отвѣтъ, что я, молъ, не меньше вашего понимаю и все такое. Ссорятся. Священникъ рясу подобралъ высоко, идутъ оба къ намъ. Наконецъ, и у самой церкви, а все не унимаются. Сторожъ ключемъ въ замокъ не попадетъ, а батюшка мнѣ его бранитъ:

— Каковъ, пьянъ!

Въ церкви пахло сыростью, было еще холоднѣе, чѣмъ на улицѣ. Я поставила гробикъ на маленькую скамеечку посерединѣ, передъ алтаремъ, сняла крышку, въ головахъ прилѣпила свѣчку тонкую, восковую.

Прошло немного времени, вышелъ священникъ изъ алтаря, и прямо къ сторожу:

— Гдѣ псалтырь?

— А я-то почему знаю?

— Опять твоихъ рукъ дѣло...

Голоса ихъ громко раздавались по церкви; я

ждала; сторожъ не унимался. Тогда я подошла къ нему:—Вотъ тебѣ двугривенный,—говорю,—замолчи ты!

Ну, онъ утихъ немного.

Наступали сумерки. Въ церкви темнѣло. Только свѣчка освѣщала гробикъ. Мой мальчикъ лежалъ такой блѣдный и маленькій посреди церкви. Сторожъ зажегъ лампадку передъ образомъ Божіей Матери. Кое-гдѣ засіяли серебряныя ризы на иконахъ. Ликъ Богородицы свѣтился, а наверху, подъ черными сводами, сдѣлалось еще темнѣе.

Священникъ началъ читать.

Я стала на колѣни. Помню, сначала мнѣ было очень такъ горько и обидно, что сторожъ грубилъ, и такъ нехорошо было на душѣ, что я и плакать не могла.

Священникъ читалъ громко и внятно; я любила св. Писаніе, у меня свой былъ псалтырь, и я даже иныя мѣста на память знала. Понемногу я начала вслушиваться въ святыя слова.

Я подняла глаза и увидѣла ликъ Божіей Матери, освѣщенный лампадкой; онъ одинъ въ темной, большой церкви казался такимъ добрымъ и свѣтлымъ. Я смотрѣла на Святого Младенца на рукахъ у Матери: онъ былъ живой, щечки розовыя, веселый... А мой лежалъ съ закрытыми глазами, холодный, желтый...

Я молилась, чтобы Божія Матерь облегчила мое горе; мнѣ казалось, что она смотритъ на меня ласково, жалѣетъ меня.

И вдругъ я подумала: вѣдь и мой мальчикъ можетъ быть теперь счастливый и живой у Бога.

Мнѣ стало легче; я забыла и сторожа пьянаго, и темную могилу, куда сейчасъ положатъ Колю, и мою обиду—все забыла; я припала лицомъ къ холодному полу; слезы полились у меня, отрадныя и тихія.

А священникъ читалъ:

...«Богъ-же не есть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ. Ибо у Бога всѣ живы...»

И я старалась вѣрить этимъ словамъ.

Голубое небо.

Василію Александровичу Степанову.

За паркомъ дорога раздѣляется: одна идетъ правѣе и кончается мостомъ черезъ Куру, а другая, лѣвая, поднимается въ гору. Подъемъ совсѣмъ не крутой. Шагахъ въ пятидесяти отъ парка, по этой верхней дорогѣ, стоитъ небольшой одноэтажный домъ. Онъ почти скрытъ садомъ впереди.

Широкій балконъ обвитъ дикимъ виноградомъ. Виноградъ разросся такъ густо, что на балконѣ всегда темно. Впрочемъ, тамъ никто и не сидитъ никогда, черезъ балконъ только ходятъ.

Съ другой стороны домика—длинная галерея и дворъ, гдѣ въ одномъ углу лежатъ въ кучѣ бѣлыя фарфоровыя чашечки съ телеграфныхъ столбовъ. Эти чашечки вначалѣ кажутся слишкомъ большими, и только когда глазъ привыкнетъ къ нимъ—видишь, что и на столбахъ онѣ не меньше. По двору часто пробѣгаютъ озабоченные чиновники въ мундирахъ съ желтымъ кантомъ.

Здѣсь—главное почтово-телеграфное отдѣленіе и квартира начальника.

Всѣ служащіе были довольны своимъ начальникомъ. Требователенъ, но справедливъ, строгъ, но добръ. Молодой человѣкъ, всего двадцати восьми лѣтъ, а порядокъ завелъ на диво. Подчиненный долженъ быть аккуратенъ—начальникъ самъ примѣръ показываетъ—въ пріемной чистота, а надъ небольшимъ окошкомъ, гдѣ принимаются телеграммы и заказныя письма, красиво сплетены изъ сухихъ травъ и листьевъ цифры, означающія время пріема корреспонденціи.

Квартира начальника состоитъ изъ трехъ комнатъ.

Одна изъ нихъ, зала, узкая и длинная, оклеена бѣлыми обоями. Это—парадная комната; въ ней стоитъ диванъ, столъ, нѣсколько креселъ, окна большія и выходятъ въ садъ. Двѣ другія комнаты гораздо меньше. Спальня устроена на восточный манеръ, по стѣнамъ висятъ ковры, халаты и оружіе, а на потолкѣ почему-то голубой фонарь. Въ маленькой столовой за столомъ господинъ начальникъ обыкновенно занимается.

Хотя онъ на Кавказѣ недавно, всего лѣтъ пять, однако знаетъ нѣсколько словъ по грузински, пріобрѣлъ черкеску и кинжалъ и отважно ѣздитъ верхомъ.

Впрочемъ, многіе находятъ, что онъ гораздо интереснѣе въ своемъ длинномъ форменномъ сертукѣ съ желтыми кантиками, чѣмъ въ черкескѣ. Ужъ слишкомъ сѣверное у него лицо. Его зовутъ Антонъ Антоновичъ Зайцевъ, и по фамиліи онъ русскій, хотя въ произношеніи у него слышится изрядный нѣмецкій акцентъ.

Въ іюнѣ кончились экзамены въ городѣ, и дачное мѣстечко, гдѣ жилъ Антонъ Антоновичъ, начало оживать. Горный воздухъ былъ еще прохладенъ; курсъ питья водъ пока не начинался, но каждый день Антонъ Антоновичъ получалъ по нѣскольку телеграммъ. Его просили высылать почтовыхъ лошадей на станцію. И каждый день, около трехъ часовъ, слышался звонъ колокольчиковъ и проѣзжали тяжелыя коляски, запряженныя четверней. На балконахъ появилась парусина. Въ главномъ паркѣ источникъ, какъ всегда, убрали цвѣтами. Отворили библіотеку и ротонду, появилась музыка.

Ожилъ и Антонъ Антоновичъ. Онъ ждалъ къ себѣ гостей—гимназистовъ старшаго класса, а можетъ быть и двухъ студентовъ. Студенты, тоже прежніе гимназисты, первый годъ провели въ одесскомъ университетѣ и съ радостью думали о лѣтѣ на родинѣ.

Антонъ Антоновичъ любилъ «молодежь». Въ немъ, какъ онъ говорилъ самъ, много было «русской удали» и «юношескаго жара».

— Прокутить ночь съ товарищами или мчаться по крутизнѣ на бѣшеномъ конѣ—если это, конечно, не вредитъ исполненію долга—вотъ жизнь!

Были, впрочемъ, и другія слабости у Антона Антоновича, но о нихъ послѣ.

— Уши да губы—вся моя красота, сказалъ онъ разъ о себѣ, и точно, уши и губы у него были очень красивы, только объ этомъ слѣдовало знать заранѣе, чтобы замѣтить красоту.

Антонъ Антоновичъ былъ средняго роста, худо-

щавый, и лѣтъ ему можно бы дать отъ двадцати до сорока. Весь онъ былъ розовый, только усы, бородка и короткіе волосы росли у него совершенно бѣлые, да и то при закатѣ солнца часто принимали красноватый оттѣнокъ.

На тоненькомъ носу у него всегда было дымчатое pince-nez, которое сильно сжимало переносье. Антонъ Антоновичъ любилъ толстыя сучковатыя палки, ходилъ быстро, никогда не унывалъ, но съ подчиненными былъ важенъ и не забывалъ ни на минуту, что онъ—господинъ начальникъ почты и телеграфа.

II.

Всѣ, и чиновники въ конторѣ, и сосѣди, и даже пріѣхавшіе наконецъ студенты и гимназисты, знали, что это лѣто—очень важное лѣто для Антона Антоновича.

То есть они не то, что знали, а догадывались, потому что о своихъ дѣлахъ, и вообще о себѣ, Антонъ Антоновичъ сообщалъ рѣдко и неохотно. Другое дѣло—намеки. Намекать, говорить загадками очень любилъ Антонъ Антоновичъ.

И онъ нѣсколько разъ повторилъ, что если онъ на что нибудь рѣшится, то уже не перерѣшитъ, что поступаетъ всегда глубоко обдуманно, что время для него не помѣха, ибо онъ терпѣливъ, настойчивъ и постояненъ. Кромѣ того онъ на собственныя средства рѣшился пристроить къ своей квартирѣ, со стороны залы, еще одну комнату и даже съ балкономъ. Работы были начаты раннею весною и теперь уже близились къ концу.

Намеки, таинственно-радостный видъ Антона Антоновича, а, главное, пристройка комнаты, навели молодыхъ друзей его на очень простую мысль: Антонъ Антоновичъ хочетъ жениться!

Начались догадки—на комъ.

— Знаете, господа? сказалъ жирный гимназистъ Томидзе двумъ своимъ сожителямъ—одесскому студенту Марканову и другому гимназисту Вересову, когда они вечеромъ укладывались на сѣнѣ въ залѣ господина начальника.—Знаете? По моему онъ ужь женатъ и только скрываетъ.

— Не ври глупостей, сказалъ Вересовъ.—Онъ еще и предложенія не дѣлалъ. А только сдѣлаетъ—и все будетъ, какъ онъ хочетъ, и возьметъ самую хорошенькую барышню—вотъ увидите. Такой ужь человѣкъ.

И Вересовъ вздохнулъ съ тайной завистью.

— Воображаю, что вы называете хорошенькой барышней! немного презрительно возразилъ студентъ, закутываясь въ одѣяло.—Я ужь здѣшнихъ и позабылъ совсѣмъ. А у насъ въ Одессѣ, знаете... вотъ это можно сказать, барышни...

— Ну? проговорили оба гимназиста и повернулись къ Марканову.

Разговоръ перешелъ на интимную почву.

Въ дальнемъ углу залы, у стола, чуть освѣщаемый огаркомъ, сидѣлъ четвертый представитель «молодежи», гимназистъ Ламме.

Ламме цѣлыя ночи просиживалъ и все сочинялъ стихи. Ни для кого не было тайной, что онъ влюбленъ, много лѣтъ въ одну, и ей одной посвящаетъ свои стихи. Наговорившись объ одесскихъ

барышняхъ, гимназисты заснули, а Ламме долго еще сидѣлъ, худой и костлявый, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, и огарокъ освѣщалъ его унылое лицо и длинный, точно повисшій, носъ.

III.

Было одиннадцать часовъ утра.

Музыка въ главномъ паркѣ только что кончилась. Аллеи пустѣли. Становилось жарко.

На скамейкѣ около веранды сидѣла дѣвушка лѣтъ двадцати двухъ, въ круглой соломенной шляпѣ съ бѣлой вуалью и коричневомъ платьѣ. Рядомъ съ нею сидѣлъ молодой человѣкъ довольно обыкновенной наружности, съ немного впалыми щеками, хорошо одѣтый.

На самомъ краю скамейки ютился Ламме, ничего не говорилъ и пристально смотрѣлъ на свои собственныя ноги.

Дѣвушка тоже сидѣла съ опущенными глазами. У нея было розовое круглое личико съ небольшими веснушками на щекахъ; неправильный ротъ не портилъ ее, а короткій, вздернутый носъ придавалъ ей такое беззаботное выраженіе, что невозможно было себѣ представить печальнымъ это лицо.

Она казалась совершенной брюнеткой, только глаза были не черные, а такіе, что всякій, видѣвшій дѣвушку въ первый разъ, находилъ ихъ некрасивыми и непріятными. При черныхъ бровяхъ и рѣсницахъ глаза были неожиданно-свѣтлые, безъ всякаго цвѣта, странно-прозрачные. Такая бываетъ

вода въ очень глубокихъ чистыхъ прудахъ въ тихую погоду.

Дѣвушку звали Людмилой.

— Знаете, я бы искренно боялся сдѣлаться вашимъ супругомъ, сказалъ какъ-то Людмилѣ одинъ очень любезный старичокъ.—Съ вашими глазами лгать легко. Я не умѣлъ бы узнать по нимъ—обманываете вы меня или нѣтъ.

Къ верандѣ приближался Антонъ Антоновичъ.

Увидѣвъ его, Людмила обрадовалась и вскочила, чтобы итти на встрѣчу. Они поздоровались какъ хорошіе друзья послѣ долгой разлуки.

— Я васъ сейчасъ-же узнала, весело говорила Людмила.—Вы все такой-же, за эти четыре года ни капельки не измѣнились. Какъ я рада... Отчего вы не пришли къ намъ вчера вечеромъ?.. Мы пріѣхали въ четыре часа... Боялись потревожить съ дороги? Какой вздоръ! Тетя спрашивала о васъ. Ну что, я перемѣнилась? Очень?

Она болтала, не давая никому вставить слова. Потомъ вдругъ замѣтила молодого человѣка, который стоялъ въ сторонѣ и ждалъ когда она кончитъ.

— Простите, совсѣмъ забыла... Антонъ Антоновичъ, вы незнакомы... Иванъ Сергѣевичъ Елецкій, магистръ, только-что пріѣхалъ и ужь собирается снова въ Петербургъ... И что тамъ дѣлать лѣтомъ?

— Очень пріятно, сказалъ Антонъ Антоновичъ, крѣпко сжимая руку Елецкому.—Изъ Петербурга? Какъ здѣшній житель привѣтствую васъ: добро пожаловать! Зачѣмъ такъ скоро уѣзжаете?

— Надо мнѣ, сказалъ Елецкій неохотно.—Можетъ быть, впрочемъ, я и останусь, прибавилъ онъ.

— Конечно, останьтесь! съ жаромъ подхватилъ Антонъ Антоновичъ.—Ну, что тамъ? Изучите здѣшнее общество... Много интереснаго...

— Да, да... Такъ вы не идете, Людмила Сергѣевна? Она хотѣла что-то сказать, но Антонъ Антоновичъ перебилъ, снова обратившись къ Елецкому:

— Скажите, ну а что въ Петербургѣ? О чемъ говорятъ? Какъ журналы? Здѣсь не всѣ получаются. И приходилось вамъ бывать въ литературныхъ кружкахъ?

— Какже, приходилось... Я интересуюсь литературой... Только теперь, къ сожалѣнію...

— Послушайте, заходите ко мнѣ, а? Потолкуемъ, вы мнѣ разскажете... Ну, зайдете вѣдь? Пожалуйста...

— Съ удовольствіемъ, очень вамъ благодаренъ... А теперь, извините, я тороплюсь. До свиданія, Людмила Сергѣевна.

— Уходите? Ну, прощайте, сказала она, подавая руку.—Въ семь часовъ въ маленькомъ паркѣ, послѣ музыки, да? Смотрите, я васъ буду ждать.

Елецкій ушелъ, а Людмила взяла подъ руку Антона Антоновича, и они отправились въ глубь парка. Ламме, ни слова не говоря, пошелъ за ними. Онъ слѣдовалъ шагахъ въ десяти, уныло опустивъ голову.

Антонъ Антоновичъ познакомился съ Людмилой четыре года тому назадъ, когда она только что пріѣхала на Кавказъ. Три слѣдующихъ лѣта

Людмила провела въ Крыму и съ Антономъ Антоновичемъ ни разу не видалась, хотя зимой жила близко, всего въ шести часахъ ѣзды. Но Антонъ Антоновичъ въ большомъ городѣ никогда зимой не бывалъ. Зато онъ велъ аккуратную переписку съ Людмилой; она ему отвѣчала, потому что любила писать письма. Наконецъ обстоятельства сложились благопріятнѣе. Людмила была круглая сирота и жила у тетки, доброй и полной дамы, которая въ племянницѣ души не чаяла. Тетка поправилась, въ Крымъ ѣхать было больше не нужно, и потому она съ радостью исполнила желаніе Людмилы—наняла ту самую дачу, гдѣ они жили четыре года назадъ.

— Я не вѣрю, что это все прежнее, говорила Людмила.—Мнѣ кажется, что я видѣла не это, а другое, похожее... Все также, все то же, только мелочи не тѣ: вонъ новая эстрада, два дерева срублены, и мелочи такъ измѣняютъ, что нельзя вспомнить то время... Неужели и я измѣнилась?

— Вы мало измѣнились, сказалъ Антонъ Антоновичъ.—Ну, наконецъ-то вы здѣсь. Я радъ. О многомъ нужно поговорить. Но скажите сначала — кто этотъ симпатичный молодой человѣкъ изъ Петербурга?

— Ахъ, это такъ себѣ. Ничего, довольно милъ. Мы познакомились дорогой. Онъ знаетъ тетиныхъ родныхъ. Занимательный.

— И что же онъ? Интересуется?

— Чѣмъ? улыбаясь спросила Людмила.—Наукой—весьма, литературой—посредственно, музыкой совсѣмъ не интересуется, а мной—не знаю.

— Слѣдовательно не знатокъ поэзіи, напримѣръ, не любитъ новѣйшихъ писателей?

— Да вы сами лучше спросите его, прервала Людмила.—Богъ съ нимъ пока. Поговоримъ лучше о васъ. Работаете? Счастливы работой?

— О, да. Я счастливъ. Я знаю, что я долженъ дѣлать. И дѣлаю то, что долженъ.

Между ними завязался странный, легкій, полуоткровенный, полушутливый разговоръ. Антонъ Антоновичъ сыпалъ намеками, но выговаривалъ слова твердо и ясно. Людмила смотрѣла на него своими прозрачными глазами и улыбалась. Антону Антоновичу становилось еще веселѣе.

У Людмилы былъ голосъ незвучный и неполный, и слова она выговаривала точно скользя мимо, небрежно и мягко.

Ламме нарвалъ какихъ-то длинныхъ лиловыхъ и желтыхъ цвѣтовъ и молча, съ прежнимъ убитымъ видомъ, поднесъ ихъ Людмилѣ. Людмила взяла и опять такъ ласково улыбнулась, что Ламме просіялъ и кинулся собирать новые цвѣты.

IV.

— Непонятно, что въ ней находятъ, говорили барышни, когда на балу или въ паркѣ мимо проходила Людмила въ сопровожденіи Антона Антоновича, Ламме и студентовъ.—Она держать себя не умѣетъ. И лицо самое вульгарное, глаза дикіе... Неизящная кокетка...

Въ кружокъ Людмилы скоро поступила вся «молодежь» Антона Антоновича и даже студентъ

позабылъ своихъ одесскихъ барышень. Пріѣхалъ солидный дипломатъ, полный собственнаго достоинства, какъ говорили иные—женихъ Людмилы. И онъ сталъ гулять по утрамъ въ паркѣ, въ обществѣ студентовъ и гимназистовъ, и такъ же самодовольно улыбался, какъ они.

Только петербургскій гость, Елецкій, совершенно отдалился отъ компаніи. Случилось это по желанію самой Людмилы. Въ одно утро она посмотрѣла на него своимъ безразличнымъ взглядомъ и вдругъ сказала:

— А вы говорили, что спѣшите. До свиданія, а то опоздаете.

Елецкій молча раскланялся и ушелъ.

Иногда Людмилѣ приходила фантазія итти гулять поздно вечеромъ.

— Тетя, дорогая, пойдемте, чудно теперь!

— Что же это, Милочка, вѣдь темно, сыро.

— Нѣтъ, нѣтъ, тетя, совсѣмъ не сыро!

И кончалось тѣмъ, что посылали за Антономъ Антоновичемъ и Ламме, которые и сопровождали ихъ.

Дипломатъ уходилъ въ гостинницу рано, да и Людмила увѣряла, что онъ слишкомъ хорошо знаетъ себѣ цѣну и не можетъ гулять, когда для него не свѣтитъ солнце.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Антонъ Антоновичъ послѣ прогулки возвращался домой.

Въ аллеѣ было темно, небо едва освѣщалъ поздно взошедшій мѣсяцъ—послѣдняя четверть.

Мѣсяцъ на ущербѣ дѣлаетъ все кругомъ зловѣще-печальнымъ и таинственнымъ. Свѣтъ его—не

легкій, серебряный свѣтъ молодой, ранней луны, а тусклозеленый, тежелый и неподвижный.

Но Антонъ Антоновичъ не замѣчалъ ничего.

И при этой лунѣ онъ готовъ былъ мечтать. Идя по темной аллеѣ, онъ даже слегка подпрыгивалъ, мало заботясь о томъ, что Ламме плелся въ десяти шагахъ и могъ замѣтить прыжки.

Скоро Антону Антоновичу сдѣлалось невыносимо молчать, и онъ прямо обратился къ Ламме:

— Ламме?

— Что, Антонъ Антоновичъ? раздался голосъ изъ темноты.

— Ну, приблизьтесь, Ламме. Скажите, вы были счастливы?

— Нѣтъ, не былъ, Антонъ Антоновичъ, а можетъ и былъ. А можетъ мнѣ только кажется, что былъ...

— Ну, вы какой-то мягкотѣлый, основы у васъ нѣтъ... А я вотъ счастливъ, Ламме. Я счастливъ, какъ полубогъ...

Антонъ Антоновичъ произносилъ это слово съ особенно яркимъ нѣмецкимъ акцентомъ, потому что твердое «л» у него никогда не выходило.

— Развѣ она ужъ слово дала вамъ? плаксиво сказалъ Ламме.

— Ну, ну... Я не понимаю, о чемъ вы говорите... Ламме, поэзія моей души пробуждается... Чувствую въ себѣ какой-то подъемъ, слышу какіе-то звуки... Посмотрите, «что за ночь, за луна!»

Ламме молчалъ.

Антонъ Антоновичъ не легъ спать, вернувшись домой. Онъ простился со своимъ спутникомъ, зажегъ лампу въ столовой и заперъ дверь.

Изъ спальни онъ принесъ большую золотообрѣзную книгу въ коричневомъ переплетѣ и развернулъ ее. Она была на половину исписана прямымъ ровнымъ почеркомъ, такимъ ровнымъ, что буквы походили на печатныя.

Антонъ Антоновичъ писалъ и прозой, и стихами. Въ этой книгѣ, какъ онъ говорилъ, «жила его душа». Все написанное онъ зналъ наизустъ. Первая встрѣча съ Людмилой четыре года тому назадъ была описана у него въ беллетристической формѣ подъ заглавіемъ «Розовое видѣніе». Онъ очень любилъ многоточія. Точки онъ ставилъ и большія, и маленькія, и среднія, ставилъ ихъ по многу и по малу, иногда всего три и разнаго вида. Онѣ ему часто замѣняли слова; онъ ихъ понималъ и вѣрилъ въ нихъ. У него была такая фраза: «...Чу... появилось видѣнье...» И если бы послѣ «чу» стояло больше трехъ точекъ—онъ считалъ бы все погибшимъ.

Какъ часто Антонъ Антоновичъ плакалъ отъ умиленія, описывая осенніе дни или весной первый листокъ! Онъ писалъ только по ночамъ и только если сердце его «было слишкомъ полно».

Тусклый, опрокинутый мѣсяцъ злобно глядѣлъ на него въ окно. Но на этотъ разъ сердце Антона Антоновича было слишкомъ полно, и онъ не хотѣлъ замѣчать ничего дурного.

— Вотъ гдѣ мое утѣшеніе, вотъ—моя радость! сказалъ онъ про себя, открывая книгу.

И мѣсяцъ уже отошелъ отъ окна, и небо посвѣтлѣло, а счастливый Антонъ Антоновичъ все еще сидѣлъ съ перомъ въ рукѣ и прилежно писалъ что-то короткими строчками.

V.

— Послушайте, я давно васъ хотѣлъ спросить— вамъ не скучно?

— Скучно? Вотъ ужъ, кажется, моя жизнь не скучная! И развѣ вы не видите, что мнѣ ужасно весело?

Елецкій почему-то смутился и опустилъ глаза. Людмила смотрѣла на него и улыбалась.

— Весело, повторила она.—Теперь вотъ я думаю, что пора домой, потому что скоро стемнѣетъ и надо итти на вечеръ...

Она умолкла на минуту и вдругъ торопливо прибавила:

— Нѣтъ, это я такъ, по привычкѣ, солгала, это неправда; я подумала, что не пойду на вечеръ, потому что здѣсь такъ хорошо и не хочется уходить. Господи, когда слишкомъ много лжешь, то уже нельзя говорить правду.

— А зачѣмъ лгать? тихо сказалъ Елецкій.

Людмила промолчала.

Она сняла шляпу и положила ее рядомъ на траву. Это была даже не трава, а сухія иглы сосенъ, мохъ и тонкіе стебли желтыхъ цвѣтовъ. Прямыя рѣдкія сосны шумѣли вверху, и этотъ шумъ напоминалъ говоръ моря.

Елецкій и Людмила сидѣли около тропинки, узенькой и скользкой отъ упавшихъ и притоптанныхъ иглъ; лѣсъ шелъ еще далеко и становился гуще, но солнце уже зашло за невидимыя горы и пора было итти домой.

Елецкій не гулялъ въ главномъ паркѣ, на музыкѣ, вмѣстѣ со студентами и гимназистами, но Людмила не переставала съ нимъ видѣться. Часто днемъ, въ жаркую пору, или вечеромъ, они бродили вдвоемъ по красивымъ и глухимъ тропинкамъ, говорили подолгу, искренно и просто. Между тѣмъ отношенія у нихъ были странныя. Они сходились во многомъ, говорили обо всемъ, но никогда другъ о другѣ. И Людмила боялась думать о Елецкомъ, боялась дѣлать слишкомъ хорошіе выводы изъ его словъ и мнѣній, которыя такъ часто отвѣчали ея собственнымъ мыслямъ.

Надъ тропинкой сосны раздвигались и было видно чистое синее небо, уже съ золотымъ оттѣнкомъ, какъ бываетъ вечеромъ.

Людмила пристально смотрѣла на небо, потомъ вдругъ обратилась къ Елецкому:

— Вы любите совсѣмъ чистое голубое небо? спросила она тихо, точно говоря сама съ собой.— Хотите, я вамъ разскажу странную вещь?

Ей въ первый разъ хотѣлось заговорить съ нимъ о себѣ, и она чувствовала, что можетъ говорить. Онъ самъ нарушилъ ихъ молчаливое условіе своимъ неожиданнымъ вопросомъ — не скучно ли ей.

— Только вы должны понять то, о чемъ я разскажу, прибавила она еще тише. — А это очень непонятное.

— Я пойму, если вы понимаете, сказалъ Елецкій.

— Можетъ быть мнѣ и самой это не совсѣмъ ясно, и вы должны понять только то, что я чув-

ствую, проговорила она медленно, немного измѣнившимся голосомъ. — Слушайте, я постараюсь разсказать коротко. Одинъ разъ, давно, въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, я едва помню теперь, я видѣла сонъ. Мнѣ казалось, что кругомъ нѣтъ ничего, кромѣ яркаго неба, ничего - и даже нѣтъ меня, и небо я вижу черезъ золотистую рѣшетку; я помню, какъ рѣзко выдѣлялась рѣшетка на голубомъ фонѣ. И куда я ни посмотрю—вездѣ, вездѣ голубое сквозь эту рѣшетку. И тогда ко мнѣ пришло счастье, и непонятная радость; и волненіе — я не знаю откуда и почему. Такое счастье—я замѣтила - испытываешь только не зная ему причины. Съ тѣхъ поръ я не могу забыть мой сонъ. Помню, у меня, тоже въ дѣтствѣ, была большая книга съ картинками и на одной была нарисована скала, гдѣ сидѣлъ пингвинъ, и скала, и пингвинъ рѣзко выдѣлялись на голубомъ небѣ. И вдругъ опять вернулось ко мнѣ то чувство счастья, слабѣе, но все-таки оно, я сейчасъ его узнала. Потомъ еще одинъ разъ было: въ нашемъ городѣ есть улица, прямая и короткая. Она чуть покатая до половины и затѣмъ вдругъ обрывается такимъ спускомъ, что его не видно издали и кажется, что улица кончается небомъ... Я шла мимо одинъ разъ и вдругъ увидѣла это небо; оно было чистое, ровное, синее, и послѣдніе дома передъ спускомъ выдѣлялись такъ рѣзко и края были огненные. Вотъ тогда мнѣ опять показалось на мгновеніе, что есть какое-то великое счастье, для насъ навѣки недоступное и навѣки непонятное. Мы его не можемъ взять, оно ускользаетъ, уходитъ,—но оно близко...

— И солнца не надо, сказалъ Елецкій.—Солнца не видно, его нѣтъ... Но только оно еще не закатилось, небо еще чуть-чуть вечернее, чуть-чуть золотое и безъ самаго легкаго облачка...

— Да, да, сказала Людмила. — Вы понимаете, я чувствую. Облаковъ не существуетъ въ моемъ снѣ. И солнца не видно. И небо не полуденное, о, нѣтъ! предвечернее... Только оно какое-то постоянное...

— Вотъ оно похоже на теперешнее, сказалъ Елецкій, указывая вверхъ, гдѣ раздвигались верхушки сосенъ. — Только не смотрите на него теперь—ничего не будетъ, не вернется, потому что вы хотите и ждете. А то чувство приходитъ только неожиданно.

— Вы опять угадали, сказала Людмила просто.—Какъ вы понимаете! Какъ вы до глубины поняли! А я знаю, что другіе не понимаютъ. Вотъ этого никто бы не понялъ.

— У меня тоже въ дѣтствѣ бывало такое чувство—я его знаю. Не отъ этого, отъ другого—все равно. Я сразу понялъ, когда вы только что начали...

Людмила вдругъ вскочила и сказала совсѣмъ другимъ голосомъ, громче и будто спѣша:

— Однако идемъ, идемъ. Пора! Я опоздаю на вечеръ.

Елецкій молча всталъ, и они пошли.

Черезъ нѣсколько минутъ Людмила опять сказала:

— Да, все это прекурьезно... И бываютъ же такія сантиментальныя настроенія... Болтаешь пустяки, часто даже выдумываешь...

— И зачѣмъ вы опять говорите неправду? тихо сказалъ Елецкій.

Людмила вдругъ остановилась.

Лицо ея, какъ всегда, было равнодушно и почти весело, только прозрачные глаза чуть потемнѣли.

— Послушайте, сказала она опять прежнимъ, медленнымъ голосомъ.—Вы хотите правды?

— Да, хочу, отвѣчалъ Елецкій.

— Вы сдѣлаете, какъ я скажу?

— Да.

— Мнѣ начинаетъ казаться, что вы такой, какихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ, что вы настоящій. Я ошибаюсь, но теперь я могу разсуждать, я вижу, что ошибаюсь—и почти спокойна, а послѣ... можетъ быть, все измѣнится. Если мы сблизимся... Теперь—я васъ не знаю (я вѣдь только угадываю) вы не знаете меня. Мы—чужіе. Богъ вѣсть что будетъ послѣ. Но такъ хорошо, какъ теперь, какъ сегодня, не будетъ. Хочу, чтобъ это воспоминаніе осталось нетронутымъ. Мы ошибаемся — пускай! Ошибка не мучительна, когда все кончается раньше, чѣмъ отниметъ жизнь... Не испортимъ дѣйствительностью, какова бы она ни была, наши мечтанья. Хорошо?... Уѣзжайте завтра.

— Вы хотите оборвать...

— Во-время. Мнѣ слишкомъ дороги вотъ эти нѣсколько минутъ, когда я подумала... Оставьте мнѣ эту радость. Потомъ все испортится. Вѣдь не вѣрю я въ то, что мнѣ кажется, не могу вѣрить... И вы какъ всѣ... Но дайте вспоминать о васъ, какъ объ иномъ, какъ я хочу... Поймите меня!

— Но если поздно, Людмила Сергѣевна, если...

— Неправда! вдругъ вскрикнула Людмила, — неправда! Вы меня не любите! слышите? Да какъ же вамъ не жаль меня, зачѣмъ все отнимать, зачѣмъ не оставить свѣтлаго луча...

Она схватила его за плечи и приблизила къ нему свое лицо. Онъ тихо освободился и проговорилъ, не глядя на нее:

— Да, вы правы. Я васъ еще не люблю. Вы не знаете меня, я не знаю васъ. Прощайте.

Онъ опустился на траву.

Людмила постояла съ минуту молча, потомъ пошла отъ него.

Пройдя нѣсколько шаговъ, она обернулась и сказала съ усиліемъ:

— А это... эту ложь и то, что я очень счастлива, и всю эту... она остановилась на мгновеніе — пошлость вокругъ меня... вы не вспоминайте. И поймите сами все, какъ поняли голубое небо...

VI.

Антонъ Антоновичъ въ хлопотахъ.

У него явилась блестящая идея устроить литературный вечеръ. И не то что одинъ, а цѣлый рядъ литературныхъ вечеровъ, гдѣ всѣ будутъ читать собственныя произведенія.

Мѣсто — квартира Антона Антоновича.

Такимъ образомъ у Антона Антоновича соберется избранное общество, интересъ будетъ возрастать, и, конечно, это не винтъ у кассира или глупые фанты у главнаго управляющаго; это настоящее, серьезное занятіе, это можетъ благотвор-

но повліять на молодые умы и, кто знаетъ, можетъ даже отвлечь нѣкоторыхъ отъ ротонды, танцевъ...

Антонъ Антоновичъ сдѣлается главнымъ лицомъ въ городкѣ. А зимой, когда уѣдутъ дачники, онъ можетъ приготовляться, собирать матеріалъ, списаться кое съ кѣмъ...

Такъ мечталъ Антонъ Антоновичъ.

Въ участвующихъ недостатка не было. Во-первыхъ, онъ самъ. Затѣмъ всѣ студенты и гимназисты съ Ламме во главѣ. Одинъ казацкій офицеръ. И, наконецъ, барышня-поэтесса, маленькая, черненькая съ круглыми выпуклыми глазами. Фамилія ея была Манліева.

Антонъ Антоновичъ ужасно огорчался, что уѣхалъ Елецкій. Все-таки петербуржецъ, образованный; и говорилъ, что интересуется литературой.

Важный дипломатъ Людмилы уѣхалъ на двѣ недѣли, гимназисты были заняты организаціей будущихъ вечеровъ, и Антонъ Антоновичъ чаще прежняго гулялъ вдвоемъ съ Людмилой.

Намеки были въ полномъ ходу, но Людмилѣ сдѣлалось скучно, и она спросила его своимъ скользящимъ, небрежнымъ голосомъ:

— Вы, Антонъ Антоновичъ, очень меня любите?

Антонъ Антоновичъ не смутился и сейчасъ-же отвѣтилъ:

— Это смотря по вашему отношенію. Если хорошо относитесь...

— Вы видите, что хорошо...

— Ну, тогда крѣпко... Впрочемъ, прошу у васъ позволенія написать письмо. Слѣдуетъ, чтобы вы знали мою жизнь. Мнѣ скрывать нечего. Прошу

тоже, чтобы это письмо было извѣстно вамъ одной и вслѣдъ по прочтеніи уничтожено.

— Хорошо, я разорву. Когда будетъ письмо?

— Послѣзавтра на балѣ. До тѣхъ поръ мы не увидимся. Мнѣ надо обдумать. На другой день послѣ бала состоится первый литературный вечеръ. Приготовьте нѣсколько словъ и отдайте мнѣ осторожно. Идетъ?

Людмила сдѣлала серьезное лицо, опустила глаза и кивнула головой. Ей было интересно, что за письмо напишетъ Антонъ Антоновичъ.

VII.

Усталая Людмила вернулась съ вечера. Ей пришлось танцовать до упаду. Лицо поблѣднѣло, и точно жизнь сошла съ него. Свѣтлые, ничего не выражающіе глаза смотрѣли прямо.

Людмила вошла въ свою комнату съ широкимъ венеціанскимъ окномъ. Она отворила его, взглянула въ темный садъ. Потомъ спустила легкую занавѣску, зажгла лампу, расплела волосы. Двигалась она лѣниво и медленно. Снимая платье, она вынула изъ кармана маленькій смятый конвертикъ и бросила его на столъ.

Наконецъ она раздѣлась, поправила занавѣску и сѣла на постель.

Изъ конверта Людмила вынула вчетверо сложенный листъ бумаги. Онъ былъ исписанъ мелко, ровно и красиво; буквы стояли какъ печатныя.

«Вотъ обѣщанное письмо», читала Людмила. «Это моя исповѣдь. Я сказалъ, что буду

правдивъ до конца и буду. И я горжусь тѣмъ что могу быть правдивъ. На мнѣ нѣтъ пятна, на моей совѣсти нѣтъ укора, и я не краснѣю передъ вами. Я всегда зналъ, что̀ я долженъ дѣлать, и всегда дѣлалъ, что̀ долженъ. Я не стыжусь своего происхожденія. Мой дѣдъ былъ слесарь, а папаша — самый мелкій чиновникъ въ Одессѣ. Папаша мой въ Одессу пріѣхалъ случайно, онъ русскій изъ Пензенской губерніи. Мамаша была нѣмка, тоже не жительница Одессы, а пріѣхавшая издалека. Какъ единственнаго сына, мамаша особенно любила и ласкала меня. Съ ней я обыкновенно проводилъ мое время, и, конечно, она повліяла во многомъ на мое сердце, хотя характеръ остался твердымъ. Для меня нѣтъ труднаго. Нужно только умѣть желать.

«Перехожу къ важной страницѣ въ моей жизни. Я былъ въ гимназіи, въ четвертомъ классѣ. Мнѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ. Признаюсь, гимназія не удовлетворяла меня. Но объ этомъ не стану распространяться. Однажды я узналъ горестное и прискорбное обстоятельство, а именно — что папаша не всѣ деньги, на которыя мы живемъ, добывалъ честнымъ трудомъ. Онъ недобросовѣстно относился къ своимъ обязанностямъ и бралъ съ просителей по 1 рублю и болѣе, чтобы не въ очередь докладывать о нихъ начальнику. Убѣдившись, что слухъ объ этомъ злоупотребленіи не клевета, я сказалъ себѣ: у меня больше нѣтъ отца! потому что нечестный человѣкъ не можетъ быть моимъ отцомъ. Я пошелъ къ нему и сказалъ ему это, и сказалъ, что ухожу. Ничто не могло меня оста-

новить—ни просьбы, ни слезы мамаши. Теперь: ея уже нѣтъ въ живыхъ! Я ушелъ. И вотъ мнѣ двадцать восемь лѣтъ, и все мое положеніе—мѣсто, роль, которую я играю въ обществѣ—всего этого достигъ я самъ, я одинъ, своей настойчивостью и работой. Я—полезный членъ общества, у меня обязанности, долгъ, я на хорошемъ счету и легко могу получить переводъ и повышеніе. Кромѣ того—вы знаете мою мечту жизни, мою отраду—это, занятіе литературой и поэзіей. Какъ часто я вспоминаю бѣдную мамашу! Она меня понимала и любила стихи, которые я ей писалъ по нѣмецки.

«Я избралъ васъ и предлагаю вамъ рука объ руку продолжать жизненный путь. Я — сила, и вы—сила. Вмѣстѣ мы горы сдвинемъ. Я еще четыре года назадъ рѣшилъ, что такъ будетъ. Вы будете добрымъ товарищемъ. Вы тоже должны поступить въ телеграфное вѣдомство. У васъ будутъ тогда обязанности, къ которымъ надо относиться строго. Это вырабатываетъ характеръ. Въ жизни я испыталъ много разочарованій, но теперь у меня есть путеводная звѣзда. Ну, по рукамъ, что-ли! Вмѣстѣ на борьбу, на жизнь, на работу!»

Внизу, постскриптумъ, было написано:

«Извиняюсь, что письмо такое дѣловое. Но дѣло прежде всего. Теперь, когда мы съ главнымъ покончили, я вамъ напишу второе письмо, обращая преимущественнее вниманіе на свои ощущенія».

Окончивъ читать, Людмила бережно сложила письмо, заперла въ шкатулку, погасила лампу и легла въ постель.

VIII.

Къ восьми часамъ вечера квартира Антона Антоновича была ярко освѣщена. Столъ въ столовой отодвинули; все холостое хозяйство Антона Антоновича пошло въ ходъ, скатерть сіяла бѣлизной, стакановъ было вдоволь. Прислуживалъ сторожъ Демьянычъ, единственный русскій во всемъ штатѣ телеграфистовъ. Демьянычъ туземцевъ не то что презиралъ, а какъ-то совсѣмъ не считалъ людьми, избѣгалъ непосредственныхъ отношеній съ ними и зорко слѣдилъ, чтобы они не ѣли изъ одной посуды съ нимъ или господиномъ начальникомъ.

Демьянычъ ухаживалъ за господиномъ начальникомъ, самъ готовилъ ему кушанье, смотрѣлъ за хозяйствомъ, но въ его отношеніи замѣтно было недовѣріе и даже легкое презрѣніе. Для него начальникъ былъ, хотя и человѣкъ, но не совсѣмъ настоящій, нѣмецъ, не соблюдавшій русскихъ обычаевъ, рѣдко бывавшій въ церкви. Демьянычъ какъ-то соболѣзновалъ своему хозяину и только изъ жалости ходилъ за нимъ. Все таки человѣкъ, а кто-жь ему, кромѣ Демьяныча, сдѣлаетъ? Не звѣрюшекъ-же этихъ къ себѣ допускать!

Демьнычъ былъ еще не старъ, имѣлъ длинные желтые усы и серьезное лицо. Горный климатъ ему не принесъ пользы; онъ худѣлъ съ каждымъ годомъ и напоминалъ сухую рыбью кость.

— Демьянычъ, а сыръ, масло, свѣжіе чуреки... Готово у тебя?

— Некуда торопиться, ваше высокоблагородіе, равнодушно отвѣчалъ Демьянычъ.—Еще и гостей никого нѣтъ, а сказывали, вначалѣ читать будете.

Наконецъ гости стали сходиться.

Пришли студенты, явился и казацкій офицеръ съ двумя тетрадями огромной величины. Офицеръ повертывался такъ быстро, что каждый разъ полы его черкески разлетались, и дамы чувствовали вѣтеръ. Офицеръ говорилъ, что всѣ его стихи болѣе или менѣе извѣстны и онъ рѣшительно не знаетъ, что прочитать.

Тогда Ламме грустно предложилъ офицеру прочесть «Пташку», которая несомнѣнно лучшее изъ его лирическихъ стиховтореній.

Въ длинной залѣ, вокругъ овальнаго стола съ лампой по серединѣ, собиралось все больше и больше любителей искусства.

Антонъ Антоновичъ боялся за московскаго корреспондента—вдругъ не придетъ? А это было-бы очень важно. Но корреспондентъ пришелъ, маленькій и поджарый, въ черной жакеткѣ. Только, несмотря на всю любезность Антона Антоновича, держалъ себя довольно странно—не то небрежно, не то презрительно. Можетъ быть, впрочемъ, это было просто московское обыкновеніе.

Дамъ пришло мало: только Людмила съ теткой да поэтесса Манліева.

Усѣвшись кругомъ, всѣ молчали.

— Что-жь, господа, надо бы начинать! сказалъ Антонъ Антоновичъ, который все время пересаживался съ одного стула на другой и вообще былъ въ замѣтномъ волненіи.

— Я не начну, сказала Манліева.—Я буду читать послѣдняя. Я приготовила прозу на этотъ разъ.

— Можно узнать, что̀ именно? любезно обратился къ ней одесскій студентъ, который неожиданно для всѣхъ тоже оказался поэтомъ.

— Какъ вамъ сказать? Это не новелла и не повѣсть... Называется просто: «Размышленія надъ трупомъ». Высказано нѣсколько мыслей... Тутъ всего пятьдесятъ четыре страницы разгонистаго почерка.

У студента по лицу прошла какая-то тѣнь, но онъ улыбнулся.

Рѣшено было, что начнетъ хозяинъ.

Антонъ Антоновичъ немедленно принесъ свою книгу и, порой сбиваясь, но, стараясь быть спокойнымъ, прочелъ свое «Розовое видѣніе» и «Невозвратное время», очерки осеннихъ дней. Всѣ знали, что «Розовое видѣніе» написано Людмилѣ, и смотрѣли на нее съ любопытствомъ. Она была равнодушна и молчала.

Когда Антонъ Антоновичъ кончилъ и ему принялись хлопать, она встала, прошла черезъ залу и сѣла на открытое темное окно. Ночь была безлунная и свѣжая, сквозь черныя деревья сада чуть блестѣли звѣзды. О чемъ думала Людмила — не догадывался даже самъ Антонъ Антоновичъ, тѣмъ болѣе, что лицо ея, какъ всегда, казалось беззаботно-веселымъ.

Читалъ Ламме убитымъ голосомъ что-то о ранней смерти поэта. Потомъ принялся читать казацкій офицеръ. Прочелъ автобіографію въ стихахъ,

дневникъ въ стихахъ, что заняло часа полтора, наконецъ приступилъ къ «Пташкѣ».

Но «Пташка», къ общему изумленію, оказалась такъ плоха, что самъ офицеръ сконфузился и сталъ извиняться, говоря, что онъ, собственно, не лирикъ и призваніе его – сатира. Сталъ читать «сатиры» —и тутъ выяснилось, что симпатіи автора главнымъ образомъ на сторонѣ кахетинскаго вина:

„У насъ знакомый — незнакомый —
Пей кахетинское вино!“

съ жаромъ заключалъ офицеръ каждую строфу, и полы черкески разлетались, и дамы чувствовали вѣтеръ.

Всѣмъ стало легче, когда принялся читать одесскій студентъ. Стихи студента были совсѣмъ другаго характера, чѣмъ стихи Ламме. Вмѣсто печали и думъ о смерти, тутъ все полно было самой сильной энергіи:

„За идею свою
Я какъ барсъ постою!“

И всѣ хлопали, а студентъ былъ красенъ и взволнованъ.

Пробило уже одиннадцать часовъ, когда Манліева начала свои «Размышленія надъ трупомъ». Гости точно сразу опустились и какъ будто даже уменьшились въ своихъ креслахъ. Но неизбѣжному приходилось покоряться.

Самоваръ перекипѣлъ, Демьянычъ сердился, а Манліева читала и читала. Но зато, когда она кончила, всѣ были такъ благодарны ей, что не знали чѣмъ выразить свое расположеніе. И отрадно

у всѣхъ на душѣ стало: спасибо Манліевой—она кончила! Манліева разливала чай и была героиней вечера.

Когда гости разошлись, Антонъ Антоновичъ не зналъ, что думать: удался вечеръ или не удался? Какъ будто и хорошо, а между тѣмъ что-то не то.

Впрочемъ Антону Антоновичу некогда было предаваться размышленіямъ о вечерѣ. Онъ прошелъ въ спальню и нетерпѣливо развернулъ тонкую бумажку. Эту бумажку ему передала Людмила, прощаясь. Тамъ стояло всего нѣсколько словъ:

«Завтра я уѣзжаю въ городъ. Вернусь не позже четверга. Въ пятницу, въ шесть вечера, будьте у насъ. Мы пойдемъ на нижнюю дорожку. Я чувствую, что намъ необходимо поговорить по душѣ. Приходите. Я вѣрю вамъ. Я жду. Л».

IX.

Прошло два дня. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Все кругомъ потускнѣло, горы спрятались за сѣрыми, пушистыми облаками, маленькая рѣчка шумѣла и пѣнилась, на дорогѣ было грязно. Музыка играла на верандѣ, и часто порывъ вѣтра сдувалъ капли съ листьевъ дикаго винограда прямо на ноты какого-нибудь солдата. Несчастные музыканты ежились въ своихъ бѣлыхъ рубахахъ: было очень сыро и холодно.

Антонъ Антоновичъ, исполнивъ свои утреннія обязанности, непремѣнно уходилъ гулять. Такъ ужъ было заведено, и дурная погода для него ничего не значила.

Наканунѣ пріѣзда Людмилы Антонъ Антоновичъ былъ въ самомъ радостномъ настроеніи. Онъ погулялъ въ паркѣ, пошутилъ съ библіотекаремъ, посмотрѣлъ на небо—а небо, кажется, собиралось опять сдѣлаться яснымъ — и мирно возвращался домой.

Обѣдать онъ сегодня долженъ былъ одинъ, потому что вся его «молодежь» уѣхала рыбу ловить на большое озеро, за 60 верстъ. Собирались вернуться не раньше трехъ дней. Даже Ламме они взяли съ собою.

Антонъ Антоновичъ думалъ о Людмилѣ.

— Завтра она пріѣдетъ, вечеромъ. Послѣзавтра пятница. Я аккуратенъ какъ часы. Безъ десяти шесть можно выйти изъ дома, если итти не торопясь.

Мечтая о завтрашнемъ днѣ, Антонъ Антоновичъ дошелъ до своей калитки, миновалъ дворъ и ужъ собирался войти въ комнаты, какъ вдругъ на порогѣ увидѣлъ испитое лицо Демьяныча, озаренное на этотъ разъ счастливой улыбкой.

— Что такое? невольно спросилъ Антонъ Антоновичъ.

— Съ радостью васъ поздравляю, ваше высокоблагородіе.

— Съ какой радостью? Говори, пожалуйста.

— Пріѣзжій человѣкъ у васъ.. Давно дожидаются, проговорилъ Демьянычъ, улыбаясь весело и таинственно.

У Антона Антоновича почему-то мелькнула въ мысляхъ Людмила, ея пріѣздъ... Но къ чему же ей у него дожидаться, да и не пріѣхала она...

Видя, что Антонъ Антоновичъ въ недоумѣніи, Демьянычъ наконецъ шепнулъ ему, торжествуя:

— Не изволите угадывать... Папаша вашъ прибыли...

Антонъ Антоновичъ рѣшительно потерялъ всякую способность соображать. Онъ только могъ прошептать съ отчаяніемъ:

— Какой папаша?..

— Да вашъ собственный, родитель вашъ, громко сказалъ Демьянычъ, рѣшивъ, что съ таинственностью пора покончить.—Ужъ они давно дожидаются. Русскій человѣкъ. Мы съ нимъ вдоволь наговорились да наплакались. Вспомнили матушку Россію. Я и самоварчикъ поставилъ, за баранками сбѣгалъ. Вотъ пожалуйте, они въ столовой. А на обѣдъ прибавить чего прикажете?

Къ Антону Антоновичу стало возвращаться самообладаніе. Онъ начиналъ понимать.

Онъ снялъ фуражку, провелъ рукой по головѣ, потомъ сразу отворилъ дверь въ столовую и остановился на порогѣ.

Въ комнатѣ было немного душно, низкія окна запотѣли отъ самовара. Около печки лежали два небольшихъ узла. На столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, кипѣлъ самоваръ, около дѣловыхъ бумагъ были разложены баранки, колбаса и даже стояла маленькая бутылочка коньяку, который Антонъ Антоновичъ принималъ по чайной ложечкѣ, когда ему случалось промачивать ноги.

Въ креслѣ за столомъ сидѣлъ полный старикъ и пилъ чай.

Онъ пилъ медленно, съ блюдечка, наклонившись

и обмакнувъ въ чай сѣрые щетинистые усы. Когда вошелъ Антонъ Антоновичъ, онъ не поставилъ блюдечка, а только поднялъ на него свои молочно-голубые глаза. У него было красное, круглое лицо съ рѣзкими морщинами. Жесткіе сѣдые волосы онъ стригъ подъ гребенку. Руки у него слегка дрожали, а шея была нѣсколько разъ обмотана старымъ шерстянымъ шарфомъ.

Приглядѣвшись и, вѣроятно, узнавъ Антона Антоновича, старикъ бросилъ пить чай, опустилъ блюдечко и всталъ.

Одну минуту онъ хотѣлъ подойти ближе, потомъ какъ будто не посмѣлъ, только вытянулъ впередъ подбородокъ и поправилъ шарфъ.

— Это вы? проговорилъ наконецъ Антонъ Антоновичъ.

— Это я, Антоша, сказалъ старикъ хриплымъ голосомъ.—Я къ тебѣ...

Онъ опять сунулся впередъ—и опять не посмѣлъ и остался на мѣстѣ.

Антонъ Антоновичъ уже окончательно овладѣлъ собой. Онъ ясно видѣлъ, что̀ долженъ дѣлать, и, конечно, ни что въ мірѣ не заставило бы его измѣнить своему долгу.

Антонъ Антоновичъ положилъ фуражку на столъ и сѣлъ на табуретъ сбоку. Старикъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и тоже опустился на кресло.

— Что-же вамъ угодно? спросилъ Антонъ Антоновичъ.—Вы меня достаточно знаете.

— Я, собственно, Антоша, видишь-ли... заговорилъ старикъ.—Я, можетъ тебѣ извѣстно, вскорѣ тогда мѣсто свое потерялъ—ты и г. столоначаль-

нику доложилъ отчего уѣзжаешь, и главноуправляющему, когда они тебя въ кабинетъ къ себѣ звали и еще десятью рублями наградили.

— Я эти 10 рублей выслалъ ему, получивъ первыя заработанныя деньги, прервалъ Антонъ Антоновичъ.

— Да, такъ вотъ я вскорѣ и лишился мѣста, годъ безъ мѣста былъ. Потомъ ужъ въ контору одну поступилъ... Да закрылась контора. Я же зналъ, что ты у меня такой вышелъ... Достигъ. Такъ еслибъ ты пріютилъ пока что... мѣсто-бы сыскать... Одному то, Антоша, трудно мнѣ теперь, при моей болѣзни...

Онъ говорилъ торопясь и безпрестанно поправлялъ шарфъ. Антонъ Антоновичъ сдѣлалъ движеніе. Старикъ не далъ ему сказать и началъ снова, еще больше спѣша:

— А у тебя-то хорошо... Слуга какой хорошій. Тепло, свѣтло... Ежели попомнишь еще, что было, прости ты меня, Антоша, прости ужъ...

Антонъ Антоновичъ всталъ. Старикъ тоже вскочилъ, съ испугомъ вглядѣлся въ лицо сына и замахалъ руками:

— Богъ съ тобой, Богъ съ тобой, заговорилъ онъ,—смягчи ты свое сердце!.. Пусть я грѣшникъ передъ совѣстью своей, а ты прости... Я даже и не ради чего, пожалуй и не надо мѣста, я себѣ найду мѣсто, не останусь я съ тобой, а только для кого-жъ мнѣ на свѣтѣ жить, какъ перстъ одному... Сердцу моему скучно, для сердца прости...

— Прощать нельзя. Никакихъ прощеній нѣтъ,

сказалъ Антонъ Антоновлчъ.—Я не измѣнился, а что было, то уже не забывается. Я не могу ничего.

— Не можешь? растерянно проговорилъ старикъ. — Господи, а она-то просила меня тогда! Антоша, ну ради покойницы, не можешь?

Послѣднія слова онъ выкрикнулъ какъ-то странно, почти безнадежно, и вдругъ остановился, испугавшись.

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе. Только самоваръ пѣлъ на столѣ.

— Я вамъ сочувствую, но не могу поступить иначе, сказалъ наконецъ Антонъ Антоновичъ.— Вы слышали мои слова тогда: у меня нѣтъ отца. Вы для меня — человѣкъ, не поступающій согласно долгу. Такіе люди не могутъ стать со мною въ какія-либо отношенія. Долгъ и честь— двѣ главныя основы жизни. Измѣнить имъ я не въ состояніи даже ради памяти моей мамаши. Повторяю: я сочувствую вамъ и сожалѣю о васъ, но прошу имѣть въ виду все вышесказанное и поступать согласно съ нимъ.

— Я сейчасъ, я сейчасъ, заторопился вдругъ старикъ,—я вѣдь понимаю, Антоша, что ты сказать хочешь, я что-жъ, я уѣду... Богъ съ тобой и съ долгомъ твоимъ...

Онъ путался, началъ было допивать чай съ блюдечка, потомъ бросилъ, пошелъ къ узламъ.

— Вамъ куда? спросилъ Антонъ Антоновичъ.— Если на Батумъ, то поспѣете къ поѣзду — дилижансъ сейчасъ отходитъ.

— Не знаю я, Антоша, куда, не знаю. Теперь

все равно. Ну, хоть на Батумъ. Позови слугу-то узлы связать.

Пораженный Демьянычъ молча связалъ узлы, хотѣлъ вынести, то старикъ не допустилъ.

— Не надо, не надо, хорошій человѣкъ, я самъ. Я знаю, гдѣ въ дилижансъ садятся. Ну, бывайте здоровы. Прощай, Антоша. Преуспѣвай. Что-жъ, не можешь—ну, не можешь. Это не отъ тебя все. Только не разумомъ тутъ судить нужно.

— Помните, что я вамъ глубоко сочувствую, сказалъ Антонъ Антоновичъ. Тутъ онъ всталъ и обнялъ старика. Но старикъ не отвѣчалъ на объятія, только съежился какъ-то, и Антонъ Антоновичъ опустилъ руки.

— Память моей матери вѣчно священна для меня, добавилъ онъ.

Старикъ молча кивнулъ головой, и, не обертываясь, пошелъ къ станціи со своими двумя узлами.

Антонъ Антоновичъ вернулся въ комнаты, строгимъ голосомъ велѣлъ Демьянычу убрать со стола и подавать обѣдать, а самъ прошелъ въ спальню переодѣться.

X.

— Я не могла васъ дожидаться, Антонъ Антоновичъ, простите меня, говорила Людмила. — Въ комнатахъ такъ душно, а я знала, что вы меня догоните.

— Но я былъ аккуратенъ, сказалъ Антонъ Антоновичъ и въ доказательство вынулъ часы. Стрѣлка показывала пять минутъ седьмого.

«Нижняя» дорожка, по которой они шли, вилась на уступѣ горы, поросшей густымъ лѣсомъ. Налѣво возвышались шероховатыя желтыя скалы съ деревьями на вершинахъ, а направо былъ обрывъ, тоже весь заросшій каштанами, вязами и низкорослыми кустами кизила.

Обрывъ былъ не глубокъ, порою переходилъ въ покатость, съ узкой невѣрной тропинкой внизъ. На днѣ текла извилистая рѣка и проходила большая дорога, но зеленыя шапки деревьевъ въ оврагѣ позволяли видѣть только небо, да синеватыя очертанія далекихъ горъ за рѣкою.

Людмила шла немного впереди; Антонъ Антоновичъ слѣдовалъ за нею.

Итти скоро было нельзя: дорожка то поднималась, то спускалась, мелкіе камни катились изъ-подъ ногъ и падали въ обрывъ.

Людмила не надѣла шляпки: солнце, хотя и пекло весь день, теперь сдѣлалось мягкое и ласковое; черные волосы она перевязала лентой. Ея синее платье съ бѣлыми цвѣточками не достигало земли и ей было удобно ходить по горамъ. Она шла не обертываясь и все время болтала.

— Антонъ Антоновичъ, посмотрите, сколько ягодъ! Попробуйте, что за прелесть! Мы будемъ собирать кизилъ!

Она отыскивала въ спаленной солнцемъ травѣ ягоды кизила. Онѣ были продолговатыя, темнокрасныя, еще теплыя отъ солнца и нѣжныя, какъ пухъ. Хороши были только упавшія, а на вѣткахъ ягоды не дозрѣвали. Имъ нужно было полежать въ травѣ и разогрѣться на солнцѣ.

— Впрочемъ, не стоитъ, сказала Людмила и бросила уже собранныя ягоды. — Я устала. Тамъ дальше есть сломанное дерево. Сядемъ, хорошо?

И она побѣжала впередъ. За поворотомъ дорожка расширялась, и на маленькой лужайкѣ лежало толстое сухое дерево.

Антонъ Антоновичъ и Людмила сѣли.

Антонъ Антоновичъ ждалъ только этого, чтобы начать дѣйствовать. Ему было все ясно. Людмила притихла, сидѣла смирно, опустивъ глаза, и розовая краска медленно сбѣгала съ ея лица.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Людмила хотѣла заговорить, но Антонъ Антоновичъ предупредилъ ее:

— Я вамъ писалъ письмо, теперь у меня нѣтъ ничего тайнаго передъ вами. О чемъ намъ говорить еще? Я понимаю васъ, моя мечта... Все близится къ желанному концу... Мы должны были соединиться... Въ путь, на работу, на борьбу!

При этихъ послѣднихъ словахъ Антонъ Антоновичъ приблизился къ Людмилѣ и взялъ ее за руки.

Она медленно освободила руки и посмотрѣла на него своими странными, почти веселыми глазами.

— Вы ошибаетесь, Антонъ Антоновичъ, сказала она.—Этого не будетъ.

— То есть чего? спокойно спросилъ Антонъ Антоновичъ.

— То есть я не буду вашей женой, пояснила Людмила улыбаясь.—Объ этомъ я и хотѣла поговорить съ вами. Я въ васъ не влюблена, да и не

люблю васъ, да собственно и не уважаю. Это все было нарочно. Если хотите, я вамъ объясню отчего. Мнѣ все равно—объяснить или нѣтъ.

— Вы, по всѣмъ вѣроятіямъ, хотите меня испытать? какъ-то порывисто усмѣхнувшись, сказалъ Антонъ Антоновичъ.—Но я знаю все. Я заранѣе рѣшилъ все.

— Напрасно вы рѣшали. Ну развѣ вы не видите, что я не шучу? Я никогда не выйду за васъ замужъ и съ перваго дня была въ этомъ увѣрена. Вы не волнуйтесь. Все очень просто.

Антонъ Антоновичъ началъ понимать, что она говоритъ искренно. И въ немъ поднялось столько самыхъ разнородныхъ чувствъ, что онъ рѣшительно не зналъ—какое изъ нихъ сперва высказать.

— Теперь пора все кончить, оттого я и говорю. Съ вами у меня дошло до конца. Вотъ мы и разстанемся, проговорила Людмила.

— Послушайте... прерывающимся голосомъ началъ Антонъ Антоновичъ. — Я не могу вѣрить... Значитъ... Но вѣдь вы мнѣ надежду такую дали... Да что надежду! Вы говорили... И намеки... Значитъ, вы лгали...

— Да, лгала А развѣ можно и нужно всегда говорить только правду? Лжи столько же на свѣтѣ и она такъ-же необходима, какъ правда. Зачѣмъ ее презирать?

— Вотъ какъ... Вотъ какъ... Но вѣдь это нечестно... Вопреки совѣсти... Долгу... Я не вѣрю...

— Для васъ все такъ ясно, Антонъ Антоновичъ, а я не знаю—дѣйствительно ли хорошо хорошее и честно честное. Докажите мнѣ, что я

должна подчиняться вашему долгу. Мнѣ не страшно и не скучно подчиняться, я только не вѣрю... не вѣрю въ ваши обязательства и нравственные законы. Не надо быть въ рабствѣ.

— Вы хотите шутить со мною. Но не понимаю—зачѣмъ эти безсмысленные поступки, эта...

— Послушайте, не волнуйтесь, сказала Людмила серьезнѣе, вставъ и слегка дотрогиваясь до руки Антона Антоновича.— Вы не должны осуждать меня, вѣдь вы меня не знаете. Слушайте, я скажу—*зачѣмъ* я дѣлаю вѣчно то, что сдѣлала съ вами. Во первыхъ, это не я одна дѣлаю, а всѣ, всѣ дѣлаютъ, или почти всѣ, только они дѣлаютъ безсознательно, а я сознательно и обдуманно. Я поняла, что нѣтъ людей на свѣтѣ. Людей нѣтъ, а есть мужчины и женщины, и есть вѣчная, непрестанная борьба между ними. Иногда побѣждаетъ мужчина—и тогда женщина ему принадлежитъ, а иногда наоборотъ. Побѣждаетъ тотъ, кто сильнѣе. Я борюсь много и много побѣждаю, и наслаждаюсь побѣдой и униженіемъ противника, потому что, вѣроятно, найдется когда нибудь мужчина сильнѣе меня, и я влюблюсь въ него, влюблюсь, а не полюблю, и буду побѣждена... какъ всѣ... Но полюблю я, если только встрѣчу не мужчину, а человѣка... Да если и встрѣчу, то не повѣрю, прибавила она поспѣшно и какъ-то про себя, точно вспомнивъ непріятное.

— Но я... я предлагаю любовь... товарищество, путался растерянный Антонъ Антоновичъ.

— Товарищество, улыбаясь сказала Людмила. — Какой вздоръ! Не обманывайте ни себя,

ни меня. Можетъ быть мужчины и бываютъ людьми между собою, но къ женщинѣ, какъ къ человѣку, имъ относиться не дано. Я не знаю—хорошо это или дурно, я знаю только, что это такъ. Я вижу эту борьбу и стану бороться до послѣднихъ силъ. Для каждой побѣды, для каждаго торжества надо лгать, хитрить, притворяться. И я дѣлаю это—все равно какъ на войнѣ заряжаютъ ружья и спускаютъ курки. И чѣмъ больше убьешь, тѣмъ больше тебѣ славы. Я совсѣмъ не жалуюсь. Я примирилась съ неизбѣжнымъ. Мнѣ даже весело иногда, я рада своему сознанію. Вѣдь женщины и между собою не люди: онѣ, не сознавая, каждую минуту готовятся къ битвѣ и, точно солдаты въ засадѣ, полны только будущимъ сраженіемъ. Пусть не видятъ этого, если не хотятъ, а я буду видѣть...

— Вы не смѣете... Любовь...

— Оставьте, Антонъ Антоновичъ, вашу любовь. Я ее понимаю. Скажите, вотъ вы хотите, чтобъ я была телеграфисткой, вашимъ товарищемъ, вмѣстѣ работала-бы... Но согласись я сейчасъ выйти за васъ, только безъ этого условія, вы бы мнѣ великодушно простили и все-таки взяли бы меня... А скажите, какой мужчина—да и вы тоже—согласился-бы взять меня *только* какъ товарища, безъ подчиненія, безъ униженія, осмѣлился-бы все предоставить моей собственной волѣ? О, ни одинъ! Имъ не нужны люди, имъ нужны женщины. Подите вы отъ меня съ вашей любовью, и съ вашимъ долгомъ... и съ вашей совѣстью, если она не упрекаетъ васъ за такую любовь.

Людмила перевела духъ. Она была взволнована. Потомъ взглянула на Антона Антоновича и прибавила упавшимъ голосомъ:

— И зачѣмъ это я вамъ говорю? Все равно вы не поймете... И зачѣмъ я съ вами это дѣлала? Вы и для сраженія не годитесь... Какая я смѣшная и ничтожная! Къ чему мнѣ всякій?

Антонъ Антоновичъ посмотрѣлъ на нее почти съ ненавистью.

— Я понялъ. Я понялъ одно, что вы безстыдная, сказалъ онъ.—Безстыдная... И больше никакихъ отношеній съ вами имѣть не буду. Не считаю возможнымъ теперь оставаться здѣсь.

Онъ направился къ тропинкѣ, ведущей по обрыву внизъ на дорогу, потомъ вдругъ обернулся:

— И это, значитъ, и вотъ это неправда, ложь? закричалъ онъ какимъ-то неожиданно визгливымъ голосомъ, почти дѣтскимъ, въ которомъ слышались слезы. Видно было, что онъ страдалъ.— И это тоже?

Онъ хотѣлъ что-то вынуть, показать и для этого сталъ торопливо разстегивать сюртукъ, потомъ жилетъ. Повозившись какъ-то безпомощно, онъ досталъ записку Людмилы и помахалъ ею въ воздухѣ.

— И это лживо?

Людмила кивнула головой.

Антонъ Антоновичъ видимо потерялъ послѣднюю надежду. Этой запискѣ, словамъ «я вѣрю, я жду» онъ придавалъ значеніе великое. Онъ посмотрѣлъ на Людмилу жалко и вопросительно, замигалъ глазами, потомъ съ трудомъ засу-

нулъ записку на прежнее мѣсто, застегнулъ пуговицы, быстро сталъ спускаться по оврагу внизъ и скоро исчезъ за густыми вѣтвями.

XI

Антонъ Антоновичъ благополучно достигъ дороги и мирно шелъ, помахивая палкой и чувствуя, какъ мало-по-малу все въ немъ начинаетъ успокаиваться, какъ возвращаются къ нему прежнее равновѣсіе и силы, но вдругъ услыхалъ за собою торопливые шаги.

Онъ обернулся.

За нимъ почти бѣжала Людмила. Спускаясь по крутизнѣ, она вся растрепалась и оборвала платье. Она хотѣла его догнать.

— Что вамъ нужно? холодно и съ достоинствомъ произнесъ Антонъ Антоновичъ и остановился.

Отъ скорой ходьбы Людмила почти не могла говорить.

— Успокойтесь, попрежнему сказалъ Антонъ Антоновичъ.

Людмила отдохнула немного.

— Антонъ Антоновичъ, сказала она робко.

— Повторяю, что вамъ нужно?

— Если вы... если я сдѣлала вамъ больно... Мнѣ показалось, что вамъ больно... Простите меня! Когда вы доставали записку... Такъ искали ее долго... Вѣдь вы въ нее вѣрили... Ну, сдѣлайте мнѣ больно, ну, что хотите, только я не могу такъ, Антонъ Антоновичъ! Можетъ это слабость .. Пусть

тамъ долгъ, борьба, всѣ теоріи, я не знаю—правали я, никто ничего не знаетъ, но у меня сердце болитъ, Антонъ Антоновичъ! Сердце мое, живое, вдругъ просто, по человѣчески, пожалѣло васъ, и все я готова отдать, только чтобы вамъ стало легче, если вамъ тяжело.

Въ ея прозрачныхъ глазахъ стояли слезы. Она смотрѣла на него съ надеждой и ожиданіемъ.

— Я васъ понимаю, сказалъ Антонъ Антоновичъ.—Эти комеліи напрасны. Моихъ прежнихъ чувствъ вы не вернете никогда. Я вижу все. И что сказано разъ, то неизмѣнно. Мы разстаемся навѣки. Вы опоздали и не знаете моего слова.

Людмила какъ-то вся опустилась и поникла. Она махнула рукой и равнодушно и устало проговорила:

— Ахъ, это не то, не то...

Антонъ Антоновичъ пожалъ плечами, повернулся и пошелъ по дорогѣ. У него уже смутно мелькалъ въ головѣ сюжетъ прекрасной новеллы, которая будетъ называться «Развѣнчанный кумиръ».

Смиреніе.

I.

— Миша, Володя, Викторъ! Будете вы у меня обижать Борю? Вѣдь это-же терпѣнія никакого не хватитъ!

Ольга Александровна схватила Борю и посадила около себя на скамейку. Боря ревѣлъ во все горло.

Остальные мальчуганы столпились вокругъ и требовали, чтобы Ольга Александровна выдала имъ Борю.

— Ольга Александровна! плаксивымъ голосомъ кричалъ Володя, самый старшій. Ему было лѣтъ около восьми.—Что-же это? Боря самъ намъ заказалъ песочные пироги, мы спрашивали—онъ согласился всѣ съѣсть, а теперь не хочетъ! Вѣдь это же безсовѣстно: его заставить надо!

Безсовѣстному мальчику Борѣ недавно исполнилось три года. Ольга Александровна справедливо разсудила, что отъ него нельзя требовать исполненія всѣхъ его обѣщаній.

— Уйдите вы, противные мальчики! Боря останется со мной. Да, Боря?

Дѣтямъ пришлось покориться. Не обращая, впрочемъ, большого вниманія на присутствіе Ольги Александровны, они кричали, что проучатъ Борьку, что это еще впереди. Затѣмъ они отправились снова на свою песочную кучу около бесѣдки.

Боря, всхлипывая, сидѣлъ на скамейкѣ въ бесѣдкѣ и держался за платье Ольги Александровны.

Вотъ ужь двѣ недѣли, какъ Ольга Александровна поступила бонной въ купеческую семью Лисичкиныхъ и живетъ въ Преображенскомъ.

Преображенское собственно и не село, потому что крестьянскихъ избъ тамъ нѣтъ, а только церковь, домикъ отца Владиміра, да двѣ усадьбы. Одинъ домъ былъ похожъ на дворецъ, стоялъ въ самомъ паркѣ и назывался «большимъ домомъ».

Въ немъ жилъ лѣтомъ самъ хозяинъ—старикъ Затѣнинъ. Въ Москвѣ онъ имѣлъ громадный магазинъ серебряныхъ издѣлій и самъ управлялъ имъ

Онъ недавно овдовѣлъ и жилъ вдвоемъ со своимъ единственнымъ сыномъ, Алексѣемъ Ивановичемъ.

Въ домѣ поменьше жили каждое лѣто дальніе родственники Затѣнина—Лисичкины.

Егоръ Васильевичъ Лисичкинъ тоже имѣлъ магазинъ въ Москвѣ, хотя и не такой большой, какъ Затѣнинскій. Семья у Лисичкина была порядочная: старшей дочери, Лидѣ, минуло шестнадцать лѣтъ, младшая была еще грудная, и между ними пять мальчиковъ, которыхъ и сдали на попеченіе

Ольги Александровны, когда ее привезли въ Преображенское.

Ольга Александровна была круглая сирота и жила раньше за пять верстъ отъ Преображенскаго, въ селѣ Мотыляхъ. Тамъ ея дядя былъ священникомъ.

Хотя Мотыли считались богатымъ приходомъ, и дядя съ семьей вовсе не терпѣлъ недостатка, Ольга Александровна знала, что постоянно сидѣть у дяди на шеѣ ей нельзя, что ей уже восемнадцать лѣтъ и пора самой зарабатывать хлѣбъ. Недаромъ же она кончила епархіальное училище.

Черезъ преображенскаго батюшку, о. Владиміра, узнали въ Мотыляхъ, что Ольгу Александровну возьмутъ къ Лисичкинымъ не то что простой нянькой, а «бонной«, и даже дадутъ двѣнадцать рублей жалованья.

Черезъ три дня судьба Ольги Александровны была устроена.

Дочери о. Никодима, двоюродныя сестры Ольги Александровны увѣряли, что у нея несносный характеръ. У нихъ дня не проходило безъ ссоры. И сама Ольга Александровна стала думать, что у нея несносный характеръ.

Теперь, сидя въ бесѣдкѣ преображенскаго парка, рядомъ съ хныкающимъ Борей, Ольга Александровна задумалась о «своихъ», какъ она называла семью о. Никодима. Мальчики около бесѣдки опять поссорились, кто-то ревѣлъ, но Ольга Александровна не унимала ихъ.

Лучи солнца пронизывали частую листву и дрожащими пятнами ложились по землѣ. Ольга

Александровна немного щурилась. На ней было черное шерстяное платье, перекрашенное когда-то изъ «бордо». Оно или сѣло послѣ краски, или она изъ него выросла, только рукава были не впору и закрывали ея руки чуть пониже локтя, талія сдѣлалась коротка и въ груди тѣснило.

Ольга Александровна была полная, здоровая дѣвушка съ круглымъ лицомъ. Гладко зачесанные волосы неопредѣленнаго, желтоватаго цвѣта, сѣрые глаза, немного выдавшійся ротъ—все это не казалось ни красивымъ, ни привлекательнымъ. Но свѣжій румянецъ, бѣлые зубы и какое-то особенно нѣжное выраженіе глазъ порою—дѣлали ее мило видной.

Въ бесѣдку вошла няня Лисичкиныхъ съ младшей дѣвочкой на рукахъ.

Няня покровительствовала и сочувствовала Ольгѣ Александровнѣ. Раньше мальчики были на ея попеченіи и она испытала все, что теперь испытывала Ольга Александровна.

Къ доброму чувству няни примѣшивалось и чувство облегченія: она съ внутренней радостью замѣчала, что мальчуганы попрежнему растрепаны, измазаны, а что выговаривать за это будутъ не ей.

— Озорники эти мальчишки, сказала она, усаживаясь на противоположной скамьѣ.

Въ отвѣтъ на замѣчаніе няни Ольга Александровна разразилась цѣлымъ потокомъ словъ. Она говорила, что это невозможно, что это наказаніе божеское, а не дѣти. Она вообще любитъ дѣтей, а это какіе-то... ну просто совсѣмъ не дѣти.

— Вотъ я папашѣ все разскажу, заявилъ плаксиво Володя. Онъ давно слушалъ, что говорится въ бесѣдкѣ.

— Да что вы разскажете-то? энергично возразила няня.—Пожалуй, разсказывайте сами про себя. Эхъ вы!

И она съ презрѣніемъ посмотрѣла на Володю.

— Вы еще, Ольга Александровна, всѣхъ порядковъ не знаете. Еще то-ли будетъ! Здѣсь они цѣлый день и въ саду, и въ паркѣ, а вотъ погодите въ комнатахъ то, въ городѣ—покажутъ они себя! Вы тутъ долго не наживете, Ольга Александровна.

— Ахъ, что вы, няня, нѣтъ, не дай Богъ! Опять къ дяденькѣ обратно просто невозможно, а другое мѣсто гдѣ-жъ найти, да и характеръ у меня не хорошій...

Они помолчали.

— Вотъ скоро въ большой домъ и гости будутъ, сказала няня. Сынокъ Затѣнинскій пріѣдетъ, Алексѣй Ивановичъ. Вотъ ужъ баринъ! И красавецъ.

Она стала хвалить Алексѣя Ивановича. По ея словамъ Алексѣю Ивановичу непремѣнно слѣдуетъ жениться на старшей дочери Лисичкиныхъ, Лидѣ. Пусть только она пансіонъ кончитъ. Оба такіе красивые, хорошая будетъ парочка. И самъ Затѣнинъ не прочь. Довольно ужъ Алексѣю Ивановичу, отучился. Университетъ кончилъ. Пора и семьей обзаводиться, и магазинъ на себя принять. Отецъ старъ становится.

Долго-бы еще няня поучала Ольгу Александровну въ семейныя дѣла Затѣниныхъ, но въ это

время среди дѣтей раздался пронзительный крикъ— началась драка—и Ольга Александровна бросилась къ нимъ.

II.

Настасья Неофидовна Лисичкина, мать Володи, Миши, Сережи, Бори... была въ большихъ хлопотахъ.

По случаю дня рожденія старшей дочери Лиды—послѣ обѣдни она ждала гостей на пирогъ. Придутъ Затѣнины отецъ и сынъ—сынъ только вчера пріѣхалъ—батюшка съ дѣтьми, еще кое-кто... Пухлое, безконечное доброе, лицо Настасьи Неофидовны такъ и лоснилось отъ жары и усталости.

— Ольга Александровна! Ольга Александровна! Что это, мать моя, васъ не дозовешься? Давайте-ка, снесемъ этотъ столъ на террасу. Двѣнадцатый часъ, а еще ничего не готово. Къ достойной вы слышали, звонили?

— Звонили. Только право, Настасья Неофидовна, съ мальчиками сладу нѣтъ. Сейчасъ вотъ Миша Володѣ щепку въ глазъ воткнулъ, а тотъ поднялъ кирпичъ, да его кирпичемъ... Я просто изъ силъ выбилась, Настасья Неофидовна...

— Ну, ничего, душа моя, бросьте ихъ пока... Или дайте Мишѣ хорошаго подзатыльника и поскорѣе раздвинемъ столъ. Рубашечки вы имъ велѣли выгладить? А Викторъ сегодня спокойнѣе спалъ, чѣмъ прошлую ночь?

На широкомъ балконѣ накрыли столъ, само-

варъ кипѣлъ, принесли свѣжее молоко и масло. Настасья Неофидовна велѣла подать и пирогъ.

Дѣти уже усѣлись около самовара. Ольга Александровна поила Борю, который болталъ ногами и пускалъ пузыри въ блюдечко.

Обѣдня кончилась.

Первая прибѣжала Лида, розовая и веселая, въ новомъ платьѣ. Лида была очень хорошенькая шестнадцатилѣтняя дѣвочка, скорѣе, впрочемъ, похожая на куклу, чѣмъ на живого человѣка—такая она была бѣленькая, съ крошечнымъ ротикомъ и большими блѣдно-синими глазами. Свои пышные волосы льняного цвѣта она носила распущенными до плечъ и низко подрѣзанными на лбу. Они падали свободно, закрывая розовыя уши, и это придавало Лидѣ еще болѣе дѣтскій видъ.

Пришли Затѣнины и о. Владиміръ съ двумя рослыми мальчиками-сыновьями. О. Владиміръ былъ еще молодъ и считался строгимъ. Онъ отъ природы обладалъ такимъ зычнымъ голосомъ, что всякій разъ, когда онъ говорилъ—казалось, что онъ бранится. Попадьѣ своей онъ лѣтомъ запрещалъ выходить изъ дому единственно по той причинѣ, что она гнусила.

Это запрещеніе было слѣдствіемъ одного очень неудачнаго визита матушки къ Настасьѣ Неофидовнѣ.

Боря, котораго пугали крокодиломъ и который никогда не могъ себѣ представить, какъ крокодилъ говоритъ—услыхалъ изъ сосѣдней комнаты голосъ матушки и вдругъ вообразилъ, что это и есть его

страшилище: онъ подкатился подъ рояль, заткнулъ уши и заревѣлъ благимъ матомъ.

Борю долго не могли утѣшить, а о. Владиміръ рѣшилъ, что попадьѣ слѣдуетъ сидѣть дома, дабы не безпокоить прихожанъ.

У самого батюшки было лицо полное и грозное, а волосы никогда не могли казаться причесанными, потому что вились слишкомъ пышно.

Батюшка исправно кушалъ пирогъ и разсказывалъ Настасьѣ Неофидовнѣ и старику Затѣнину какой-то замѣчательный случай.

На другомъ концѣ стола въ это время Лида кокетничала съ сыномъ Затѣнина, Алексѣемъ Ивановичемъ.

— Такъ вы любите гулять одни? Значитъ я васъ совсѣмъ не увижу. Вы забыли наше веселое лѣто въ прошломъ году! Впрочемъ, я тогда была еще совсѣмъ ребенокъ!

Алексѣй Ивановичъ слушалъ, улыбаясь, и смотрѣлъ на хорошенькое личико.

Няня преувеличила, когда назвала Алексѣя Ивановича красавцемъ, но у него было такое лицо, на которое пріятно смотрѣть.

Русые блестящіе волосы, гладко зачесанные со лба, красиво вились сзади; ярко-рыжая бородка шла къ бѣлому цвѣту лица; глаза были темно-сѣрые, съ синеватымъ оттѣнкомъ, какіе часто бываютъ у дѣтей. Высокій ростъ и стройная фигура дѣлали его замѣтнымъ.

Алексѣй Ивановичъ улыбался, но въ душѣ ему было прескучно.

Ему казалось, что Лида ни капельки не измѣ-

нилась съ тѣхъ поръ, какъ они гуляли вмѣстѣ прошлое лѣто. И тогда, въ началѣ августа, имъ уже не о чемъ было говорить; неужели теперь все начинать снова?

Онъ зналъ, что отецъ хотѣлъ-бы видѣть его женатымъ на Лидѣ. Но вѣдь не теперь-же, а послѣ, потомъ, до этого еще долго...

Пока у него были совсѣмъ иныя мысли и мечты, которыя онъ собирался сегодня-же высказать отцу.

Раздался пронзительный крикъ, блюдечко упало и разбилось. Викторъ толкнулъ Ольгу Александровну подъ локоть и она облила Борю горячимъ чаемъ.

Боря не столько обжегся, сколько обидѣлся. Ольга Александровна стояла растерянная, со слезами на глазахъ и даже не утѣшала Борю.

Мать взглянула на дѣло очень хладнокровно: выдрала за ухо Виктора, утерла Борю и велѣла нянѣ собрать осколки блюдечка.

Боря скоро утѣшился на колѣняхъ Алексѣя Ивановича. Они съ давнихъ поръ были друзьями. Алексѣй Ивановичъ любилъ Борю за толстыя, розовыя щеки и за то, что онъ никогда не болѣлъ.

Худой ребенокъ, нервная женщина, израненая собака, больной старикъ - были одинаково ненавистны Алексѣю Ивановичу, потому что вызывали въ немъ непріятное чувство состраданія. Когда лошадь падала на улицѣ—Алексѣй Ивановичъ сердито смотрѣлъ въ сторону, спѣшилъ уйти, хотя впрочемъ, очень скоро забывалъ свое впечатлѣніе.

Онъ не любилъ жалѣть.

— Большая забота съ дѣтьми,—произнесъ о. Владиміръ, когда все успокоилось.

— Особенно, если ихъ такъ много,—сказала Настасья Неофидовна.—Я ужъ и не рада. Пожалуй, хоть-бы и померъ который нибудь.

— Ну, неужели и Борю бы отдали!—смѣясь возразилъ Алексѣй Ивановичъ.

— И Борю бы ничего. Что-жъ, ихъ вѣдь много.— Боря, хочешь къ дѣдушкѣ? Тамъ, тебѣ, можетъ, варенья дадутъ. Хочешь, Боря?

— Хочу...

Всѣ смѣялись. Батюшка заикнулся что-то о грѣхѣ, но Настасья Неофидовна немедленно возразила ему, что гдѣ-же тутъ грѣхъ, когда и въ Евангеліи сказано—дѣти будутъ въ царствіи Божіемъ, а она имъ смерти не проситъ, только готова покориться волѣ Господней, ежели случится.

Ольга Александровна во все время завтрака не произнесла ни слова.

Она чувствовала, что Алексѣй Ивановичъ на нее смотритъ и ей хотѣлось поскорѣй уйти.

Алексѣй Ивановичъ спросилъ тихонько у Лиды въ самомъ началѣ про Ольгу Александровну.

— Новая бонна,—небрежно отвѣтила Лида.

Алексѣю Ивановичу понравилось, что Ольга Александровна молчитъ и смотритъ внизъ. Ему понравилось тоже, что у нея вовсе не угнетенный и жалкій видъ, а спокойный и сосредоточенный.

Лида положительно надоѣла ему своей болтовней. Она такъ напоминала ему прошлое лѣто— (Алексѣй Ивановичъ не любилъ прошлаго)—и всѣхъ его знакомыхъ московскихъ дамъ. Онѣ вѣчно говорили то же самое, что Лида.

Въ Ольгѣ Александровнѣ Затѣнинъ увидалъ что-то новое, какую-то ему до сихъ поръ неизвѣстную серьезность.

III.

Часто послѣ іюньскихъ жаровъ въ средней полосѣ Россіи погода вдругъ мѣняется, и наступаютъ холодные дни, точно осенью.

Вечеромъ была гроза, цѣлую ночь шелъ дождь и съ этого дождя началось ненастье.

Преображенскій «большой домъ», смотрѣлъ угрюмо.

Окна были заперты, вѣтеръ трепалъ мокрую, потемнѣвшую парусину на балконѣ. Озеро подъ горою, за паркомъ, стало блѣдное. По небу бѣжали большія дымчатыя тучи, на покатыхъ дорожкахъ было скользко и сыро, не поблекшіе листья, сорванные вѣтромъ, вяли въ пескѣ и надъ черными, далеко шумящими, соснами парка носились съ крикомъ стаи воронъ. Онѣ еще болѣе напоминали осень.

Въ одинъ изъ такихъ печальныхъ дней Акексѣй Ивановичъ вышелъ пройтись. Закутанный въ теплое пальто, съ мягкой, сѣрой шляпой на головѣ, въ калошахъ, онъ самъ по себѣ казался такимъ-же кислымъ и некрасивымъ, какъ все кругомъ.

Алексѣю Ивановичу было скучно.

Объясненіе съ отцомъ прошло совершенно неожиданно. Къ этому объясненію Алексѣй Ивановичъ готовился, ждалъ его и даже говорилъ себѣ, что боится, хотя въ сущности ничего не боялся,

потому что никогда не представлялъ будущаго въ опредѣленныхъ формахъ, а такъ, въ видѣ смутной картины отдаленнѣйшихъ временъ.

Отецъ сказалъ, что хотя онъ и разсчитывалъ, что Алексѣй Ивановичъ займется его дѣломъ, и хотя ему грустно послѣ смерти оставить это дѣло на чужія руки, но онъ никогда не стѣснялъ и не будетъ стѣснять сына въ его желаніяхъ. Хочетъ сынъ готовиться для магистерскаго экзамена и взять каѳедру,—что-жъ, это дѣло хорошее. Передумаетъ потомъ—тоже хорошо, а не передумаетъ—съ Богомъ!

Алексѣю Ивановичу стало скучно, именно потому, что это такъ просто и легко устроилось. Не было препятствій, съ которыми нужно бороться, не понадобилась ни сила воли, ни твердость характера. Онъ даже какъ-то вдругъ охладѣлъ и къ магистерскимъ занятіямъ, и къ будущей профессурѣ.

Если-бы спросить его, отчего именно онъ выбралъ исторію, отчего рѣшилъ посвятить ей жизнь—онъ вѣрно не съумѣлъ-бы отвѣтить прямо.

Книги, товарищи, университетъ—все почти насильно приводило его къ мысли, что для счастія надо любить въ жизни одно и этому одному предаться всей душой. Къ исторіи его влекло—и онъ сказалъ себѣ, что лучше всего заняться исторіей.

Порою у него являлось чувство недовѣрія къ себѣ, къ тому, что онъ нашелъ свое дѣло. Онъ не печалился. «Придетъ ко мнѣ мое, думалъ онъ. Придетъ, когда ему нужно. Тогда все и будетъ отлично!»

Теперь, въ паркѣ, въ ненастный, сѣрый день Алексѣй Ивановичъ тосковалъ.

— Это просто отъ здѣшней спячки, всѣ точно деревянные, — говорилъ онъ себѣ. Хоть-бы Кузьминъ скорѣе пріѣхалъ. Все-таки живой человѣкъ.

Кузьминъ былъ его товарищъ. Алексѣй Ивановичъ сошелся съ нимъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Преображенское.

Недалеко отъ озера, въ каменной бесѣдкѣ, Алексѣй Ивановичъ услыхалъ голоса.

Онъ удивился и подошелъ ближе.

Въ бесѣдкѣ сидѣла Ольга Александровна со всѣми своими питомцами. Они слишкомъ шалили въ комнатахъ, ихъ закутали и отправили гулять.

Увидѣвъ молодого Затѣнина, Ольга Александровна чуть-чуть покраснѣла, но не улыбнулась и не встала поздороваться.

Она прятала свои озябшія руки подъ большой коричневый платокъ. Онъ покрывалъ ей голову, плечи и былъ связанъ сзади на таліи.

— Здравствуйте, Ольга Александровна! сказалъ Затѣнинъ и снялъ шляпу. — Можно съ вами посидѣть?

Ольга Александровна взглянула на него и молча подвинулась, чтобы дать мѣсто.

Она не довѣряла Алексѣю Ивановичу. Ей почему-то все время казалось, что онъ хочетъ надъ ней смѣяться.

Прибѣжалъ Боря и сѣлъ на колѣни къ Алексѣю Ивановичу. Боря болталъ безъ умолку. Ольга Александровна отвѣчала Затѣнину односложно и неохотно. Его не остановило это. Онъ осторожно

и ласково разспрашивалъ о родныхъ, о ея прежней жизни—и Ольга Александровна оживилась.

— Вотъ вы какой, сказала она вдругъ и улыбнулась.— Вы значитъ такой-же простой, какъ я. Я думала, вы со мной и разговаривать не станете. А если станете, то для насмѣшки. А у меня характеръ дурной, я не люблю насмѣшекъ.

Она опять улыбнулась, но такой робкой и нѣжной улыбкой, которая никакъ не говорила о ея дурномъ характерѣ.

Улыбаясь, она становилась почти хорошенькой. Алексѣй Ивановичъ подумалъ: «какъ она мила!» Но въ то же время эта улыбка непріятно кольнула его въ сердце. Въ ней было что-то безпомощное.

— Пройдемся къ озеру,—сказалъ онъ, вставая.

— Нѣтъ, — отвѣтила Ольга Александровна, вдругъ перемѣнивъ тонъ.—Нельзя. Дѣтямъ сыро. Имъ скоро надо въ комнаты. Сережа ночью кашлялъ. У Виктора глазъ болитъ. Дѣти! Володя! Сережа! Домой пора.

Она поправила шарфъ Володѣ съ такимъ сосредоточеннымъ видомъ, что Алексѣй Ивановичъ улыбнулся.

— Какая вы странная!— сказалъ онъ.—Вы Володиному шарфу придаете государственное значеніе. Кажется, и такъ эти ребятишки довольно васъ мучаютъ.

Она взглянула удивленно.

— А какъ-же не придавать значенія? Вѣдь я-же должна. Я не умѣю это сказать. Но мнѣ кажется, какое-бы оно тамъ ни было, а все-таки это мое

дѣло, мнѣ поручено, а ко всякому дѣлу надо серьезно относиться...

— Даже если вамъ поручатъ нитки размотать или сѣсть у окна и считать прохожихъ?

— Да, и нитки, и сѣсть у окна, — сказала Ольга Александровна.—Пойдемте, дѣти. До свиданья, Алексѣй Ивановичъ.

IV.

Каждое утро Затѣнинъ и Ольга Александровна встрѣчались въ каменной бесѣдкѣ надъ озеромъ.

Ольга Александровна совсѣмъ перестала дичиться, а Затѣнинъ примирился съ ея единственнымъ чернымъ платьемъ.

Сначала оно казалось ему слишкомъ некрасивымъ; но мало-по-малу онъ сталъ находить въ немъ особую прелесть; и въ нѣжныхъ, сѣрыхъ глазахъ Ольги Александровны видѣлъ красоту.

Затѣнинъ любилъ красоту во всѣхъ ея проявленіяхъ; онъ понималъ и живо чувствовалъ образы и краски. Иногда ему даже приходило въ голову, не для искусства-ли онъ рожденъ, не въ этомъ-ли его призваніе?

Ольга Александровна обыкновенно чинила что-нибудь изъ дѣтской одежды, прометывала петли, низко наклонивъ голову. Дѣти играли около нея, она не отпускала ихъ далеко.

Приходилъ Затѣнинъ. Мальчики встрѣчали его радостными криками. Ольга Александровна подавала руку.

Алексѣй Ивановичъ скоро убѣдился, что Ольга Александровна превеселая дѣвушка.

Онъ разсказывалъ ей что-нибудь забавное, она начинала смѣяться — и не могла уже остановиться — хохотала до слезъ и по-дѣтски махала руками.

А иногда она серьезно и даже печально разсказывала сама Алексѣю Ивановичу о томъ, какъ она жила у дяди въ Мотыляхъ и какой у нея дурной характеръ.

— Вы вотъ не повѣрите, Алексѣй Ивановичъ, у насъ дня не проходило, чтобы какой-нибудь исторіи не вышло. У дяденьки три дочери, мои сестры двоюродныя. И дяденька ихъ такъ съ дѣтства пріучилъ, что онѣ сами въ полѣ работаютъ, сѣно убираютъ, въ огородѣ тоже сами. Дяденька коситъ хорошо. Я же въ деревнѣ мало времени жила, только съ четырнадцати лѣтъ, а до четырнадцати, пока папаша былъ живъ, въ уѣздномъ городѣ. Папаша мой тоже священникомъ былъ. Въ городѣ я и училище кончила. Деревенскихъ работъ я не знаю, такъ я по хозяйству была и на сестеръ шила. Онѣ въ полѣ, а я дома за иголкой. Я, конечно, старалась, только имъ рѣдко угодить могла. Онѣ наряжаться любятъ, дяденька въ городъ поѣдетъ — столько имъ всякихъ матерій навезетъ... И что я ни сошью — все имъ не ладно. Онѣ мнѣ слово, — а я десять. Лучше бы мнѣ смолчать — а я не могу, характеръ не такой. Онѣ меня хлѣбомъ попрекаютъ, что хлѣбъ то я ѣмъ, а работать не хочу. Господи! да развѣ я не знаю, что если нужно хлѣба, такъ нужно и работать! Только тамъ — я видѣла — мнѣ не житье. Здѣсь другое дѣло. Здѣсь меня не попрекаютъ. Я за дѣтьми смотрю, знаю свою обя-

занность, и меня кормятъ. Никого я не трогаю и меня никто не трогаетъ.

— И назадъ домой не хотѣли бы?

— Что вы, Боже сохрани! Я ихъ душой люблю и они меня любятъ, а только у нихъ я не ко двору. Да и дяденька меня больше не приметъ. Онъ, какъ везъ меня сюда на мѣсто, сказалъ: «Ты, Ольга, знай, тебѣ тутъ будетъ хорошо, а если не уживешься, значитъ сама себя обвиняй, а я тебя больше не приму съ твоимъ характеромъ».

— Да развѣ у васъ ужъ такой неуживчивый характеръ? Я не замѣчалъ.

— Ахъ, вы меня не знаете! Я очень, очень дурная! Здѣсь я боюсь всѣхъ, не смѣю, а то я никому надъ собой насмѣшки не спущу, сейчасъ отвѣчу. И вотъ еще, прибивила она и улыбнулась—это, конечно, и грѣхъ, и нехорошо, а только я много ѣмъ. Вечеромъ, напримѣръ, совсѣмъ не могу уснуть голодная. Такъ и припасаю себѣ хоть корочку на ночь. Поглодаю, тогда засну.

И она посмотрѣла на Алексѣя Ивановича виноватыми глазами, точно признавалась въ большомъ преступленіи.

— Я васъ одного не боюсь, продолжала она.— Вы со мною сидите, разговариваете. Другіе не такъ. Я, впрочемъ, ничего и не хочу. Только безъ васъ мнѣ-бы здѣсь куда хуже было.

— Вы славная дѣвушка, Ольга Александровна. И характеръ у васъ исправится, вы не печальтесь. Отчего бы мнѣ съ вами и не разговаривать? Я человѣкъ—и вы человѣкъ, да еще хорошій. А вѣдь

хорошихъ людей мало. Правда, Ольга Александровна?

— Нѣтъ, что вы! Какъ мало? Да всѣ хорошіе люди! Я—какой тамъ! А вотъ Настасья Неофидовна, и Егоръ Васильевичъ, и папаша вашъ, да и дяденька, и сестры—всѣ они хорошіе люди! Всѣхъ любить надо, а не осуждать.

Послѣднія слова она произнесла какъ-то особенно серьезно и наставительно.

— Да я не осуждаю, сказалъ Алексѣй Ивановичъ, улыбаясь. Пусть себѣ они хорошіе. А только если-бы всѣ-то хорошіе были, такъ и счастья было-бы больше. А гдѣ оно, счастье? Одна скука. Никто и не хочетъ даже быть счастливымъ. У васъ, напримѣръ, какая отрада?

— Что-жь, я часто думаю о томъ, какъ жизнь проживу. И на мою долю будетъ радость. Стану работать. Придется—замужъ выйду, можетъ за хорошаго человѣка. А если бываетъ порою и горько, и несправедливое случится—такъ вѣдь тогда думаешь, что въ концѣ-то концовъ все хорошо будетъ, всѣ узнаютъ правду, правда всегда скажется. Надо только помнить, что нельзя шутя дѣло дѣлать. Въ жизни все важно, каждая мелочь важна...

— Ну ужь извините, Ольга Александровна! Я вотъ побольше васъ на свѣтѣ жилъ, а ей Богу не видалъ ничего важнаго. Нѣтъ и не можетъ быть его, потому что все проходитъ безъ слѣда, и горе, и радости, и будутъ они, и пройдутъ. Станемъ жить теперешнимъ, настоящей минутой. А что

было и будетъ—не намъ принадлежитъ. Помните, сказано: «довлѣетъ дневи злоба его»...

Ольга Александровна покачала головой, но ничего не возразила.

V.

Проходили дни.

Лида дулась, потому что молодой Затѣнинъ противъ всякаго ожиданія совсѣмъ не гулялъ съ ней и вообще не обращалъ на нее вниманія. Онъ цѣлые дни бывалъ съ дѣтьми и съ Ольгой Александровной.

Лида не могла даже мысли допустить, чтобы толстая, румяная поповна-бонна съ красными руками могла понравиться кому-нибудь, и негодовала на Алексѣя Ивановича скорѣе изъ-за дѣтей, чѣмъ изъ-за нея. Впрочемъ Лида не сомнѣвалась, что Алексѣй Ивановичъ капризничаетъ, интересничаетъ, что это только временное недоразумѣніе.

А Ольга Александровна все больше и больше привязывалась къ Затѣнину.

Ложась вечеромъ на свою узенькую постель рядомъ съ кроваткой Бори, она радостно вспоминала всѣ слова, которыя говорилъ ей сегодня Алексѣй Ивановичъ, и думала о томъ, какъ они встрѣтятся и что онъ будетъ говорить ей завтра. Она полюбила его потому, что онъ былъ ея единственный другъ, потому, что онъ казался ей самымъ хорошимъ человѣкомъ на свѣтѣ, и потому, что она никакъ не могла не любить его.

И Алексѣй Ивановичъ повеселѣлъ. Онъ не

скучалъ больше. Онъ часто и съ удовольствіемъ думалъ объ Ольгѣ Александровнѣ, радовался ихъ добрымъ отношеніямъ и нетерпѣливо ждалъ своего товарища Кузьмина. Онъ познакомитъ его съ Ольгой Александровной и они превеселo заживутъ всѣ трое. О томъ, что будетъ послѣ—онъ не загадывалъ.

— Вѣдь это еще далеко, вѣдь это еще не сейчасъ... Что-нибудь да будетъ...

Одинъ разъ Ольга Александровна его удивила.

Это случилось наканунѣ пріѣзда Кузьмина, въ жаркій послѣобѣденный часъ въ березовой рощѣ.

Ольга Александровна сидѣла на срубленномъ деревѣ и разбирала какіе-то желтые и малиновые цвѣты, нарванные дѣтьми.

Затѣнинъ лежалъ на травѣ около и шалилъ съ Борей. Боря отправился снова за цвѣтами. Ольга Александровна задумалась. Затѣнинъ взглянулъ на нее, и она ему показалась совсѣмъ хорошенькой—съ краснымъ платочкомъ на головѣ, съ разгорѣвшимся лицомъ и нѣжными, сѣрыми глазами.

Алексѣю Ивановичу захотѣлось взять ее за руку—и онъ сейчасъ-же сдѣлалъ это.

Ольга Александровна не отняла руки, но видно было что она удивилась. Затѣнину показалось, что нельзя остановиться на этомъ, какъ-то странно, или надо что-нибудь сказать, объяснить, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ.

— Славная вы моя, добрая Ольга Александровна, сказалъ онъ, и почувствовалъ, что и это не то и какъ-то некстати.—У меня къ вамъ большая просьба, торопливо прибавилъ онъ, еще не зная,

въ чемъ будетъ состоять просьба. Большая, большая...

И чтобы показать, что онъ совсѣмъ не стѣсняясь и совсѣмъ просто взялъ ее за руку, онъ похлопалъ по ней своей рукой, хотя на душѣ у него было почему-то гадко. «Вы исполните мою просьбу, да?»

Ольга Александровна вдругъ обернулась къ нему и горячо сказала:

— Господи! Я-то не исполню? Да я все для васъ готова отдать...

Она остановилась, смущенная. Алексѣй Ивановичъ также смутился. Онъ быстро началъ о томъ, что вотъ пріѣдетъ Кузьминъ, такъ пусть она съ нимъ поласковѣе будетъ, онъ добрый—но дичится. Что для него, Затѣнина, это очень важно... Она сказала — да, хорошо, она постарается... Потомъ стали говорить о томъ, какъ славно бы сходить въ Мотыли. навѣстить дядю, съ дѣтьми, вмѣсто прогулки...

Черезъ двѣ минуты отъ смущенія Алексѣя Ивановича не осталось и слѣда. Онъ весело болталъ, шутилъ и даже не замѣтилъ, что Ольга Александровна почти не слушаетъ его. Она молчала и чувствовала, что случилось неожиданное и нехорошее,—ненужное.

Весь день она была печальна, а ложась спать, не зная сама почему—всплакнула.

Затѣнинъ, напротивъ, рѣдко такъ былъ доволенъ самимъ собою, такъ безпечно казался себѣ счастливымъ, какъ въ этотъ вечеръ.

Не слова Ольги Александровны сдѣлали это:

онъ ихъ забылъ, не думалъ, не заботился... Онъ былъ счастливъ собой и настоящимъ. Точно отпало на мигъ все чуждое, житейское, и ясна была его душа.

Долго бродилъ онъ по темнымъ аллеямъ парка, слушалъ голоса ночи и смотрѣлъ на небо.

— Чего мнѣ недостаетъ? думалъ онъ.—Я молодъ, здоровъ, не бѣденъ, хочу ѣхать учиться—ѣду, передо мной широкая дорога, всѣ меня любятъ—тутъ онъ почему-то смутно представилъ себѣ Борю и Ольгу Александровну—и, главное, всѣ счастливы около меня. Да и въ сущности, гдѣ несчастные? У меня есть небо, есть звѣзды и озеро, и ночная прохлада... Теперь мнѣ хорошо, не все-ли равно, что будетъ впереди? И у всѣхъ есть такія минуты, такое счастье. О, неразумные люди! Зачѣмъ они не хотятъ понять, что жить—просто, весело и легко!

VI.

— Алеша, другъ мой милый, подумай объ этомъ немного. Это не можетъ такъ продолжаться. Я вѣрю и вижу, что ты наивенъ, но подумай пожалуйста, что-же будетъ дальше?

Кузьминъ и Алексѣй Ивановичъ сидѣли наверху, въ третьемъ этажѣ «большого дома», въ кабинетѣ Алексѣя Ивановича.

Кабинетъ былъ убранъ очень просто.

Кожаная мебель, большой письменный столъ, книги, нѣсколько портретовъ... Въ отворенныя окна безъ занавѣсей виднѣлась яркая лунная ночь,

луга, облитые свѣтомъ, черныя деревья парка, да подъ горой блестѣло озеро.

Кузьминъ ходилъ по комнатѣ.

Онъ былъ нервный, худощавый человѣкъ небольшого роста, свѣтло-бѣлокурый, съ голубыми глазами и рѣдкой бородкой. На взглядъ ему было лѣтъ тридцать восемь, но если-бы онъ сказалъ, что ему двадцать пять — никто не удивился-бы. Его наружность казалась совершенно ничтожной. Такого человѣка можно пять разъ встрѣтить и пять разъ не узнать.

Кузьминъ волновался.

Алексѣй Ивановичъ молчалъ и, сдвинувъ брови и низко наклонившись къ столу, чертилъ что-то карандашемъ по разбросаннымъ бумагамъ.

Уже цѣлую недѣлю Кузьминъ жилъ въ Преображенскомъ.

Онъ познакомился съ Ольгой Александровной, которая ему совсѣмъ не понравилась, видѣлъ ее нѣсколько разъ вмѣстѣ съ Затѣинымъ и сразу смекнулъ въ чемъ дѣло.

Ихъ разговоръ былъ не первый крупный разговоръ по поводу Ольги Александровны.

Вначалѣ Затѣинъ обрадовался Кузьмину, сообщилъ ему согласіе отца на поѣздку въ Берлинъ, объяснялъ свои планы... Онъ относился къ Сергѣю Кузьмину такъ, какъ иногда младшій братъ относится къ старшему, котораго любитъ и которому вѣритъ. Это было странно, потому что они сошлись недавно и Алексѣй Ивановичъ очень мало зналъ Кузьмина.

Но съ нѣкоторыхъ поръ многое перемѣнилось.

Затѣнинъ иногда чувствовалъ даже озлобленіе противъ товарища, какъ ни несвойственна была ему злоба. Дѣло въ томъ, что Кузьминъ считалъ своимъ долгомъ «предупредить» пріятеля и слишкомъ часто высказывалъ личные взгляды, мнѣнія по поводу его знакомства съ Ольгой Александровной.

— Ну хорошо, ну хорошо, сказалъ Затѣнинъ.— А тебѣ-то что? Благородство въ тебѣ заговорило? Добродѣтельныя чувства?

— Почему-же и не благородство? Я вижу, что порядочный человѣкъ поступаетъ непорядочно! И, главное, изъ-за чего? Такъ, изъ-за минутнаго удовольствія, изъ нежеланія подумать, что дальше будетъ, изъ какого то непонятнаго легкомыслія! У тебя предвидѣнія нѣтъ! И смерти ты не боишься потому, что нѣтъ ея около тебя, и не можешь ты вообразить, что она будетъ. Оно и весело, и пріятно такъ жить —да только для тебя одного, а не для окружающихъ. Дѣти такъ живутъ. Сознанія долга нѣтъ у тебя.

— Не кричи пожалуйста, Сергѣй, сказалъ Затѣнинъ.—Скажи просто, чего ты хочешь.

— Я хочу, чтобы ты не завлекалъ дѣвушку. Понимаешь? То, что ты дѣлаешь—называется завлекать дѣвушку. Ты любишь ее, что-ли? Влюбленъ? Жениться хочешь? Противъ отца пойдешь? Да нѣтъ, куда тебѣ! Жалко станетъ: бѣдный старикъ, это его сразитъ...

— Сергѣй, прошу тебя, замолчи!

Затѣнинъ всталъ и подошелъ къ окну.

— Ну, если ты хочешь, продолжалъ онъ, если хо-

чешь... я въ Ольгу Александровну не влюбленъ жениться на ней не думаю; да вѣдь я этого ей и не говорилъ...

— Однако, ты съ ней обнимался, руки ей жалъ? Вѣдь это было? Послушай, тутъ ужъ легкомысліе граничитъ съ гадостью... Зачѣмъ-же ты руки жалъ?..

— Да я одинъ разъ только... Мнѣ было пріятно... И право я ничего не говорилъ...

— Ты подумай о ней, подумай немножко! Вѣдь она-то тебя любитъ, каково ей-то будетъ?

— Ну, хорошо, хорошо, я не стану... Почему я зналъ? Я развѣ ей хочу дурного? И если ты такъ увѣренъ, что она меня любитъ и будетъ очень страдать, что я на ней не женюсь, такъ что-же я, по твоему, долженъ дѣлать?

— Сказать ей это, сказать осторожно—ужъ я не знаю какъ — но поступить честно — и затѣмъ уѣхать.

— Отъ этого она будетъ меньше страдать?

— Не знаю... да, конечно... Но, главное, ты поступишь честно, такъ, какъ слѣдуетъ.

— Хорошо, я скажу. Ты больше меня понимаешь отношенія людей. Я тебѣ вѣрю. Но вѣдь мнѣ тяжело будетъ сказать...

Кузьминъ обрадовался.

— А, тяжело... Ничего, потерпи, не все-же легко, это тебѣ подѣломъ. Я вѣдь знаю твою слабую струнку: расчувствуешься...

— Ради Бога перестань, Кузьминъ... Бросимъ это. Я скажу, скажу завтра, вотъ когда пойдемъ всѣ вмѣстѣ въ Мотыли...

VII.

Настасья Неофидовна Лисичкина сидѣла на балконѣ въ распашномъ капотѣ.

Было восемь часовъ утра. Только что подали самоваръ. Вставали дѣти. Слышны были въ комнатахъ ихъ голоса.

Лида, совсѣмъ одѣтая, въ голубомъ платьѣ съ бѣлыми прошивками, отворила дверь на балконъ и съ значительнымъ лицомъ подошла къ матери.

— Здравствуйте, мама. Я сегодня рано встала. Такъ вы не пойдете съ нами гулять?

— Нѣтъ ужъ, куда мнѣ, жара. Идите вы, молодые люди... сказала Настасья Неофидовна, добродушно улыбаясь.

— Мнѣ, мама, надо съ вами поговорить.

— А? Что такое? всревожилась Настасья Неофидовна.

— Это, мама, насчетъ Ольги Александровны. Ее, по моему, отправить надо.

— Зачѣмъ-же, Лида? Она такая добросовѣстная, я довольна...

— Мама, она дурной примѣръ дѣтямъ даетъ. Володя мнѣ вчера разсказывалъ: они въ лѣсу съ Алексѣемъ Ивановичемъ чуть не обнимаются...

— Что? Что? Съ Алексѣемъ Ивановичемъ? Да нѣтъ! Да нѣтъ!

Настасья Неофидовна совсѣмъ была поражена. Какая-то поповна, нянька, отбиваетъ у ея дочери мужа. Ни на минуту не сомнѣвалась Настасья Неофидовна, что Лида выйдетъ за Алексѣя Ивано

вича. Этого хотѣли и Егоръ Васильевичъ, и самъ старикъ Затѣнинъ.

— Правда-ли только это, Лидочка? Какъ-то даже не вѣрится...

— Навѣрно правда, мама. А мнѣ самой раньше не вѣрилось...

Рѣшено было дождаться пріѣзда Егора Васильевича, разсказать ему, и затѣмъ сейчасъ-же отправить Ольгу Александровну.

— А пока, мама, вы ей ничего не говорите, попросила Лида.

Идя по корридору мимо дѣтской, Лида услыхала веселый лепетъ Бори и смѣхъ Ольги Александровны, которая передъ этимъ напѣвала какую-то пѣсенку.

— Что это вы такъ веселы, Ольга Александровна? сказала Лида, пріотворивъ дверь.

— О чемъ-же мнѣ скучать? Слава Богу, все хорошо. А сегодня мы въ Мотыли пойдемъ, дяденьку увижу, свой вѣдь онъ, родной...

Послѣднее время Ольга Александровна была счастлива. Она не спрашивала себя, отчего она счастлива, она думала, что это такъ и должно быть, что это—отъ жизни.

Она не спрашивала себя, любитъ-ли ее Алексѣй Ивановичъ—такъ въ этомъ отношеніи онъ казался ей недосягаемо выше ея. Она считала его лучшимъ человѣкомъ на свѣтѣ, и всѣ его поступки—лучшими человѣческими поступками.

На прогулку взяли и Борю.

Четыре версты—рукой подать, а мальчикъ онъ здоровый.

Послѣ обѣда, часа въ три, компанія, наконецъ, собралась. Отправились мимо озера по широкой и пыльной проѣзжей дорогѣ.

Впереди бѣжали дѣти. За ними шла Ольга Александровна въ новомъ сѣренькомъ ситцевомъ платьѣ, съ розовой ленточкой на шеѣ.

Эта ленточка очень не нравилась Затѣнину. Почему-то каждый разъ, какъ онъ взглядывалъ на нее, онъ вспоминалъ, что надо *сказать* Ольгѣ Александровнѣ и что́ именно сказать. Алексѣй Ивановичъ былъ такъ сумраченъ и непривычно-невеселъ, что Ольга Александровна, идя съ нимъ рядомъ, тоже притихла и молчала.

Сзади, въ нѣкоторомъ отдаленіи, шелъ Кузьминъ съ Лидой.

Лида ему очень нравилась, и онъ въ душѣ изумлялся Алексѣю Ивановичу, который предпочиталъ ей румяную поповну.

Больше всего на свѣтѣ Кузьминъ любилъ говорить о себѣ. Онъ считалъ себя замѣчательнымъ тѣмъ, что онъ ничѣмъ не замѣчателенъ.

Но говорилъ онъ о себѣ только съ людьми, которые ему нравились.

Онъ началъ съ Лидой пространный разговоръ и не видѣлъ, что она очень мало слушаетъ.

Дорога пошла полемъ. Съ обѣихъ сторонъ низко наклонялись желтые, спѣлые колосья. Кое-гдѣ хлѣбъ уже убирали. За полемъ, ближе къ синей полосѣ лѣса, на горизонтѣ, тянулись луга. Оттуда свозили послѣднія копны сѣна.

Солнце стояло невысоко, жаръ началъ спадать, когда компанія увидѣла на пригоркѣ деревню Се-

меновку. Семеновка считалась на полдорогѣ между Преображенскимъ и Мотылями.

— Какія тутъ четыре версты! возроптала Лида.—Тутъ гораздо больше!

Она устала, туфельки ея были въ пыли, и Кузьминъ надоѣлъ нестерпимо. Она даже и притворяться, что слушаетъ его, перестала, а онъ всетаки ничего не замѣчалъ и совсѣмъ разоткровенничался.

Уже мотылевская церковь бѣлѣла вдали. У Ольги Александровны сердце забилось, дѣти бодрѣе побѣжали впередъ, а Кузьминъ, ни на что не обращая вниманія, продолжалъ свою рѣчь.

— Вы думаете, Лидія Егоровна, что я существую? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Меня нѣту, понимаете, нѣту, и не одного меня, а еще милліоновъ людей, и въ этомъ ихъ главное свойство. Не имѣю я ни качествъ, ни недостатковъ, я и добръ, и благороденъ—и не добръ, и не благороденъ, теперь вотъ, можетъ, рисуюсь—но это совсѣмъ не важно, потому что случайно. Я такой, какъ у иныхъ романистовъ герои: много разныхъ поступковъ дѣлаетъ, злодѣйскихъ или нравственныхъ, а самого нѣту. И говорятъ: его характеръ туманенъ, неясенъ; а чему-же ясному-то быть? Я совершалъ, когда слѣдовало, высоко-честные поступки, говорилъ горячо о нравственности (не повѣрите, разъ съ опасностью жизни дѣвочку изъ пожарища вытащилъ). Случалось мнѣ дѣлать и порочные, «демоническіе» поступки. Носили красныя рубашки и не чистили ногтей, и я носилъ красную рубашку, и никто не видѣлъ, что эта одна рубашка,

безъ человѣка... Идетъ съ запада религіозная волна—будемъ говорить о религіи, будемъ говорить вдохновенно, даже умно... Вы думаете, что такіе люди неинтересны? Интересны, потому что ужъ очень насъ много, Лидія Егоровна, и всѣмъ намъ сознаніе своего *я* дано, и всѣ мы ѣсть хотимъ, и наслажденіе, и боль испытываемъ...

— Да, это весьма интересно, сказала Лида такимъ голосомъ, что Кузьминъ на минуту опомнился, взглянулъ на нее и подумалъ: «кто тебя знаетъ, можетъ и ты изъ нашихъ?»

VIII.

У самой церкви, отдѣляясь отъ нея только густымъ фруктовымъ садомъ, стоялъ домъ священника.

Этотъ домъ совсѣмъ не походилъ на ветхое убѣжище о. Владиміра въ Преображенскомъ: новенькій, просторный, свѣтлый, съ мезониномъ.

Гости вошли на крыльцо. Добрая, желтая собака бросилась имъ подъ ноги. Дѣти было испугались, но собака хотѣла только поласкаться, а узнавъ Ольгу Александровну, даже завизжала отъ радости.

Сама Ольга Александровна, покраснѣвшая отъ волненія и отъ сознанія, что она здѣсь играетъ лавную роль и ведетъ всѣхъ—прошла въ прихожую. Остальные слѣдовали за ней. Въ комнатахъ было душно, пахло камфарой и сушеными травами, на запертыхъ окнахъ съ бѣлыми занавѣсками жужжали мухи.

Въ недоумѣніи, не встрѣчая хозяевъ, гости миновали еще нѣсколько комнатъ. Вдругъ послышалось шарканье туфель, и, торопясь изо всѣхъ силъ, вошла Марѳа, старая нянька у о. Никодима.

— Милая ты моя, бросилась она къ Ольгѣ Александровнѣ, – наконецъ-то вздумала насъ провѣдать, здравствуй, голубка! и она долго цѣловала свою любимицу.

Марѳа называла Ольгу Александровну «сироткой» и за ея сиротство и полюбила ее. Когда Ольгу Александровну отвозили «въ чужіе люди»—Марѳа обливалась слезами.

— А батюшка на лугу съ барышнями, сказала она.—Да имъ ужъ время, сейчасъ воротятся. А не то я сбѣгаю за ними, али Луку пошлю. Вамъ тутъ въ комнатахъ несвободно, я подъ липками столъ накрою, самоварчикъ поставлю... Малина у насъ славная... Дѣткамъ побаловаться... Подать что-ли, Олюша?

— Всего подавай, няня, говорила радостная Ольга Александровна. — Пойдемте, господа, это вотъ тутъ, въ саду...

Точно по волшебству явились на столѣ подъ липами и скатерть, и самоваръ, и домашнія булки, и малина со сливками... Вернулся и самъ о. Никодимъ, высокій, съ полнымъ круглымъ лицомъ, въ коричневой шелковой рясѣ, которую очевидно только что надѣлъ.

Онъ привѣтствовалъ гостей—пожалъ имъ руки, а благословилъ одну племянницу.

Онъ былъ словоохотливъ и радъ гостямъ, но ни на минуту не забывалъ своего личнаго значе-

нія, говорилъ медленно и обстоятельно. Онъ сейчасъ-же началъ разсказывать о себѣ и своихъ дочеряхъ, о томъ, какъ онѣ у него работаютъ въ полѣ и какія сильныя—сильнѣе добраго мужика. Хозяйство, онъ говорилъ, было у него образцовое.

Поповны не заставили себя долго ждать и вышли одна послѣ другой, рослыя, красивыя, всѣ похожія на отца, съ круглыми щеками и черными глазами. Онѣ были одѣты очень нарядно, въ разноцвѣтныхъ платьяхъ, съ массой оборочекъ и ленточекъ.

Онѣ звонко расцѣловали Ольгу Александровну, покраснѣли при видѣ молодыхъ людей, но въ общемъ держали себя очень развязно.

— Кушайте, пожалуйста, говорила старшая, Антонида.—Катя, Люба, угощайте-же! У насъ все домашнее. Что-же ты, Оля? Въ кои-то вѣки навѣстила, и ничего не ѣшь.

— А ты бы наливочки принесла, сказалъ батюшка.—Удались у насъ нынче наливки. У меня такой принципъ, обратился онъ снова къ Сергѣю Кузьмину, продолжая начатый разговоръ,—такой принципъ—чтобы всѣ въ потѣ лица зарабатывали свой хлѣбъ. Сколько кто потрудится—столько и получитъ. Признаюсь, я Ольгу не одобрялъ. Она не имѣла склонности къ трудолюбію. Не столько трудилась, сколько должно. Ей бы все дворянскія занятія: съ иголочкой, съ вышиваньицемъ... Нѣтъ, сказано: въ потѣ лица заработаешь хлѣбъ свой...

— Да вѣдь это что кому дано, батюшка, сказалъ Кузьминъ.

— Оно такъ, но все-таки... И смиренія у нея мало... А ты поживи, да поработай, да помолчи...

— Развѣ я, дяденька, передъ вами когда нибудь...

— Не передо мной —передъ жизнью смирись... Твоя доля скромная, рабочая, несчастная — такъ ты и не залетай, а покорись, и не ропщи, и счастья себѣ не проси...

Ольга Александровна готова была заплакать. Выручилъ Кузьминъ, который ловко перевелъ разговоръ съ наставленій на уходъ за кармазинными яблоками.

Алексѣй Ивановичъ повеселѣлъ и сталъ любезничать съ Антонидой, старшей поповной. Двѣ младшія съ большимъ вниманіемъ слушали Лиду, которая имъ снисходительно объясняла, что теперь оборочекъ больше не носятъ и внизу рукава дѣлаютъ самые узкіе.

Спохватились, что пора домой только тогда, когда совсѣмъ стемнѣло и большая красная луна выплыла изъ-за колокольни. Боря хотѣлъ спать и капризничалъ. Начались сборы и прощанія.

Марѳа тихонько подошла къ Ольгѣ Александровнѣ и обняла ее.

— Ну, прощай, голубка, Господь съ тобою. Живи хорошенько. Возьми гостинчика-то съ собой. Медку, что-ли, малинки... Или хоть бубличковъ домашнихъ возьми, вотъ, любимые твои...

— Вы, няня, точно въ дальній путь Ольгу Александровну снаряжаете, замѣтилъ Кузьминъ, улыбаясь.

— У меня по ней душа болитъ, сказала Марѳа серьезно.—Вы ее тамъ не обижайте.

Алексѣй Ивановичъ отвернулся и опять заговорилъ съ поповной.

О. Никодимъ велѣлъ Лукѣ запречь лошадь. Гости кое-какъ умѣстились въ телѣгѣ и, сопровождаемые добрыми пожеланіями, пустились въ путь.

Дорога была скверная, телѣгу трясло. Изъ котловинъ тянуло сыростью. Лида ежилась и молчала. Младшія дѣти спали. Кузьминъ курилъ и перебрасывался изрѣдка словами съ Ольгой Александровной. Луна поднялась выше и сдѣлалась голубая. Никому не было весело.

Когда пріѣхали, стали выходить и выносить сонныхъ дѣтей — Алексѣй Ивановичъ вдругъ рѣшился. Онъ незамѣтно подошелъ къ Ольгѣ Александровнѣ и сказалъ быстро и вполголоса:

— Новую дорожку, надъ озеромъ, знаете? Тамъ есть скамейка подъ рябиной... Приходите туда, какъ только можно будетъ, черезъ часъ, черезъ полчаса...

— Зачѣмъ? такъ-же тихо проговорила Ольга Александровна, блѣднѣя отъ неожиданности.

— Приходите... Поговорить надо...

— Приду...

Они разстались.

Едва уснули дѣти и Настасья Неофидовна прошла въ спальню, Ольга Александровна тихонько, по заднему крыльцу, спустилась въ паркъ и чуть не бѣгомъ направилась къ озеру.

IX.

Кузьминъ большими шагами ходилъ по кабинету и дожидался Алексѣя Ивановича.

Окна были такъ-же отворены и такъ-же блестѣло озеро при лунѣ, только ночь была еще свѣтлѣе и спокойнѣе, да въ комнатѣ не зажгли свѣчей. Голубыя полосы лежали на полу, въ углахъ было было темно и смутно.

Алексѣй Ивановичъ недавно ушелъ. Кузьминъ зналъ, что онъ теперь говоритъ съ Ольгой Александровной и не ждалъ его скоро.

Кузьминъ ходилъ по комнатѣ и размышлялъ: что ему дѣлать? Не попытать-ли счастья и не попросить-ли руки Лидіи Егоровны? Или отложить всякую женитьбу и отправиться къ Затѣнинымъ въ Берлинъ и Парижъ, попробовать медициной позаняться? А то еще, одинъ знакомый предлагалъ устроить его въ экспедиціи, во внутреннюю Африку? Кузьминъ не зналъ, что выбрать, и ему было скучно и неловко, какъ бываетъ неловко въ гостяхъ, когда спрашиваютъ: чего вамъ угодно, кофе или чаю, а вамъ равно не хочется ни того, ни другого.

Кузьминъ уже сталъ склоняться въ сторону Африки, хотя его и удерживала мысль о матери, которая была стара и требовала помощи.

— Въ Африкѣ, чортъ его знаетъ, еще убьютъ, думалъ Кузьминъ. — Безъ всякой поддержки, старая женщина... Нѣтъ, неблагородно!

Но потомъ ему пришла мысль, что онъ можетъ,

напротивъ, возвратиться изъ Африки съ деньгами и почетомъ, а на время путешествія легко поручить мать кому-нибудь изъ своихъ друзей...

Онъ только-что началъ обдумывать въ подробностяхъ этотъ планъ, какъ дверь неожиданно растворилась и вошелъ Затѣнинъ.

— Ты здѣсь, Сергѣй?—сказалъ онъ, остановившись посрединѣ комнаты. Онъ не замѣтилъ сразу Кузьмина, который стоялъ не въ свѣтлой полосѣ.

— Да, конечно здѣсь,—отвѣчалъ тотъ.—Что это ты какъ скоро? Да садись-же, разсказывай, что?

Въ голосѣ Кузьмина было любопытство.

Алексѣй Ивановичъ медленно подошелъ къ столу, сѣлъ и облокотился. Кузьминъ едва различалъ его темную фигуру.

Прошло нѣсколько секундъ молчанія. Кузьминъ закурилъ папиросу.

— Ты хочешь, Сережа, чтобы я тебѣ разсказалъ, какъ мы видѣлись съ Ольгой Александровной?—проговорилъ Затѣнинъ ласковымъ, почти веселымъ голосомъ.

Кузьминъ не ожидалъ этого голоса и со страхомъ взглянулъ въ сторону Алексѣя Ивановича. Но лица не было видно.

— Я тебѣ разскажу по порядку все, какъ оно случилось. Да ничего собственно и не случилось, ничего интереснаго или ужаснаго. Пришелъ я на новую дорожку, знаешь, надъ озеромъ, низко? Тамъ сыро и свѣтло: къ озеру она открыта, и мѣсяцъ свѣтитъ прямо. А гдѣ нѣтъ мѣсяца на озерѣ—

вода черная, тихая, холодная... Рябина тамъ стоитъ, подъ нею скамейка; я сѣлъ на скамейку и сталъ дожидаться. Отчего тамъ такъ тихо, Сережа, ты не знаешь?.. Ты слыхалъ такую тишину, когда кажется, что все—мертвое около тебя, тяжелое, вѣчно неподвижное—и только ты одинъ живешь? Вотъ тамъ это было, и мѣсяцъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Можетъ быть это было только одно мгновенье?... Да, потому что я помню шелестъ въ камышахъ, надъ самой водой, и не отъ вѣтра, а такой странный шелестъ, едва слышный, точно кто пробирается, ползетъ между стеблями. Я обрадовался ей, когда она пришла, потому что мнѣ было страшно тамъ, Сережа. Ты не смѣйся. И я забылъ, что я ей долженъ говорить, я только радовался ей, радовался тому, что не одинъ. Она пришла торопясь, робкая и безпомощная. Она была въ томъ-же сѣренькомъ платьѣ, ничего не накинула на себя, и ей вѣрно было холодно. Когда я ей обрадовался, я взялъ ее за руки, и она рукъ не отнимала, только я чувствовалъ, что она дрожитъ. Но вдругъ—не знаю отчего—я сразу вспомнилъ, зачѣмъ я пришелъ, вспомнилъ тебя и твои слова, и то, что нужно сдѣлать... Я отпустилъ ея руки и ясно, даже громко, сказалъ ей:

— Ольга Александровна, я совсѣмъ не хочу, чтобы вы любили меня; я самъ не люблю васъ такъ сильно, чтобы жениться на васъ; мнѣ непріятно, если вы будете страдать изъ-за меня...

Она сначала не шевельнулась; какъ сидѣла лицомъ къ мѣсяцу на скамейкѣ, такъ и осталась. Потомъ руками взмахнула какъ-то безнадежно и

заплакала. Плакала она громко, всхлипывая, и повторяла:

— Господи, да развѣ я думала?... Не думала я, я никого не трогала, тихо жила, мнѣ хорошо было, а я не думала... Вотъ оно, счастьето мое...

Я молчалъ и смотрѣлъ, какъ она плакала. Она вытирала слезы ладонями и повторяла: «не думала, не думала...» Потомъ вдругъ засунула одну руку въ карманъ, вѣрно платокъ хотѣла вынуть, и карманъ вывернулся нечаянно, а тамъ два бублика у ней были спрятаны, знаешь, бублики, любимые ея, Марѳа-няня ей дала сегодня... Одинъ-то ужъ надломленный... Они упали на дорожку, я хотѣлъ поднять, да вижу, не надо поднимать, совѣстно ей, хочетъ, чтобы я не замѣтилъ... Я ушелъ, Сережа. Она тамъ теперь вѣрно плачетъ, и бублики на дорожкѣ лежатъ, такъ, смѣшные бублики, домашніе; она ихъ въ карманъ положила, на ночь себѣ припасала, лягу, думала, такъ съѣмъ, думала...»

Кузьминъ вскочилъ съ окна и подбѣжалъ къ другу. Затѣнинъ лежалъ на столѣ головой и рыдалъ. Онъ плакалъ мучительно, безнадежно.

— Ну, полно... Ну, чего тамъ... твердилъ растерянно Кузьминъ.

— Оставь меня, Сережа, сказалъ Затѣнинъ. По дѣломъ мнѣ, ты говорилъ... Знаешь? Я ее ненавидѣлъ тамъ одно мгновеніе за то, что она мнѣ такую боль причинила... О, Сережа, нѣтъ чувства тяжелѣе жалости... И нѣтъ ничего шире ея, потому что въ душѣ только она одна, и ни любви нѣтъ мѣста, ничему, когда есть она... Я не

люблю Ольгу Александровну, потому что я никого не люблю, и не люблю никого, потому что всѣхъ жалѣю...

Кузьминъ говорилъ какія-то утѣшительныя слова, разсуждалъ, наконецъ пересталъ говорить и только изрѣдка вздыхалъ.

Затѣнинъ медленно поднялся съ своего мѣста и подошелъ къ окну.

— Ничего, Сережа, ты не бойся, я ничего, сказалъ онъ тихо, чуть-чуть улыбнувшись. — Я утѣшился, мнѣ легче. Легче отъ той вѣры, отъ того внутренняго сознанія, которое неизвѣстно откуда явилось, но есть у всѣхъ людей. У меня, можетъ быть, оно только сильнѣе. Я такъ ясно чувствую, что будетъ время, когда уйдетъ все, что мнѣ кажется несправедливымъ и горькимъ, и всѣ люди поймутъ правду и станутъ думать, какъ я думаю. Теперь, или черезъ вѣка, черезъ тысячелѣтія, не здѣсь или здѣсь—но это будетъ...

— А знаешь, откуда она, эта странная увѣренность, противъ которой безсильна сама жизнь?— сказалъ Кузьминъ, вдругъ одушевляясь.—Знаешь-ли, что это такое? Это—сознаніе Бога...

Затѣнинъ недовѣрчиво улыбнулся.

Кузьминъ ничего больше не сказалъ и притихъ. Долго стояли они рядомъ у окна и молча смотрѣли на паркъ, гдѣ попрежнему свѣтила луна и внизу, подъ горой, блестѣло озеро.

X.

Опять Мотылевская Марѳа накрыла чай подъ липами.

И такъ-же, какъ въ тотъ день, когда приходили гости изъ Преображенскаго, небеса были ясны и сини, только въ воздухѣ чувствовалась близость осени, мелькали кое-гдѣ желтые листья, да на столѣ, вмѣсто малины, стояли свѣжіе соты и яблочное варенье.

Пришелъ о. Никодимъ въ старенькой, немного выцвѣтшей рясѣ, съ аккуратно расчесанными волосами. Дочери тоже были въ чистенькихъ ситцевыхъ платьяхъ безъ оборочекъ.

Антонида налила стаканъ о. Никодиму и подвинула медъ.

О. Никодимъ принялъ стаканъ, вздохнулъ и взглянулъ на Ольгу Александровну. Она молча сидѣла у края стола и смотрѣла внизъ. Она очень измѣнилась. Только черное платье осталось то-же, да коричневый платокъ. Она поблѣднѣла, хотя не похудѣла; волосы были тщательно приглажены и припомажены, глаза потухли и смотрѣли равнодушно и покорно.

Здѣсь не было теперь Кузьмина, чтобы спасти Ольгу Александровну отъ поученій дяди. И о. Никодимъ, прихлебывая съ блюдечка чай, говорилъ съ удовольствіемъ, пространно и назидательно.

Сегодня онъ говорилъ особенно длинно, потому что наканунѣ отыскалъ для Ольги Александровны мѣсто въ усадьбѣ, за тридцать верстъ, компаньонкой къ старой генералшѣ.

— Что-жъ, я скрывать не хочу — генеральша старая, характера неспокойнаго; тебѣ тамъ, Ольга, можетъ, и тяжело покажется. Сама виновата. Нашелъ я тебѣ мѣсто хорошее, привольное—изъ-за

чего отказали? Даромъ-бы не отказали, значитъ ты же виновата. Ужъ очень ты весела была, когда въ гости къ намъ приходила. Не веселья тебѣ искать, не веселья ждать, не радостей, а работать надо, да смиряться, да молчать... Несчастіе, несправедливость—принимай несправедливость, а не возмущайся, такая ужъ твоя доля, и такъ оно и будетъ... Вотъ говорятъ: то пустякъ, да это пустякъ; нѣтъ, премудро устроенъ міръ, не должно въ немъ быть пустяковъ. Изъ сихъ мелкихъ дѣлъ выходятъ великія дѣла, а безъ малаго нѣтъ великаго. Пьемъ мы, напримѣръ, чай подъ липами. Какое, скажутъ, пустое обстоятельство! А развѣ намъ дано это знать? И каждый пустякъ есть фундаментъ, на коемъ устрояется зданіе нашей будущей судьбы. Укроти себя, Ольга, духъ своей укроти! Вступаешь ты окончательно на поприще жизни подъ защитой одного Отца Небеснаго, ибо — прямо скажу — обратно въ мой домъ не вступишь...

— Я съ вами во всемъ, дяденька, согласна,— сказала Ольга Александровна. — Богъ меня наказалъ за то, что я о счастіи, да о радости для себя мечтать стала. Я вашихъ словъ по смерть не забуду. Благословите меня, дяденька. Можетъ, Господь и поможетъ мнѣ въ смиреніи вѣкъ прожить.

О. Никодимъ взглянулъ на Ольгу Александровну—и стало радостно его сердцу.

Онъ увидѣлъ по ея глубоко спокойному, покорному лицу, что она говоритъ не шутя, что его слова проникли и побѣдили ея душу, и она на-

вѣки «укротила» себя, навѣки смирилась. Если рѣчи его могли исправить такой дурной характеръ, какой былъ у Ольги Александровны, значитъ онѣ дѣйствительно сильны и безупречны. Недаромъ прихожане такъ любятъ его проповѣди.

И о. Никодимъ, съ пріятнымъ сознаніемъ исполненнаго долга, благословилъ племянницу и поцѣловалъ ее въ лобъ.

А въ комнатахъ Марѳа, утирая слезы концомъ передника, собирала и связывала въ узелокъ кое-какое бѣлье, двѣ книжки... Снова отправляла она Ольгу Александровну «въ чужіе люди» — и на этотъ разъ—безъ возврата.

XI.

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Алексѣй Ивановичъ Затѣнинъ сидѣлъ въ просторной комнатѣ, похожей на мастерскую художника. Было яркое солнечное утро. Въ широкія окна виднѣлось море, потому что домъ, гдѣ жилъ Затѣнинъ, находился въ маленькомъ приморскомъ городкѣ Италіи.

Минуло то время, когда Алексѣй Ивановичъ занимался исторіей. Ему показалось, что его влечетъ къ формамъ, оттѣнкамъ, красотѣ, и что если нужно ему имѣть призваніе, то оно—въ искусствѣ.

Онъ спокойно бросилъ свои прежнія занятія, спокойно поѣхалъ въ Парижъ и сталъ работать въ академіи.

Женитьба не помѣшала ему. Исполняя послѣднее желаніе умирающаго отца — онъ женился на

Лидѣ. Они плохо сходились, Алексѣй Ивановичъ не могъ привязаться къ женѣ: она все время была больна, похудѣла, подурнѣла... Никто не узналъ-бы въ ней прежнюю розовую Лиду.

Алексѣй Ивановичъ измѣнился мало. Только ярко-рыжая борода стала окладистѣе и гуще, а глаза остались тѣ-же, такіе-же синіе и дѣтски-довѣрчивые.

Комната была свѣтлая и хорошо обставленная, но она точно казалась Затѣнину слишкомъ большой: онъ заботился только объ одномъ мѣстѣ, а углы были въ пыли и безпорядкѣ.

Посрединѣ же стояли лучшія картины и нѣсколько статуй.

Алексѣй Ивановичъ былъ не одинъ.

У него сидѣлъ гость, маленькій, черный человѣкъ съ серьезнымъ лицомъ. Это былъ скульпторъ, начинавшій дѣлаться извѣстнымъ, другъ Алексѣя Ивановича.

— Да, я работалъ много, сказалъ Затѣнинъ, продолжая разговоръ.—И мое «разочарованіе» (оно, впрочемъ, меня не печалитъ) явилось совсѣмъ не оттого, что я не могу итти дальше, дѣлаться совершеннѣе... Напротивъ, мнѣ кажется, что я могу...

— Такъ въ добрый путь, сказалъ скульпторъ, съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ.

— Вы знаете, что живопись меня не удовлетворила, продолжалъ Затѣнинъ.—Чѣмъ дольше я жилъ, тѣмъ яснѣе сознавалъ, что она—плоская, тусклая и безсильная. И вотъ я сталъ изучать скульптуру. Я понялъ, я видѣлъ всѣ знаменитыя

произведенія древнихъ художниковъ. И я чувствую, скульптура тоже не дастъ мнѣ ничего...

— Но почему-же? громко и съ волненіемъ сказалъ гость. Онъ даже съ дивана всталъ и смотрѣлъ на Затѣнина, который ходилъ по комнатѣ.

— Вы меня не поймете, сказалъ Затѣнинъ.— Вы ничего выше скульптуры не знаете. Но все равно. Можетъ быть я и не правъ. Я говорю про себя. И я скажу вамъ, что я думаю.

Онъ подошелъ къ большой картинѣ и повернулъ ее къ свѣту. На ней было написано море съ мастерски переданными оттѣнками.

— Посмотрите, сказалъ Затѣнинъ. — Видите эти волны? Видите, что я сдѣлалъ? Видите, какія онѣ тусклыя, неподвижныя, мертвыя. . Изъ живого я сдѣлалъ мертвое и *какъ-будто* живое. Это море было такое-же вчера и будетъ такимъ-же завтра. А теперь взгляните въ окно: вонъ оно, настоящее море, измѣнчивое, живое, прекрасное! И то-же въ скульптурѣ. Неизмѣнныя формы, неподвижная красота—не красота. Та красота, которую я знаю, которой живу—не въ этомъ мертвомъ, «вѣчномъ» искусствѣ, а въ постоянномъ движеніи, въ безконечныхъ измѣнахъ, неожиданная, мимолетная и единственно-вѣчная для меня!

Онъ говорилъ съ восторгомъ и счастіемъ и смотрѣлъ на синій горизонтъ моря.

— Нѣтъ прошлаго, говорилъ онъ,—нѣтъ будущаго, есть только настоящее, жизнь и радость въ каждомъ настоящемъ мгновеніи, которому на смѣну приходитъ другое—и даетъ мнѣ новое счастіе, новыя силы, новую красоту... Жизнь—

долгъ, говорятъ... Кому? За что? Жизнь—красота и счастіе. И будетъ время, когда всѣ поймутъ, какъ хорошо, просто и легко жить!

Скульпторъ смотрѣлъ на радостное, помолодѣвшее лицо Затѣнина и, хотя не понималъ его, но видѣлъ, что передъ нимъ счастливый человѣкъ—и невольно завидовалъ счастію.

Стихотворенія *).

* * *

Мой другъ, меня сомнѣнья не тревожатъ.
Я смерти близость чувствовалъ давно.
Въ могилѣ, тамъ, куда меня положатъ,
Я знаю, сыро, душно и темно.
Но не въ землѣ—я буду здѣсь, съ тобою,
Въ дыханьи вѣтра, въ солнечныхъ лучахъ,
Я буду въ морѣ блѣдною волною,
И облачною тѣнью въ небесахъ.
И будетъ мнѣ чужда земная сладость,
И даже сердцу милая печаль,
Какъ чужды звѣздамъ счастіе и радость...
Но мнѣ сознанья моего не жаль,
Покоя жду... Душа моя устала...
Зоветъ къ себѣ меня природа-мать...
И такъ легко, и тяжесть жизни спала...
О, милый другъ, отрадно умирать!

1889.

---

*) Нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ здѣсь стихотвореній были напечатаны подъ другимъ именемъ.

Баллада.

Сырые проходы
Подъ свѣтлымъ Днѣпромъ,
Старинные своды,
Поросшіе мхомъ.

Въ глубокой пещерѣ
Горитъ огонекъ,
На кованой двери
Тяжелый замокъ.

И капли, какъ слезы,
На сводахъ дрожатъ.
Затворника грезы
Ночныя томятъ.

Давно ужъ не спится,
Лампаду зажегъ.
Хотѣлъ онъ молиться –
Молиться не могъ.

«Ты видишь, Спаситель,
Измучился я...
Открой мнѣ, Учитель,
Гдѣ правда Твоя!

«Посты и вериги,
Не весь Твой Завѣтъ...
Въ божественной книгѣ
Прощенье и свѣтъ!

«Я помню, въ оконце
Взглянулъ я на садъ:
Тамъ милое солнце,
Я солнцу былъ радъ.

«Тамъ въ заросляхъ темныхъ
Меня не найдутъ.
Тамъ птичекъ бездомныхъ
Зеленый пріютъ

«Тамъ плачутъ сирени
Отъ утреннихъ росъ,
Колеблются тѣни
Прозрачныхъ березъ.

«Тамъ чайки мелькаютъ
По вольной рѣкѣ,
И дѣти играютъ
На влажномъ пескѣ.

«Я счастливъ, какъ дѣти...
И понялъ я вновь,
Что въ Божьемъ Завѣтѣ—
Простая любовь.

«Темно въ моей кельѣ,
Измучился я,
А жизнь, и веселье,
И правда Твоя —

«Не въ пыльныхъ страницахъ,
Не въ тусклыхъ свѣчахъ,
А въ небѣ, и птицахъ,
И звѣздныхъ лучахъ.

«Съ любовью, о Боже,
Взглянулъ я на все:
Вѣдь это — дороже,
Вѣдь это Твое!

. . . . . .

1890.

Пѣсня.

Окно мое высоко надъ землею,
Высоко надъ землею.
Я вижу только небо съ вечернею зарею,
Съ вечернею зарею.
И небо кажется пустымъ и блѣднымъ,
Такимъ пустымъ и блѣднымъ...
Оно не сжалится надъ сердцемъ бѣднымъ,
Надъ моимъ сердцемъ бѣднымъ.
Увы, въ печали безумной я умираю,
Я умираю,
Стремлюсь къ тому, чего я не знаю,
Не знаю...
И это желанье не знаю откуда
Пришло откуда,
Но сердце хочетъ и проситъ чуда,
Чуда!
О, пусть будетъ то, чего не бываетъ,
Никогда не бываетъ,
Мнѣ блѣдное небо чудесъ обѣщаетъ,
Оно обѣщаетъ—
Но плачу безъ слезъ о невѣрномъ обѣтѣ,
О невѣрномъ обѣтѣ...
Мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ,
Чего нѣтъ на свѣтѣ!

1893.

Никогда.

Предутренній мѣсяцъ на небѣ лежитъ,
Я къ мѣсяцу ѣду, снѣгъ чуткій скрипитъ.
На дерзостный ликъ я смотрю неустанно,
И онъ отвѣчаетъ улыбкою странной...
И странное слово припомнилось мнѣ,
Я все повторяю его въ тишинѣ...
Печальнѣе мѣсяца свѣтъ, недвижимѣй,
А кони быстрѣе и неутомимѣй—
Скользятъ мои сани легко, безъ слѣда,
И я все твержу: никогда! никогда!
О ты ль это снова, знакомое слово?
Но ты мнѣ не страшно, боюсь я иного...
Не страшенъ и мѣсяца мертвенный свѣтъ...
Мнѣ страшно—что страха въ душѣ моей нѣтъ.
Лишь холодъ безгорестный сердце ласкаетъ,
А мѣсяцъ склоняется и умираетъ...

1893.

Безсиліе.

Смотрю на море жадными очами—
Къ землѣ прикованный, на берегу.
Стою надъ пропастью, надъ небесами—
Но улетѣть къ лазури не могу!

Не вѣдаю, возстать иль покориться,
Нѣтъ смѣлости ни умереть, ни жить.
Мнѣ близокъ Богъ—но не могу молиться,
Хочу любви—и не могу любить.

Я тщетно къ солнцу руки простираю—
И вижу пологъ блѣдныхъ облаковъ...
Мнѣ кажется, что истину я знаю—
И только для нея не знаю словъ!

1893.

* *
*

Небеса унылы и низки,
Но я знаю, духъ мой высокъ.
Мы съ тобою такъ странно близки,
И каждый изъ насъ одинокъ.
Безпощадна моя дорога,
Она меня къ смерти ведетъ.
Но люблю я себя, какъ Бога,
Любовь мою душу спасетъ.
Если я на пути устану,
Начну малодушно роптать,
Если я на себя возстану
И счастья осмѣлюсь желать—
Не покинь меня безъ возврата
Въ туманные, трудные дни,
Умоляю, слабаго брата
Утѣшь, пожалѣй, обмани!
Мы съ тобой единственно-близки,
Мы оба идемъ на востокъ...
Небеса злорадны и низки,
Но вѣрю я, духъ нашъ высокъ!

1894.

Сонетъ.

Не страшно мнѣ прикосновенье стали
И острота, и холодъ лезвія.
Но слишкомъ тупо кольца жизни сжали
И, медленныя, душатъ, какъ змѣя.
Но пусть развѣются мои печали,
Имъ не открою больше сердца я...
Онѣ далекими отнынѣ стали,
Какъ ты, любовь ненужная моя...

Пусть душитъ жизнь—но мнѣ уже не душно,
Достигнута послѣдняя ступень,
И если смерть придетъ—за ней послушно
Пойду въ ея безгорестную тѣнь—
Такъ осенью, свѣтло и равнодушно,
На блѣдномъ небѣ умираетъ день.

1894.

Снѣжные хлопья.

Глухимъ путемъ, неѣзженнымъ,
На блѣдномъ склонѣ дня,
Иду въ лѣсу оснѣженномъ,
Печаль ведетъ меня.
Молчитъ дорога странная,
Молчитъ невѣрный лѣсъ...
Не мгла ползетъ туманная
Съ безжизненныхъ небесъ—
То вьются хлопья снѣжные
И мягкой пеленой
Безшумные, безбрежные
Ложатся предо мной.
Пушисты хлопья бѣлые,
Какъ пчелъ веселыхъ рой,
Играютъ хлопья смѣлые
И гонятся за мной,
И падаютъ, и падаютъ...
Къ землѣ все ближе твердь...
Но странно сердце радуютъ
Безмолвіе и смерть.
Мѣшается, сливается
Дѣйствительность и сонъ,
Все ниже опускается
Зловѣщій небосклонъ.
И я иду—и падаю,
Покорствуя судьбѣ,
Съ невѣдомой оградою
И мыслью о тебѣ.

Люблю недостижимое,
Чего, быть можетъ, нѣтъ...
Дитя мое любимое,
Единственный мой свѣтъ!
Твое дыханье нѣжное
Я чувствую во снѣ,
И покрывало снѣжное
Легко и сладко мнѣ.
Я знаю, близко вѣчное,
Я слышу, стынетъ кровь...
Молчанье безконечное,
И сумракъ, и любовь...

1894.

Цвѣты Ночи.

О, ночному часу не вѣрьте!
Онъ исполненъ злой красоты.
Въ этотъ часъ люди близки къ смерти,
Только странно живы цвѣты.
Темны, теплы тихія стѣны,
И давно каминъ безъ огня,
И я жду отъ цвѣтовъ измѣны,
Ненавидятъ цвѣты меня.
Среди нихъ мнѣ жарко, тревожно,
Ароматъ ихъ душенъ и смѣлъ—
Но уйти отъ нихъ невозможно,
Но нельзя избѣжать ихъ стрѣлъ.
Свѣтъ вечерній лучи бросаетъ
Сквозь кровавый шелкъ на листы...
Тѣло нѣжное оживаетъ—
Пробудились злые цвѣты.
Съ ядовитаго арума мѣрно
Капли падаютъ на коверъ.
Все таинственно, все невѣрно—
И мнѣ тихій чудится споръ.
Шелестятъ, шевелятся, дышатъ,
Какъ враги за мною слѣдятъ,
Все, что думаю, знаютъ, слышатъ
И меня отравить хотятъ...
О, часу ночному не вѣрьте,
Берегитесь злой красоты!
Въ этотъ часъ всѣ мы близки къ смерти—
Только странно живы цвѣты.

1894.

Гризельда.

Надъ озеромъ, высоко,
Гдѣ узкое окно,
Гризельды свѣтлоокой
Стучитъ веретено.

Въ покоѣ отдаленномъ
И въ замкѣ—тишина.
Лишь въ озерѣ зеленомъ
Колышется волна.

Гризельда не устанетъ,
Свивая блѣдный ленъ,
Не выдастъ, не обманетъ
Вѣрнѣйшая изъ женъ.

Неслыханныя бѣды
Она перенесла:
Искалъ надъ ней побѣды
Самъ Повелитель Зла.

Любовною отравой,
И дерзостной игрой,
Манилъ ее онъ славой,
Весельемъ, красотой...

Ей были искушенья
Таинственныхъ утѣхъ,
Всѣ радости забвенья,
И все, чѣмъ сладокъ грѣхъ.

Но Сатана смирился,
Гризельдой побѣжденъ.
И врагъ людской склонился
Предъ лучшею изъ женъ.

Чье нынѣ злое око
Нарушитъ тишину,
Хоть рыцарь и далеко
Уѣхалъ на войну?

Рядъ мирныхъ утѣшеній
Гризельдѣ предстоитъ:
Обнявъ ея колѣни,
Кудрявый мальчикъ спитъ.

И въ сводчатомъ покоѣ
Святая тишина:
Ихъ двое, только двое—
Ребенокъ и она.

У ней льняныя косы
И бархатный уборъ.
За озеромъ—утесы
И цѣпи вольныхъ горъ.

Гризельда смотритъ въ воду,
Нежданно смущена,
И, мнится, про свободу
Лепечетъ ей волна.

Про волю, дерзновенье,
И поцѣлуй, и смѣхъ...
Лепечетъ, что смиренье
Есть величайшій грѣхъ.

Прошли былыя бѣды,
О вѣрная жена!
Но радостью-ль побѣды
Душа твоя полна?

Все тише ропотъ прялки,
Не вьется блѣдный ленъ...
О міръ обмана жалкій,
О добродѣтель женъ!

Гризельда побѣдила
Душа ея свѣтла...
А все-жъ какая сила
У Духа лжи и зла!

Увы! Твой мужъ далеко,
И помнитъ-ли жену?
Окно твое высоко,
Душа твоя въ плѣну.

И снова сердце жаждетъ
Таинственныхъ утѣхъ...
Зачѣмъ оно такъ страждетъ,
Зачѣмъ такъ любитъ грѣхъ?

О, мудрый Соблазнитель,
Злой Духъ, ужели ты—
Непонятый Учитель
Великой красоты?

1895.

Однообразіе.

Въ вечерній часъ уединенья,
Унынія и утомленья,
Одинъ, на шаткихъ ступеняхъ,
Ищу напрасно утѣшенья,
Моей тревоги утоленья
Въ безмолвныхъ, стынущихъ водахъ.
Лучей послѣднихъ отраженья,
Какъ небывалыя видѣнья
Лежатъ на сонныхъ облакахъ...
Отъ тишины оцѣпенѣнья,
Душа моя полна смятенья...
О, еслибы хоть тѣнь движенья,
Хоть звукъ въ тяжелыхъ камышахъ!
Но знаю, міру нѣтъ прощенья,
Печали сердца нѣтъ забвенья,
И нѣтъ молчанью разрѣшенья,
И все навѣкъ безъ измѣненья
И на землѣ, и въ небесахъ!

1895.

Иди за мной.

(„Будетъ день...“).

Полуувядшихъ лилій ароматъ
Мои мечтанья легкія туманитъ.
Мнѣ лиліи о смерти говорятъ,
О времени, когда меня не станетъ.

Миръ—успокоенной душѣ моей.
Ничто ее не радуетъ, не ранитъ.
Не забывай моихъ послѣднихъ дней,
Пойми меня, когда меня не станетъ.

Я знаю, другъ, дорога не длинна,
И скоро тѣло бѣдное устанетъ.
Но вѣрую: любовь, какъ смерть—сильна...
Люби меня, когда меня не станетъ.

Мнѣ чудится таинственный обѣтъ,
И вѣдаю, онъ сердца не обманетъ...
Забвенія тебѣ въ разлукѣ нѣтъ:
Иди за мной, когда меня не станетъ.

1895 (Семнадцатое октября).

Месть.

I.

Аккуратная бонна Ида прибирала дѣтскую комнату и складывала игрушки, стараясь не стучать. Она знала, что когда Костя сидитъ такъ, на полу, носомъ въ уголъ, и черные, какъ чернила, волосы его топорщатся на затылкѣ,—это значитъ, что онъ сердится. Отъ малѣйшаго стука онъ придетъ въ неистовство и опять дѣло кончится дурно, — Ида будетъ плакать, лежа на своей постели за ширмами, и не станетъ пить вечерняго чаю. Ида была маленькая, худощавая нѣмочка съ короткимъ носомъ и розовыми пятнами на щекахъ. И она рѣшительно не знала, для чего и для кого живетъ въ этомъ домѣ и что изъ этого, въ концѣ-концовъ, выйдетъ. Ее прислали изъ конторы большого города сюда, въ этотъ дрянной уѣздный городишко, къ господамъ Antipoff, и тутъ она и осталась. Дѣтей, кромѣ Кости, не было, а Костя нуждался въ ней весьма мало. Такой большой мальчикъ—девятый годъ—даже странно, что

она спитъ съ нимъ въ одной комнатѣ и водитъ его гулять. Учится Костя не много: у него есть старая учительница ариѳметики и закона Божія, но она часто пропускаетъ уроки. Костя плохо пишетъ, за то онъ перечиталъ всѣ романы, какіе нашелъ въ гостиной и маминомъ будуарѣ. Ида такъ боится своего воспитанника, что не смѣетъ даже говорить съ нимъ и всѣ его приказанія исполняетъ молча.

Костя былъ золъ сегодня, какъ еще никогда не бывалъ. Онъ сидѣлъ на полу, протянувъ ноги къ стѣнѣ. Въ углу, куда онъ смотрѣлъ, было темно, едва свѣтлѣли золотые разводы отставшихъ коричневыхъ обой. На подоконникѣ единственнаго окна дѣтской (оно было далеко отъ Костина угла) лежали послѣдніе лучи зимняго солнца, свѣтло-желтые. Костя сидѣлъ согнувшись, сжавъ руки въ кулаки и сдвинувъ брови. Они плакалъ только при большихъ и для большихъ, но одинъ—почти никогда. Онъ зналъ, что ему восемь лѣтъ, и зналъ, что это очень много. Для мужчины въ особенности. Женщины — тѣ могутъ киснуть хоть до двѣнадцати лѣтъ. Имъ все можно.

Костя рѣдко бывалъ въ дѣтской, онъ сидѣлъ въ гостиной съ гостями, слушалъ и смотрѣлъ молча и немножко презиралъ большихъ. Для ихъ роста и возраста они не казались ему достаточно умными. А мама...

О, эта мама! Вспомнивъ ее, Костя стиснулъ зубы и мотнулъ головой въ своемъ углу. Никогда еще никто не оскорблялъ его такъ, какъ она оскорбила сегодня. И при всѣхъ, при чужихъ, при

своихъ офицерахъ, при папѣ... Папа тоже хорошъ: ничего не сказалъ, позволилъ въ своемъ присутствіи...

II.

Дѣло было такъ.

Къ мамѣ пріѣхали изъ губернскаго города въ гости три некрасивыя барышни, ея кузины. Мама сейчасъ-же принялась ихъ «веселить», устраивала вечера, обѣды, а сегодня затѣяла пикникъ, — поѣздку на тройкахъ за пятнадцать верстъ, къ знакомымъ на хуторъ. Костя отлично видѣлъ, что маму все это веселитъ гораздо больше, чѣмъ кузинъ, которыя сидѣли однѣ, когда маму окружали всякіе офицеры, высокіе и низкіе, блондины и брюнеты. Костя зналъ даже причину, почему офицеры любили больше маму, чѣмъ кузинъ,— это оттого, что мама считалась хорошенькой и была при другихъ веселой и доброй. Самъ Костя, по совѣсти, не могъ рѣшить, точно-ли мама хорошенькая. Она была очень тонкая, очень высокая, съ длинноватымъ лицомъ, бѣлымъ, какъ молоко, черноволосая и черноглазая. Руки у нея были узкія и розовыя, а губы, когда улыбались, кривились немного вбокъ, но это она дѣлала нарочно, Костя не сомнѣвался, потому что иногда видѣлъ, какъ она шепталась съ Полей, своею горничной, и смѣялась при этомъ совершенно прямо.

Папа служилъ, имѣлъ довольно важное мѣсто въ городкѣ и получалъ деньги, которыя были нужны для того, чтобы нанимать большую, очень

большую квартиру, давать обѣды и вечера, на которыхъ мама танцовала съ офицерами. Папа былъ немножко сѣдой, плотный и серьезный, и хотя мама говорила Полѣ и офицерамъ, что онъ добрый, однако, сама его боялась, — Костя это отлично видѣлъ.

Костя долго думалъ, отчего мама боится папы,—вѣдь она такая-же большая, какъ и онъ? И только потомъ догадался, что, вѣдь, папа-же даетъ мамѣ деньги на офицеровъ, а если онъ разсердится, то можетъ не дать денегъ, офицеры не придутъ танцовать и мамѣ будетъ скучно.

Костя ни капельки не любилъ ни папу, ни маму. Они до него ровно никакого отношенія не имѣли, только развѣ что жили въ одной квартирѣ съ нимъ. Костя даже зналъ, что у него есть собственныя деньги, отъ дѣдушки, и что ни папа, ни мама не могутъ ихъ взять, хотя-бы и пожелали. Дѣлъ у Кости съ ними общихъ никакихъ не было; часто по цѣлымъ днямъ ему не приходилось слова сказать ни съ мамой, ни съ папой.

Къ папѣ онъ чувствовалъ даже нѣкоторую враждебность, когда тотъ шелъ по залѣ молча и съ холоднымъ выраженіемъ лица. Костю это равнодушіе смущало и злило. «Чего онъ? И что онъ воображаетъ?» — думалъ Костя и, все-таки, не зналъ, что именно папа воображаетъ. А маму онъ немножко презиралъ. Теперь, послѣ сегодняшняго оскорбленія, онъ ее ненавидѣлъ, совсѣмъ ненавидѣлъ.. И какъ она смѣла?.. Какъ она только смѣла?

Когда стали собираться на пикникъ, съ кри-

комъ, съ шумомъ, съ суетой, Костя тоже сталъ собираться. Онъ, вѣдь, бывалъ на всѣхъ вечерахъ, на всѣхъ обѣдахъ у нихъ въ домѣ, какъ-же ему не поѣхать на пикникъ? Онъ началъ хлопотать, позвалъ Иду, велѣлъ принести кафтанчикъ и башлыкъ.

Одна изъ кузинъ замѣтила эти сборы.

— Неужели? — протянула она какимъ-то безконечнымъ, пѣвучимъ голосомъ.—И ты, Костенька? Ты тоже съ нами ѣдешь?

Мама, которая въ это время надѣвала передъ зеркаломъ бѣлую барашковую шапочку, обернулась.

— Костя? Нѣтъ, нѣтъ, ты не поѣдешь! Недоставало возни съ ребятами! Ида, уведите его. Холодно, онъ простудится. Да и мѣста нѣтъ.

Костя улыбнулся.

— Все равно, я сяду на козлы, — сказалъ онъ снисходительно.—Ида, подайте мои рукавицы.

Около мамы стоялъ высокій офицеръ съ отвратительно-тонкими черными усами и такими бѣлыми зубами, что, казалось, они могли свѣтить и въ темной комнатѣ. Фамилія его была двойная: Далай-Лобачевскій.

Услыхавъ слова Кости, Далай-Лобачевскій перегнулся какъ-то впередъ и блеснулъ зубами.

— Однако,—сказалъ онъ, обращаясь къ мамѣ,— это весьма положительный и самостоятельный молодой человѣкъ.

Мама вспыхнула, но сдержалась.

— Костя, ты съ ума сошелъ, — проговорила она тихо.— Я тебѣ сказала, что ты не поѣдешь.

Ты еще разсуждать будешь? Отправляйся въ дѣтскую съ няней и будь умникомъ,

У Кости брови сдвинулись. Онъ подошелъ ближе къ мамѣ.

— Ты, пожалуйста, со мной такъ не разговаривай, — сказалъ онъ съ достоинствомъ. — Это вздоръ, что на козлахъ нѣтъ мѣста. Я хочу ѣхать на тройкахъ, почему я не могу, если вы ѣдете?

Всѣ онѣмѣли или показали видъ, что онѣмѣли. Папа смотрѣлъ въ окно. Далай-Лобачевскій выставилъ всѣ свои зубы.

Наконецъ, мама сдѣлала знакъ Идѣ.

— Сію минуту вонъ этого мальчишку! Въ уголъ его поставить! У меня расправа коротка; ты меня знаешь, я пріѣду—я тебя въ чуланъ запру, я тебя высѣку,—слышишь?—высѣку!

Потомъ мамѣ самой стыдно стало, что она такъ сердится при чужихъ. Она обернулась къ гостямъ и сказала, улыбаясь чуть-чуть на-бокъ:

— Бѣда съ мальчиками! Съ ними необходима строгость. Этотъ великъ становится, скоро мы его отправляемъ въ Москву, въ частную гимназію. Въ пансіонѣ ихъ отлично воспитываютъ. Ну-съ, ѣдемъ, ѣдемъ, господа!

И она сошла съ лѣстницы, за нею двинулись всѣ. Когда смѣющійся Далай-Лобачевскій проходилъ мимо Кости, то покачалъ головой и сказалъ въ полголоса:

— Ай-ай-ай-ай! Надо слушаться мамаши, а не грубить.

Костя не промолвилъ ни слова. Онъ прямо отправился въ дѣтскую. Ида, замирая отъ страха,

поплелась за нимъ. Но Костя и не взглянулъ на нее, сѣлъ носомъ въ уголъ и сидѣлъ такъ, сморщивъ лобъ.

Онъ думалъ.

III.

Хуже всего было то, что Костя понялъ теперь, что ему и самому слѣдовало дѣйствовать иначе. Онъ ясно видѣлъ, что стоило только «сыграть мальчика» — и дѣло было-бы въ шляпѣ. Не догадался вó время. Онъ давно замѣтилъ, что при большихъ очень хорошо бываетъ «играть мальчика». Они это любятъ, смѣются и дѣлаются добрыми и все готовы позволить.

Костя называлъ «играть мальчика» — говорить не то, что онъ самъ думалъ, а что большіе думали, будто онъ думаетъ: нарочно говорить. Онъ помнилъ, какъ мама дала ему хорошую грушу и поцѣловала его, а всѣ смѣялись и радовались, когда онъ разъ при гостяхъ сказалъ:

— Мама, отчего это у Володиной мамы такъ скучно всегда, а у насъ такъ весело, и всѣ говорятъ, что весело? Отчего тебя любятъ больше, чѣмъ Володину маму? Скажи, а?

Костя часто говорилъ нарочно. И сегодня можно-бы выдумать что-нибудь, мамѣ-бы понравилось, и она позволила-бы ѣхать. А теперь что вышло? «Слушаться мамаши!» — вспомнилъ Костя противнаго Далай-Лобачевскаго.

«Нѣтъ, ну зачѣмъ я ея буду слушаться? Кто сказалъ, что она умнѣе меня? Ко-кет-ни-чаетъ со своими офицерами...»

Костя твердо выговорилъ это слово, онъ зналъ его хорошо; читалъ и въ романахъ, слышалъ и въ гостиной.

«Нѣтъ, что они мнѣ, папа и мама?—разсуждалъ онъ дальше, все воодушевляясь и уже не думая, а шепча про себя.—Что они мнѣ такого хорошаго сдѣлали? Подарили-ли что-нибудь? На рожденье мама разъ подарила, да и то дрянь. А папа ничего. И я имъ ни на что не нуженъ. У нихъ свои дѣла. Еслибъ ихъ совсѣмъ никогда и не было, я отлично-бы жилъ...»

Но тутъ ему пришла въ голову неожиданная мысль, что еслибъ ихъ не было, то и онъ-бы не родился. Костя немного растерялся. Ему стало неловко, что о такомъ важномъ онъ никогда не думалъ и ничего не знаетъ. Онъ рѣшительно не знаетъ, гдѣ люди, которые еще не родились.

Костя обернулся и взглянулъ изподлобья на Иду, которая кончила убирать игрушки и присѣла къ окну съ какимъ-то вязаньемъ.

Онъ долго смотрѣлъ, наконецъ, пробурчалъ:

— Ида.

Ида обомлѣла. Она была увѣрена, что теперь ужъ Костя не оставитъ ее въ покоѣ; и что впереди—неизвѣстно: можетъ, щипки, а, можетъ, и хуже.

Однако, она отвѣтила тонкимъ отъ волненія голосомъ:

— Was wollen Sie doch, Herr Kosstia?

— Послушайте, гдѣ тѣ люди, которые еще не родились, не знаете-ли вы?—сказалъ Костя сурово.

Онъ старался также придать нѣкоторую небрежность своему голосу, чтобъ Ида не вообразила, что онъ такихъ пустяковъ не знаетъ. Такъ себѣ онъ спрашиваетъ, просто.

Ида съ минуту глядѣла на него въ величайшемъ удивленіи. Она подозрѣвала, не начало ли это Костиныхъ издѣвокъ.

— Ну, что-же? Вы не знаете?

— Вы меня спрашиваете, Kosstia, о душахъ человѣкъ, имѣющихъ родиться?

— Ну, да, — произнесъ Костя нетерпѣливо. — Знаете вы, или нѣтъ?

Ида заторопилась, покраснѣла отъ испуга, однако, сказала:

— Такія души человѣческія находятся на небѣ, въ видѣ ангеловъ.

Костя помолчалъ.

— Это навѣрное? — спросилъ онъ, наконецъ, строго и серьезно.

— Да, навѣрное. Въ священномъ писаніи такъ говорится.

Ида не помнила рѣшительно, говорилось-ли объ этомъ предметѣ въ священномъ писаніи, но видѣла, что Костя требуетъ опредѣленныхъ отвѣтовъ, и сочла за лучшее хоть выдумать, да его не сердить.

Костя удовлетворился и опять сталъ смотрѣть въ свой уголъ и обсуждать дѣла.

«Что-жъ? И прекрасно! И былъ-бы я на небѣ въ видѣ ангела. Чего-жъ мнѣ еще нужно? Мнѣ-бы, можетъ, гораздо лучше теперь было. Навѣрное, даже лучше. Такъ зачѣмъ я обязанъ папы и мамы слушаться, а они могутъ меня оскорблять?»

Маленькое сердце Кости такъ и застучало, когда онъ вспомнилъ объ оскорбленіи. Никто ему никогда не говорилъ такихъ словъ: «Высѣку!» Этого даже и Володѣ Житкову не говорили. Впрочемъ, Володя умнѣе: онъ постоянно «мальчика играетъ». Его и любятъ всѣ.

«А я-то дуракъ!—думалъ Костя.—И зачѣмъ я сталъ передъ ними серьезно? Развѣ съ ними, съ большими, можно серьезно? Развѣ они насъ могутъ понять? Они только между собою кое-какъ...»

Костя плохо спалъ эту ночь. Его преслѣдовала мысль, чѣмъ-бы «удружить» мамѣ? Онъ придумывалъ много, но все не годилось. Разбить вазы и весь фарфоръ въ будуарѣ? Опять будетъ исторія, на него станутъ кричать, а папа дастъ денегъ и выпишутъ новый фарфоръ изъ Москвы. Платье залить чернилами? То-же самое. Осрамить ее? Сказать офицерамъ, что у нея коса привязная? Да вѣдь у нея не привязная. Она распуститъ волосы и стыдно будетъ не ей, а Костѣ.

Положительно ничего нельзя выдумать. Костя впалъ было въ отчаяніе, но не надолго. Онъ зналъ, что унываютъ лишь слабые. И онъ поклялся себѣ, даже ножомъ на рукѣ знакъ сдѣлалъ, хотя больно было, что онъ отомститъ, — нельзя этому такъ остаться.

А мама, между тѣмъ, совершенно забыла о сценѣ передъ пикникомъ. Въ Костѣ она не замѣтила никакой перемѣны, да и самъ Костя старался быть какъ прежде, чтобы никто изъ большихъ не догадался о его намѣреніи.

IV.

Кузины уѣхали. Наступилъ великій постъ. Балы и пикники поутихли. Офицеры являлись, но по одному, по два, не больше. Мама ходила въ темныхъ платьяхъ, часто говорила, что у нея болитъ голова, и приказывала Полѣ зажигать въ маленькой гостиной только одну лампу съ краснымъ абажуромъ.

Костѣ было нечего дѣлать. Его старая учительница ариѳметики заболѣла и не ходила уже цѣлыя двѣ недѣли. Костя слонялся изъ угла въ уголъ, потому что перечиталъ всѣ мамины романы, которые были, перечиталъ и тѣ, что лежали на этажеркѣ, и тѣ, что валялись на рояли.

Въ папинъ кабинетъ онъ не имѣлъ привычки заглядывать, не ходилъ туда даже и теперь, когда папа уѣхалъ «на сессію» въ другой городъ и не вернется раньше Страстной недѣли.

Особенно скучно бывало по вечерамъ.

Ида клюетъ носомъ у стола за своимъ вязаньемъ. Свѣчка, вставленная въ высокую жестяную банку отъ леденцовъ (для дѣтской хорошъ и такой подсвѣчникъ) горитъ узкимъ пламенемъ, которое временами мучительно трясется, и копоть идетъ къ потолку; въ углу ненужныя игрушки и дѣтскія книги, на которыя Костя уже два года тому назадъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ. Дѣлать нечего, совсѣмъ нечего... И еще двѣ мысли мучаютъ: московскій пансіонъ послѣ Пасхи (это было рѣшено) и... вѣчная злая забота: какъ отомстить?

Пансіонъ Костѣ представлялся тюрьмой. Ну, да онъ себя покажетъ. Пусть выключаютъ. И, все-таки... положимъ, тюрьма, а здѣсь-то? Вѣдь какая скука!

Вдругъ Костя вспомнилъ, что въ маленькой гостиной, высоко на этажеркѣ, онъ замѣтилъ днемъ какую то новую книжку. Кажется, мамѣ принесли вчера. И если мама не читаетъ,—а она вѣрно не читаетъ, у нея гости, — такъ эту книжку можно взять.

Костя немедленно слѣзъ со стола, на который взобрался, чтобы показать презрѣніе Идѣ и мѣшать ей работать, и отправился въ путь.

Дѣтская была самая дальняя комната въ квартирѣ и выходила на дворъ, а парадныя комнаты—всѣ на улицу. Маленькая гостиная была недалеко отъ кабинета и, чтобы попасть въ нее, приходилось пройти черезъ весь рядъ парадныхъ комнатъ.

Костя храбро вступилъ въ столовую, хотя онъ боялся немного темноты, а въ столовой не было огня; миновалъ большую гостиную, залу; увидѣлъ на другомъ концѣ залы свѣтлое пятно—освѣщенную дверь маленькой гостиной—и мѣрными шагами, не спѣша (этимъ онъ доказывалъ себѣ, что не боится), направился туда.

У мамы были какіе-то офицеры, Костя это зналъ; но теперь они, эти офицеры, когда нѣтъ большихъ вечеровъ, ужиновъ, стали претихіе: не кричатъ, на рояли не играютъ. Кажется, Костя слышалъ голосъ Далай Лобачевскаго. Самый противный, самый ненавистный изъ всѣхъ офицеровъ. Костѣ иногда хотѣлось броситься на него, когда

онъ сидитъ, вцѣпиться въ его щеки, чтобы видѣть его зубы близко, одни зубы, и кричать, кричать пронзительно, безъ конца кричать, изо всѣхъ силъ...

Что случилось-бы дальше, Костя не зналъ, но дальше ужь все равно, что...

Въ маленькой гостиной горѣла большая лампа съ темно-краснымъ абажуромъ и было такъ тихо, что Костѣ показалось, будто тамъ никого нѣтъ.

Но скоро онъ различилъ направо, на покатой кушеткѣ маму, которая полулежала; на колѣняхъ, на коврѣ, стоялъ Далай-Лобачевскій (Костя сразу узналъ его спину) и обнималъ маму за талію. Мама обѣими руками держала голову Далай-Лобачевскаго и крѣпко и рѣдко цѣловала его, медленно отрывая губы и отстраняясь немного каждый разъ, точно желая взглянуть ему въ глаза.

Костя остановился въ дверяхъ и смотрѣлъ весьма равнодушно и спокойно, безъ всякихъ неожиданныхъ мыслей. Его-бы могло удивить, еслибы мама прыгала съ Далай Лобачевскимъ черезъ веревочку или еслибъ Далай-Лобачевскій нарядился въ женское платье. Но какъ люди цѣлуются, и маленькіе съ большими, и большіе между собою, онъ видѣлъ много разъ и ничего въ этомъ зрѣлищѣ не находилъ ни интереснаго, ни замѣчательнаго.

Онъ мирно отправился къ стулу съ высокою спинкой, чтобю принести его къ этажеркѣ. Книга лежала на самомъ верху и онъ могъ достать ее только со стула.

Далай-Лобачевскій вскочилъ такъ быстро, что сдвинулъ коверъ и лампа на столѣ дрогнула. Мама

не шевельнулась и смотрѣла на Костю широкими отъ ужаса глазами. Черезъ нѣсколько секундъ и она быстро встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ по ковру.

— Ты здѣсь?—сказала она тихимъ, точно чужимъ голосомъ.—Да какже ты смѣешь, какъ ты...

Но, видя, что лицо Кости изъ равнодушнаго дѣлалось все болѣе и болѣе удивленнымъ, она остановилась и вдругъ прибавила, вся измѣнившись, улыбаясь и сдѣлавшись хорошенькою и ласковою:

— Ты къ намъ посидѣть пришелъ, мальчикъ? Соскучился по мамѣ? Ну, садись, садись...

— Да нѣтъ,—сказалъ Костя,—я за книгой пришолъ. Я видѣлъ тутъ на этажеркѣ...

Но онъ не взбирался на стулъ, хотя уже приставилъ его къ этажеркѣ, а глядѣлъ на маму и не могъ самъ понять своихъ мыслей. Какъ будто и нѣтъ ничего, а какъ будто и странно. Что это она какая вдругъ?

Костѣ приходилось все больше и больше удивляться. Мама не пустила его въ дѣтскую, нѣсколько разъ поцѣловала, усадила рядомъ съ собой на кушетку. Далай-Лобачевскій тоже былъ очень внимателенъ къ Костѣ.

Потомъ они всѣ вмѣстѣ пили чай, ѣли обсахаренные каштаны и много смѣялись. Костя тоже смѣялся и ѣлъ каштаны, но внутри ему было нехорошо, точно онъ чего-то не понималъ и зналъ, что не понимаетъ.

Мама говорила о Костѣ при немъ-же Далай-Лобачевскому. Между прочимъ, она сказала:

— Онъ у меня удивительно смышленый мальчикъ. И, знаете, скрытный ребенокъ. Ни съ кѣмъ не друженъ, никогда не болтаетъ. За это я хвалю.

V.

Костя ушелъ спать самъ не свой. Въ постели онъ даже принялся плакать. Онъ не чувствовалъ ни малѣйшей благодарности къ мамѣ за ея ласковость; онъ боялся этой ласковости Онъ смутно надѣялся, что это—такъ, что завтра опять мама будетъ прежняя. До обѣда онъ даже избѣгалъ встрѣтиться съ ней. Но за обѣдомъ она опять поцѣловала его. говорила по-дѣтски, нарочно, примѣняясь къ Костинымъ, будто-бы, понятіямъ:

— Мальчикъ хочетъ еще супу? Нѣтъ? Не хорошо, слѣдуетъ кушать супъ. Будешь толстый и съ розовыми щеками. Ида, вы ходили сегодня гулять? Надо каждый день...

У Кости сердце ныло отъ ненависти и непонятной злобы. Послѣ обѣда онъ ушелъ въ дѣтскую, легъ на кровать и сказалъ Идѣ, что у него голова болитъ и онъ хочетъ заснуть.

Но вечеромъ мама пришла и въ дѣтскую. Она принесла большой апельсинъ, а уходя потрепала Костю по щекѣ и шепнула тихонько:

— Ты, я вижу, совсѣмъ славный мальчикъ, не болтунъ и не сплетникъ. Смотри-же, никогда не болтай.

Костя сѣлъ на постели и все шире и шире открывалъ глаза. На подушкѣ лежалъ апельсинъ. Апельсинъ и послѣднія мамины слова что-то разъ-

яснили ему. Онъ чувствовалъ, что начинаетъ понимать, что онъ уже на дорогѣ, онъ уже близко, сейчасъ, сейчасъ... Въ головѣ у него безпорядочно завертѣлись слова и сцены изъ прочитанныхъ романовъ, слова, на которыя онъ прежде обращалъ наименьшее вниманіе. Мужъ... жена... измѣнила... въ объятіяхъ... О, наконецъ-то онъ понялъ!.. Костя все, все понялъ!

И какъ онъ раньше не догадывался? Онъ подпрыгнулъ на постели и щелкнулъ языкомъ. Все такъ просто: мама цѣловала Далай-Лобачевскаго, а папа ей это запрещаетъ, потому что жена, которая цѣлуется не съ мужемъ, а съ другимъ, измѣняетъ мужу. И папа долженъ очень разсердиться, если узнаетъ про это. Костя видѣлъ, какъ они цѣловались, и мама боится, что онъ скажетъ папѣ, а папа такъ разсердится, что, пожалуй, перестанетъ давать деньги. И у мамы не будетъ ни новыхъ платьевъ, ни колецъ, и она уже не дастъ ни одного вечера и не будетъ танцовать съ офицерами. Поэтому она и старается Костью «умаслить», и все-то лжетъ, все лжетъ... У Кости даже духъ захватило отъ радости, что онъ такъ вѣрно все понялъ. И мама его боится! Его, Костю, боится! Пусть-ка теперь посмѣетъ сказать: «Высѣку!»... Она сказала: «Высѣку!»... При всѣхъ сказала. И всѣ смѣялись. А теперь какъ вьется. Апельсинъ принесла.

Костя съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на апельсинъ. Ему казалось, что это апельсинъ, такой толстый и желтый, помогъ ему догадаться.

«Нѣтъ, пусть посмѣетъ она теперь... Знаетъ,

что я сейчасъ-же къ папѣ, и все разскажу. Только что-же? Къ папѣ очень страшно. Папа и слушать не станетъ. А то и не повѣритъ просто. Да и какъ это пойти къ папѣ и сказать: а я вотъ что знаю... Нехорошо... Нельзя... Даже невозможно».

Брови Кости сдвинулись и лицо опять приняло озабоченное выраженіе.

Онъ сталь думать.

VI.

Наступила и прошла Страстная недѣля—въ четвергъ пріѣхалъ папа изъ сосѣдняго города, и пріѣхалъ довольный. Какое-то дѣло тамъ рѣшили совсѣмъ какъ онъ предполагалъ. Къ празднику папа получилъ много лишнихъ денегъ, и это тоже давало ему пріятное расположеніе духа.

На второй день рѣшили устроить обѣдъ, созвать весь городъ и даже выписать вина изъ Москвы. По этому случаю въ воскресенье визитеровъ не принимали, а всѣхъ, кто пріѣзжалъ, записывали внизу и просили на слѣдующій день на обѣдъ.

Столъ поставили въ большой залѣ и накрыли не бѣлою скатертью, а бѣловато-золотистою. Эта скатерть лежала всегда въ сундукѣ съ зеленымъ перламутромъ на крышкѣ. Когда сундукъ отпирали, то старинный ключъ пѣлъ съ переливами, какъ далекій колоколъ. Скатерть тоже была старинная. По веснамъ ее провѣтривали и разстилали на полу въ буфетной, на нѣсколькихъ простыняхъ, и буфетная оказывалась мала для всей скатерти.

Костя любилъ разсматривать блѣдные, туманно-золотые города и башни, вытканные на полотнѣ:

ему говорили, что, можетъ быть, это Кіевъ, а можетъ быть и другой какой-нибудь городъ.

Теперь скатерть вынули, постлали на столъ и расправили концы, которые падали до полу крупными складками.

Не было ни одной бутылки на столѣ: вино слили въ рѣзные кувшины, и посуда была не фарфоровая, а металлическая и блестѣла, какъ изъ настоящаго серебра. Мама говорила, что она хочетъ сдѣлать обѣдъ «въ русскомъ вкусѣ», и даже цвѣты, которые прислалъ знакомый полковникъ, она велѣла отнести въ гостиную, а не ставить на столъ, потому что это могло помѣшать стилю.

Костя ходилъ угрюмый среди всей этой суеты въ новомъ костюмчикѣ изъ синяго шевіота.

Сначала, когда утромъ ему принесли новеньую курточку и штаны, онъ обрадовался, но потомъ опять нахмурился, соображая, что отъ этого ровно ничего не измѣнится. Пусть костюмъ новый, а все-таки, черезъ двѣ недѣли его повезутъ въ Москву—это первое, а затѣмъ еще не надо забывать, что онъ, Костя, до сихъ поръ ничего не придумалъ и ни на чемъ не рѣшилъ. Стало быть, и радоваться не слѣдуетъ.

Къ маминой ласковости Костя привыкъ, принималъ все какъ должное и даже требовалъ къ себѣ вниманія и угожденія, потому что считалъ себя имѣющимъ право на угожденіе.

Чуть ему казалось, что она забыла и не заботится о доставленіи Костѣ какого нибудь удовольствія, онъ негодовалъ, начиналъ капризничать, бранился или говорилъ все одно и то-же:

— А, ты вотъ какъ!.. Вотъ какъ!.. Погоди-же!.. Ты такъ со мной?.. Хорошо!

А что «хорошо»—Костя не зналъ, потому-что онъ до сихъ поръ не придумалъ, какъ устроить дѣло съ папой. Знакъ на рукѣ у Кости напоминалъ ему о клятвѣ, и онъ думалъ о клятвѣ, хотя, правду говоря, прежній пылъ его поулегся. Иногда ему казалось, что это—урокъ, который нужно исполнить. А онъ не знаетъ, какъ и приняться за него.

Наконецъ, стали съѣзжаться гости.

Дамы шумѣли шелкомъ, мужчины были во фракахъ, а военные въ полной парадной формѣ.

У папы изъ-подъ борта фрака выставлялся кончикъ иностранной звѣзды. Бритое лицо его было полно достоинства и привѣтливости.

О мамѣ и говорить нечего. Глаза у нея сіяли. И даже Костя нашелъ, что она хорошенькая въ своемъ нѣжномъ платьѣ абрикосоваго цвѣта.

Въ залу, гдѣ обѣдали, отправились попарно. Всѣ говорили сразу и было шумно.

Папа объяснялъ какому-то генералу:

— Знаете, жена хотѣла непремѣнно достать для этого обѣда пѣсенниковъ и гусляровъ, чтобы стиль былъ выдержанъ, но въ нашемъ городѣ развѣ отыщешь что нибудь? Пришлось оркестръ нанять.

Пока закусывали, еще не садясь за столъ, Костя вертѣлся около мамы.

Ему казалось, что она слишкомъ мало обращаетъ на него вниманія. Вдругъ его стѣснили сзади, онъ ступилъ впередъ, и шлейфъ абрикосоваго платья затрещалъ.

Мама обернулась, вспыхнувъ отъ досады.

— Это ты, противный мальчишка? Уходи отсюда, ступай къ столу! Ты мнѣ всю оборку оторвалъ!

И она, отстранивъ его, вышла на минуту къ себѣ, заколоть платье.

Костя поблѣднѣлъ.

«Ага! — подумалъ онъ. — Я противный мальчишка! Опять начинается! Ну, ладно-же! Погоди-же ты!»

Опять онъ самъ не зналъ, чѣмъ онъ грозитъ, но вся его прежняя злоба поднялась въ немъ вмѣстѣ съ негодованіемъ на мамину несправедливость. Развѣ это справедливо съ ея стороны? Вѣдь она Кости бояться должна, а она вонъ какъ!

Когда сѣли за столъ, Костю ждала новая непріятность: рядомъ съ нимъ оказался Далай-Лобачевскій. Опять мамино невниманіе! Вѣдь она-же знаетъ, что онъ терпѣть не можетъ этого зубатаго господина.

Далай-Лобачевскій, впрочемъ, усердно занималъ свою сосѣдку съ лѣвой стороны, полную пожилую даму въ сиреневомъ платьѣ. Онъ даже не обернулся къ Костѣ. Костю, уже сердитаго, и это почему то укололо.

Музыка играла, гости смѣялись и пили, мама порхала вокругъ стола, почти не присаживаясь на мѣсто. Говорили рѣчи. Обѣдъ близился къ концу. Подали дессертъ. Рѣшительно мама не заботилась о Костѣ! Ему все подаютъ послѣднему. Костя не могъ этого терпѣть дольше.

Мама теперь сидѣла на своемъ мѣстѣ, въ на-

чалѣ стола, недалеко отъ Далай-Лобачевскаго. Папа сидѣлъ на другой сторонѣ, напротивъ.

Всѣ занялись дессертомъ и не такъ шумѣли.

Голосъ Кости былъ слышенъ ясно.

— Мама, — сказалъ онъ громко, — мама, мнѣ дессерта не даютъ!

— Ты дурно себя ведешь,—нетерпѣливо отвѣтила мама черезъ столъ.—Если не хочешь сидѣть смирно, то можешь отправляться въ дѣтокую.

Костя такъ и рванулся впередъ и хотѣлъ еще что-то сказать, но въ эту минуту Далай-Лобачевскій, обнаживъ зубы и наклоняя ихъ въ Костину сторону, проговорилъ тихо:

— Ай-ай-ай, какъ нехорошо! Перестаньте конфузить мамашу передъ гостями. Вѣдь ей стыдно, что у васъ такія дурныя манеры.

Костя дѣйствительно умолкъ, но не потому, что его убѣдили слова Далай-Лобачевскаго. Костѣ пришла блестящая, удивительная, геніальная мысль. Она пришла вдругъ, и исполнить ее надо было вдругъ.

Обѣдъ кончался. Послѣ взрывовъ хохота, всѣ на секунду замолкли, какъ это всегда бываетъ. И среди молчанія раздался ясный и высокій голосокъ Кости:

— Мама, скажи, отчего ты папу никогда такъ крѣпко не цѣлуешь, какъ Далай-Лобачевскаго?

Каждый хотѣлъ заговорить въ эту минуту, и никто не нашелъ словъ. И слѣдующее мгновеніе было еще тише. Мама сдѣлалась блѣдной до прозрачности. А Костя продолжалъ, «играя мальчика»:

— Ты не помнишь? Въ маленькой гостиной, вечеромъ, когда папа уѣзжалъ въ Хотинскъ? Я за книжкой пришелъ, а ты разсердилась...

Но гости уже опомнились. Поднялся такой шумъ и говоръ, что, казалось, никогда еще не было такъ весело. Мама дала знакъ вставать, загремѣли стулья, музыка опять заиграла и пары потянулись въ большую гостиную.

Далай-Лобачевскій подалъ руку толстой дамѣ и улыбался, но Костя замѣтилъ, что его зубы точно перестали блестѣть и сдѣлались синеватыми и тусклыми.

Еще Костя замѣтилъ, что папа не остался пить кофе и ликеръ въ гостиной, а прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, и даже не въ кабинетъ, а въ угловую, гдѣ онъ иногда спалъ.

Самъ Костя отправился въ дѣтскую, смущенный, но довольный. Ему какъ будто стало легче. Кончено! Онъ отомстилъ! И какъ ловко, какъ хорошо все вышло! И папа слышалъ, и гости. Теперь довольно ей балы задавать. Больше не дастъ ей папа денегъ. Но что-то смущало Костю. Онъ самъ не зналъ отчего—но ему было немного неловко.

Еще часа два или три продолжался смѣхъ и шумъ въ парадныхъ комнатахъ, а потомъ стало тихо, такъ тихо, точно весь домъ умеръ, и даже лакеи, убирая со стола, ходили на цыпочкахъ и не гремѣли посудой.

VII.

Къ удивленію Кости, эта тишина продолжалась и на другой день.

Ида принесла чай и булки въ дѣтскую и сказала, что мама нездорова, кушаетъ у себя, а папа уѣхалъ по дѣламъ.

Костя выслушалъ Иду молча, молча кончилъ чай и занялся склеиваніемъ поломанной игрушечной мебели.

Завтракъ ему тоже принесли въ дѣтскую, а потомъ пришла Поля и долго шепталась съ Идой, причемъ Ида покачивала головой и была очень серьезна.

Прошелъ день, другой и третій. Ничто не мѣнялось. Въ домѣ была глубокая, гробовая тишина никого не принимали, да, кажется, никто и не пріѣзжалъ. Папа или сидѣлъ запершись у себя въ кабинетѣ, или куда-то уѣзжалъ, а мама не выходила изъ спальной. Костя скучалъ и недоумѣвалъ, и неловкость его все увеличивалась.

Хотя въ домѣ была полная тишина, однако, всѣ чувствовали, что это дурная тишина, и ходили на цыпочкахъ, и говорили шопотомъ. На четвертый день утромъ Поля пришла въ дѣтскую съ заплаканными глазами, опять отвела Иду въ сторону и стала ей что-то говорить.

Ида всплеснула руками и такъ громко ударила одною ладонью по другой, что Костя обернулся. Обыкновенно онъ не интересовался и даже низкимъ считалъ интересоваться тайными разговорами

Иды и Поли, но теперь, видя на лицѣ Иды особенно сильное выраженіе ужаса, онъ всталъ и подошелъ ближе.

Поля утерла глаза концомъ передника, повторивъ: «Такъ черезъ полчаса»,—и вышла.

Ида съ несвойственною ей укоризной посмотрѣла на Костю.

— По слѣдствію вашего неблагонравія, Herr Kosstia, папаша вашу мамашу изъ дома выгонилъ,—сказала она торжественно.

Костя раскрылъ глаза.

— Это какъ такъ? Зачѣмъ?

— А затѣмъ, что вы папашу передъ большимъ обществомъ въ такой свѣтъ поставили и такой ему неожиданный сердечный ударъ причинили, что онъ теперь въ полной невозможности съ мамашей жить остаться.

— Такъ, значитъ, онъ уѣдетъ? Онъ такъ сердится?

— Я предполагаю, онъ не сердится. Онъ только не можетъ продолжать... И не онъ уѣдетъ, потому что онъ не виноватъ, а совершенно правъ, а мамашѣ онъ уѣзжать велѣлъ.

— Куда уѣзжать? На сколько времени? А денегъ онъ ей дастъ?

— Я думаю, мамаша уѣдетъ къ своей мамашѣ, въ большой городъ, а такъ какъ она не вернется, а состоянія она своего не имѣетъ, и, къ тому-же, это очень большой позоръ, то я и говорила вамъ, что по вашему злонравію папаша изъ дому мамашу выгонилъ.

И, объяснивъ дѣло, Ида сложила губы сердечкомъ съ достоинствомъ.

Костя немного пришелъ въ себя отъ изумленія и сталъ размышлять.

— А когда мама уѣзжаетъ? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Сегодня. Черезъ полчаса васъ проститься привести велѣла.

Костя опять задумался и думалъ долго. Потомъ произнесъ, не обращаясь къ Идѣ:

— А мнѣ все равно. Вѣдь, меня все равно въ пансіонъ свезутъ въ тотъ четвергъ. Такъ что мнѣ?

Ида взяла его за руку и повела къ мамѣ. Она отворила ему дверь будуара, а сама не вошла изъ скромности.

Въ будуарѣ стояли два сундука и сакъ. На низкомъ креслѣ, у окна, сидѣла мама, такъ тихо и такая худенькая, что Костя ее сначала и не замѣтилъ. Но она повернулась и подозвала его поближе.

Она была въ черномъ платьѣ; дорожная сумка уже висѣла черезъ плечо.

Костѣ показалось, что когда прежде мама носила черное платье, она выглядывала изъ него такая веселенькая и розовая, а теперь ея лицо было некрасивое, глаза мигали часто, и вся она постарѣла и затуманилась.

«Все равно меня въ пансіонъ, — подумалъ настойчиво Костя.—Такъ чего-же?»

— Костя, я уѣзжаю, — сказала мама, безъ сердца и безъ ласковости.—Можетъ быть, мы долго не увидимся. Ты поѣдешь въ Москву. Учись хорошенько. Не огорчай папу. Теперь прощай.

Она поцѣловала его и сдѣлала знакъ, что онъ можетъ уйти.

Костя повернулся машинально, какъ вдругъ мама неожиданно схватила его за руку и близко наклонилась къ нему своимъ лицомъ, и смотрѣла ему въ глаза.

— Костя, — шептала она,—что-жь это? Такъ нельзя. Скажи мнѣ что-нибудь, одно слово скажи... Вотъ—я одна, и ты даже не скажешь...

Она сама не знала, чего она хотѣла, и твердила ему, путаясь и спѣша, не тѣ слова, не то, что думала. Ей хотѣлось сказать, чтобы онъ не оставлялъ ее, хотѣлось сказать: «поѣдемъ со мной», и такъ странно ей было, не говорились слова. Костя нахмурился, дышалъ тяжело, изо-всѣхъ силъ старался вспомнить, что, вѣдь, все равно, его въ пансіонъ... и не могъ вспомнить. Къ нему что-то подходило—ближе, ближе, и онъ уже ничего не могъ сдѣлать, онъ закричалъ и заплакалъ, и весь съежился и присѣлъ къ маминой юбкѣ. Мама точно испугалась, хотѣла приподнять Костино лицо. Но мама была не прежняя, большая мама, а такая-же маленькая и безпомощная, какъ самъ Костя, ему равная и милая, и такая-же бѣдная, потому что ее тоже куда-то отправляли, все равно, какъ въ пансіонъ, а онъ, Костя, ее обидѣлъ, лгалъ ей, не жалѣлъ ее, и какъ обидѣлъ, и *какъ* ее обидѣлъ!

Костя плакалъ «до дна», ему казалось, что вся его душа тутъ кончается, что дальше—некуда горевать и жалѣть. Онъ плакалъ съ отчаяніемъ и страстью, хватаясь за мамино платье и руки, за-

хлебываясь слезами и умоляя ее о чемъ-то. Онъ не зналъ, о чемъ.

А въ концѣ горя была незнакомая радость. Костя чувствовалъ ее какъ разъ въ тѣ минуты, когда ему казалось, что горю некуда идти дальше,—такое оно сильное. Чѣмъ больше успокаивался Костя, чѣмъ крѣпче онъ держалъ мамину руку, тѣмъ сильнѣе была и радость. Мама молча гладила его по волосамъ, неумѣло поправляла воротникъ и, посадивъ большого мальчика на колѣни, прижала его къ себѣ.

Костя глядѣлъ въ мамино радостное, необычное лицо и улыбался, мигая длинными, мокрыми рѣсницами.

Легенда.

I.

Есть уютный и милый городокъ недалеко отъ Кіева, въ Малороссіи. Все равно, какъ онъ называется, но извѣстно, что тамъ живутъ и хорошіе, и дурные люди, и счастливые и несчастные— совершенно, какъ во всякомъ другомъ городѣ. Несчастныхъ, вѣроятно, меньше, потому что идя по тихой улицѣ, встрѣчаешь довольныя или равнодушныя лица. Люди живутъ мирно, другъ другу не мѣшаютъ, спятъ, кушаютъ вволю—у кого есть что кушать—молятся Богу и ужъ, конечно, не ропщутъ на судьбу. Развѣ Степанъ Марковичъ послѣ двадцатаго числа вернется навеселѣ, — ну такъ Анна Тимофѣевна всплеснетъ руками и скажетъ нѣсколько разъ подрядъ: «и какая моя жизнь! и какая моя жизнь!» Тѣмъ дѣло и кончится. Бѣдные, нищіе? Въ городкѣ было какъ-то мало нищихъ—только закоренѣлые пьяницы. Когда у человѣка на душѣ спокойно, онъ и неимущему скорѣе отъ достатка своего удѣлитъ: «на, молъ, возьми, мнѣ тебя жалко!» Одинъ копѣечку, другой ко-

пѣчку, глядишь—и хлѣба кусокъ, а не то и получше что-нибудь. Да и зачѣмъ нищимъ быть, когда въ городѣ столько монастырей? Вѣдь только подумать надо — цѣлыхъ двѣнадцать. Семь мужскихъ, да пять женскихъ. Обѣднѣлъ ты, положимъ, нечѣмъ кормиться, а жизнь ведешь хорошую; иди въ монастырь, прими послушаніе —о Христѣ всѣ братья. Хлѣба да елея не жалко, монастыри богатые,—а чѣмъ больше братій въ монастырѣ будетъ, тѣмъ больше душъ спасется. Жизнь привольная, спокойная, безъ хлопотъ—только утромъ какъ-бы раннюю обѣдню не проспать.

Кто не знаетъ мирныхъ, длинныхъ улицъ съ низенькими домиками по сторонамъ, съ шаткими, досчатыми тротуарами, по которымъ спѣшитъ утромъ Иванъ Ивановичъ въ присутствіе, согнувшись, съ портфелемъ подъ мышкой? Въ синей запаскѣ, съ голыми икрами, съ колеблющимся коромысломъ на плечахъ, проходитъ черноглазая Устинья за водой. Какъ ни рано, она уже успѣла надѣть на голову громадную шаль, свертѣвъ ее, какъ тюрбанъ. Устинья ищетъ, съ кѣмъ-бы поругаться — и въ концѣ-концовъ нападаетъ на бѣдныхъ, мирныхъ свиней, которыя ходятъ цѣлыми стадами, тихо бормочатъ что-то про себя, и роются мордами въ канавахъ, около сѣрыхъ деревянныхъ тумбъ.

— О, да чтобъ вы сказились! кричитъ Устинья, махая хворостиной.—На человѣка лѣзутъ, прохода нѣтъ!

Отворяются окошки домиковъ, высовываются довольныя лица обитателей, часто хозяева свиней

вступаютъ въ споръ съ Устиньей, поругаются вдоволь, и разойдутся, спокойные, къ своимъ неспѣшнымъ дѣламъ.

Черезъ заборы видны низкорослыя, крѣпкія фруктовыя деревья, покрытыя вишнями, незрѣлыми дулями и яблоками, а тамъ дальше, вглубь, начинаются настоящіе сады съ тѣнистыми дорожками, съ протекающей рѣчкой, или сажалкой за густымъ малинникомъ. — Какая благодать! Какая тишина и отдохновенье!

На улицѣ безмолвіе. Рѣдко проѣдутъ, и нетронутая лежитъ густымъ слоемъ пушистая, сѣрая, словно бархатная, пыль. На главной улицѣ—больше народу. Только одна эта улица имѣетъ свое имя: она называется Мостовой. Ее когда-то вымостили, т. е. положили поперекъ длинныя доски и скрѣпили ихъ между собой. Это было очень давно — нѣкоторыя доски сгнили, а другія стали прыгать подъ колесами, будто клавиши, на которыхъ играютъ гамму.

На Мостовой помѣщался окружный судъ и всѣ лучшіе магазины. Это были пренесносные магазины! Въ субботу всѣ они закрывались, и тутъ ужъ ровно ничего нельзя было подѣлать, потому что владѣли ими евреи. Въ субботу торговалъ только магазинъ Каратаева, единственный русскій, но это такой дрянной магазинъ, что о немъ не стоило и говорить. Жена товарища предсѣдателя купила тамъ разъ шелку, и что-же? Пришла домой—и мотокъ оказался совсѣмъ не въ цвѣтъ!

Судейскія дамы постоянно ссорились и мирились—въ этомъ было ихъ главное занятіе. Иначе

онѣ бы умерли отъ скуки. Спорили изъ-за платьевъ, изъ-за прислуги, изъ-за дѣтей. Но и мирились онѣ такъ же часто, и ни одна изъ нихъ не могла съ точностью сказать въ данную минуту, кто ей врагъ и кто другъ.

Въ концѣ Мостовой улицы была площадь. Посерединѣ хотѣли разбить скверъ, и даже огородили это мѣсто деревянной рѣшеткой, но насадить деревьевъ еще не собрались, и за рѣшеткой росла только трава да высокій сизый бурьянъ.

II.

На самомъ краю площади стоялъ одноэтажный каменный домикъ съ зеленымъ подъѣздомъ. Лѣвая сторона домика очень странно и неправильно вытягивалась впередъ, такъ что внутри одна комната — зала — оказывалась косой, и одинъ уголъ былъ длинный и узкій. За то изъ углового окна виднѣлась вся противоположная сторона площади, еврейскіе магазины и гуляющіе на тротуарѣ. Маничка любила смотрѣть въ это окно.

Маничка была старшая дочь прокурора мѣстнаго окружного суда. Съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнила, они жили въ этомъ городѣ и на этой квартирѣ. Всѣ ея братья и сестры родились здѣсь. Впрочемъ Маничка знала, что когда-то, очень давно, когда папа былъ еще товарищемъ прокурора, а не прокуроромъ, и она только что родилась—они жили въ другомъ городѣ, въ какой то Усть-Медвѣдицѣ. Маничка рѣшительно ничего не помнила изъ своего пребыванія тамъ, но чувство-

вала, что у нея есть преимущество передъ братьями и сестрами и всегда съ уваженіемъ и нѣжностью думала объ этой таинственной Усть-Медвѣдицѣ.

Впрочемъ — никто не зналъ достовѣрно, что думала Маничка. Многіе даже полагали, что она ровно ни о чемъ не думала.

Знали одно, что у Манички чрезвычайно строптивый характеръ и она — горе всей семьи. Папа прокуроръ, высокій, съ сѣдыми бакенами и длинными вставными зубами, часто наказывалъ Маничку дабы исправить ея характеръ. Папа не скрывалъ что онъ наказываетъ Маничку. Онъ зналъ, что и предсѣдатель наказываетъ своего Володю, и что всѣ отцы вообще наказываютъ своихъ дѣтей, а главная забота папа—быть совершенно какъ всѣ. Мама другое дѣло. Полная, мягкая, добрая, вѣчно въ хлопотахъ и заботѣ о маленькихъ дѣтяхъ — она даже рѣдко выговаривала Маничкѣ. Мама часто думала съ горестью и страхомъ о томъ, что она, кажется, совершенно не любитъ Маничку. Она считала это великимъ грѣхомъ и разъ даже призналась священнику на исповѣди. Онъ, однако, ей простилъ, только посовѣтовалъ больше молиться Богу и говѣть аккуратно каждый годъ.

Чѣмъ старше становилась Маничка, тѣмъ яснѣе видѣли всѣ, что она истинное горе семьи. Лѣнива, какъ чортъ. Пробовали въ прогимназію отдать—куда тамъ! кромѣ единицъ и двоекъ ничего не получала и на второй годъ ее выключили. Наняли учительницу—учительнипа отказалась. Папа самъ вышелъ, спрашивалъ—отчего?

— У вашей дочери, говоритъ учительница, ни желанья нѣтъ и, главное, никакихъ способностей. Она до сихъ поръ писать почти не умѣетъ.

Бились съ Маничкой, бились—такъ и бросили ее на пятнадцатомъ году, оставили совсѣмъ. Чтожъ, если способностей нѣту. Пусть дѣлаетъ, что хочетъ.

А Маничка только этого и добивалась. Нянька говорила, что она съ самыхъ малыхъ лѣтъ все спрашивала, почему запрещено то или другое.

— Потому что ты еще маленькая, отвѣчала нянька. Погоди, выростешь—станешь дѣлать, что тебѣ хочется.

— Совсѣмъ все, няня? Все у меня будетъ, чего захочется? А теперь отчего нельзя?

— А ты еще мала, старшіе больше тебя знаютъ, оттого и запрещаютъ.

— А когда-же я все узнаю?

— Учись, такъ и узнаешь.

— Это по книжкамъ? Тамъ, няня, не про то. Тамъ все вздоръ.

И что ей ни скажутъ, она сейчасъ по своему разсудитъ и не повѣритъ. Ничему не вѣрила, что ей ни говорили.

— Грѣшно, дѣточка, за обѣдней зѣвать, говорила няня.—Богъ не велѣлъ.

— Ну вотъ, няня, а если мнѣ хочется? Почему Богъ не велѣлъ? А когда я буду большая, Богъ мнѣ все позволитъ?

Съ удивленіемъ и недовѣріемъ слушала она отвѣты няни и сейчасъ-же возражала:

— Это, няня, не такъ. Это вздоръ. По тво-

ему — я никогда, ни теперь, ни послѣ не могу дѣлать, какъ я сама думаю. Сначала ты, папа̀ и мама̀, а послѣ все равно Богъ. Значитъ я такъ и не буду знать сама, можно-ли что-нибудь сдѣлать или нѣтъ?

Маничка не училась, не переходила изъ класса въ классъ, не кончала гимназіи — и потому никто не замѣтилъ, какъ она выросла и стала большой дѣвушкой.

Годъ летѣлъ за годомъ неуловимо въ благословенномъ городкѣ. Папа получилъ св. Анну и справилъ юбилей, родились два маленькихъ братца, умерло нѣсколько членовъ суда, назначили новыхъ, стали расчищать скверъ на площади, а Маничка все еще ходила въ короткомъ платьицѣ съ оборочкой и ѣздила на дѣтскіе вечера, хотя ей исполнилось восемнадцать лѣтъ.

Вѣроятно, еслибъ она была красива — все вышло бы иначе. Но Маничка не выравнялась, какъ ожидали раньше. Круглое, полное лицо, довольно широкій носъ, бѣлые, неправильные зубы, тонкая коса свѣтложелтаго цвѣта, и маленькіе, глубоко сидящіе, черные глазки — все это придавало ей странный, немного тупой видъ. Къ тому-же она была невысока ростомъ, сутуловата, изъ подъ короткаго платья виднѣлись большія ноги.

Маничка, впрочемъ, совершенно не заботилась о своей наружности. Она стремилась только къ одному — какъ-бы ей чего-нибудь не запретили. Но запрещенія случались рѣдко.

На Маничку давно махнули рукой. Папа, впрочемъ, дѣлалъ видъ, что онъ самъ все позволяетъ, а если-бы хотѣлъ, то и запретилъ-бы. Но на дѣлѣ

было не такъ, Маничка достигала многаго упорствомъ. Папа́ убѣдился въ этомъ послѣ исторіи съ монастыремъ.

Въ Троицкомъ женскомъ монастырѣ, недалеко отъ города, у папа̀ была тетка игуменьей. Маничка захотѣла остаться тамъ гостить. Папа́ заупрямился. Маничка не кричала и не плакала, но въ концѣ вышло по ея желанію и она отправилась въ монастырь на два мѣсяца.

Вернулась оттуда — ничего не разсказала и только папа̀ нашелъ, что выраженье лица ея стало еще болѣе тупымъ.

Маничка любила гулять по утрамъ.

— Пусть дѣвочка гуляетъ, говорилъ папа̀,—это полезно для здоровья.

Въ домѣ прокурора жила дѣвушка Анфиса. Она прежде была въ монастырѣ и пріѣхала оттуда съ Маничкой. Тихая, покорная, какъ-то страстно богомольная— она вдругъ привязалась къ Маничкѣ. Маничка относилась къ ней равнодушно, никогда не разговаривала, но гулять всегда брала ее съ собой.

Онѣ шли за городъ, гдѣ дома становятся ниже и чернѣе, гдѣ вьется широкая грязная дорога съ дуплистыми ветлами по сторонамъ, гдѣ на самой окраинѣ блеститъ большая—большая лужа, похожая на озеро, а въ палисадникахъ передъ хатами желтѣютъ крупные подсолнечники.

Или онѣ шли въ другую сторону, къ затихшей рѣкѣ. Около рѣки были зеленые, мягкіе луга съ короткой травой и желтыми цвѣтами, а на другомъ берегу, вдали, виднѣлись высокія деревья

столѣтняго парка и бѣлѣло за ними какое-то казенное зданіе, лицей или институтъ—Маничка навѣрно не знала.

Онѣ съ Анфисой садились у деревяннаго моста, на крутомъ берегу, и смотрѣли внизъ, на неподвижную воду, покрытую зеленой ряской, и на плоскіе листья водяныхъ растеній.

Маничка глядѣла тупо и молчала, за-то Анфиса нараспѣвъ высказывала свои мысли и желанія.

— И пойти-бы вотъ такъ, и пойти, говорила Анфиса,—ко всѣмъ святымъ мѣстамъ пойти, въ Лавру святую, и до Іерусалима добраться... И свѣтло, и тепло, всюду благодать Божія, цвѣты да травы, и итти-то хорошо, и молиться пріятно... И душу спасешь, и чужіе грѣхи замолишь... Пойду, право пойду... А то и покаяться не успѣешь, смерть придетъ—смерти-то страшно...

Она остановилась. Маничка ничего не отвѣтила.

— Одно вотъ, маменьку надо сначала успокоить. Скоплю деньжишекъ ей сколько-нибудь, брата въ ученье хорошо-бы опредѣлить... А тамъ и пойду ея-же грѣхи замаливать... Да и свѣтъ бѣлый увижу, какой онъ такой...

— И все ты не то, Анфиса, сказала Маничка. Говоря, она слегка пришепетывала.—Какъ тебѣ не стыдно! О деньгахъ раньше думаешь, да о цвѣтахъ, да о травѣ. Душу свою хочешь спасать, а о себѣ думаешь, боишься всего...

— А какъ-же не бояться, барышня? Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Всѣ подъ Богомъ ходимъ. Ты думаешь такъ—анъ Богъ-то иначе разсудитъ. Ты отложишь—потомъ, молъ, спасусь,

успѣю, а тутъ заболѣешь, да помрешь безъ покаянья, а тамъ на страшномъ-то судилищѣ и пойдешь въ огнь вѣчный...

— Это въ адъ? А ты въ рай хочешь, Анфиса?

— Кто-же себѣ врагъ, барышня, вѣдь это ужъ извѣстно. Жизнь безконечная, сказано, блаженство, а тамъ огонь смрадный... Всякому подобаетъ пещись о душѣ своей.

— Значитъ, ты хочешь блаженства, Анфиса? И все боишься, что не будетъ блаженства? И умереть оттого боишься? А ты бы хотѣла совсѣмъ ничего не бояться, никогда?

Анфиса испуганно взглянула своими большими карими глазами на Маничку и не скоро отвѣтила.

— Нельзя этого, барышня. Всѣ мы въ руцѣ Божьей, всѣ мы рабы Богу послушные и слава Ему во вѣки вѣковъ!

— Ты говоришь, нельзя? спросила Маничка равнодушно.—Ты думаешь, что никакъ нельзя?

III.

Маничка прочла не много книгъ, почти не умѣла писать и всѣ свои свѣдѣнія о жизни, о другихъ городахъ, о Петербургѣ она получила страннымъ образомъ.

По утрамъ съ Анфисой она гуляла не только въ пустынныхъ мѣстахъ. Понемногу она свела знакомство съ ребятишками, которые плескались въ лужахъ, съ разнощиками и торговками, приходила къ нимъ въ ихъ тѣсныя хаты и слушала, что они говорятъ. Анфиса съ отчаяніемъ и ужасомъ

слѣдовала за барышней: эти знакомые были почти всѣ—жиды.

Маничка не заводила ни съ кѣмъ первая разговора, не навязывалась на знакомство, но шла, когда ее звали и относилась къ людямъ просто. И ребятишки, и жиды, и не жиды — всѣ имѣли къ ней какое-то странное довѣріе—и только немного косились на ея спутницу—Анфису. Несмотря на странный, полудѣтскій нарядъ, всѣ эти люди видѣли въ ней большую и говорили, какъ съ большой. Ихъ не стѣсняло и то, что она «барышня», «прокурорская дочка». Ее почему-то считали равной. Старики даже пускались съ ней въ разсужденія. Она слушала и молчала. Иногда съ досадой говорила: «Вздоръ все. Не такъ». И на нее не обижались.

Вѣроятно ее считали немного за блаженную. Даже Анфиса не чувствовала къ ней раболѣпнаго почтенія, какъ вообще къ господамъ. «Неученая она, Богъ съ ней, думала Анфиса,—какъ мы-же грѣшные, а только все промежду господъ—ну вотъ и вышло ни то ни се; умъ-то нашъ, а мысли господскія».

Одинъ еврей, очень важный, въ лиловой ермолкѣ на бѣлыхъ, какъ лунь, курчавыхъ волосахъ, изъявлялъ особенную благосклонность Маничкѣ. Онъ приходилъ къ ней, когда она бывала у Рахили, его невѣстки, разсказывалъ объ Одессѣ, о Петербургѣ, о томъ, какъ живутъ тамъ люди. Маничка слушала съ напряженнымъ вниманіемъ. Въ комнатѣ была грязь, дѣти Рахили кричали, но ей было все равно, она даже не чувствовала отвра-

щенія къ запаху чесноку. Ей хотѣлось знать, что написано въ большихъ, засаленныхъ книгахъ, которыя важный еврей читалъ въ пятницу вечеромъ. Маничка два раза прочла Евангеліе и не поняла. Ей показалось, что это слова, которыя она слышала отъ Анфисы. Только слова «люби ближняго, какъ самого себя» остановили ее на мигъ. Она повторила нѣсколько разъ: «какъ самого себя». Она чувствовала тутъ великій смыслъ, который разгадать она пока не умѣла. Но и нигдѣ не было той безпредѣльной свободы и покоя, котораго она смутно искала. Наказанье, спасенье души, стремленіе къ чему-то... Не то, не то!

Иногда на Маничку находили припадки дикой веселости. Она хохотала, бѣгала по комнатамъ, часто летѣла къ своимъ знакомымъ, шалила съ жиденятами—и одинъ разъ поѣхала съ ними за десять верстъ въ какую-то деревню. Они ѣхали въ высокой фурѣ на гигантскихъ колесахъ. Имъ было очень тѣсно, но Маничка хохотала до упаду и убѣждала жиденятъ ничего не бояться.

Наконецъ, она узнала Библію. Она долго ее не понимала, старый еврей съ терпѣніемъ толковалъ ей все, онъ былъ радъ говорить съ христіанкой о своемъ Богѣ. Когда Маничка наконецъ поняла и Библію, и то, какъ живутъ и что думаютъ эти люди—она ушла и больше не возвращалась. Ей стало стыдно за нихъ такъ-же, какъ было стыдно за папа́, который боится не получить награды къ Рождеству, и за мама́, когда она служитъ молебны о здравіи—и за всѣхъ, за всѣхъ людей ..

IV.

Папá сіяетъ. Сегодня въ домикѣ съ зеленымъ подъѣздомъ вечеръ—и совершенно какъ у всѣхъ, нисколько не хуже! Въ залѣ горятъ канделябры, гостиная освѣщена двумя лампами на высокихъ подставкахъ. Для нѣкоторыхъ, кто хочетъ, чай подаютъ на террасѣ, выходящей въ садъ. Это удивительная терраса: она обвита не дикимъ, а настоящимъ виноградомъ, и даже въ одномъ мѣстѣ виситъ большая кисть еще незрѣлыхъ ягодъ. Папа надѣется, что она созрѣетъ. Онъ каждое утро пробуетъ, не сдѣлались-ли ягоды мягче, но пока онѣ еще жестки, точно сдѣланы изъ стекла.

Главная радость папà—въ томъ, что онъ впервые принимаетъ и знакомитъ съ судейскимъ обществомъ новаго члена суда — Костякова. Костяковъ былъ переведенъ только двѣ недѣли тому назадъ — прямо изъ Петербурга. Говорили, что у него большія связи. О неожиданномъ переводѣ въ такое захолустье ходили разные слухи: толковали, между прочимъ, что онъ тамъ нашалилъ... Впрочемъ, самъ Костяковъ увѣрялъ, что у него слаба грудь, и въ благословенный климатъ Малороссіи онъ пріѣхалъ поправляться отъ бронхита.

Никто не сомнѣвался, что Костяковъ здѣсь недолго останется. Никто не сомнѣвался, что онъ побѣдитъ всѣхъ судейскихъ дамъ и совершенно затмитъ товарища прокурора Ѳеоѳилактова, несмотря на то, что послѣдній пѣлъ всѣ романсы и одинъ разъ ѣздилъ верхомъ по Мостовой.

Собственно знакомить Костякова съ мѣстнымъ обществомъ долженъ былъ предсѣдатель, но прокуроръ его перебилъ, назначилъ вечеръ у себя и взялъ съ Костякова честное слово, что онъ до этого вечера не поѣдетъ ни къ кому даже съ визитомъ, кромѣ самого прокурора.

— Свой городъ — свои обычаи, свои обычаи, мой молодой другъ, говорилъ прокуроръ, присмѣиваясь.—А у насъ такъ: сначала знакомятся — а ужъ визиты послѣ...

Костяковъ былъ недуренъ собой, съ бѣлокурыми усиками и нѣжными голубыми глазами. Одѣвался онъ такъ хорошо, что здѣсь, въ этомъ маленькомъ далекомъ городкѣ, чувствовалъ себя неловко отъ безукоризненности костюма. Ему казалось, что онъ всѣхъ обижаетъ—и онъ страдалъ, потому что даже не имѣлъ возможности извиниться.

До бала онъ пріѣзжалъ къ прокурору нѣсколько разъ днемъ.

Маничка случайно вошла въ комнату, гдѣ сидѣлъ Костяковъ, смутилась, хотѣла уйти, потомъ осталась и сѣла у двери на стулъ. Гость вѣжливо поклонился ей, но папа̀ и не подумалъ представить ему Маничку. Папа̀ не признавалъ ее большой.

Маничка сидѣла и слушала. Чѣмъ дальше она слушала и смотрѣла, тѣмъ страшнѣе ей становилось. Она съ перваго момента повѣрила въ Костякова. Можетъ быть просто потому, что онъ былъ иной, непохожій на другихъ. Она повѣрила, что онъ непремѣнно скажетъ такое, отчего ей все станетъ ясно.

И она стала ждать.

Всякій разъ, когда онъ пріѣзжалъ, Маничка сидѣла въ углу, молчала и ждала его словъ.

На вечеръ къ прокурору многія дамы пріѣхали съ дѣтьми. Маничкѣ надо было занимать ихъ, но она не хотѣла и ушла въ залу. Тамъ пѣли, потомъ танцовали. Костяковъ не танцовалъ—да отъ него и не ждали этого. Его окружали, робко спрашивали... Ну что? Какъ? Все-ли благополучно на бѣломъ свѣтѣ?

Жена товарища предсѣдателя интересовалась, декольтируются-ли теперь въ оперу? Какой-то старичишка приставалъ съ политикой, и былъ такъ назойливъ, что прокуроръ даже отвелъ его въ сторону и сказалъ:

— Вы-бы, Иванъ Семеновичъ, не того-съ?... Нельзя-же утруждать такъ моего молодого друга...

Костяковъ понималъ, что отъ него ждутъ чего-то, какихъ-то новыхъ словъ, новыхъ мыслей, особыхъ идей... И чувствовалъ, что спасуетъ, и что это будетъ плохо...

Подали ужинъ. Дѣтямъ, въ томъ числѣ и Маничкѣ, накрыли особый столикъ, въ сторонѣ. Подали рыбу и холодное, было шумно, но не весело.

Костяковъ чувствовалъ, что его обаяніе исчезаетъ, злился и желалъ его вернуть. Онъ пилъ много, не считая. Ужинъ близился къ концу.

Вдругъ, въ послѣднее мгновеніе, Костяковъ ощутилъ въ себѣ необыкновенную смѣлость. Онъ всталъ съ бокаломъ въ рукѣ и попросилъ позволенья произнести рѣчь.

Всѣ замерли. Костяковъ началъ.

Онъ говорилъ длинно, запутанно и горячо. Что онъ говорилъ — онъ самъ послѣ не могъ вспомнить. Но въ эту минуту испытывалъ истинное вдохновеніе, видя по лицамъ слушателей, что они побѣждены, что имъ именно этого и нужно было, этого они отъ него и ждали.

Маничка слушала съ восторгомъ, но и съ отчаяніемъ, потому что ничего не понимала.

За то послѣднія слова она поняла.—Онъ говорилъ о свободѣ.

«... свобода, господа, заключилъ онъ, свобода есть необходимость, право человѣка. И не говорите, что она недостижима. О, нѣтъ! свободенъ всякій, кто не можетъ быть рабомъ. Только имѣйте силы быть свободными»...

Громкое «ура» заглушило слова Костякова. Всѣ были въ восторгѣ, почти не зная отчего. Костяковъ, полупьяный и счастливый, улыбался на привѣтствіе и чокался направо и налѣво.

Вдругъ, среди этого шума голосовъ и стакановъ, онъ услышалъ робкій голосъ, который тихо произнесъ его имя. Онъ обернулся и почти не узналъ Маничку. Она дернула его за рукавъ. Глаза ея были тусклы и значительны.

— Какъ вы вѣрно, сказала Маничка съ усиліемъ.—Вы одинъ вѣрно... Я васъ благодарю... Я теперь знаю, что мнѣ дѣлать... Я думаю, у меня есть сила быть свободной...

Онъ посмотрѣлъ на нее съ глупымъ видомъ и ничего не сказалъ. Многіе услышали слова Манички и съ удивленіемъ обернулись... Но Маничка

уже отошла. Поздравленія продолжались. Ужинъ затянулся.

Папà сіялъ. Было не только какъ у всѣхъ, но даже гораздо лучше, чѣмъ у всѣхъ.

IV.

Маничка сидѣла въ своей комнатѣ, на кровати, покрытой байковымъ одѣяломъ. Со дня бала прошло едва нѣсколько мѣсяцевъ, но теперь уже никто не принялъ-бы Маничку за ребенка. Даже мамà велѣла Анфисѣ распустить всѣ складки у Маничкиныхъ платьевъ.

Комната была небольшая, узенькая. Противъ кровати стоялъ столъ, а у стола стулъ, на которомъ сидѣла мамà и растерянно-жалко смотрѣла на Маничку.

Она не понимала.

— Я вѣдь знала, мамà, что вы не поймете, сказала Маничка равнодушно.—Вы меня за сумасшедшую считаете. А это такъ будетъ...

— Маничка, да объясни ты мнѣ, зачѣмъ ты хочешь? Не любишь насъ, что-ли? Чѣмъ тебѣ у насъ несвободно?

Мамà говорила какъ-то безнадежно, она невольно подчинялась тону дочери.

— Я, мамà, такъ жить не могу, потому-что такъ жить нельзя. Вы всѣ трусы. Бѣжите за счастьемъ, кричите: мнѣ, мнѣ! А чуть урвете кусочекъ—ужъ сейчасъ дрожите, боитесь потерять. Всего боитесь, богаты—такъ боитесь обѣднѣть, здоровы — боитесь заболѣть, потому-что будете

тогда страдать. А я ничего не боюсь, потому-что ничего не хочу. Болѣзнь—такъ болѣзнь. Смерть—пускай смерть. Я на все иду. Не мучьте себя, мама̀. Отпустите меня просто.

— Да куда-же ты пойдешь, глупая дѣвочка? сказала мама̀ сквозь слезы.—Ну, зарабатывай здѣсь пропитаніе, если хочешь.

— Я не буду работать.

— Какъ? А денегъ не возьмешь? Что-же ты голодной смертью хочешь себя уморить?

— Мнѣ станутъ давать хлѣбъ. Я буду нищей. Я буду ходить вездѣ и говорить всѣмъ людямъ, что если они хотятъ свободы — пусть дѣлаютъ, какъ я.

— А кто-же работать станетъ? воскликнула въ изумленіи мама̀.—А если всѣ станутъ нищими, то скоро съѣдятъ весь хлѣбъ и умрутъ съ голоду. И не будетъ людей...

Мама̀ радовалась, что нашла такой неопровержимый доводъ. Но Маничка равнодушно сказала:

— И пусть не будетъ людей, мама́. На что-же они?

Мама̀ принялась плакать.

— Не любишь ты насъ, никого не любишь, черствое у тебя сердце!

— И не нужно любить, угрюмо сказала Маничка.—Люблю всѣхъ, какъ люблю себя, надо, чтобы у всѣхъ было то, что есть у меня, а больше никакъ не люблю. Если кому-нибудь надо ѣсть — дамъ ему, какъ себѣ дамъ, чтобы не умереть съ голоду. Умирать нарочно не надо. Это ужь значитъ опять бояться, жизни бояться.

Маничка повторяла это все монотонно и неохотно, точно всѣ слова она давно знала наизусть, все взвѣсила и теперь не стоило говорить и спорить о такомъ несомнѣнномъ.

— Это все у тебя съ того вечера мысли, сказала вдругъ мама̀, переставъ плакать.—Я вѣдь слышала, какъ ты Костякову говорила...

Маничка густо покраснѣла и сдвинула брови. Никто-бы не рѣшилъ, что было въ ея невыразительномъ лицѣ: сила—или тупое упрямство.

— И онъ для меня теперь какъ другіе, сказала она, точно отвѣчая на свои мысли, а не на слова мама́. Слыша ея увѣренный голосъ, нельзя было сомнѣваться, что это именно такъ.—Всѣ для меня равны... И вы тоже, мама́, прибавила она,—не надо, чтобы я любила васъ больше, чѣмъ себя. А уйду я потому, что вы еще не поняли и не сдѣлаете, какъ нужно. Я буду другимъ людямъ объяснять, и можетъ быть другіе поймутъ. Я такъ сдѣлаю.

Она вдругъ опомнилась, взглянувъ на растерянное лицо мама́. Мама́ рѣшительно думала, что Маничка больна.

— Отпустите меня будто на богомолье, сказала Маничка.—Я пойду на богомолье. И скажите такъ всѣмъ, если хотите.

— Да куда-же ты пойдешь, вѣдь зима теперь! И поѣхать можешь, если такъ тебѣ хочется...

— Отпустите на богомолье итти, сказала Маничка.—Все равно другая зима будетъ...

— Нѣтъ, надо все папѣ разсказать, рѣшила мама́.—Ты какая-то чудна́я. Пусть онъ разсудитъ. Это невозможно.

Папа-прокуроръ долго не могъ понять, о чемъ ему толкуютъ. Наконецъ онъ расхохотался и отправился къ Маничкѣ. Входя, онъ принялъ строгій видъ, потому-что хотя это и смѣшно, однако въ дѣвочкѣ блажь и капризы не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія.

Папа́ во дни своей молодости читалъ книги и потому считалъ себя развитымъ. Онъ не сомнѣвался, что отлично понялъ выдумки дочери. Но на первый разъ онъ рѣшилъ быть снисходительнѣе.

— Глупое дитя! сказалъ онъ со строгой лаской.—Уединенная жизнь и природная восторженность говорятъ въ тебѣ. Да и напрасно ты полагаешь, что ты первая все это выдумала. Были раньше тебя... Ты не знаешь исторіи. Такой пылкой головкѣ необходимо образованіе, ты перемѣнилась... Вотъ, напримѣръ, былъ одинъ Франсисъ итальянскій, тоже нищенствовалъ, для Бога трудился, ну и потомъ этотъ тоже... гм... какъ его... босикомъ ходилъ...

— Я не для Бога, сказала Манечка.—Я для себя. И еще для свободы.

— Для какой свободы? съ испугомъ повторилъ папа́.—Это еще что?—Въ умѣ его безпорядочно пронеслись мысли о нигилизмѣ, о красныхъ рубахахъ, о неблагонадежности.—Впрочемъ, прошу тебя бросить это все. Я требую, слышишь? Я приказываю.

— Я не могу бросить.

Папа вдругъ разсвирѣпѣлъ, хотѣлъ что-то сказать—но не нашелъ словъ. Взглянувъ на Маничку, онъ притихъ, и, повторивъ еще разъ, менѣе увѣ-

реннымъ голосомъ: — «а я требую», съежился и вышелъ изъ комнаты.

V.

Для Манички наступили тяжелые дни.

Папа́ и мама не скрывали ея капризовъ. Костякова въ это время не было въ городѣ—онъ уѣхалъ на сессію. Гости удивлялись, потомъ снисходительно смѣялись, наконецъ изъявляли сочувствіе и желаніе видѣть Маничку.

Маничка сидѣла въ своей комнатѣ, принимала всѣхъ равнодушно и повторяла всѣмъ одно и то же. Когда видѣла, что ее рѣшительно не понимаютъ—прибавляла:

— На богомолье мнѣ надо итти.

Многіе въ городѣ были увѣрены, что у Манички тихое помѣшательство. Этотъ слухъ дошелъ до папа и оскорбилъ его до глубины души. Онъ позвалъ Маничку, кричалъ, бранился, убѣждалъ и приказывалъ.

Маничка упорно молчала.

Каждый вечеръ приходила мама́, плакала и умоляла Маничку пожалѣть ихъ, не позорить, говорила, что у папа́ можетъ сдѣлаться ударъ.

Приближалась весна. Растаялъ снѣгъ, у заборовъ показалась травка и желтые цвѣты. На улицахъ стояла невылазная грязь. Ветлы и сирень зеленѣли. Въ домѣ прокурора было все попрежнему, только Маничка поблѣднѣла и слегка осунулась. Каждый день ее мучили уговорами или насмѣшками, каждый вечеръ мама́ плакала и умоляла выбросить изъ головы дикую затѣю.

И въ одну весеннюю ночь Маничка вдругъ проснулась съ живой тоской. Давно уже не тосковала она—и сама удивилась, испугалась этого чувства.

— Что-же это? подумала она, зажигая свѣчку.— Значитъ все напрасно?

Маленькая, робкая, но упрямая мысль вдругъ явилась къ ней.

— А можетъ быть и невѣрно все это? И не нужно? Можетъ быть надо остаться и жить какъ они хотятъ и какъ живутъ сами? Стоитъ-ли бороться? Права-ли я?

Это продолжалось одно мгновенье.

Когда Маничка сознала свою мысль, она сѣла на постели и начала быстро одѣваться. Она поняла, что это—силы оставляютъ ее, что все погибаетъ и она можетъ уступить. Надо кончить сразу. Нельзя медлить.

Она тихо одѣлась, разбудила Анфису, спящую на полу, и велѣла ей собираться. Анфиса ничего не поняла, но она привыкла повиноваться Маничкѣ.

Маничка сѣла за столъ и своимъ дѣтскимъ, неумѣлымъ почеркомъ написала записку:

«Мама́, папа́—я пока буду въ Троицкомъ монастырѣ у тети, а здѣсь я васъ мучаю и вообще нельзя мнѣ быть здѣсь. Отпустите меня на богомолье охотно, я для васъ прошу. Со мной Анфиса тоже пойдетъ, т. е. она сама по себѣ, а не для меня, но по одной дорогѣ. Это я сдѣлаю для вашего успокоенія. Отпустите меня. Я вѣдь все равно пойду. Мама̀, если можете, поймите, что на-

до ничего не желать и ничѣмъ не огорчаться, и любить другого, какъ самого себя. Если можно сказать: люблю себя! Тогда можно и про другого сказать: люблю его. Прощайте мамá. Прощайте папá».

Осторожно, никѣмъ не замѣченныя, Анфиса и Маничка вышли изъ дому въ садъ, а оттуда на улицу. Весеннее небо свѣтлѣло. Звѣзды мерцали слабыя, точно утомленныя. Пахло сыростью, землей, раскрытыми почками. Откуда-то изъ-за рѣки, издалека, неслась чуть слышная пѣсня. Вѣтеръ стихъ.

Маничка равнодушно и гордо взглянула на бѣлѣющее небо, на пустыя улицы и еще обнаженныя деревья сада. Наконецъ, она была свободна. Ничто не имѣло теперь надъ ней власти: ни природа, ни люди. Она все оставляла за собою.

VI.

Прошло лѣто, минула зима—и новое лѣто кончалось, а въ мирномъ городѣ повидимому ничто не измѣнилось. Начали строить соборъ, проэктировали шоссе вмѣсто деревянныхъ досокъ мостовой, открылось еще нѣсколько еврейскихъ магазиновъ. Въ домикѣ съ зеленымъ подъѣздомъ тоже все попрежнему: папà-прокуроръ такъ-же побѣдоносенъ, дѣти такъ-же ссорятся, только мамà похудѣла, постарѣла и часто сидитъ безъ дѣла въ спальной.

Сегодня она была тамъ не одна.

У открытаго окна, выходившаго въ садъ, на

маленькомъ столикѣ шумѣлъ самоваръ; лучи яркаго вечерняго солнца лежали на подоконникѣ и золотили вянущіе листья липъ въ саду; съ улицы доносились голоса ребятишекъ.

Мама сидѣла въ креслѣ противъ своей гостьи. Эта гостья была странница-монахиня, одѣтая въ порыжѣлую черную рясу и грубые башмаки. Голову ея покрывалъ черный платокъ, надвинутый низко на лобъ и притянутый сзади. Никто не узналъ-бы въ этой пожилой монахинѣ свѣжую, хорошенькую Анфису. Никто не повѣрилъ-бы, что можно состарѣться въ полтора года. А между тѣмъ это было такъ.

Лицо Анфисы сдѣлалось коричневымъ и сухимъ отъ постояннаго дѣйствія воздуха и чрезмѣрнаго утомленія. И глаза смотрѣли уже не такъ прямо и открыто, какъ прежде.

Мама глядѣла на странницу и по ея маленькому, сморщенному личику текли слезы, которыхъ она не утирала.

— Божья воля, матушка! проговорила Анфиса, вздохнувъ.—Главное, конечно, что безъ покаянія скончалась она, ну да молитвенниковъ за нее много. И мое такое сужденіе, матушка, что барышня не совсѣмъ въ своемъ разсудкѣ были. Я ихъ никогда понять не могла, сколько ни допытывалась.

— Разскажи мнѣ все про нее, Анфисушка, сказала мама́, какимъ-то страннымъ, точно чужимъ голосомъ. Извѣстіе о смерти Манички было для нея послѣднимъ ударомъ. Когда Маничка ушла, мама́ въ первый разъ поняла, какъ она любила свою несчастливую дочку. Но именно потому, что

поняла—она не захотѣла ее вернуть, устроила все для нея, даже умилостивила папá. И ни разу не написала Маничкѣ, не напомнила ей о себѣ.

— Что-жъ разсказывать-то, матушка? начала Анфиса.—Жизнь наша была трудная. Я барышню ни на день не оставляла, хоть она меня вовсе не удерживала. Но я думала—что-жъ, потружусь для Бога. И ходила я по святымъ мѣстамъ для Бога, а для чего барышня ходила—я не знаю. Много насъ странницъ порой вмѣстѣ ходило, и всѣ ее за блаженненькую считали. Придемъ это мы къ святынѣ—ну сейчасъ въ церковь, конечно, къ мощамъ, или къ иконѣ приложиться — а она нѣтъ. Мы у обѣдни, а она на лугу, надъ обрывомъ сидитъ, да на Днѣпръ смотритъ, а то къ странникамъ или странницамъ подходитъ, спрашиваетъ: «вамъ не надо-ли чего? Ѣсть, или еще что-нибудь?» Ее ужъ знали и довѣряли ей. Какъ что нужно, такъ къ ней. Сколько у ней есть—она сейчасъ половину отдастъ, а всего не отдастъ. Мнѣ, говоритъ, такъ-же нужно, какъ ему, а ему такъ-же, какъ мнѣ. Я, говоритъ, и себя и его одинаково люблю, оттого и дѣлюсь. Еще придутъ — еще половину отдастъ. На паперти никогда не просила, а только чтó дадутъ. Ей давали много вездѣ, знали, что блаженная. И всѣхъ она убѣждала въ одномъ. Соберетъ народъ, сядутъ кругомъ, сама она въ серединѣ — и начнетъ говорить: «люди, послушайте меня; счастья вамъ все равно не будетъ, такъ пусть-же и несчастья не будетъ. Сдѣлайте такъ, чтобъ ничего не хотѣть, и ничего не бояться—вотъ и станетъ вамъ спокойно жить». И что жъ вы думаете?

Многіе ее слушали. Я—сохрани Боже! Такія слова! А многіе слушали и принимали. Въ городахъ купчихи ее и меня къ себѣ звали—она шла, ничего. Молчитъ тамъ, или свое говоритъ: «сдѣлайте, люди, чтобы ничего не хотѣть...» Ну и забавлялись купчихи. Только нѣкоторыя недовольны потомъ были: что, говорятъ, это такое, прежде юродивыя предсказывали, босикомъ ходили и съ непокрытой головой, а нынче не то, и въ башмакахъ, и всякую одежду берутъ, какую ни дай. Обижались на это.

— Ну, а заболѣла-то она какъ же? спросила мама́ шепотомъ.

— А заболѣла она подъ Москвой, еще зимней порою, мы тогда по случаю сильныхъ морозовъ въ одномъ монастырѣ остановились. Заболѣла она —тутъ и разсказывать нечего—долго перемогалась, не говорила. Потомъ сразу: пойдемъ, говоритъ, Анфиса, въ Москву, положи меня въ больницу. А тутъ потеплѣло, мы и пошли. На постоялыхъ дворахъ по ночамъ стонала, трудно ей было, а очнется—сейчасъ первое слово: «ничего, Анфиса, ты не думай... Это тѣло мое мучаютъ, я слаба; пусть мучаютъ тѣло, а надо мной-то никто не властенъ». Въ Москвѣ, въ больницу, къ ней многіе изъ странницъ приходили, она имъ все про свое повторяла, онѣ ей обѣщали, что будутъ ея слова помнить. А при послѣднемъ концѣ я одна была. Наклоняюсь къ ней, а ужъ у ней очи потускнѣли. Что, говорю, родителямъ сказать отъ васъ, барышня? Она посмотрѣла и говоритъ: «ты знаешь мои мысли, все имъ и скажи. Пусть любятъ другихъ, какъ

любятъ себя. И скажи, если спросятъ, хорошо-ли мнѣ было—скажи, что хорошо»...

Съ тѣмъ и умерла. И трудная-же болѣзнь къ ней пришла: мучилась, мучилась—почернѣла вся, а такъ и не смирилась. Пускай, молъ. Я точно родного потеряла. Конечно, я ея словъ не слушала—такія слова, прости ее Господь! Ну, а были, которые слушали. Только не всякій, конечно, выдержать это можетъ.

Мама́ глядѣла на Анфису—и по старому лицу ея катились слезы, которыя она не утирала.

VII.

Членъ суда Костяковъ уѣзжалъ въ Петербургъ.

Судейскіе дали ему прощальный обѣдъ. Было много рѣчей, тостовъ. Половина разъѣхались, остались только самые близкіе пріятели Костякова.

— А вы слышали, эта психопатка, дочь прокурора, умерла гдѣ-то въ больницѣ...

— Да, какъ грустно! сказалъ Костяковъ.

— А вѣдь это вы ея блажь тогда на вечерѣ возбудили, сказалъ кто-то.—Заговорили о свободѣ, дѣвочка мечтательная—создала себѣ теорію, ну и пошло. Можетъ влюбилась въ васъ немножко...

— Да, жаль, жаль, сказалъ Костяковъ, задумчиво наливая себѣ бокалъ.—О, русская женщина, когда ты поймешь свое назначеніе? И развѣ я говорилъ о какой-то нелѣпой отвлеченной свободѣ? И о той странной любви къ другимъ, какъ къ самому себѣ, которую она проповѣдовала? Нѣтъ,

господа! Я поднимаю бокалъ за свободу мысли, за свободу пылкаго, искренняго чувства! Я пью за истину, добро и красоту! Будемъ любить людей, какъ нашихъ братьевъ!

Громкое «ура» покрыло его слова. Костяковъ былъ очень доволенъ своею рѣчью.

Цыганка*.

I.

Въ саду, въ бесѣдкѣ, сидѣли двѣ молодыя дѣвушки, почти дѣвочки. Была очень ранняя весна, деревья стояли еще совсѣмъ голыя, трава показывалась кое-гдѣ по краямъ дорожекъ, — но въ воздухѣ уже вѣяло настоящимъ тепломъ. Сквозь обнаженныя вѣтви липъ и акацій свѣтлѣло высокое, блѣдное небо. На югѣ, въ Малороссіи, мартъ часто бываетъ теплымъ, какъ май.

Дѣвочки работали, вышивали шерстью одну и ту же полоску, вѣроятно для ковра.

Нельзя было рѣшить съ перваго взгляда, которая изъ нихъ старше. Обѣимъ казалось лѣтъ по шестнадцати, или даже меньше. Всякій сразу сказалъ бы, что онѣ не сестры — такъ мало между ними было общаго.

Брюнетка подняла голову и уронила руки на столъ. Въ ея движеніяхъ замѣчалась рѣзкость.

---

* Этотъ разсказъ былъ напечатанъ подъ другимъ именемъ.

— Какъ надоѣла эта полоса, Господи! Лида! Лида! Что же ты, не слышишь? Увлечена! Брось, пожалуйста, эту дрянь. Ты посмотри, какъ хорошо!

Увлеченная Лида медленно и безъ удивленія подняла на подругу глаза. Они были очень мягкіе, очень кроткіе, свѣтло-голубого цвѣта, чуть-чуть водянистые. Хорошенькое длинноватое личико походило на мордочку бѣлой мышки. Около небольшого носа виднѣлись легкія, чуть замѣтныя, веснушки. Волосы соломеннаго цвѣта, зачесанные гладко назадъ и открывающіе низкій, полукруглый лобъ—спускались на спину толстой, короткой косой. Лида была немного медлительна, но мила и почти всегда спокойна.

— Нѣтъ, я не брошу, надо кончить, возразила она.—Ты, Аня, всегда такъ: чуть начнешь что — ужъ наскучило... Ты...

Она не договорила, потому что Аня бросилась къ ней на шею и стала ее цѣловать, повторяя:

— Я тебя страшно люблю... Лида моя, красавица, единственная... Я умру, такъ я тебя люблю... Я только одну тебя люблю.

Лида наполовину отбивалась, наполовину отвѣчала поцѣлуями. На послѣднія слова подруги она сейчасъ же возразила:

— Какъ, одну меня? А развѣ своего папашу ты не любишь? И Каролину Петровну, я думала, ты любишь.

Аня затихла и, помолчавъ, отвѣчала:

— Что жъ Каролина Петровна? Твоя гувернантка—моя учительница...

— Она у насъ въ домѣ какъ родная.

— Ну да, ну да, конечно... А папа? Что мнѣ его любить, когда онъ меня не любитъ?

— Перестань говорить вздоръ, наставительно замѣтила Лида.—Твой папаша занимается дѣлами, смѣшно было бы ему съ тобой возиться. Такое значительное лицо! А скажи, развѣ тебѣ чего нибудь не достаетъ? Учителя у тебя лучшіе; живете вы богато; не стѣсняютъ тебя; нѣтъ, ты счастливая!

Отецъ Ани, дѣйствительно, имѣлъ видное мѣсто въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ Малороссіи, куда его перевели не особенно давно. Онъ, хотя вдовецъ, занималъ большую, прекрасную квартиру въ лучшемъ городскомъ домѣ. Этотъ домъ принадлежалъ вдовѣ Винниченко. Сама вдова съ дочерью Лидіей и гувернанткой жили внизу, въ трехъ громадныхъ, странныхъ комнатахъ, похожихъ на подвалы. Мадамъ Винниченко была женщина не прихотливая, тѣмъ болѣе, что служила въ кухаркахъ у собственнаго супруга, раньше чѣмъ сдѣлаться его женой, барыней и домовладѣлицей. Лиду она воспитывала, какъ барышню, хотя была взыскательна.

Такимъ образомъ, подруги жили въ одномъ домѣ, только въ разныхъ этажахъ. Аня, которая внѣ уроковъ не имѣла никакихъ обязанностей, цѣлыми часами просиживала внизу, у подруги. Каролина Петровна, гувернантка Лиды, давала обѣимъ дѣвочкамъ уроки нѣмецкаго языка и музыки. Общій садъ способствовалъ сближенію. Въ саду Аня и Лида познакомились и подружились.

— Кто это былъ сегодня у васъ, такъ часовъ въ двѣнадцать? спросила Лида, продолжая работать:—молодой, безъ усовъ?

Аня смотрѣла прямо передъ собой, на свѣжее небо сквозь вѣтви деревьевъ. Она отвѣтила не сразу.

— Что? Въ двѣнадцать? Не знаю. Кажется, членъ суда новый. Къ папѣ съ визитомъ. Я вѣдь не выхожу къ гостямъ.

— А какъ его фамилія?

— Да не знаю, ей Богу! Смѣшная ты, Лида! Понравился онъ тебѣ, что-ли?

— Мнѣ всѣ нравятся. И почему не спросить? Ничего тутъ нѣтъ смѣшного. Можетъ—это тебѣ женихъ.

— Женихъ? Вотъ вздоръ-то! И вѣчно у тебя на умѣ женихи какіе-то...

Лида сжала губы и проворчала сухо:

— И тутъ не вижу дурного. Всякая дѣвушка думаетъ о замужествѣ.

Аня расхохоталась и сказала:

— Нѣтъ, я не думаю. Я, напримѣръ, убѣждена, что страшно выходить замужъ. Ты, Лида, ты другое дѣло: ты такая хорошенькая...

Лида едва замѣтно улыбнулась.

— Ну, хорошенькая! Это все равно. Надо всѣмъ выходить замужъ. Мамаша думаетъ меня выдать непремѣнно за богатаго, но я нахожу это лишнимъ. У меня у самой хорошее приданое, я не жадная. Домъ этотъ мнѣ пойдетъ, да и вообще все будетъ современемъ мое. Я одна дочь. Нужно искать, чтобы человѣкъ нравился. Да и то я не

за всякаго пойду. Командовать надъ собой не позволю. А случись подходящій—деньги послѣдняя статья.

Аня слушала разсужденія подруги съ удивленіемъ и съ нѣкоторой робостью. Въ такія минуты ей казалось, что Лида гораздо старше нея, хотя въ дѣйствительности она была моложе на два мѣсяца. Ей только что минуло шестнадцать.

— Лида, голубчикъ, взволнованнымъ голосомъ начала Аня. — Лида, молю тебя, не выходи замужъ! Ты выходишь, да?

Лида разсмѣялась.

— Да что ты? За кого я выхожу? Я такъ, вообще говорила. А еслибъ пришлось — почему не выйти. Вотъ ты—дѣйствительно странная. Хорошо ты меня любишь, если не желаешь, чтобы я была счастлива.

Аня ничего не отвѣчала, потому что сама не знала хорошенько, отчего ей не хочется видѣть Лиду замужемъ—но ей сдѣлалось очень грустно. Она готова была заплакать.

Лида замѣтила это и встала.

— Перестань дуться, Аня, а то и я надуюсь. Пойдемъ лучше во флигель, хочешь? Тамъ сегодня Каролина Петровна пробную бабу печетъ, по своему. Мнѣ надо посмотрѣть. Нынче среда страстная, а въ субботу намъ съ мамашей придется у печки повозиться. Мы вѣдь все сами. Устинья не смыслитъ. А у васъ кто будетъ?

— Что будетъ?

— Ну, къ празднику приготавливаться. Пасхи дѣлать, мазурки... Яйца красить.

— Должно быть, Анфиса. Вѣдь она у насъ хозяйствомъ завѣдуетъ.

— Что она можетъ! Отчего ты, Аня, сама хозяйство не возьмешь?

— Я? Я учусь... Да и не люблю... На что? Кому нужно? Пусть Анфиса скверно сдѣлаетъ пасхи. Я къ вамъ приду, а папа все равно не замѣтитъ. Ему это безразлично.

Лида ничего не отвѣтила, аккуратно сложила работу — и обѣ подруги отправились во флигель.

II.

Флигель стоялъ во дворѣ, довольно далеко отъ большого дома.

Тамъ помѣщалась кухня, даже двѣ, людскія, была и чистая свѣтелка для скотницы. Въ этой свѣтелкѣ стояла Каролина Петровна, безъ очковъ, съ краснымъ, взволнованнымъ лицомъ. Иногда она бросала взоры на скотницыну постель, гдѣ, на подушкахъ, лежало что-то укутанное, похожее съ виду на ребенка.

Каролина Петровна была довольно сухенькая нѣмка безъ возраста, съ черными, какъ смоль, волосами, живыми черными глазами и небольшимъ носомъ. Привычка раздувать ноздри придавала еще больше энергіи ея маленькому, увядшему лицу. Дѣятельность Каролины Петровны не поддавалась никакимъ описаніямъ. Она вѣчно что нибудь устраивала. Или дѣтскій спектакль, или концертъ, или публичный экзаменъ своимъ ученицамъ, опредѣляла какихъ-нибудь дѣтей въ пріютъ, или,

если ничего другого не случалось, то хоть Оксанъ или Гапокъ на мѣста. И дѣлала она это съ такимъ тактомъ, настойчивостью и умѣньемъ, что все у нея удавалось самымъ лучшимъ образомъ.

Мало-по-малу, сама вдова Винниченко, дама полная и себѣ на умѣ, стала весьма довѣрять Каролинѣ Петровнѣ.

До главныхъ хозяйственныхъ дѣлъ она ее не допускала, но мелочи были сданы на ея руки.

И послѣ шести лѣтъ совмѣстной жизни вдова Винниченко, равно и ея дочь, смотрѣли на Каролину Петровну, какъ на члена семьи.

— Тише! тише! зашептала Каролина Петровна и замахала руками, увидя своихъ ученицъ. — Не хлопайте дверями. Двѣ еще сидятъ.

Аня была въ недоумѣніи, но Лида сейчасъ же подошла къ постели и спросила:

— Эту вынули? Валяли?

— Нѣтъ еще. Погоди.

— Что вы дѣлаете! Вѣдь бокъ обомнется.

— Погоди, Лидочка. Не спорь. Впрочемъ, я думаю, теперь пора.

Каролина Петровна подошла къ постели и развернула, едва касаясь, то, что было похоже на заснувшаго ребенка. Подъ бѣлыми покровами лежала баба, нѣжная, воздушная, легкая и мягкая, какъ пушинка. Каролина Петровна съ любовью повернула ея, совсѣмъ темное, тѣло. Корочка была желтоватая, подернутая словно чернымъ кружевомъ, подпеченая.

Лида положила въ рядъ двѣ подушки и съ серьезностью смотрѣла, какъ Каролина Петровна

перекатывала съ одной на другую остывающій куличъ. Анѣ сначала хотѣлось смѣяться, потомъ сдѣлалось скучно.

— Ну что, Аничка? произнесла вполголоса Каролина Петровна, не отрываясь отъ работы.—Думаете праздниками повеселиться?

— Нѣтъ, какое же веселье! Папы дома не будетъ. А я вѣдь не выѣзжаю. У васъ буду, вотъ, съ Лидой.

— Постойте, погодите. На праздникахъ еще балъ устроимъ. Еще попляшете.

Аня вспыхнула. Она страстно любила танцовать.

— Какъ на Рождествѣ, Каролина Петровна? Да? Вотъ жаль, Альберта нѣту!

Альбертъ былъ знакомый пажикъ, пріѣзжавшій на Рождествѣ домой.

Аня не могла бы сказать, какого цвѣта у него волосы, уменъ онъ или глупъ. Но она жалѣла о немъ, потому что онъ никогда не уставалъ танцовать.

— На что намъ Альбертъ! И безъ него найдемъ! возразила Каролина Петровна.—Знаешь, Лидуша, Платонъ Николаевичъ пріѣзжаетъ въ страстную субботу.

Лида слегка оживилась.

— Надолго? Наконецъ-то собрался! Мамаша знаетъ?

— Кто это? Кто? приставала Аня.

— Племянникъ Каролины Петровны. Онъ былъ у насъ четыре года тому назадъ. Вотъ веселый-то! вѣчно съ нимъ возня. Ну, я рада.

Баба достаточно остыла и ее поставили на столъ.

— А? ну что? Не хороша? торжествовала Каролина Петровна, обращаясь къ Лидѣ.—Легче вашихъ, куда!

— Только, можетъ быть, прѣсна, скептически замѣтила Лида.

Анѣ опять сдѣлалось скучно. Но прибѣжала косоглазая, противная горничная и объявила, что баринъ вернулся и обѣдъ поданъ.

Аня поцѣловала своего друга, обѣщала забѣжать вечеркомъ и медленно пошла черезъ дворъ, направляясь къ большому дому.

III.

Отецъ Ани уже сидѣлъ въ столовой и ѣлъ супъ, обмакивая въ ложку большіе усы съ просѣдью и безпрестанно вытирая ихъ салфеткой, завязанной вокругъ горла.

Услыхавъ шаги дочери, онъ на минуту вскинулъ глазами и сейчасъ же молча продолжалъ прерванное занятіе.

Лакей въ пиджакѣ подалъ Анѣ тарелку. Уже смеркалось. Столовая была большая, высокая, мрачная, съ каминомъ въ углу и съ аркой, ведущей въ гостиную. На этой аркѣ висѣла темная, дорогая занавѣсъ. Все было дорого и темно, и никому ненужно. Человѣкъ съ сѣдыми усами и худенькая дѣвочка были точно затеряны въ громадной, холодной комнатѣ, за длиннымъ столомъ.

Подали второе и третье кушанье.

Лакей, неловко стуча, зажегъ висячую лампу,

такъ что сладкое ѣли уже при огнѣ. Потомъ тотъ-же лакей принесъ чашечку кофе, сигары и спички. Аня заторопилась встать,—ея обѣдъ былъ конченъ.

Отецъ опять поднялъ глаза.

— Ммм... Постой-ка, произнесъ онъ не торопясь, глуховатымъ голосомъ.

Аня вздрогнула и взглянула на него съ пугливымъ ожиданіемъ.

— Я встрѣтилъ нынче этого... какъ его? Ѳедорова. Онъ просилъ, или жена, что-ли... просятъ они тебя къ нимъ нынче. Къ дѣтямъ, кажется.

Аня вдругъ вспыхнула.

— Это опять къ прокуроршѣ? Не пойду я! Ни за что не пойду! Мнѣ скука, тоска, тамъ дѣвочки совсѣмъ маленькія, только глупые гимназисты, все предлагаютъ: «полѣземте, братцы, на крышу!» Папа! не заставляй меня итти! Не могу я итти!

На этотъ разъ отецъ поглядѣлъ съ равнодушнымъ изумленіемъ.

— Что ты, матушка? Мнѣ-то какое дѣло? Пожалуй, и не ходи. Я только сказалъ. Мнѣ рѣшительно все равно.

Онъ всталъ и, немного сгорбившись, задѣвая каблуками полъ, не торопясь вышелъ изъ столовой.

Аня осталась одна со своимъ возмущеніемъ, еще взволнованная. И это возмущеніе, которое ей не дали высказать, теперь превратилось въ глухую обиду. Аня хотѣла бы заплакать, но слезы у нея замерли. Кругомъ было такъ тихо, такъ холодно и мирно.

Она прошла въ свою комнату. И ея комната была слишкомъ велика. Мебель поставили старую папашину, когда послѣдній разъ обновляли его кабинетъ. И странно было видѣть рядомъ съ узенькой бѣлой кроваткой, съ дѣтской этажеркой для книгъ, учебнымъ столомъ, гдѣ валялся задачникъ— тяжелыя кресла съ высокими спинками, обитыя темной кожей.

На столѣ горѣла маленькая лампа. Ея зеленый колпакъ бросалъ жалкій и горестный свѣтъ, точно сквозь бутылочное стекло. Углы оставались во мракѣ. Аня подошла къ столу и безцѣльно присѣла на табуретку. Въ незавѣшанныхъ окнахъ еще свѣтлѣло небо.

Аня боялась своей комнаты. Боялась не самой комнаты, а того, что сейчасъ за ея дверью начинался рядъ другихъ комнатъ, пустыхъ, ничьихъ, очень большихъ и вездѣ темныхъ. Аня должна бы привыкнуть къ постоянному одиночеству и не бояться темноты, какъ ребенокъ—но она ея боялась, и каждый вечеръ, за уроками или безъ дѣла, каждую ночь, пока не приходилъ сонъ—она испытывала то же неопредѣленное, тоскливое страданіе— страхъ одиночества рядомъ съ пустыми и темными комнатами. Она хотѣла завѣсить дверь туда, но не собралась. Днемъ она не боялась и даже забывала вечернюю муку.

Теперь она сидѣла и думала о своей обидѣ. Бояться было рано. Еще слышались вдали шаги лакея, идущаго по корридору.

Лида назвала свою подругу «счастливой». Съ первыхъ лѣтъ жизни Аня помнила себя именно въ

такой обстановкѣ, въ такихъ условіяхъ. У нея всегда было все, что ей нужно—и она не знала, не умѣла-бы сказать, чего ей не достаетъ. Сначала у нея были няньки, потомъ гувернантки, которыя всѣ часто мѣнялись; въ четырнадцать лѣтъ отецъ ей объявилъ, что лучше взять учителей по часамъ. Она согласилась, потому-что послѣдняя гувернантка была очень стара, капризна и все равно вѣчно сидѣла у себя. Учителя тоже мѣнялись, отца часто переводили изъ города въ городъ. Аня училась, потому-что были учителя и она знала, что всѣ въ ея лѣта учатся; но дѣлала это со скукой и равнодушіемъ. Понимала она туго, блестящихъ способностей у нея не было. Аня могла дѣлать все, что хотѣла. Она не помнила, чтобы какая-нибудь книга, или вообще что-нибудь было ей запрещено. Никто не спрашивалъ у ней отчета, никто не интересовался ни ея поступками, ни ея успѣхами въ ученьи. Всегда было одно и то-же: молчаливые обѣды и завтраки противъ человѣка съ сѣдыми усами, перемѣна учителей, гувернантокъ и случайныхъ знакомыхъ, являвшихся по дѣлу—и одинокая комната, полная всѣмъ, что только нужно.

Своей матери Аня не помнила. Нигдѣ не было ни одного ея портрета. Отецъ никогда, ни разу не упомянулъ о ней. Аня привыкла не думать объ этомъ темномъ пятнѣ.

Аня привязалась бы къ кошкѣ, къ собакѣ, еслибъ онѣ у нея были. Она готова была любить каждую горничную. Но горничныя попадались такія противныя. Какъ странно, какъ ново показа-

лось ей имѣть друга! Лида спрашивала у нея, что она дѣлала, что она думала, и разсказывала ей про себя.

Знакомые Лиды тоже казались ей какими-то особенными, милыми. Когда у Лиды, по иниціативѣ Каролины Петровны, затѣвались танцы—Аня была наверху блаженства отъ новаго удовольствія. Сравнительно съ Лидой—Аня была дѣвочка; она даже не читала ни одного романа: въ отцовской библіотекѣ ихъ не случилось, да и вообще Аня была не охотница до книгъ. Лида находила Аню некрасивой. Она была худа, суха, со впалой грудью и длинными кистями рукъ, черна и порывиста. Матовые волосы, совсѣмъ черные, не лежали гладко, какъ Аня ихъ ни причесывала. Большой ротъ, бѣлые, немного рѣдкіе, острые зубы, носъ слишкомъ короткій и порой блестящіе, порой тусклые, продолговатые, странные глаза—все это дѣлало ее не хорошенькой. Но въ ней было непонятное, заразительное безпокойство, не то веселость, не то нервность — заставлявшая обращать на нее вниманіе. Инымъ казалось, что это волченокъ, который родился среди людей и еще не знаетъ, что есть лѣсъ. Маленькія дѣти, племянницы Лидиной матери, дѣвочки лѣтъ восьми, десяти—сторонились отъ Ани, боялись ея—и вмѣстѣ съ тѣмъ непобѣдимо и тайно обожали ее. Она этого не подозрѣвала. Улыбаясь — она дѣлалась сама похожа на десятилѣтную дѣвочку, не добрую, но неотразимо милую.

Далеко, едва слышно, пробили часы въ столовой. Аня очнулась отъ своихъ туманныхъ мыслей. Который это часъ? Вѣрно девять. Пора, давно пора внизъ. Ее ждутъ.

Аня схватила пледъ и проскользнула по коридору на лѣстницу.

IV.

Племянникъ Каролины Петровны дѣйствительно пріѣхалъ къ Пасхѣ.

Въ первый день вдова Винниченко съ дочерью принимали визиты.

Столъ въ залѣ былъ уставленъ мазурками, бабами, пасхами, куличами, тортами, телятиной, ветчиной — всѣмъ, что только печется и жарится къ свѣтлому празднику. Комнаты внизу были большія, странныя, со сводами, съ окнами подъ потолкомъ, съ крашеными стѣнами. Говорятъ, что тутъ прежде были подвалы, гдѣ у покойнаго хозяина хранилось добро и деньги. Аня иногда спрашивала свою подругу, не боится-ли она жить въ подземельи. Но Лида пожимала плечами и смѣялась. Не все-ли равно? И къ тому-же выгоднѣе отдавать верхнюю квартиру.

Впрочемъ, красная бархатная мебель, рояль, всевозможныя коврики и подушечки работы Каролины Петровны придавали «подземелью» уютный видъ.

Курили, спорили, смѣялись, пили наливки и вино. Лида, въ пышномъ голубомъ платьѣ, угощала двухъ офицеровъ суровой наружности и барышенъ. На столѣ начинался безпорядокъ, валялись крошки, въ воздухѣ пахло шафраномъ и пряностями.

Въ уголку за роялью сидѣла Аня и молча наблюдала за суетой.

Она была въ простенькомъ коричневомъ платьѣ, потому что забыла попросить отца дать ей денегъ на новое. И когда Лида напомнила объ этомъ, было уже поздно. Впрочемъ, это ее не печалило. Отъ приторнаго запаха у нея немножко болѣла и кружилась голова—она не любила всѣ эти невыносимо сладкія пасхи и мазурки.

Высокій, сутуловатый господинъ въ лѣтнемъ пиджакѣ подошелъ къ Анѣ и сѣлъ на кресло рядомъ. Это былъ Платонъ Николаевичъ, племянникъ нѣмки.

— Что это вы удалились?

— Такъ. У меня голова болитъ, отвѣтила Аня и бросила недовѣрчивый и непріязненный взглядъ.

— Утомились вѣрно? У заутрени были?

— Я? Нѣтъ. Я не была.

— Отчего?

Аня смутилась и разозлилась. Что это за допросъ? И она сказала отрывисто:

— Не была, потому что я не хожу въ церковь.

Платонъ Николаевичъ сдѣлалъ строгое лицо.

— Ай-ай-ай! Барышня, да вы въ Бога не вѣруете?

Аня хотѣла отвѣтить съ дерзостью,—но случайно взглянула на Платона Николаевича. Физіономія его выражала такой комическій ужасъ и вмѣстѣ столько добродушія и веселости, что Аня разсмѣялась невольно и сказала:

— Отчего не вѣрую? Нѣтъ, мнѣ не съ кѣмъ ходить.

Платонъ Николаевичъ былъ похожъ на попо-

повича. Некрасивое, широкое лицо обрамляла свѣтлая бородка, росшая какъ-то снизу. Голубые глаза смотрѣли просто и весело. Гладкіе волосы были такого-же сѣроватаго цвѣта, какъ и борода. Когда онъ смѣялся—на щекахъ у него являлись ямки, точно у ребенка, и придавали ему забавный и безконечно веселый видъ.

— А знаете, сказала Аня, вглядываясь въ него,—вѣдь вы совсѣмъ не похожи на нѣмца.

— Да какой-же я нѣмецъ? Я и не думаю быть нѣмцемъ. Мой отецъ настоящій русскій былъ, и мать русская. Она, впрочемъ, приходится какъ-то двоюродной сестрой Каролинѣ Петровнѣ, такъ что Каролина Петровна мнѣ троюродная тетка.

— Это почти и не родня. Какое ужъ это родство!

— Нѣтъ, отчего? И, вообще, я Каролину Петровну родной считаю. Вѣдь мы долго всѣ вмѣстѣ жили.

— А вы гдѣ живете?

— Я? Съ матерью, въ Черниговѣ... А раньше мы въ Москвѣ жили...

Анѣ хотѣлось спросить: кто онъ, что дѣлаетъ, чѣмъ занимается—но не посмѣла.

Гости, между тѣмъ, расходились. Лида сказала, что она пойдетъ переодѣться.

Каролина Петровна издали крикнула племяннику:

— Платонъ, проводи насъ въ скверъ! Я и Лидуша пойдемъ въ скверъ.

И послѣ этого заявленія она тоже удалилась къ себѣ.

Платонъ Николаевичъ и Аня остались одни. Изъ кухни доносился голосъ бранящейся вдовы Винниченко.

— Вы тутъ наверху живете? спросилъ Платонъ Николаевичъ.

— Да, тутъ...

— Вы тоже съ нами въ скверъ пойдете?

— Нѣтъ, я не пойду...

— Почему? Васъ не пустятъ?

— О, меня всегда пускаютъ! Кто-бы меня не пустилъ? Но я должна итти скоро обѣдать, папа удивится, если меня не будетъ за столомъ. Что вы такъ странно на меня смотрите?

— Развѣ я странно?.. Мнѣ показалось, что вы печальны. У васъ глаза печальные. Мнѣ-бы хотѣлось васъ развеселить.

— О, я вовсе не печальна! Напротивъ, мнѣ теперь очень хорошо. Я часто бываю весела, напримѣръ, когда съ Лидой—я Лиду страшно люблю, или когда танцую. Отчего мнѣ быть печальной? У меня все есть, что мнѣ только нужно.

— Правда? Вы любите танцовать? А кататься любите? У меня тутъ недалеко есть товарищъ старый—помѣщикъ—у него чудныя лошади. Я попрошу—онъ дастъ покататься. Вы поѣдете? Всѣхъ возьмемъ...

— Да, да, поѣду...

— Вы меня еще не знаете, я васъ развеселю. Я фокусы умѣю дѣлать, комическіе куплеты пѣть и анекдоты разсказывать... Я самъ веселый и мнѣ хочется, чтобы другіе были веселы.

Аня собиралась что-то возразить, но тутъ во-

шли Каролина Петровна и Лида, совсѣмъ готовыя на прогулку, въ шляпахъ и перчаткахъ.

— А ты что-же, нейдешь? мелькомъ спросила Лида, поправляя вуалетку.—Жаль, вмѣстѣ-бы прогулялись.

Платонъ Николаевичъ искалъ свою шапку.

Аня молча поцѣловала Лиду и пошла къ двери. Ей въ самомъ дѣлѣ стало грустно и мелькнула мысль—не пойти-ли съ ними въ скверъ, несмотря на обѣдъ?

Но съ лѣстницы уже спускалась косая горничная: баринъ былъ дома и обѣдъ поданъ. Къ тому-же и компанія, не оглядываясь, выходила изъ воротъ.

V.

— Правда, Лида, милая моя, какой онъ хорошій? Какой веселый, и все умѣетъ устроить? Онъ чудный, Платонъ Николаевичъ; правда?

Лида подняла свои голубые, немного выпуклые глаза, похожіе на фарфоровые. Взглядъ ихъ всегда былъ покоенъ и прохладенъ.

— Да, онъ мастеръ на все. И очень любезный.

— Онъ тебѣ нравится? Не правда-ли?

— Почему-бы ему мнѣ и не нравиться? Мнѣ всѣ нравятся.

— Лида, ты какъ-будто дуешься на него. Отчего ты такая?

— Какая?

— Да не я знаю... Говоришь еле-еле... Платонъ Николаевичъ чудный, прелестный, съ нимъ у насъ весело, онъ все умѣетъ, все знаетъ,—а ты будто

недовольна... Развѣ такъ къ нему нужно относиться?

Лида и Аня опять были въ саду, въ бесѣдкѣ. Солнце зашло, наступалъ тихій вечеръ. Теперь кругомъ все распустилось, ожило, зеленые, сильные, свѣжіе листья покрыли деревья. На акаціяхъ висѣли бѣлыя кисти цвѣтовъ. Эти цвѣты пахли ярко и радостно. Невинное небо весны сдѣлалось темнѣе, глубже и спокойнѣе. Въ большомъ саду стало тѣсно, точно деревьевъ вдругъ выросло вдвое больше, на дорожкахъ легли уютныя тѣни.

Лида, при послѣднихъ словахъ подруги, немного отодвинулась — онѣ сидѣли совсѣмъ рядомъ — и кашлянула, точно хотѣла что-то сказать и удержалась.

Аня продолжала:

— Ты молчишь? Лида, ты сердишься? Лида, умоляю! За что?

— Если ты непремѣнно хочешь, чтобъ я съ тобою была откровенна — изволь. Я, пожалуй, выскажу тебѣ свое мнѣніе. Ты меньше видѣла людей, менѣе опытна, чѣмъ я. Я могу давать тебѣ совѣты...

— Ну, ну, говори, что такое?

— Я нахожу, что ты дурно, неприлично держишь себя съ Платономъ Николаевичемъ. У тебя нѣтъ никакой сдержанности. Кто во вторникъ на пикникѣ бѣгалъ съ нимъ въ рощу? Хохочешь, кричишь, или разговариваешь съ нимъ чуть не шопотомъ. Теперь пристала ко мнѣ: чудный, чудный, упоительный! Это смѣшно для дѣвушки. Знаешь, онъ можетъ подумать, что ты въ него влюблена.

Аня вся вспыхнула въ темнотѣ и широко раскрыла глаза.

— Я? Влюблена?

— Ну, да. Что-же тутъ необыкновеннаго? Ты можешь влюбиться, хотѣть выйти за него замужъ. Дѣйствительно, какъ разъ мужъ для тебя! У тебя нѣтъ приданаго, твой отецъ что получаетъ—то и проживаетъ, ты сама знаешь, ну, и Платонъ Николаевичъ—нищій, и на службу неспособный, онъ университета не кончилъ, два раза въ судъ куда-то опредѣляли—ушелъ, не годится, не хочетъ... Вѣдь Каролина Петровна ихъ поддерживаетъ, его и мать... Ее онъ долженъ благодарить. Да въ хорошихъ рукахъ и онъ-бы сталъ человѣкомъ, и еще какимъ,—только не съ тобой; ты сама сумасшедшая, дикая... То то парочка!

Аня слушала въ оцѣпенѣніи. Наконецъ, проговорила тихимъ, страннымъ голосомъ:

— Лида... Подумай, что ты говоришь... Развѣ я когда-нибудь... Зачѣмъ ты, Лида?..

Но Лида и сама почувствовала, что зашла далеко.

— Ты просила высказать мое мнѣніе. Тутъ нечего сердиться... Конечно, можетъ быть, я и ошибаюсь... Я такъ, къ слову сказала.

Наступило молчаніе. Наконецъ, Аня произнесла тѣмъ-же тихимъ голосомъ:

— Лида, ты знаешь все обо мнѣ, знаешь, какая я, какъ живу... И что ты мой единый другъ... А если не ты—то вѣдь у меня опять ровно никого... Скажи, мнѣ это очень важно теперь: ты

меня любишь хоть немножко? Или хоть вѣришь, что я тебя любила?

— Смѣшная ты, право. Конечно, я тебя очень люблю и отъ души желаю тебѣ всего самаго лучшаго... И эти мои слова, на которыя ты обидѣлась—это все для твоего-же блага...

— Не обидѣлась я... Ты не то говоришь.. Скажи, любишь?.. Скажи мнѣ одинъ разъ... Да нѣтъ, впрочемъ, не надо. Все равно.

Она умолкла. Лида была удивлена и раздосадована. Она холодно простилась съ подругой и ушла домой. Аня осталась въ саду и долго и неподвижно сидѣла одна.

VI.

Аня бѣжала съ лѣстницы.

— Это вы? Куда это вы такъ спѣшите, Анна Дмитріевна?

Аня остановилась, испуганная.

— Вы хотите къ нашимъ? продолжалъ Платонъ Николаевичъ.

— Да, я хотѣла... Лида просила нѣмецкую книгу...

— Не попадете къ нимъ. Ушли всѣ и ключъ съ собой взяли. Вотъ я вернулся—у товарища былъ—и войти не могу. Буду здѣсь дожидаться.

— А что-же Устинья? Вы-бы съ другого хода...

— Былъ и тамъ. Устиньи, какъ слѣдовало ожидать, и слѣда нѣтъ. Да чѣмъ тутъ плохо? Эдакая галлерея роскошная...

Сѣни были, точно, просторныя, стеклянныя.

Вверху на лѣстницѣ, за поворотомъ, горѣла тусклая лампа и отъ нея въ нижнихъ сѣняхъ было не очень свѣтло.

— Вотъ погодите, я открою съ этой стороны всѣ окна, такъ тутъ, я вамъ скажу, великолѣпно будетъ.

Онъ, дѣйствительно, отворилъ широкія, сплошныя окна. На дворѣ было свѣжо и темно, и еслибъ звѣзды не дрожали, то казалось-бы, что въ окнѣ спущена черная занавѣска.

— Вотъ славно-то будетъ намъ дожидаться! сказалъ Платонъ Николаевичъ, усаживаясь на низкій подоконникъ. — Пожалуйте, милости просимъ.

Но Аня нахмурила брови.

— Нѣтъ, сказала она.—Что мнѣ дожидаться. Вотъ, передайте книгу. Они, я знаю, скоро не придутъ. Я поднимусь къ себѣ.

И она сдѣлала движеніе, чтобы итти.

Но Платонъ Николаевичъ остановилъ ее.

— Нѣтъ, милая моя барышня, я васъ такъ не отпущу. Ужъ теперь вотъ кстати случай вышелъ... Я съ вами давно поболтать хотѣлъ... Садитесь-ка.

Аня опять взглянула исподлобья и сѣла.

— Ну, о чемъ это такое? сказала она угрюмо.

— А вотъ о чемъ. Сѣли? Прекрасно. Теперь извольте признаваться, за что вы на меня гнѣваетесь? Въ чемъ я передъ вами провинился?

— Вы? ни въ чемъ.

— А за что-же вы на меня дуетесь? Развѣ такъ прежде было?

— Прежде было не такъ.

— Такъ что-же случилось?

— Я не хочу сказать, что случилось.

Платонъ Николаевичъ умолкъ на минуту. Отвѣты были коротки и опредѣленны. Она не хотѣла сказать.

— Послушайте, началъ онъ снова, другимъ тономъ, переставъ шутить. Скажите мнѣ. Гораздо лучше сказать. Развѣ не весело, не славно намъ было вмѣстѣ? Можетъ быть вы слышали обо мнѣ что-нибудь дурное? Или вамъ скучно стало, что я все ломаюсь, шучу, комедіанничаю — будто и нѣтъ во мнѣ ничего серьезнаго? Я знаю, это можетъ опротивѣть. Я самъ себѣ иногда противенъ. Да вѣдь съ вами я не всегда былъ такой. Вы меня не знаете. Я веселый, это правда, а въ сущности я очень несчастный.

Аня встрепенулась.

— Вы несчастны? Отчего?

— Я скажу отчего. Вы хоть и дѣвочка, а вотъ мнѣ чудится, что вы это все поймете. Вы мою жизнь не знаете? Я какъ перстъ одинъ одинешенекъ. Мать тамъ, тетка—ну что это? Еще хуже, потому что не понимаютъ, а осуждаютъ. И я не говорю: онѣ правы. И онѣ правы—и я правъ. Вотъ послушайте. Онѣ говорятъ: ты обязанъ служить, деньги зарабатывать, мать содержать. Я обязанъ—но если силъ моихъ нѣтъ? Совсѣмъ душа не къ тому лежитъ. Претитъ эта служба мнѣ—я, какъ птица лѣсная, скиталецъ, комедіантъ, нищій, самъ себѣ царь и самъ слуга... Говорю: отпустите меня на волю, не вашъ я, вы мнѣ чужіе—я вамъ чу-

жой, не держите... Вотъ вы мнѣ куда роднѣе, чѣмъ мать... Вы потому поймете, что самой-то вамъ, знаю, не сладко... Вы, какъ былинка малая, льнете и къ Лидіи къ этой, и еще къ кому нибудь, пожалуй... Они всѣ вамъ чужіе. Человѣкъ человѣка если и хочетъ, то всегда только для себя. Мать за меня цѣпляется, боится, что уйду. И она права. Вѣдь обязанъ я ее содержать, обязанъ! Живи, волкъ, на веревкѣ, сиди, цыганъ, въ тюрьмѣ!

Въ голосѣ его послышалась настоящая горечь. Лицо было печально, некрасиво и жалко. Аня вскочила съ подоконника и обѣими руками схватила его руку. Онъ взглянулъ въ ея странное лицо и немного испугался.

— Знаете? сказала Аня почти шепотомъ и сжимая его руку.—Вы не знаете, я васъ слишкомъ понимаю, я, можетъ, сама цыганка...

Онъ опять посмотрѣлъ на нее и подумалъ невольно, что она, дѣйствительно, похожа на цыганку. На щекахъ былъ яркій румянецъ, за красными, какъ кровь, полуоткрытыми губами виднѣлась блестящая полоса зубовъ.

— Что Лидія? продолжала Аня тѣмъ же шопотомъ. Она меня нелюбитъ, какъ и всѣ... А вы вотъ сказали, что я вамъ родная... Правда это? Если правда—то это для меня страшно важно, потому что я никому никогда еще не была родная. Это для меня страшно важно.—Я васъ благодарю, и я сама васъ ужасно люблю, и жалѣю, и помогу, и понимаю—и, главное, ужасно люблю...

Худенькія ручки Ани обвились вокругъ шеи ПлатонаНиколаевича. Онъ видѣлъ на своемъ плечѣ,

совсѣмъ близко, ея смуглое, вдругъ необычайно похорошѣвшее, лицо со странными, тусклыми глазами, красныя губы, которыя что-то шептали, какія-то слова любви,—онъ растерялся, онъ не смѣлъ и не зналъ, что ему дѣлать передъ этимъ безсознательнымъ порывомъ, неожиданнымъ для нея, какъ и для него. Онъ, пытаясь освободиться, проговорилъ:

— Аня, милая, родная... Нельзя такъ...

— Все можно... Все... можно... отвѣтила она чуть слышно, не думая о томъ, что говоритъ. О, все, если такъ, какъ я...

Она не договорила, потому что онъ чуть-чуть наклонилъ голову и дотронулся своими губами до ея нѣжныхъ и горячихъ губъ. Было нѣсколько секундъ тишины. Платонъ Николаевичъ выпрямился и слегка отстранилъ Аню. Она, послушная, точно уставшая, покорно опустила руки и прислонилась къ подоконнику.

— Нѣтъ, нѣтъ, заговорилъ Платонъ Николаевичъ.—Вы сами не знаете... Вы ребенокъ... Конечно, я все это понимаю... И я самъ виноватъ... Милая моя, дѣвочка моя хорошая, я знаю, что я виноватъ...

— Вы ни въ чемъ не виноваты. Въ чемъ же тутъ быть виноватымъ?

Онъ видѣлъ ее искреннее удивленіе и рѣшительно не умѣлъ объяснить, въ чемъ онъ виноватъ.

— Послушайте, Аня, я, можетъ и слабый, и гадкій человѣкъ, но я не подлецъ, не думайте, Бога ради...

— Да чѣмъ же вы гадкій, почему я это должна

думать, если вы меня... любите, если я вамъ родная?—Она вдругъ улыбнулась и стала похожа на дѣвочку.—Я вспомнила, что мнѣ никто не говорилъ: я тебя люблю—никогда; и вотъ разъ я просила Лиду, чтобы она мнѣ сказала; она говорила: «конечно, я тебя очень люблю»... но мнѣ было холодно и дурно, когда она это говорила...

Аня опять приблизилась, сѣла рядомъ на подоконникъ. Небывалая радость сдѣлала ее живой, почти болтливой.

— А вы такъ просто сказали, что я вамъ родная. Такъ просто—я сразу повѣрила. Вы не будете больше несчастны, потому что я вамъ родная и понимаю все... Главное, чтобъ одинъ человѣкъ любилъ другого. Безъ этого нельзя. А то, кажется, все есть, что только нужно, а этого нѣтъ — и ничего нѣтъ... Прежде я этого не знала, только скучала—я недавно это поняла...

Она опять усмѣхнулась.

— А мнѣ Лида наговорила, что я дурно держу себя съ вами, что вы можете подумать, что я въ васъ влюблена... Ну, я и стала такой... строгой. Влюблена—это гадкое слово, это Лидино слово. Но почему-же нельзя, Господи, намъ быть родными? Вѣдь это такъ до глубины души хорошо. Хорошо?

Платонъ Николаевичъ чувствовалъ себя несчастнымъ, погибшимъ. Ему очень нравилась эта дѣвочка, онъ почти рѣшился...—но все-таки онъ еще ничего не зналъ... Много было соображеній... Онъ опомниться не успѣлъ, она такая неожиданная... Онъ начиналъ бояться, зубы его стучали.

Вдругъ на дворѣ послышались голоса. Хозяева возвращались домой. Аня вскочила, опять сжала его руки и, глядя ему прямо въ глаза, шепнула:

— Завтра, пораньше, въ садъ приходите... Придете? Смотрите же... Я буду помнить.

И когда заскрипѣла входная дверь—Аня легко и быстро бѣжала вверхъ по лѣстницѣ. Каролина Петровна, впрочемъ, видѣла кончикъ мелькнувшаго коричневаго платья и пристально, сквозь очки, посмотрѣла на растерянное, почти глупое, лицо Платона Николаевича.

VII.

Въ маленькой комнаткѣ, съ такимъ-же окномъ у потолка, какъ во всемъ нижнемъ этажѣ — было очень жарко. На постели лежало слишкомъ много перинъ и подушекъ. Сундуки и ларчики тоже не давали простору. Пахло коринкой, кофеемъ и еще чѣмъ-то, приторнымъ, какъ пахнетъ въ комнатахъ у пожилыхъ нѣмокъ, любящихъ хозяйство. Сама Каролина Петровна сидѣла на стулѣ, очень прямо, положивъ руки на колѣни и, не мигая, смотрѣла на Платона Николаевича.

Это было вечеромъ, послѣ чаю. Лида съ матерью пошли спать, а Каролина Петровна, замѣтивъ, что племянникъ тоже собирается скрыться къ себѣ—позвала его на минутку въ свою комнату.

— Я имѣю кое-о-чемъ переговорить, Платонъ, объявила она.

Платонъ Николаевичъ пошелъ молча и теперь стоялъ передъ теткой, ожидая ея словъ.

— Сядь-же. Вотъ на этотъ стулъ, визави со мной. Тебѣ удобно будетъ.

Опять наступило молчаніе.

— Я тебя позвала, Платонъ, немного торжественно заговорила Каролина Петровна, чтобы наконецъ серьезно съ тобой переговорить. Слушаешь-ли ты меня?

Платону Николаевичу было скучно и тошно на сердцѣ. Но онъ покорно отвѣтилъ:

— Слушаю.

— Ну, такъ вотъ что. Не буду напоминать тебѣ о крайнемъ положеніи твоей престарѣлой, больной матери и о томъ позорѣ, который ложится на тебя, здороваго, взрослаго ея сына, ее до такого положенія доведшаго. И она это сознаетъ,—каково то ей подобную благодарность отъ своего дитяти получать! Но все это тебѣ давно извѣстно. Я принимаю участіе въ моей кузинѣ и тебѣ. И я писала передъ праздниками, что намѣрена устроить вашу судьбу окончательно, что тебѣ вообще пора жениться и предложила тебѣ пріѣхать на время въ семейство, гдѣ я живу. Скажи мнѣ теперь, что ты вынесъ изъ моего письма и на что ты разсчитывалъ, соглашаясь на мои предложенія?

— Я думалъ... Я полагалъ... смущаясь и путаясь заговорилъ Платонъ Николаевичъ,—что вы настолько добры... какъ были всегда относительно матушки... и принимая участіе во мнѣ... рѣшили, что вообще мнѣ хорошо бы остепениться... и что если найдется подходящая невѣста...

— Если найдется... Вообще остепениться...

Скажите пожалуйста! Дѣйствовать на случай, дѣйствовать безразсчетно, безразсудно—не въ моихъ правилахъ. Ты плохо себѣ уяснилъ смыслъ моего письма, я это давно вижу. Ну, а жениться ты, значитъ, не прочь?

Платонъ Николаевичъ оживился.

— Танточка, если бы я могъ разсчитывать на вашу помощь относительно матушки... Ну, хоть первое время, пока что... Еслибъ вы обѣ согласились отпустить меня поискать работы или службы какой-нибудь по сердцу, на свободѣ — я бы, танточка, женился... Она мнѣ и нравится и, вообще, такъ, чувствуется...

— Ты про кого говоришь?

— Да про эту маленькую, Анюту... Я думалъ—вы, танточка, знаете..

— А что мнѣ тутъ нужно знать? Ты ей предложеніе сдѣлалъ?

— Нѣтъ, я предложенія не дѣлалъ.. Но такъ, вообще... Она мнѣ нравится...

— Я вызвала тебя, Платонъ, имѣя для тебя ввиду подходящую невѣсту, жениться на которой ты обязанъ, потому что своей женитьбой ты обезпечишь, успокоишь мать, а самъ пристроишься. Я же твоей матери, ни тебѣ самому изъ заработка помогать не должна. Я устраиваю для тебя всякую возможность, а если ты обязанности не исполнишь, то я отступаюсь. Я сама бѣдный человѣкъ.

Платонъ Николаевичъ смотрѣлъ на тетку испуганно, еще не понимая.

— Мой планъ былъ и есть таковъ, продолжала она—чтобы тебѣ жениться на Лидіи Винниченко.

Платонъ Николаевичъ вскочилъ въ ужасѣ.

— Какъ, на Лидіи? Да что вы! Да это невозможно. Это не годится.

— Почему-же? спокойно возразила Каролина Петровна.—Вотъ послушай. У нея домъ, тысячъ шестьдесятъ деньгами, да хуторъ хорошій въ Черниговской губерніи. И послѣ матери кое-что останется. Надо тутъ подумать. Ты дѣлами будешь управлять, а нѣтъ—то и безъ тебя обойдемся. На хуторъ поѣдешь. Туда мамашу перевезешь. Умнѣй этого тебѣ нельзя поступить.

— Тетушка, что вы! Мнѣ Лидія не нравится. Да и не пойдетъ она за меня И мать ее не отдастъ. Что я? Нищій, ни положенія у меня, отецъ былъ управляющимъ...

— Ихъ тоже положеніе не генеральское. Что мать воображаетъ за богача отдать — то правда. Ну, а я на что? Я все могу устроить. Лида же—дѣвушка умная. Мы съ ней давно переговорили. Ты ей весьма нравишься.

Платонъ Николаевичъ казался убитымъ. Голосъ тетки былъ рѣшителенъ и твердъ.

— Ты изъявишь согласіе и мы немедленно это и устроимъ. Теперь время, а то будетъ постъ петровскій. Мать твоя мнѣ пишетъ и благословляетъ тебя.

— Послушайте, милая тетя, это невозможно. Я сознаю, что вы не обязаны, что я, негодный, обязанъ служить, кормить мать, что я, дѣйствительно, поступаю скверно... Ну я буду служить,

постараюсь какъ ни на есть... Да не хочу я на этой жениться... Мнѣ та нравится. Анюта, я лучше на ней женюсь... Чтожъ это? Вѣдь я не зналъ... И я ей тоже нравлюсь... Она же такая покинутая... Жаль мнѣ, тетя!.. Голубушка, не заставляйте меня, я знаю, вы меня на все можете уговорить, не дайте мнѣ ее покинуть, я этого не могу!

— Можетъ быть, я сдѣлала ошибку, не разъяснивъ тебѣ раньше моихъ плановъ. Но я не думала, что ты такъ неосмотрительно, ничего не узнавъ, начнешь завлекать молодую дѣвушку. Но какъ ты предложенія, говоришь, не дѣлалъ, — то все это поправимо. Она себѣ жениховъ въ своемъ кругу найдетъ. Кто ее сильно полюбитъ — возьметъ и безъ приданаго, и безъ имени. Намъ она не годится; мы хоть бѣдны, да все семейство у насъ честное. Анна же просто цыганки дочь, таборной цыганки. Вѣдь это всѣмъ извѣстно. Дочку она отцу прикинула—а сама опять въ таборъ ушла. И неизвѣстно гдѣ скитается. Изъ этакой семьи намъ не нужно. Дѣвушка, говорятъ, на мать и похожа. Ты ей сегодня нравишься, а завтра другой понравится. Тутъ на это смотрѣть нечего. Не ее, а тебя жалѣть придется, если такую взять. Ее только смути—она сейчасъ готова. Тебѣ ее смущать не слѣдовало.

Бѣдный Платонъ Николаевичъ опустилъ голову и лепеталъ безсвязно:

— Все-таки мнѣ жаль... Какое мнѣ дѣло—чья дочь... Развѣ она виновата? За что же я?..

До сихъ поръ спокойная Каролина Петровна разсердилась.

— Къ чему это я съ тобой говорю, въ самомъ дѣлѣ? Не я у тебя одолженія прошу! Дѣлай, что знаешь. Женись на нищей дѣвчонкѣ. Бросай мать при дорогѣ. Служить онъ будетъ! Ищи, поди, мѣста. Когда спохватился! А мать больна, ее въ городъ, въ Полтаву, надо везти, операцію дѣлать. На какія деньги ее повезешь? Или такъ, околѣть бросишь, сынокъ единственный? О немъ же заботишься, онъ же гримасничаетъ! Да не надо! Кто своихъ обязанностей не понимаетъ — съ тѣмъ я времени не трачу!

Она встала въ негодованіи. Платонъ Николаевичъ схватилъ ее за платье.

— Не уходите, постойте... Мы рѣшимъ, мы подумаемъ... Зачѣмъ вы мамашѣ-то написали обо всемъ? Ну—мы подумаемъ... Какъ же такъ сразу?

— Не о чемъ думать. Кажется, ясно. Не хочешь—я напишу матери, чтобы и не ждала. Тутъ время не терпитъ. Надо рѣшать.

Платонъ Николаевичъ молчалъ.

— А еще о жалости твердитъ, язвительно произнесла Каролина Петровна.—Ужъ если родную мать не жалѣетъ, такъ о чужихъ вспоминать не приходится... Ступай-ка, я спать ложусь.

Платонъ Николаевичъ пошелъ къ двери. Но у порога вдругъ остановился, обернулся, махнулъ рукой и проговорилъ:

— Чтожъ... И такъ—и иначе, все равно я буду подлецъ... Дѣлайте со мной, тетя, что хотите. Въ ваши руки отдаюсь.

VIII.

Аня ходила по залѣ, изъ одного угла въ другой. Лицо ея было желто и не только не напоминало лица ребенка, но даже не казалось молодымъ. Это черты пожилой, измученной женщины. На вискахъ лежали зеленоватыя тѣни, углы рта опустились.

Три дня она не видала Платона Николаевича. Пробовала ходить внизъ — но и тамъ его не было, а Лида и Каролина Петровна такъ странно смотрѣли на нее и такъ холодно говорили, что она спѣшила уйти, ей было стыдно и нехорошо съ ними. Ходила она въ садъ, гдѣ они часто встрѣчались и куда, послѣ вечера на лѣстницѣ, она звала его на другой день. Тогда онъ пришелъ, но почти не удалось поговорить,—къ нимъ въ бесѣдку явилась Лида съ работой. Все-равно, Аня была счастлива, потому что онъ сидѣлъ около нея, смѣялся, шутилъ, и порой смотрѣлъ съ лаской. Что въ глазахъ была къ ней ласка—это она знала навѣрное. Потомъ они встрѣтились случайно у крыльца, вечеромъ; Аня кинулась къ нему и только успѣла шепнуть:

— Вѣрите мнѣ?

Сейчасъ же стукнуло окно и голосъ Каролины Петровны позвалъ:

— Это ты, Платонъ?

Но все-таки тогда онъ сжалъ ея руку и проговорилъ:

— До завтра.

Завтра они не видались—и ни разу съ тѣхъ поръ.

Напрасно Аня бродила по саду, ждала у крыльца, на лѣстницѣ... Платонъ Николаевичъ будто нарочно прятался.

Дольше Аня ждать не могла. Она хотѣла знать, что случилось, должна была знать. Она предпочла бы убѣдиться, что онъ умеръ.

Шло время, боль въ сердцѣ сдѣлалась такъ сильна, что соображенія Ани стали безсмысленны и вещи, самыя невозможныя, казались теперь простыми и даже необходимыми, лишь бы онѣ уменьшили муку.

Отца не было дома. Онъ вернется не раньше двѣнадцати. Всѣ люди разошлись, было воскресенье, даже экономка Анфиса ушла. Въ домѣ было пусто и тихо.

Аня отправилась въ свою комнату и сѣла за столъ. Она искала глазами бумаги—и не нашла. Она вырвала клочекъ съ голубыми линейками изъ старой тетради и написала крупными буквами:

«Многоуважаемый Платонъ Николаевичъ! Умоляю сказать, что случилось. Умоляю видѣть хотя на минуту. Я больше не могу вытерпѣть. Мнѣ очень, очень важно. Папы нѣтъ дома. Приходите ко мнѣ, потому что въ садъ нельзя, идетъ дождь. Я васъ понимаю, жалѣю, люблю—только придите. Я не умѣю сказать, какъ страшно мнѣ важно, чтобъ Вы пришли сейчасъ. Больше писать не могу. Любящая Васъ Аня».

Конверта тоже не было. Аня сложила записку узко и заклеила старой облаткой. Потомъ позвала косую горничную, которая оказалась дома.

— Вотъ, снеси это внизъ.

— Барышнѣ или нѣмкѣ?

— Нѣтъ. Платону Николаевичу.

— Какому это?

— Да Платону Николаевичу! Баринъ тамъ, вѣдь знаешь!

— Это племянникъ нѣмкинъ, что-ли?

— Ну да, да, Боже мой!

— Цыбастый такой?

Аня готова была потерять терпѣніе. Наконецъ горничная ушла, повертѣвъ письмо и недовѣрчиво на него поглядывая.

Аня стала ждать. Она ходила по своей комнатѣ взадъ и впередъ, крѣпко сложивъ руки на груди, стараясь удержаться отъ дрожи и прислушиваясь. Но было совсѣмъ тихо. Прошло какое-то время—Аня даже не знала, короткое или длинное. За дверями послышались шаги и явилась косая горничная.

— Ну что? Есть отвѣтъ? спросила Аня очень равнодушнымъ голосомъ.

— Велѣли сказать—хорошо.

— Кто велѣлъ? Онъ самъ?

— И не самъ. Я сейчасъ, какъ спустилась—говорю Устиньѣ: гдѣ баринъ? Она говоритъ: тамъ. Я пошла, да прямо въ нѣмкину комнату. А онъ тамъ и сидитъ, и нѣмка съ нимъ, и барышня ихняя бѣлобрысая, а хозяйки, Степаниды Ильинишны, нѣтъ...

— Ну, и чтожъ ты? замирая отъ непонятнаго ужаса спросила Аня.

— Я сразу ему и отдала письмо. Спрашиваю,

будетъ-ли какой отвѣтъ? А сама смѣюсь. И не знаю чего—а смѣюсь. Тогда нѣмка тоже засмѣялась и говоритъ: скажи, говоритъ, своей барышнѣ, что хорошо.

— А онъ что? Распечаталъ письмо, прочелъ?

— Ужъ не знаю. Какъ будто вертѣлъ, а читалъ-ли—не знаю. И на нѣмкины слова ничего не сказалъ.

Горничная собиралась пуститься въ разсужденія, но Аня ее оборвала.

— Теперь ступай. И кровать дѣлать не приходи. Сама сдѣлаю.

Боль въ груди не уменьшилась. Что это значитъ — «хорошо?» И не онъ сказалъ, а Каролина Петровна. Значитъ ли это, что онъ придетъ?

Да, онъ непремѣнно придетъ, потому что нельзяже дольше выносить эту странную муку. Пусть Каролина Петровна читаетъ ея письма, и Лида, пусть хоть весь свѣтъ; Анѣ все равно. Каролина Петровна прочтетъ, пойметъ, что такъ нельзя — и сама скажетъ ему, что непремѣнно нужно итти.

И онъ сейчасъ придетъ.

Аня поспѣшно схватила гребенку и пригладила волосы. Потомъ подвинула кресло къ столу. Убрала книги и тетради. Ея ухо уловило бы малѣйшій шумъ—но шума не было. Аня сѣла въ кресло и ждала.

Шли минуты и часы. Порою Анѣ чудилось, что пробѣгали безмолвныя тѣни по сумрачнымъ стѣнамъ, еле освѣщеннымъ зеленой лампой. Порой за дверью, въ темныхъ пустыхъ комнатахъ кто-то возился, шуршалъ и лепеталъ — но это все были

нечеловѣческіе звуки и нельзя было ихъ принять за шумъ шаговъ. Дождь утихъ. Въ окна теперь смотрѣли невинныя и равнодушныя звѣзды.

Аня безъ борьбы, только съ удивленіемъ, отдавалась боли въ сердцѣ, точно ребенокъ, котораго несправедливо наказываютъ. Часы пролетѣли, какъ минуты, она ихъ не замѣтила, изумленная силой своего страданія. Когда она очнулась—было уже половина третьяго. Онъ не пришелъ. Аня встала и приблизилась къ постели. Ей показалось, что дверь изъ пустыхъ комнатъ шелохнулась и беззвучно пріотворилась. Она подошла ближе—дверь была заперта. И только глухо, за стѣнами, послышались чьи-то быстрые-быстрые, легкіе шаги, точно кто-то стремительно пробѣжалъ и скрылся.

Но Аня не чувствовала прежняго страха. Теперь у нея въ душѣ было пусто и темно такъ-же, какъ въ тѣхъ комнатахъ рядомъ.

Она легла въ постель и погасила зеленую лампу. Скоро пятна оконъ стали виднѣе. Въ комнатѣ наступили сѣрыя, глухія сумерки. Потомъ сѣрая пыль стала розовѣть, все пояснѣло и первый лучъ солнца, длинный, острый и красный упалъ на стѣну. Аня все лежала съ открытыми глазами и подумала, что уже не заснетъ. Но когда день совсѣмъ наступилъ, птицы защебетали въ саду и пѣтухи запѣли на дворѣ—она вдругъ заснула, незамѣтно, крѣпко и тихо, точно умерла или опустилась на дно глубокаго колодца.

IX.

Ее разбудилъ стукъ двери.

Косая горничная вошла съ кувшиномъ воды. Аня поглядѣла на нее еще безъ мысли, ничего не вспомнивъ, и хотѣла опять закрыть глаза. Но выраженіе лица горничной удивило ее и она приподнялась на локтѣ.

— Чего ты? спросила она невольно.

Горничная не могла удержаться отъ смѣха. Видъ у нея былъ довольный и таинственный.

— О чемъ ты? повторила Аня.

— Ужъ и заспались вы, барышня! Вѣдь второй часъ! Папаша одни позавтракали и уѣхали. А у насъ-то дѣла! Что только творилось, Царь Небесный!

— Да говори, какія дѣла?

— Вы не повѣрите, барышня. Вѣдь нѣмка то хозяйскую дочку со своимъ племянникомъ окрутила! Да вѣдь какъ, уходомъ, въ тайности! Ловкая, нечего сказать! Утромъ пошли они втроемъ будто на прогулку, а вмѣсто того въ церковь — да и готово! Глядь, ужъ молодые подъ ручку назадъ идутъ, а сама то нѣмка притаилась гдѣ то, пока не обойдется. Хозяйка, Степанида Ильинишна, какъ начнетъ ругаться, какъ начнетъ ругаться, даже почернѣла вся, думали, кондрашка ее хватитъ. Мѣтила дочку за генерала, а гляди куда попала. Нѣмкинъ племянникъ шатущій. Отъ такого-то богатства! И ужъ вотъ ругалась! Съ сосѣднихъ дворовъ пришли. И прокляну, и вонъ,

и всяко! Очень занятно было. Дочка все молчитъ, потомъ взяла мать за руку, повела въ спальню, да и заперлась съ ней тамъ. О чемъ говорили— кто ихъ знаетъ, а только потомъ мать вышла словно шелковая. И простила, и за угощеніемъ послали, теперь такой пиръ — страсть! Мы всѣ поздравлять ходили. Шампанское. И нѣмка выискалась, сидитъ, какъ королева. Ишь вѣдь, хитрая.

Аня не проронила ни слова. Но когда горничная кончила, она вскочила съ постели и быстро начала одѣваться. Она спѣшила. Надо было итти, дѣйствовать, сказать имъ все прямо въ глаза, чтобы они поняли, что такъ нельзя. Или это невѣрно, неправда — или слова ея какъ громомъ поразятъ ихъ, они будутъ каяться и плакать—потому что вѣдь нѣтъ же въ мірѣ такой несправедливости...

Сознавая не совсѣмъ ясно, какъ она будетъ дѣйствовать, Аня сбѣжала съ лѣстницѣ и отворила незапертую дверь въ квартиру нижняго этажа.

Аня остановилась на порогѣ залы. Тутъ за столомъ сидѣла вся семья. Каролина Петровна, красная, торжественная, даже безъ очковъ, толстая Степанида Ильинишна, Лида, съ розовыми пятнами на хорошенькомъ личикѣ—всѣ они казались довольными, безъ тѣни смущенья и неправоты. Только Платонъ Николаевичъ былъ немного выбитъ изъ колеи; но и онъ старался ободрить себя улыбкой—вѣдь теперь уже все равно.

Аня пристально взглянула на Платона Николаевича. Онъ вдругъ показался ей маленькимъ и

далекимъ, совсѣмъ другимъ. Она почувствовала, что никакія ея слова, будь они истинны, какъ Божьи, не заставятъ этихъ людей каяться и плакать. Они хорошо устроились, что ихъ теперь смутитъ?

И Аня, въ первый разъ въ жизни, сдѣлала надъ собой великое усиліе—сдержала негодованіе и боль, съ которыми шла сюда, и не сказала ни слова. Несправедливость жизни была передъ нею— и Аня ей покорилась, потому что такъ слѣдовало.

Лида подбѣжала къ подругѣ.

— Ты поздравить меня пришла? Видишь, какъ все неожиданно случилось!.. Садись сюда, садись...

Аня поцѣловала Лиду и сѣла за столъ, рядомъ съ Платономъ Николаевичемъ. Она отпила шампанское, поставила бокалъ и странно улыбнулась.

Платонъ Николаевичъ бросилъ на нее испуганный взоръ.

Но Аня, наклонившись къ нему, проговорила снисходительно, угадывая его мысли:

— О, не бойтесь! Я не сдѣлаю вамъ ничего дурного. Я теперь даже не хочу вамъ дурного. Развѣ стоитъ?

Время.

СКАЗКА.

«...И клялся Живущимъ во вѣки вѣковъ Который сотворилъ небо и все, что на немъ, землю и все, что на ней, и море и все, что въ немъ, что времени уже не будетъ».

Апокалипсисъ, гл. X, 6.

I.

Очень далеко, на сѣверѣ, жила принцесса, которую звали Бѣлая Сирень.

Принцесса жила въ большомъ, красивомъ саду. Въ немъ не было другихъ деревьевъ, кромѣ сиреневыхъ, даже павильонъ посерединѣ сада, гдѣ спала принцесса, былъ выстроенъ изъ стволовъ сирени, а мебель внутри павильона стояла только бѣлая и свѣтлолиловая. Когда зацвѣтала сирень— весь садъ наполнялся тяжелымъ благоуханіемъ, на высокихъ кустахъ, заслоняя зелень, висѣли бѣлыя и лиловыя гроздья, и вѣтки нагибались отъ тяжести цвѣтовъ. Принцесса сидѣла на ступенькахъ своего павильона и грустно смотрѣла въ садъ·

Она была очень молода, очень мила и граціозна, съ нѣжнымъ и блѣднымъ лицомъ, точно вылитымъ изъ воска. Ея глаза, всегда печальные, были зелены и прозрачны, какъ первая полоска зари, а волосы такъ мягки и такъ свѣтлы, что казались серебряными; они свободно падали бѣлой волной на плечи.

Принцесса всегда была грустна. Она много читала и училась, къ ней ходили важные учителя, но ни одинъ изъ нихъ не зналъ и не умѣлъ научить принцессу, какъ побѣдить злого старика который сидитъ на скалѣ надъ моремъ. Его никто никогда не видѣлъ, и принцесса никогда не видала, но это уже было извѣстно, что онъ сидитъ на скалѣ. Злого старикашку звали Время; всѣ говорили, что онъ единый царь свѣта, а принцесса чувствовала, что она не можетъ спокойно дышать и жить, если не найдетъ въ мірѣ чего-нибудь сильнѣе старика. Но до сихъ поръ — она видѣла — изъ всего существующаго онъ надъ однимъ собой былъ безвластенъ, и потому только, что это былъ онъ самъ.

— Что-же?—разсуждала принцесса.—Вѣдь, если есть время, значитъ, нѣтъ ни радости, ни горя, значитъ, жизни нѣтъ. И въ душѣ человѣческой нѣтъ ни одного чувства, ни одного ей принадлежащаго, потому что ни одного нельзя удержать. На что мнѣ сирень, если она отцвѣтетъ, на что мнѣ солнце, если оно закатится? Куда уйти отъ времени? Гдѣ найти то, что сильнѣе времени?

Принцесса не любила ночей. Ей страшно было ночью и казалось, что день не вернется. Въ ея

саду, когда цвѣли сирени, заря встрѣчалась съ зарею и ночь была блѣдна, какъ облачный день, но короче дня.

Время шло, гроздья на кустахъ сохли, темнѣли и сжимались, солнце грѣло жарче, а вечеромъ спѣшило къ горизонту — и спало дольше; глаза принцессы становились все печальнѣе; ей чудилось, что злой старикъ близко отъ нея и замышляетъ недоброе. Принцесса терпѣла, пока могла— потомъ приказывала снарядить пышный корабль, брала своихъ приближенныхъ и любимую, еще нестарую, няню и пускалась въ путь. Они ѣхали далеко, далеко, черезъ все море, на другой конецъ земли, гдѣ у принцессы былъ такой-же садъ, полный сиреневыми кустами, такой-же бѣлый и лиловый павильонъ—только въ то время, какъ въ одномъ саду облетали листья, шумѣли мокрые осенніе вѣтры, и ночи все чернѣли и росли—въ другомъ опять заря не хотѣла уходить съ неба до утра, а на кустахъ рождались темныя, робкія почки. Опять принцесса просиживала блѣдныя ночи на порогѣ своего павильона, опять смотрѣла на востокъ печальными гдазами и шептала:

— Гдѣ я найду то, что мнѣ нужно? Есть-ли на свѣтѣ то, что будетъ всегда?

II.

Съѣхались къ принцессѣ гости, молодые принцы и герцоги. Они слышали, что принцесса красива, богата и тиха—и желали взять ее замужъ.

Когда пришла няня, запыхавшись, и доложила

принцессѣ, что ее ждутъ въ бѣлой залѣ павильона и что она должна выбрать между герцогами мужа,— Бѣлая Сирень удивилась и даже испугалась.

— Что ты, няня,—сказала она.—Зачѣмъ я пойду замужъ?

— Какъ зачѣмъ, родная? Подумай-ка, всѣ выходятъ замужъ. Мужъ тебя станетъ любить, баловать, ты его также люби, придетъ время—дѣтки будутъ, утѣшенье тебѣ.

Принцесса покачала головой.

— Нѣтъ, няня, милая. И тутъ опять время, ты говоришь—время... И дѣти мои будутъ служить злому старику... Каждому, няня, жизнь дана для самаго большого, что онъ можетъ сдѣлать. Не даромъ у меня эти думы, эта тоска. Теперь ищу, мучаюсь—но лицомъ къ своему свѣту стою; а тогда—зароюсь, закроюсь, подчинюсь времени безъ ропота—и погибну раньше своего часа. Не пойду я замужъ. Скажи имъ, няня.

Няня вышла, ни слова не промолвивъ. И герцоги и принцы поѣхали со двора, удивленные и раздосадованные.

III.

Уходило солнце и цвѣты сирени сдѣлались розовыми, когда ихъ озарили послѣдніе лучи.

Принцесса сидѣла одна, въ своемъ бѣломъ платьѣ съ длинными лентами, на низенькой дерновой скамеечкѣ. Отсюда виднѣлась каменная ограда, а за оградой—далекое, очень далекое небо: въ той сторонѣ было море.

Принцесса думала свою вѣчную думу. Въ душѣ у нея было смутно. Она не знала, чего она ждала не знала, въ какомъ образѣ явится сила, которой суждено побѣдить время. Можетъ быть—это слова, громовыя слова, они пронижутъ сердце, какъ острое копье, остановятъ время и дадутъ людямъ истинную свободу. Все равно, всѣмъ людямъ или одному человѣку. Все равно, одному-ли человѣку, или одному чувству его, одному движенію сердца значитъ есть то, можетъ быть то, чего нѣтъ на свѣтѣ.

А иногда принцессѣ казалось, что божественная сила въ любви. Не въ той, которую принцесса любила свой садъ, любила-бы мужа и дѣтей, если-бы вышла замужъ; такая любовь—вся подъ временемъ, идетъ время—она старѣетъ, умираетъ. Но принцесса чувствовала, что есть другая любовь—сильнѣе времени. Она должна быть одна, неприступная, нераздѣленная... Когда она раскалывается на двое—время ее съѣдаетъ. И великая любовь—самое прекрасное въ мірѣ, потому что она безконечная. Только безконечною можно побѣдить Время, вѣдь, оно-то не безконечное, оно когда-то началось, значитъ, и кончится...

Все это знала принцесса; но есть-ли на свѣтѣ такая любовь? И гдѣ искать ее?

Принцесса опустила голову. Она не замѣтила, что черезъ низкую ограду перескочилъ какой-то человѣкъ и, семеня ножками, приблизился къ скамейкѣ. Долго онъ смотрѣлъ на печальную принцессу. Наконецъ, она почувствовала, что не одна и подняла глаза.

— Кто вы?—сказала она, нисколько не испугавшись.—Вы пришли погулять въ моемъ саду?

Принцесса никого не боялась, она была очень довѣрчива. Каждый человѣкъ, котораго она знала, казался ей хорошимъ и добрымъ.

Теперь она, можетъ быть, прибавила бы ласковое слово, но незнакомецъ не понравился ей своею наружностью. Онъ снялъ широкополую шляпу и низко поклонился, а взглядъ принцессы выражалъ все большее и большее замѣшательство. Она не могла превозмочь въ себѣ непріязнь и даже нѣкоторое отвращеніе ко всей фигурѣ гостя. Одежда его показывала, что онъ знатенъ. Со шляпы висѣло длинное перо, матовое, какъ уголь. Коротенькія и странно-маленькія ножки въ туфляхъ на высочайшихъ каблукахъ выглядывали изъ-подъ плаща. Плащъ былъ такого темнаго, густого, краснаго цвѣта, что казался чернымъ, и только на складкахъ, гдѣ ломался тяжелый бархатъ, выступали огненныя полосы.

Самъ незнакомецъ былъ поразительно дуренъ собой. Черные глазки странно мерцали изъ-подъ бровей, точно далеко, въ самой глубинѣ зрачковъ, были положены красноватые угольки. Широкій носъ ложился на усы, а щеки горѣли слишкомъ яркимъ румянцемъ и обличали прекрасное здоровье и полнокровіе.

Не понравилась принцессѣ и шапка черныхъ, тусклыхъ волосъ надъ выпуклымъ лбомъ.

Но она побѣдила себя и сказала опять, по возможности ласково:

— Вы хотите букетъ сирени?

— Принцесса, — отвѣтилъ незнакомецъ вѣжливо,—я не могъ увидать васъ иначе, какъ войдя прямо въ садъ. Простите. Я пріѣзжалъ въ сиреневый павильонъ, но меня не приняли. А я не свататься пріѣзжалъ, принцесса.

— Кто вы? Какъ ваше имя?

— Меня зовутъ герцогъ Багровый Свѣтъ. А пріѣзжалъ я къ вамъ, чтобы поговорить о томъ, о чемъ вы всегда думаете.

Принцесса встрепенулась и молча поглядѣла на собесѣдника. Въ ея блѣдныхъ глазахъ была надежда.

— Васъ мучаетъ власть времени, — говорилъ герцогъ.—Вы не знаете, какъ называется самое великое въ мірѣ. Хотите, я скажу вамъ его имя, принцесса?

Принцесса поблѣднѣла, вскочила со скамейки.

— Умоляю васъ,—произнесла она,—говорите!

Она забыла уродство герцога и сжимала его руки въ своихъ.

Герцогъ улыбнулся и сѣлъ на скамейку рядомъ съ принцессой.

— Слушайте меня,—началъ онъ.—Единая, вѣчная сила—есть зло. Страна моя лежитъ тамъ, далеко на сѣверѣ, у подножій ледяныхъ вулкановъ. Они спятъ, всѣ бѣлые—но часто просыпаются, открываютъ красныя очи, льды трескаются и кипятъ, гибнетъ все вокругъ, а небо горитъ багровымъ свѣтомъ. Широко, до самаго зенита, тянутся, дрожатъ огненные лучи. Торжествуетъ сила разрушенія, вѣчное зло! Когда все разрушится—не будетъ времени!

Герцогъ одушевился. Принцесса глядѣла внизъ, не смѣя вѣрить.

— Вникните въ жизнь,—продолжалъ герцогъ.— Вездѣ, всюду борьба—и вездѣ побѣда зла. Величіе—въ уничтоженіи, и одно зло побѣдитъ міръ!

Принцесса подняла глаза.

— О, если это такъ! Убѣдите меня, что вы правы! Пусть увижу сама великое Зло!

И она, блѣдная и взволнованная, протянула герцогу руки.

Все равно, все равно чѣмъ—лишь-бы убить ненавистнаго старика, который дышать не даетъ сиреневой принцессѣ.

Ш.

У каждой страны есть свои обычаи и законы. А сиреневая страна—была совсѣмъ особенная, не похожая на другія, значитъ, неудивительно, что и законы ея были особенные.

Владѣнія принцессы состояли изъ двухъ большихъ островов, причемъ одинъ лежалъ у сѣвернаго полюса, а другой у южнаго. Принцесса и ея дворъ, какъ уже было сказано, проводили полгода на одномъ островѣ, а полгода на другомъ. И на томъ, и на другомъ были одинаковые законы. Впрочемъ, законы эти зналъ наизустъ каждый подданный, потому что ихъ всего на-всего считалось три. По первому—каждый, кто ѣхалъ въ чужія земли, долженъ былъ снаряжать корабль, не похожій на корабли сиреневаго царства, надѣвать одежды такія, какія носили люди чужихъ

странъ и, кромѣ того, онъ ни разу, ни однимъ словомъ, не смѣлъ упоминать и разсказывать о родныхъ сиреневыхъ садахъ. Иначе неосторожный забывалъ дорогу домой и навѣки долженъ былъ оставаться на чужбинѣ. Дорога никому не была извѣстна, никто изъ постороннихъ не могъ-бы добраться туда; только одни ученые, которые никогда не покидали своихъ кабинетовъ, на основаніи математическихъ данныхъ, думали, что есть трудный и опасный проходъ между льдами, а за льдами—земля, но, обыкновенно, ученымъ или попросту не вѣрятъ, или весьма мало интересуются ихъ открытіями. Такъ какъ путешествіе изъ сиреневой страны въ другія земли стоило очень дорого, то почти никто и не ѣздилъ оттуда, развѣ самые богатые люди.

По второму закону—никто никому не могъ приказывать и никѣмъ повелѣвать, кромѣ принцессы, но и она распоряжалась только своими придворными. Даже мать не смѣла насиловать волю своего ребенка послѣ десятилѣтняго возраста. По третьему-же закону—принцесса не могла выйти замужъ за простого смертнаго, безъ титула и двойного имени (двойное имя было признакомъ царственнаго происхожденія). А если выходила, то переставала называться принцессой и вмѣстѣ съ мужемъ должна была на вѣчныя времена покинуть сиреневую страну. Въ междуцарствіе, до выбора новой принцессы—всѣ могли приказывать и повелѣвать; но съ непривычки начинались такія несчастія, что спѣшили возобновить старый законъ: пока всѣ были равно свободны—въ сирене-

вомъ царствѣ никто не слышалъ о враждѣ и безпорядкахъ.

Герцогъ Багровый Свѣтъ былъ очень знатенъ и богатъ, а потому придворные, видя, какъ часто онъ бесѣдуетъ съ принцессой у садовой ограды, стали говорить: «Герцогъ женится на принцессѣ... Принцесса благосклонна къ нему... Принцесса влюблена»...

А у принцессы тосковало сердце. Когда откроется ей правда? Что такое зло, о которомъ говоритъ герцогъ? Принцессѣ жутко глядѣть на крошечныя ножки герцога, похожія на копытца, и думаетъ она порою, что если снять съ него пышный плащъ и бархатныя одежды—онъ окажется покрытымъ черной, рѣдкой шерстью... Принцесса боится своихъ мыслей и гонитъ ихъ отъ себя—и опять ждетъ чуда. Дни проходили, проходили... Однажды принцесса сидѣла съ герцогомъ на балконѣ своего павильона, передъ закатомъ солнца. Мраморная лѣстница вела въ садъ. На ступенькахъ лѣстницы сидѣлъ пажъ принцессы, Вервенъ, и пѣлъ вполголоса свои новые сонеты, едва касаясь пальцами лютни.

Принцесса любила бѣднаго Вервена и приблизила его къ себѣ за то, что онъ былъ счастливъ. Незнатный, некрасивый, съ бѣлесоватыми разсѣянными глазами, съ длинными плоскими волосами, всегда взволнованный и наивный—онъ ей казался особенно милъ. Порой она плакала, слушая его стихи, такая въ нихъ была прелесть, невѣдомая ему самому. Для Вервена были равны и зло, и добро, и минута, и вѣкъ; онъ радовался и мраку,

и солнцу, вездѣ видѣлъ мгновенную красоту, всѣмъ наслаждался, покорный малѣйшему вѣтерку безъ мысли о ропотѣ — и былъ истинно счастливъ. Принцесса любила его за счастье, недоступное ей, баловала, какъ ребенка, улыбалась ему.

Вервенъ чувствовалъ странную тяжесть на душѣ при герцогѣ: ему казалось, что отъ герцога вѣетъ такъ горячо, и листья на деревьяхъ свертываются, и трава желтѣетъ... Ничего дурного не желалъ Вервенъ герцогу, но не могъ при немъ пѣть во весь голосъ—и опускалъ глаза...

Герцогъ молчалъ. Уже нѣсколько дней онъ былъ сумраченъ и страненъ. Вдругъ взглядъ его остановился на Вервенѣ, и этотъ взглядъ былъ такъ злобенъ, что принцесса невольно поблѣднѣла.

— Вервенъ,—сказала она.—Подите, я васъ позову потомъ.

Вервенъ радостно и неловко вскочилъ, поцѣловалъ руку принцессы и вышелъ, слегка прихрамывая.

— Герцогъ, зачѣмъ вы такъ смотрите? Вы не любите Вервена?..

Герцогъ Багровый Свѣтъ выпрямился и взглянулъ на принцессу съ прежней злобой.

— Я не желаю, — произнесъ онъ,—чтобы вы проводили время съ вашимъ пажемъ. По какимъ причинамъ—все равно. Предупреждаю, что вы его больше не увидите. Я прикажу своимъ людямъ— и его не будетъ.

— Что вы говорите! — воскликнула принцесса въ смятеніи.—Но законы моей страны...

— Мои законы — противоположны вашимъ,

принцесса, возразилъ герцогъ.—У меня всѣ повелѣваютъ, всѣ владыки надъ всѣмъ—и всѣ рабы... Смѣю васъ увѣрить, что порядокъ и тишина въ моихъ владѣніяхъ не меньшіе, чѣмъ въ вашихъ... И Вервенъ исчезнетъ.

— О, я не хочу, не хочу... За что?..

Герцогъ засмѣялся, открывъ темный ротъ, и смѣялся съ визгомъ, долго.

— Не хотите-ли справедливости, принцесса? Ага! Вы отступаете при первомъ шагѣ... Вы мечтали о злѣ, великомъ разрушеніи, о безконечности — и боитесь, дрожите, когда пришлось ничтожнаго Вервена первымъ бросить въ ту пропасть, гдѣ нѣтъ дна! Въ вѣчномъ и великомъ нѣтъ мѣста вашей справедливости. Но довольно, прочь все, я усталъ принцесса! Вы—моя, вы поѣдете со мною сейчасъ, сію минуту! Вы — такая нѣжная, красивая и робкая, пусть упадутъ багровые лучи на ваше лицо, на платье изъ лепестковъ сирени... Пусть умретъ ваша воля, пусть все исчезнетъ, повинуйтесь злу, принцесса, пришло время.

Принцесса слушала—и ея страхъ вдругъ смѣнился глубокой печалью. При послѣднихъ словахъ герцога она протянула руку впередъ, какъ-бы отстраняя его, и повторила:

— Время, время... Оставьте меня, герцогъ. О, какъ я раньше не поняла этого! Вы не противъ времени, вы—съ нимъ, вы—одно! И я хотѣла побѣждать время имъ самимъ! Дальше, дальше! Тамъ, гдѣ нѣтъ разрушенія—только тамъ нѣтъ времени!

И она ушла, шелестя блѣднымъ шлейфомъ, и заперлась въ своемъ павильонѣ. Она перестала

выходить въ садъ и сдѣлалась еще задумчивѣе и тоньше.

V.

Придворные качали головами.

— Такъ нельзя оставить принцессу,—говорили они между собой. — Принцесса тоскуетъ, принцесса заболѣетъ... Свадьба ея съ герцогомъ разстроилась — и это печалитъ ее... Пиры, банкеты во дворцѣ, можетъ быть, развлекли бы ее. Нельзя, чтобы принцесса всегда скучала въ одиночествѣ.

— Слушайте меня, — сказалъ старый, сѣдой придворный. Балы, да пированье мы успѣемъ испробовать, а пока мой совѣтъ—пошлемъ-ка принцессу путешествовать. Я съ принцессой разговаривалъ и ея недугъ больше вашего понимаю. Что ей сидѣть въ ея сиреневыхъ садахъ? Пусть поѣздитъ по свѣту, поищетъ себѣ утѣшенья.

Когда принцессу спросили, не желаетъ-ли она поѣхать въ разныя страны — ея глаза на минуту заблестѣли и она сказала, что очень желаетъ.

Скоро снарядили нарядную яхту, уже не корабль, на которомъ принцесса переѣзжала два раза въ годъ океанъ, нигдѣ не останавливаясь—а яхту, собрали экипажъ и свиту. Поѣхала и няня принцессы, а всѣ придворныя дамы остались дома. Принцесса избѣгала, не любила своихъ придворныхъ дамъ: по какой-то странной случайности онѣ всѣ были очень высоки, полны, красивы—но всѣ съ черными волосами и глазами, и блѣдная принцесса, такая маленькая и тоненькая между ними,

невольно боялась ихъ и думала про себя, что онѣ напоминаютъ стаю темныхъ, южныхъ ночей.

На яхту взяли очень большой электрическій фонарь, чтобы ночью около принцессы было свѣтло, какъ днемъ; и все-таки, принцесса съ замираніемъ сердца ждала черныхъ ночей, которыя такъ страшили ее.

Мягкіе серебряные волосы принцессы подобрали подъ англійскую соломенную шляпу съ прямыми полями и бѣлымъ бантомъ на боку; надѣли бѣлый фланелевый костюмъ, мужского покроя, съ недлинной юбкой; черезъ плечо у принцессы висѣлъ дорожный бинокль, а ножки были обуты въ крошечныя желтыя туфли. Такимъ образомъ, принцесса превратилась въ хорошенькую, маленькую миссъ, и придворные, и свита были довольны, потому что они, какъ извѣстно, обязаны были соблюдать строжайшее инкогнито.

Старый придворный, который, незадолго передъ тѣмъ, былъ сдѣланъ министромъ—составилъ маршрутъ и, въ ясный полдень, когда море блестѣло не меньше солнца—яхта снялась съ якоря и пропала на горизонтѣ.

VI.

Они плыли долго.

Принцесса сидѣла на палубѣ, на длинномъ соломенномъ креслѣ, и смотрѣла на волны. Няня, одѣтая въ дорожное темненькое платье и темный чепчикъ, не отходила отъ своей госпожи. Няня не смѣла заговорить первая, а принцесса молчала. Ей было очень горько, очень трудно. Найдетъ-ли

она тамъ, за голубымъ горизонтомъ, то, что сильнѣе времени, увидятъ-ли ея глаза еще невиданное чудо — побѣду надъ злымъ старикомъ? Любовь, любовь... она можетъ, она сильнѣе, та любовь, о которой думаетъ принцесса, но гдѣ она? Въ комъ она? Есть-ли она?

Море шипѣло и пѣнилось вокругъ парохода. какъ будто сердилось, что его тревожатъ, когда оно такое ясное, сонное и усталое.

Принцесса смотрѣла въ волны и думала о морѣ съ нѣжностью.

Наконецъ, яхта прибыла въ теплую, южную страну, на берегу которой лежалъ старинный и чудный городъ. Принцесса много училась, она знала прошлое этого города и теперь ей хотѣлось скорѣе узнать, увидѣть, что время ему оставило.

Утромъ принцесса вышла на крыльцо. Вода качалась и тяжело билась о нижнія ступени. Изъ-за угла, сырого и покрытаго яркимъ мохомъ, выскользнула безшумно черная, длинная лодка. На заднемъ концѣ лодки стоялъ человѣкъ съ весломъ. Внутри были мягкія, черныя подушки. Принцесса сѣла на подушки, няня помѣстилась напротивъ на скамеечкѣ, устланной ковромъ—и лодка такъ же безшумно понеслась по узкимъ, тѣнистымъ улицамъ. Только на поворотахъ человѣкъ съ весломъ протяжно кричалъ «о—а!», замирая на послѣдней высокой нотѣ и порою, на встрѣчу, изъ-за угла, слышался отвѣтный крикъ и показывался высокій металлическій гребень на носу другой точно-такой-же лодки, и онѣ обѣ проскальзывали мимо, совсѣмъ мимо — и не задѣвъ одна другую.

Чудный это былъ городъ. Не слышалось топота копытъ и ржанья лошадей, колеса не гремѣли о камни, а только шелестѣли шаги людскіе, несся плескъ веселъ по воздушнымъ, легкимъ, какъ небо, водамъ, и на большой, теплой, солнечной площади трепетали съ нѣжнымъ шелковымъ свистомъ голубиныя крылья.

Расцвѣла принцесса, щеки ея порозовѣли. Ей хотѣлось на площадь, къ старинному дворцу съ низкими аркадами и залами. На площади—ей чудилось — собирается веселый и свободный народъ, и всѣ они любятъ свой городъ, знаютъ своего правителя, живутъ одной жизнью. На балконахъ, подъ аркадами, она видѣла пышныя одежды, видѣла сѣдого старика въ мантіи, рядомъ съ нимъ—блѣдную и молодую жену съ грустнымъ лицомъ. И печаль ея казалась такой прекрасной...

Но пусты, холодны залы дворца. Изъ залы въ залу ходитъ принцесса съ толпой англичанъ, безобразныхъ и любопытныхъ, гидъ въ коротенькой курточкѣ объясняетъ имъ что-то ломанымъ, безцеремоннымъ языкомъ. А голова у гида совершенно голая, точно изъѣденная какой-то болѣзнью, и онъ вертитъ своей голой головой и тычетъ пальцемъ въ темныя картины. Принцессѣ кажется, что картинамъ больно, и сердце ея сжимается. Нѣтъ, нѣтъ никого во дворцѣ! Принцесса сбѣжала по лѣстницѣ внизъ, во дворъ, а оттуда опять на площадь.

На площадь пришли музыканты и стали играть попури изъ оперы. Изъ кафе вынесли столики. Пили пиво и ѣли мороженое. Какой-то гидъ при-

вязался къ принцессѣ и предлагалъ ей осмотрѣть съ нимъ соборъ. Толстоногія и рыжія дѣвочки-англичанки съ упрямымъ видомъ перелистывали путеводитель. Принцесса взглянула еще разъ на сумрачныя аркады благороднаго дворца и быстро пошла туда, гдѣ стояла ихъ лодка. Няня поспѣшила за своей госпожей.

И онѣ опять понеслись, по широкой на этотъ разъ, водяной улицѣ. Солнце спускалось къ горизонту. Воздухъ сталъ желтъ и прозраченъ, какъ янтарь. Мимо лодки, казалось, тихо проплывали дворцы, сѣрые, стройные, темные, съ подножьями, скрытыми въ водѣ, съ узкими окнами. Тяжелый полукругъ моста промелькнулъ надъ головой принцессы... Пахло солью, водой и гарью.

— Что это? — сказала принцесса, поднимаясь въ лодкѣ и протягивая руки къ дивному дому, гдѣ чуть мерцали кривыя линіи оконъ и надъ водой повисъ узенькій балконъ. Домъ смотрѣлъ строго и печально.

— Дездéмона... Дездéмона! — проговорилъ лодочникъ.

Принцесса поняла, что тутъ когда-то жила настоящая, живая Дездемона, что это ея домъ.

Лодка подъѣхала ближе, близко, почти къ самому дому. И вдругъ принцесса замѣтила наверху, подъ крышей, вывѣску, на которой было написано:

«Banca Nazionale».

Въ ту-же минуту раздался пронзительный свистокъ, изъ подъ-моста вынырнулъ и понесся по водѣ новый пароходикъ, полный пассажирами. Онъ уже исчезъ за поворотомъ, но черный дымъ

стлался по водѣ, осыпая ее пылью каменнаго угля.

Принцессѣ показалось на мгновеніе, что клубы дыма заволокли и блескъ солнца. Она опустилась на подушки и закрыла лицо рукой.

— Прошлое, прошлое! — говорила она себѣ.— Ты здѣсь, ты осталось, вотъ—я могу дотронуться до тебя рукою... И кажется, стоитъ шагъ ступить—и я тамъ, въ прежнемъ. И, все-таки, это— тѣни, несхороненные мертвецы... Между мной и старыми воспоминаніями—стѣна, и я безсильна. Мы всѣ, мы всѣ безсильны...

VII.

Няня, какъ ни любила принцессу, начинала ворчать. Что, въ самомъ дѣлѣ? Чего нужно принцессѣ? Красивыя вещицы ее не занимаютъ; путешествіе не развлекаетъ; нигдѣ даже дня не останется, не дастъ осмотрѣться, не отдохнетъ, бѣжитъ, спѣшитъ что-то смотрѣть, точно удостовѣриться хочетъ въ чемъ-то; поглядитъ—и назадъ сейчасъ-же, и блѣднѣетъ, и говоритъ безумныя слова...

Такъ одинъ разъ онѣ пріѣхали въ большой, жаркій городъ внутри страны. Принцесса велѣла привести коляску и отправилась въ какой-то древній циркъ, который, она знала, долженъ стоять на противоположномъ концѣ города.

Циркъ былъ безъ крыши, круглый, громадный, уходящій въ небо; красныя стѣны его были усѣяны отверстіями, потому что давно когда-то не-

пріятель той страны выломалъ, выдернулъ изъ стѣнъ желѣзныя скрѣпы на оружіе.

Принцесса вошла внутрь, на арену, смотрѣла на полуразрушенныя галлереи и проходы, на небо сквозь окна вверху. Съ галлерей и уступовъ висѣла длинная, сохлая трава, кое-гдѣ маки алѣли, между грудами осыпавшихся камней. Принцессѣ показалось, что эти пустыя окна вверху глядятъ на нее, точно пустыя впадины черепа... Ей почудилось, что несется вихрь, безумный, безучастный, вертитъ, бьетъ, ломаетъ, рушитъ стѣны когда-то величественнаго цирка, и вихрю этому нѣтъ конца, не видно начала, онъ захватилъ и принцессу, какъ все живое и мертвое—и она мчится, мчится...

Няня увела принцессу домой.

— Нѣтъ,—сказала она. Чужія страны тебѣ не на пользу, дитятко. Поѣдемъ-ка домой.

Но принцесса взмолилась повезти ее еще только въ одинъ, въ одинъ единственный городъ, совсѣмъ въ другой странѣ.

— Да о чемъ сердце твое болитъ, родная? — допрашивала ее няня. — Какое тебѣ нужно утѣшеніе?

— Няня, пусть радость не пройдетъ. Пусть не отцвѣтетъ сирень. Пусть не забудется прекрасное. Пусть не рушатся стѣны цирка. Пусть не умираютъ люди — и не разлюбитъ кто любитъ...

Няня покачала головой и, видно, даже въ ужасъ пришла.

— Опомнись, милая, этого на свѣтѣ не видано, чего ты хочешь. Ты свѣтъ не передѣлаешь.

— Няня, ну пусть хоть одинъ разъ, на одну

минуточку, я увижу такое, что не разрушится. Мнѣ самой не надо, я только увидѣть его хочу, знать, что оно есть на свѣтѣ, въ чемъ нибудь, няня, все равно въ чемъ, въ маломъ, въ великомъ, въ горѣ, въ любви...

— Не найдешь, принцесса моя дорогая, не мучай себя напрасно... Нѣтъ на свѣтѣ того, чего ты ищешь.

Принцесса вспыхнула.

— Не вѣрю я тебѣ,—сказала она громко,—не можетъ этого не быть, разъ я хочу! На всякое желаніе, если оно родится въ сердцѣ человѣческомъ—есть отвѣтъ! Найду-ли, или не найду—но искать буду до послѣдняго часа!

VIII.

Пошла яхта изъ пролива въ проливъ, огибала земли и острова, а принцесса опять сидѣла на палубѣ и смотрѣла въ волны.

Страна, куда онѣ ѣхали, была безплодна и желта, берега низки и каменисты. Солнце здѣсь свѣтило яркое и сильное, выжигало каждый листъ, каждую травку. Принцесса не зелени искала, она глядѣла въ свой бинокль на желтую небольшую скалу въ сторонѣ отъ моря, за широкимъ и некрасивымъ издали городомъ.

На берегу солнце упало на плечи принцессы и ея спутниковъ всей своею тяжестью. Въ глазахъ у нихъ стало темно на минуту. Нянѣ сдѣлалось дурно и ее отвезли обратно на яхту, гдѣ было прохладно. Принцесса отъ жары только не-

много поблѣднѣла—и приказала везти себя мимо домовъ и улицъ, къ желтому пригорку.

Она оставила свиту и даже лакеевъ внизу, въ каретѣ, а сама стала подниматься по обвалившейся мраморной лѣстницѣ, между разбитыми ступенями которой вьются высохшіе корни весенней травы.

Долго ждали внизу придворные, наконецъ обезпокоились, охая вылѣзли изъ кареты и отправились посмотрѣть, что сталось съ принцессой.

Подъ ослѣпительнымъ солнцемъ, въ розовой пыли, которая блестѣла, какъ бриллiантовая, среди мраморныхъ брызгъ и осколковъ упала безумная принцесса, лицомъ къ землѣ—и плакала тяжело и горько. Около нея лежали покорные трупы умершихъ, упавшихъ колоннъ, а на высотѣ, между живыми — едва живыми — вѣялъ вѣтеръ съ моря, и принцесса слышала, какъ онъ шумѣлъ и повторялъ: «Недолго вамъ!.. Недолго вамъ!..»

Страшно стало и придворнымъ на этомъ горячемъ и забытомъ кладбищѣ. Они не знали, да и знать не хотѣли, что тутъ была когда-то живая и великая красота, живые люди говорили живыя рѣчи... Все прошло. И не было, потому что нѣтъ.

IX.

Кому эта сказка ни разсказывалась -- непремѣнно каждый думалъ, что тутъ ей и конецъ. Но сказки больше похожи на жизнь, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда; а въ жизни ничто не обрывается, и повторится много разъ прежде настоящаго конца. Поэтому не кончена и сказка.

Старый министръ покачалъ головой, когда привезли домой принцессу. Не помогъ его совѣтъ. Пришлось ему уступить, испробовать и тѣ средства, которыя раньше предлагали другіе придворные. Начались въ сиреневомъ дворцѣ балы, пиры и праздники. Стали съѣзжаться сосѣдніе принцы и князья, много было вельможъ и придворныхъ.

Принцессу ожидали видѣть задумчивой и блѣдной, а она вышла такая веселая, что всѣ удивились. Длинное бѣлое платье съ лиловыми лентами шуршало по коврамъ, когда она обходила столъ кругомъ и угощала гостей. Чѣмъ чаще повторялись банкеты, тѣмъ любезнѣе становилась принцесса, особенно съ нѣкоторыми. Она глядѣла на нихъ безпокойными глазами, не спорила, угождала имъ, и все точно чего-то ждала отъ нихъ.

— Принцесса ведетъ игру неумѣло, — шептались придворные.—Принцесса заискиваетъ... Принцесса хочетъ поймать жениха... Только напрасно она гонится сразу за нѣсколькими зайцами...

Но прошло короткое время—и принцесса отшатнулась отъ своихъ любимцевъ, точно они вдругъ измѣнились. Принцы, избалованные вниманіемъ, пробовали дѣлать ей глазки за столомъ, потомъ надулись—но принцесса ничего не замѣтила. Она стала опять печальной, отъ поздняго пира уходила на крыльцо и глядѣла на зеленую утреннюю зарю.

Между частыми посѣтителями праздниковъ въ сиреневомъ павильонѣ былъ и сынъ стараго министра, совсѣмъ еще юный, почти мальчикъ. Такъ какъ онъ не происходилъ изъ княжескаго или гер-

цогскаго дома, то и носилъ имя не двойное. И не только не двойное, но даже и не звучное. Звали его просто—Челава.

Челавѣ пошелъ только двадцатый годъ, однако онъ не лишенъ былъ сообразительности и разъ навсегда рѣшился провести свою жизнь такъ пріятно, аккуратно и умно, чтобы можно было потомъ умереть безъ досады. Судьба отказала ему въ знатномъ имени, не надѣлила талантами и даже красотой; но Челава думалъ, и не ошибался, что и при его долѣ талантовъ и красоты можно недурно устроиться. Не то, чтобы онъ жаждалъ сдѣлать себѣ карьеру, добыть денегъ и на этомъ успокоиться—Боже сохрани! Онъ далеко не былъ чуждъ нѣжному, изящному, сентиментальному — онъ даже находилъ, что безъ этихъ «элементовъ» и жизнь не въ жизнь; но любилъ, чтобы все шло къ своему мѣсту, въ порядкѣ, а углы чтобы не выставлялись.

Для порядку онъ даже раздѣлилъ свою жизнь, а равно и свой характеръ, на семь частей. Для каждаго своего свойства онъ выбралъ одинъ день недѣли, въ этотъ день занимался соотвѣтствующимъ дѣломъ — и отъ разъ принятаго обычая не отступалъ.

Такъ, въ воскресенье, онъ былъ веселъ, пилъ вино и кутилъ съ товарищами. Въ понедѣльникъ—читалъ серьезныя книги, дѣлалъ отмѣтки на поляхъ, рѣшалъ иногда математическія задачи. Вторникъ и среду онъ посвящалъ нѣжности, искусствамъ и любви; при чемъ во вторникъ былъ печаленъ, смотрѣлъ на облака или объяснялся въ

любви загадками какой-нибудь очень молоденькой дѣвушкѣ, а въ среду уже писалъ стихи (много стиховъ), игралъ на лютнѣ, а иногда и рисовалъ пейзажи акварелью. Въ четвергъ онъ предавался физическимъ и гимнастическимъ упражненіямъ, что было полезно въ виду его наслѣдственнаго предрасположенія къ тучности. Челава, несмотря на свой нѣжный возрастъ, былъ уже толстъ, широколицъ, но при этомъ блѣденъ чрезвычайно и съ нездоровой кровью. Каштановые волосы и длинныя рѣсницы дѣлали его недурнымъ въ глазахъ невзыскательныхъ женщинъ, а въ своихъ собственныхъ глазахъ Челава былъ единственнымъ; и тутъ опять онъ былъ правъ, ибо каждый человѣкъ на свѣтѣ—единственный, а въ особенности для себя.

Въ пятницу и субботу Челава занимался государственными дѣлами въ кабинетѣ рядомъ съ отцовскимъ; и, надо отдать справедливость, занимался такъ хорошо, что въ короткое время получилъ отъ отца повышеніе и удвоеніе оклада. Послѣднее Челавѣ было очень на руку, потому что отецъ излишней щедростью не страдалъ и даже по просту его звали скрягой. Скорѣе бы онъ согласился найти любовника въ спальнѣ своей почтенной министерши, чѣмъ назначилъ сыну такое содержаніе изъ собственнаго кармана, какое тотъ получалъ изъ государственныхъ суммъ.

Въ виду существующихъ законовъ и сравнительно низкаго происхожденія, Челава былъ для принцессы не женихъ, а потому никто не обратилъ вниманія, когда она стала особенно ласкова и мила съ сыномъ министра. Принцесса нравилась

Челавѣ; она была вся такая свѣтлая и прозрачная; и запахъ сирени въ садахъ принцессы нравился ему: и даже понравились безпокойныя, дерзкія мечты принцессы, когда она ему ихъ разсказала однажды, сидя съ нимъ на крылечкѣ сиреневаго павильона.

Челавѣ было лестно довѣріе принцессы, и онъ въ удовольствіи неожиданно увлекся и вдругъ сказалъ, что онъ не только вполнѣ сочувствуетъ принцессѣ, но даже предлагаетъ ей искать чудесъ вмѣстѣ, потому что онъ самъ, будто-бы, всю жизнь только этого искалъ и къ этому стремился.

Принцесса не умѣла не вѣрить словамъ, она медленно подняла глаза и проговорила:

— Я почти угадывала это...

Потомъ они долго молчали; Челава — потому что испугался и не зналъ, что говорить дальше, а принцесса опять надѣялась, опять хотѣла утолить свое сердце, почти умершее. И, вообще, они не разсуждали больше о зломъ старикѣ Времени, они точно стали бояться другъ друга. Принцесса ждала.

X.

Дворъ слишкомъ рано переѣхалъ на сѣверъ. Дни вытянулись и не давали мѣста ночи, но по вечерамъ было холодно въ пустомъ саду. Принцесса любила холодъ. Она тогда забиралась въ лиловую комнату своего павильона, теплую, съ громадными полукруглыми окнами до самаго пола. Огня въ комнату не подавали, но въ окна свѣтила неумирающая заря, а порою и блѣдные, яркіе,

дрожащіе лучи сѣвернаго сіянія. Принцесса глядѣла на небо и думала, что, можетъ быть, къ ней еще придетъ ея счастіе.

Въ одинъ такой вечеръ явился Челава. Онъ ходилъ къ принцессѣ аккуратно каждый вторникъ и среду.

Послѣднее время вторники и среды у него какъ-то перевѣсили другіе дни, чѣмъ онъ былъ отчасти недоволенъ, а отчасти и доволенъ. Хотя онъ и неясно понималъ, чего хочетъ принцесса, однако чувство, его волнующее, давало ему нѣкоторое удовольствіе; и онъ даже рѣшился признаться въ любви, тѣмъ болѣе, что признаніе его ни къ чему не обязывало: жениться на принцессѣ было нельзя.

И когда Челава пришелъ въ сиреневую комнату, освѣщенную неуловимыми небесными лучами, онъ сталъ на колѣни передъ принцессой и произнесъ:

— Я васъ люблю.

Принцесса посмотрѣла на него и отвѣтила:

— Да? А я васъ не люблю.

Челава хотѣлъ вскочить, весьма огорченный, но принцесса удержала его около себя.

— Постойте. Дайте мнѣ сказать вамъ... Я давно ждала, когда вы меня полюбите. Вы меня любите, да? Такъ вотъ гдѣ наше оружіе! Съ нимъ мы дойдемъ до свѣта.

— Принцесса, но если вы меня не...

— Не нужно этого, — прервала принцесса радостно. — Я не люблю васъ, но я лучше чѣмъ люблю, больше чѣмъ люблю, вы теперь мое един-

ственное сокровище, счастье мое, ключъ, который отопретъ мою темную комнату... Дороже васъ у меня ничего нѣтъ, пока я надѣюсь...

Она прошлась по комнатѣ. Тяжелый шелкъ ея платья свистѣлъ и шелестѣлъ по коврамъ; на серебряные волосы падалъ изъ оконъ блескъ сѣвернаго сіянія, зеленый и холодный. Челава слѣдилъ за ея шлейфомъ безъ опредѣленной мысли. Онъ опять не совсѣмъ понималъ ее, но, все-таки, сердце его билось.

— Любите меня, — говорила принцесса,—любите меня такой любовью, которой еще никто не любилъ, любите меня одной, цѣльной, нераздѣленной и нераздѣльной любовью. Каждое мгновеніе вашей жизни пусть будетъ полно только любовью—и пусть не будетъ разницы между первымъ и послѣднимъ мгновеніемъ. Такая любовь—чудо, и если есть чудо на землѣ—значитъ, есть еще много, много чудеснаго и прекраснаго.

Очень понравились Челавѣ рѣчи принцессы. Онъ сталъ понимать ее. Но и понималъ тоже, что она безразсудна, и не все то сбывается, что хорошо.

Но онъ боялся сказать ей свои мысли. Ему больше нравилось обманывать себя вмѣстѣ съ нею, и, хотя это ему совершенно не удавалось, старался онъ исправно.

Когда зацвѣла сирень — принцесса сдѣлалась еще милѣе и веселѣе, блѣдныя щеки ея порозовѣли. Она не смотрѣла на тучность Челавы, она бѣжала ему на встрѣчу, обнимала его, какъ свое дорогое дитя, усаживала подлѣ себя и говорила:

— Ну, что? Вы любите меня сегодня? Неда-

леко большая, великая любовь? Когда она придетъ? Скажите, когда она придетъ? Или она уже пришла?

Сиреневый садъ благоухалъ. Они проводили спокойные и ясные вечера—и принцессѣ казалось порою, что злой старикъ почти побѣжденъ.

Она говорила своему собесѣднику, что онъ долженъ знать, о чемъ она думаетъ—хотя-бы она и молчала, долженъ притти, когда она хочетъ его видѣть, хотя бы она и не звала его, долженъ быть грустенъ, хотя-бы не зналъ, что и ей грустно.

Челава едва не отвѣтилъ ей:

— Но какъ-же я могу? вѣдь это-же не въ моей власти, этого не бываетъ на свѣтѣ..

Но вó время остановился и промолчалъ. Порою, возвращаясь домой, Челава тоскливо думалъ:

— Хорошо-бы, если-бъ такъ случиться могло, какъ она говоритъ... И, все-таки, я, значитъ, далеко незаурядный человѣкъ, если такъ воспринимаю прекрасныя мысли. Только умъ мой—шире ея, я вижу, что это лишь несбыточныя мечты, разстроенное воображеніе... Да, хорошо-бы... Только гдѣ-же? Влюбленъ-то я влюбленъ, и даже весьма сильно, а только и похожаго на ея рѣчи я ничего не вижу...

И онъ, грустный, шелъ въ свой служебный кабинетъ.

XI.

— Такъ оставить дѣло невозможно, — думалъ старый министръ. Она съ ума сошла давно, а теперь послѣдній смыслъ потеряла. И этотъ тоже...

Чего добраго, женится на ней. Гдѣ мы найдемъ другую принцессу? Да и дурака моего жаль на вѣчныя времена проводить. А теперь—что хорошаго? Люди смѣются, придворные косятся — и все это на министра... Нѣтъ, положу конецъ.

Скрѣпя сердце, старый министръ рѣшилъ принять важныя мѣры. А такъ какъ онъ былъ очень умный человѣкъ, то и мѣры его оказывались всегда чрезвычайно умѣстными и удачными.

Пока принцесса, розовая и веселая, жила со своимъ призрачнымъ счастьемъ, радовалась тому, чего у нея не было—старый министръ, охая, вынулъ мѣшокъ червонцевъ, снарядилъ хорошенькую яхту и спросилъ Челаву, не хочетъ-ли онъ покататься, повидать чужія страны, новыхъ людей посмотрѣть и себя показать. У Челавы уши вспыхнули: давно ему хотѣлось попутешествовать, да отецъ денегъ не давалъ. Но... какъ-же принцесса?

Отецъ ему объявилъ, что надо ѣхать скорѣе, а послѣ онъ не дастъ ни яхты, ни денегъ; но какъ-же принцесса? Отпуститъ-ли она его? Подождетъ-ли? Будетъ-ли потомъ съ нимъ такъ-же ласкова? А если не будетъ, то найдетъ-ли онъ другую принцессу, такую-же милую и ласковую?

Слишкомъ хотѣлось Челавѣ увидать мірскія диковинки, но стыдно было и передъ собою сознаться, что яхта его сильнѣе занимаетъ, чѣмъ принцессины мысли. Сталъ онъ передумывать и перевертывать и дошелъ до того, что убѣдился, будто онъ для самой принцессы и для ея завѣтнаго счастья уѣзжаетъ за море.

Послѣ этого онъ отправился къ принцессѣ и все объяснилъ.

— Я чувствую,—заключилъ онъ, что хоть и люблю васъ безпредѣльно, но въ моей любви чего-то недостаетъ. А какъ поѣду я, и вернусь— у меня пророчество — такъ все недостающее сейчасъ и придетъ. Повѣрьте, дорогая, я единственный человѣкъ, способный на ту великую любовь, которой вы хотите. Другое «люблю» не нужно вамъ — и я увожу его съ собою, далеко, и привезу настоящее...

Однимъ словомъ, прекрасно и убѣдительно говорилъ Челава, а принцесса молчала. Подъ конецъ она сказала, впрочемъ:

— Если можете—не уѣзжайте. Уѣдете — все кончится.

На это Челава опять отвѣтилъ цѣлой рѣчью, которой принцесса не слыхала.

Она молча поднялась, не оглянувшись вошла въ павильонъ и заперла дверь.

Челава постоялъ, посмотрѣлъ, потомъ махнулъ рукой и сказалъ про себя:

— Ну, ничего; вернусь—такъ, авось, обойдется; а не обойдется—что-жъ? Все таки, я получу столь-же, сколько теряю.

На этотъ разъ Челава заблуждался: онъ терялъ гораздо больше...

XII.

Почернѣли и вытянулись ночи, собрался дворъ и свита везти больную принцессу на южный конецъ земли.

Принцесса была такъ больна, что ее на рукахъ внесли на палубу и положили въ кресло. Няня отъ нея не отходила, а придворныя дамы шептались между собой: «Немного пройдетъ времени, умретъ наша принцесса».

Море шипѣло и пѣнилось у корабля, ни кусочка земли не было видно на горизонтѣ. День близился къ вечеру. Солнце опускалось.

Принцесса смотрѣла въ волны.

— Знаешь что, няня,—сказала она тихонько.— Подними меня повыше, такъ, чтобы я видѣла пѣну у самой кормы.

Няня поставила кресло на возвышеніе. Принцесса обернула свое крошечное, въ конецъ похудѣвшее, личико къ морю и брызги долетали до нея.

— Его называютъ вѣчнымъ,—продолжала она, какъ будто про себя, глядя на море.—А между тѣмъ, оно только борется со старикомъ—и обмануто имъ. Бѣдное море! Оно каждую минуту измѣняется, желая показать старику, что оно—очень покорное, и даже не хочетъ итти противъ его законовъ. А старикъ смѣется: пусть, молъ, думаетъ море, что меня обмануло! Пусть старается! А придетъ время—приду Я—и умретъ оно, какъ все живое.

— Перестань, принцесса, родная,—взмолилась няня.—Опять ты себя тревожишь...

— Послушай, няня, ты думаешь у людей разная судьба, разное счастье? Нѣтъ, няня, это кажется такъ, потому что у нихъ силы разныя; и по судьбѣ каждому силы даны. Подниметъ одинъ соломенку—другой дерево подниметъ—и одинаковое усиліе сдѣлаютъ, потому что второй сильнѣе.

А у меня, няня, силы даны не по судьбѣ, не по желаніямъ. Глаза мои видятъ дальше, чѣмъ я могу дойти. И вижу свѣтъ—а приблизиться не могу...

— Милая моя, родная, — плакала няня, — что ты, не вставай... Выздоровѣешь, придетъ время...

— Няня, пришло Время—смерть пришла. Я не боюсь смерти, я давно къ ней привыкла, развѣ она не всегда съ нами? Мы умираемъ безпрерывно, безпрерывно идетъ время, идетъ и проходитъ. Я рада, что я далеко отъ гадкой, покорной земли... И ухожу среди моря... Оно бѣдное, какъ я. Ухожу — а надежда моя не уходитъ. Есть такое, что есть всегда... И я найду... Я узнаю...

Сиреневая принцесса покорно опустилась на подушки своего кресла и умерла. Море шипѣло и пѣнилось. Столпились придворные у длиннаго кресла. Упала черная, южная ночь и звѣзды сверкнули въ глубинѣ. Время шло и проходило. Но обращенное къ небу — радостнымъ и успокоеннымъ казалось маленькое личико принцессы. Она точно хотѣла сказать; «Я знаю... времени не будетъ».

Совѣсть.

«Будьте просты какъ дѣти...»

Евангеліе.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ русскому языку меня учитъ тетя Зина, я очень полюбила писать и вовсе не дѣлаю ошибокъ. Я или переписываю что нибудь, или такъ записываю, что у насъ случается. Теперь мы съ тетей не занимаемся, потому что на дачѣ надо отдыхать. Я бѣгать не люблю, сижу пишу, или раскрашиваю, если только Таня не мѣшаетъ и не зоветъ съ собой играть. Она всегда сердится и плачетъ, если я нейду. Ей надо уступать, она маленькая, ей только восемь лѣтъ, а мнѣ ужъ десять. Мама тоже сердится, если я въ комнатѣ; я очень толстая и она говоритъ, что я еще больше потолстѣю, если не буду бѣгать. А вотъ сама мамочка цѣлый день лежитъ на балконѣ, читаетъ книжки, а все-таки не толстая. Мы съ Таней заберемся иногда на кушетку, играемъ съ ней. Говоримъ:

— Ты у насъ, мамочка, лѣнивенькая. — А она ничего, смѣется. Вотъ тетю Зину всѣ называютъ красивой; по моему, мамочка гораздо лучше. У тети волосы совсѣмъ черные, брови такія густыя, носъ тонкій, и сама блѣдная. То-ли дѣло мамочка: веселая, щечки розовыя, на подбородкѣ ямочка (мы всегда ее въ ямочку цѣлуемъ) и кудри бѣлокурые. Только мама не любитъ съ нами долго возиться: чуть мы разыграемся, сейчасъ насъ отсылаетъ:

— Идите къ своимъ кукламъ!

А у насъ и куколъ нѣтъ. Какіе все-таки странные эти большіе! Они думаютъ, что маленькіе совсѣмъ ничего не понимаютъ, кромѣ игрушекъ и куколъ. А у насъ съ Таней тоже свои дѣла. И отчего, если мы маленькіе, такъ все наше будетъ глупое и смѣшное? Вотъ кузенъ Петя, напримѣръ, кадетъ,—онъ у насъ въ городѣ бываетъ по воскресеньямъ—какой большой выросъ, однако не понимаетъ, что̀ мы съ Таней ему разсказываемъ: пыжится, таращитъ глаза, да поясъ поправляетъ. И ничего не говоритъ, только:

— А? Какъ?

Значитъ и большіе не всѣ умные.

Здѣсь намъ очень нравится: въ лѣсу ростутъ грибы, есть терраса, а отъ террасы прямо идетъ длинная аллея; мы по ней любимъ бѣгать рано утромъ, какъ только-что встанемъ; я тоже бѣгаю. Мама сердится, кричитъ: сыро! Это правда, что сыро, только тамъ тѣнь, и такъ хорошо пахнетъ. Садъ здѣсь очень большой, и много разныхъ дорожекъ и бесѣдокъ. Когда фрейленъ Минна ищетъ

насъ, чтобъ учиться нѣмецкому языку—мы нарочно убѣжимъ и спрячемся, въ кусты; она ходитъ-ходитъ по саду, кричитъ:

— Киндеръ!

Мы молчимъ, такъ она и уйдетъ. Потомъ мама спроситъ, былъ-ли нѣмецкій урокъ, мы скажемъ нѣтъ, мама сердится на фрейленъ Мину, а мы рады. Я ее не люблю. И никто ее не любитъ, всѣ надъ ней смѣются. Она такая крѣпкая, бѣлая, въ синемъ платьѣ и въ большихъ бархатныхъ туфляхъ, все вяжетъ что-то длинное, желтое и молчитъ. Мы ее рѣдко и видимъ; отучимся—и идемъ въ садъ, или въ бабушкину комнату, куда фрейленъ никогда не заходитъ.

Сегодня у бабушкиной бѣлянки вывелись первые цыплята. Бабушка ихъ спрятала въ свою шубу въ уголокъ. Они тамъ попискиваютъ и кушаютъ яичко. Имъ тепло. Мы сегодня цѣлое утро съ цыплятами сидѣли. Бабушкина комната наша самая любимая, маленькая, уютная, на полу постланы дорожки, а на полкѣ въ углу большой образъ съ темнымъ лицомъ, и горитъ зеленая лампадка. Если на улицѣ жарко—у бабушки прохладнѣй всѣхъ, а если холодно—у бабушки тепло. На столѣ всегда самоваръ и горшочекъ съ медомъ, а въ сундукѣ съ розанами, гдѣ бабушкино добро, есть черносливъ и изюмъ.

Бабинька у насъ простенькая. У мамочки есть шляпки и вышитыя платья — а бабинька любитъ ситцевыя блузы съ пелеринками и чепчики съ оборкой, а когда идетъ въ церковь, покрывается платкомъ. Сама бабинька очень маленькая и доб-

рая; она насъ вечеромъ укладываетъ въ постель и разсказываетъ про царя-Берендея. Танѣ эта сказка надоѣла, а я люблю. Я люблю тоже, когда чуть стемнѣетъ, сидѣть у бабушки: она вязку положитъ, очки сниметъ, облокотится на окно—и поетъ разныя пѣсни; голосокъ у ней тонкій и тихій, а пѣсни все грустныя, про голубковъ и незабудки.

Таня тоже слушаетъ, мы вѣдь съ ней всегда вмѣстѣ.

II.

Опять пріѣхалъ этотъ противный Василій Ивановичъ. И что онъ ѣздитъ? Мама его не любитъ. Только я слышала, она сказала:—«Съ нимъ нельзя ссориться, онъ богатый человѣкъ».

А тетя Зина сказала:

— Да.

Я-бы хотѣла, чтобъ онъ обѣднѣлъ и чтобъ мы съ нимъ поссорились. У него красныя, широкія щеки и маленькіе усы, завитые, точно у Жучки хвостъ, и такіе-же черные. Когда онъ смѣется, усы раздвигаюся и щеки блестятъ, какъ масляныя. Меня онъ такъ противно зоветъ: «молодая особа». Какая я особа?—Я Наташа.—И самъ-то развѣ старый? Всѣ говорятъ, что онъ молодой человѣкъ. Когда въ гостиной сегодня зазвенѣли шпоры, мы съ Таней очень огорчились.

— Пріѣхалъ таки!

Мнѣ всегда кажется, что Василій Ивановичъ нарочно такъ ноги ставитъ, чтобы шпоры больше звенѣли. И когда это дядя Митя пріѣдетъ? Онъ умный, самый умный. Мама говоритъ, что безъ

него ея дѣла не могутъ дѣлаться. Я его очень люблю.

До обѣда мы Василія Ивановича не видали. Уѣхалъ верхомъ кататься съ тетей Зиной. (Онъ вѣрно злой; разъ я видѣла, какъ онъ подъ столомъ тетѣ Зинѣ наступилъ на ногу; тетя ничего не сказала, но ей было больно, потому-что она покраснѣла). Тетя очень хорошая, только зачѣмъ она съ Василіемъ Ивановичемъ «нарочно» говоритъ? Какимъ-то тонкимъ голосомъ и все нарочно. Когда Василій Ивановичъ уйдетъ — она опять прежняя, а такъ я ее не люблю. Мы съ Таней Василія Ивановича «бритой головой» зовемъ, у него совсѣмъ короткіе волосы, щетиной.

Фрейленъ Минна опоздала къ обѣду; она пришла изъ саду съ своимъ желтымъ вязаньемъ и извинилась. Мы съ Таней переглянулись и тихонько засмѣялись, потому-что она сегодня была особенно смѣшная: на зеленое платье надѣла красный платокъ. И всѣ это замѣтили и стали съ ней шутить. Мама сказала:

— Признайтесь, фрейленъ Минна, у васъ есть женихъ на родинѣ?

Фрейленъ Минна покраснѣла и ничего не отвѣчала, а Василій Ивановичъ спросилъ:

— Это вы, вѣрно, фрейленъ, ему желтые чулки къ свадьбѣ вяжете? Пригласите меня, когда вѣнчаться станете. Только я, пожалуй, не доживу: черезъ сколько лѣтъ вы кончите чулки? Да не конфузьтесь, фрейленъ!

Тетя Зина смѣялась и спрашивала:

— Неужели у вашего жениха такія длинныя и тонкія ноги?

Мы всѣ смѣялись и такъ громко, что фрейленъ Минна вдругъ вскочила изъ-за стола, вся красная, и убѣжала къ себѣ. Я и Таня все еще хохотали, но мама сказала намъ; «довольно». Всѣ замолчали. Обѣдъ былъ скучный. Только мы подъ столомъ толкали другъ друга и тихонько посмѣивались.

Я сѣла красить у себя въ дѣтской, да вдругъ подумала:

— Дай, пойду наверхъ, посмотрю, что теперь фрейленъ Минна дѣлаетъ? Можетъ, она сожгла свое вязаніе отъ стыда.

Таня была у бабушки. Тихонько, такъ что лѣстница не скрипнула, я влѣзла наверхъ въ первую, темную комнату. Дверь къ фрейленъ Миннѣ не была совсѣмъ затворена. Я на цыпочкахъ подошла и взглянула, что дѣлаетъ фрейленъ Минна. Она сидѣла у окна, подперевъ голову рукой, точь въ точь, какъ бабушка по вечерамъ. На колѣняхъ у фрейленъ лежало ея вязаніе и носовой платокъ, и я увидѣла, что она плачетъ. Она была въ той же маленькой косынкѣ и зеленомъ платьѣ, но сдѣлалась почему-то совсѣмъ не смѣшная. Носъ у нея покраснѣлъ, и она тихонько всхлипывала, точно Таня, когда чѣмъ-нибудь очень огорчится.

Я вышла въ комнату и сказала:

— Фрейленъ Минна!

Она увидала меня и удивилась; можетъ-быть, она думала, что я опять стану смѣяться.

— Вы не плачьте, фрейленъ Минна,—сказала

я,—мама на васъ не сердится, и они больше не будутъ.

Но она вдругъ заплакала еще сильнѣй и что-то говорила, что стыдно такъ поступать съ человѣкомъ, который за свой трудъ получаетъ деньги, и еще многое говорила. Я поняла только, что ее очень обидѣли, и мнѣ стало ее жалко. Я подошла къ ней поближе и сказала:

— Вы простите, фрейленъ Минна, насъ съ Таней: мы никогда больше не будемъ. И они тоже не будутъ, они не знали, я имъ разскажу, какъ вы огорчаетесь, и они ни за что не будутъ. А если вамъ вправду очень долго нужно вязать чулки вашему жениху, такъ научите меня, и я вамъ свяжу поскорѣе другой чулокъ.

Фрейленъ Минна вдругъ перестала плакать и посмотрѣла на меня; потомъ погладила меня по головѣ и сказала:

— Вы—доброе дитя. А тамъ—не говорите обо мнѣ ничего. Нельзя. Они богатые, а я бѣдная. Пусть.

Я не поняла.

— Отчего-же нельзя? Чтожъ такое, что вы бѣдная?

Тогда фрейленъ Минна мнѣ объяснила, что мамочка можетъ отказать ей, не давать больше денегъ и не кормить, а ей, фрейленъ Миннѣ, уѣхать некуда, потому что она еще не скопила денегъ.

У ней въ самомъ дѣлѣ былъ женихъ, только она разсказала мнѣ, что вяжетъ ему не чулокъ, а шарфъ и что свадьба ихъ будетъ не черезъ десять лѣтъ, а черезъ три года.

— Отчего-же вы это все мамочкѣ не скажете?—спрашивала я.—Она васъ ни за что не прогонитъ и много денегъ дастъ...

Но фрейленъ Минна покачала головой.

— Я не хочу... не надо. Все-равно, я скоплю въ три года...

И она опять хотѣла заплакать. Я взяла ее за руку и сказала:

— Бѣдная вы, фрейленъ Минна.

Она еще больше заплакала, потомъ встала, порылась въ деревянной шкатулочкѣ и достала гадкую, старенькую картинку.

— Вы доброе дитя,—сказала фрейленъ Минна,—вотъ вамъ.

Я сначала не хотѣла брать, потомъ подумала: «Вѣдь это она отъ доброты; можетъ, ей больше нечего дать...»

И мнѣ стало еще жальче фрейленъ Минну. Я поскорѣе схватила картинку и убѣжала, только на лѣстницѣ сѣла въ уголокъ и долго плакала. Я думала о томъ, что очень люблю фрейленъ Минну и ея гадкую бѣдную картинку. Танѣ я ничего не сказала и картинку спрятала въ пеналъ.

III.

Мы долго качались въ саду на качеляхъ, а когда вернулись домой, было уже темно. Мама велѣла принести лампу. Мы съ Таней сѣли на террасу на ступенькахъ, и говорили о своихъ дѣлахъ. Катя Лебедева, знакомая дѣвочка, сказала мнѣ сегодня, когда мы играли на кругу: «хочешь, бу-

демъ задушевными подругами?»—Мнѣ было стыдно сказать «нѣтъ» и я отвѣтила: «хорошо». Мы разсуждали, что теперь мнѣ нужно дѣлать, и что́ вообще нужно дѣлать тому, у кого есть задушевная подруга.

Сначала мы не слушали, о чемъ толкуютъ мама съ тетей Зиной. Вдругъ Таня сказала:

— Слышишь? Мама плачетъ...

И правда, мама плакала. Намъ хотѣлось знать: о чемъ? Спросить мы не смѣли и стали слушать.

— Какъ же это, Зиночка, неужели ты совсѣмъ рѣшилась?—говорила мама.

— Ну да, совсѣмъ,—сказала тетя Зина.—Я, право, не понимаю, о чемъ тутъ рыдать...

— Зина, да вѣдь ты его не любишь? Какъ же можно такъ?..

И мама стала еще больше всхлипывать.

— Ахъ, оставь пожалуйста, сказала тетя сердито,—мы съ тобой не институтки, и ты сама отлично понимаешь, о чемъ тутъ рѣчь. На твой счетъ я жить не намѣрена, а бѣгать по урокамъ—извини, надоѣло.

Она замолчала; мама только плакала.

— А впрочемъ,—сказала опять тетя,—и мнѣ показалось, что она смѣется — если ты рѣшительно не совѣтуешь...

Но мама ее перебила:

— Нѣтъ, нѣтъ, ты какъ хочешь. Я совѣтовать не могу... Чтожъ, Василій Ивановичъ, кажется, недурной человѣкъ.

— Знаешь?—сказала я Танѣ.—Вѣдь это тетя

Зина хочетъ жениться на Василіи Ивановичѣ. Лучше бы она на дядѣ Митѣ...

Таня огорчилась, что бритая голова будетъ нашимъ дядей.

— Ничего, Таня, вѣдь онъ живетъ въ Варшавѣ, вѣрно и тетю туда увезетъ. У тети будетъ много денегъ—ей дастъ Василій Ивановичъ за то, что она за него выйдетъ замужъ.

— Надо все хорошенько разспросить.

Таня вскочила и побѣжала къ мамѣ.

— Мамочка, правда, что Василій Ивановичъ выйдетъ за тетю и увезетъ ее въ Варшаву?

Но мама разсердилась, сказала, что это не наше дѣло и велѣла итти спать.

Отчего-же намъ нельзя знать, что тетя будетъ вѣнчаться съ Василіемъ Ивановичемъ, и онъ ей дастъ много денегъ?

IV.

Цѣлое утро у насъ головы болѣли. Сначала у меня заболѣла, потомъ и у Тани,—мы всегда вмѣстѣ бываемъ больны.—Бабушка давала намъ нюхать нашатырный спиртъ. Къ завтраку пріѣхалъ Василій Ивановичъ. Щеки у него страшно блестѣли.

Онъ привезъ тетѣ большой букетъ съ лентой.

Жучка наша пропала; ужъ мы ее искали, искали—Таня даже плакала. Послѣ обѣда сидимъ на балконѣ за чаемъ — вдругъ слышимъ, точно гдѣ-то мыши пищатъ. Мамочка велѣла Машѣ разузнать, что это такое. Маша полѣзла подъ террасу, да и кричитъ намъ:

— Барышни, идите сюда, это Жучка наша, а у ней щенята...

Какіе они маленькіе, пестрые. Жучка ихъ очень любитъ, облизываетъ. Имъ хорошо подъ балкономъ, точно въ маленькой комнаткѣ. Сквозь щели солнце свѣтитъ, солома мягкая.

— Мы этого пестренькаго Рябкой назовемъ, хочешь? — спрашивала Таня.

— Да, мы-то Рябкой, а можетъ Жучка его по своему, не Рябкой ужъ назвала? Вотъ еслибъ она умѣла говорить! Жучка! Любишь дѣтокъ?

Ихъ было цѣлыхъ девять. Жучка ласкалась и смотрѣла на насъ грустно. Мы вылѣзли наверхъ. Въ это время мама говорила Машѣ:

— Такъ слышишь? Непремѣнно сегодня всѣхъ утопи. Не выношу этого писку.

Маша сказала: «Слушаю-съ» и ушла.

— Мама, это ты про кого «утопить?» спросила я.

— Да про щенятъ Жучкиныхъ. Вѣдь видѣла сейчасъ.

— Какъ утопить? Жучкиныхъ дѣтей утопить?

— Конечно, куда-же эту ораву собакъ.

— Мама, да развѣ можно? Развѣ они твои? Вѣдь они Жучкины! Что ты, мама!

Мама засмѣялась.

— А вотъ увидишь, что можно. Вѣдь всегда-же топятъ щенятъ... Да не плачь, я тебѣ въ городѣ болонку куплю.

— Мама, не надо болонки, не вели тѣхъ топить! Мамочка, милая! Жучкѣ такое горе! И за что ихъ?

Я плакала, Таня тоже. Но мама велѣла перестать и строго сказала, что это все глупости и что «надо пріучаться къ порядку вещей».

— Ступайте сейчасъ-же къ себѣ и займитесь своими куклами. Пора отвыкать отъ прихотей.

Мы пошли на заднее крыльцо и сѣли тамъ на ступеньки, пригорюнились. Если Маша понесетъ маленькихъ, думали мы, такъ увидимъ.

— Наташа, отчего это мама не понимаетъ, что ихъ никакъ нельзя топить?—говорила Таня.—Вотъ мы маленькія, а понимаемъ.

Ужъ почти стемнѣло. Вдругъ мы увидали Машу. Она несла что-то въ фартукѣ. а сзади бѣжала Жучка, махала хвостомъ и тихонько повизгивала. Мы сразу догадались, что это «ихъ» несутъ. Я бросилась опять къ мамѣ, а Таня побѣжала просить Машу, чтобы она подождала. Мама была занята съ тетей и говорила, когда я вошла:

— ...Ну, визитное можно съ малиновымъ плюшемъ... Что тебѣ, Ната? Чего ты влетаешь, какъ сумасшедшая?

— Мамочка, она плачетъ... Нельзя у ней дѣтей отнимать... Не вели, мамочка...

— Что такое? Ахъ, ты опять объ этой собакѣ. Оставь меня, разъ навсегда говорю.

— Мама, сказала я и перестала плакать,—ну, а если-бъ насъ у тебя кто-нибудь утопилъ, когда мы родились?

Мама засмѣялась, Василій Ивановичъ тоже.

(Онъ пришелъ и слушалъ, что мы говоримъ.)

— Вотъ сравнила!—сказала мама.—Тогда того человѣка посадили-бы въ тюрьму.

— А отчего-же за Жучкиныхъ дѣтей не садятъ? Они такія-же жалкія и маленькія.

— Молодая особа, — сказалъ вдругъ Василій Ивановичъ, ухмыляясь, и хотѣлъ притянуть меня за руку къ себѣ, но я не далась. — Молодая особа! Вамъ рано знать эти условія жизни. Могу сообщить вамъ одно: люди — существа разумныя, и ихъ больше, чѣмъ животныхъ; они, такъ сказать, побѣдили животныхъ и могутъ ихъ убивать. А еслибъ собакъ было больше, то случилось-бы наоборотъ. Поняли съ?

— Да, потому что насъ больше, и мы разумные, — надо убивать Жучкиныхъ дѣтей? Развѣ Жучкѣ не такъ-же горько, какъ еслибъ насъ у мамы отняли?

Мама сначала удивилась моимъ словамъ, потомъ страшно разсердилась, закричала и велѣла сейчасъ-же итти спать. Я ничего не сказала и ушла. Въ дѣтской Таня уже легла и плакала подъ одѣяломъ. Я тоже раздѣлась и пришла къ ней на кровать. Мы ни о чемъ не разговаривали.

Отворилась дверь, я выглянула изъ подъ одѣяла, вижу — бабинька. Она подошла прямо къ нашей кроваткѣ и погладила насъ по волосамъ.

— Полноте, маточки, глазки только портите. Вотъ, скушайте-ка на здоровье.

И она намъ дала по половинѣ твердаго, коричневаго пряника. Пряникъ былъ очень вкусный и отъ него пахло камфарой, потому что онъ лежалъ въ бабушкиномъ сундукѣ. Но мы не могли кушать отъ огорченія. Тогда бабушка сказала тихонько:

— Молчите, молчите: ужо завтра къ Жучкѣ на новоселье пойдемъ. Я ее съ дѣтками къ Ѳедору въ сторожку велѣла положить. Тамъ и солома есть.

Мы не хотѣли вѣрить.

— Бабинька! Миленькая моя! Такъ они живы? Ты ихъ отняла? Вправду, бабинька?

— Ужъ говорю: живы, значить не вру. Да полно вамъ, экія сороки! Бабушку замучили!

Мы бабиньку совсѣмъ зацѣловали. Едва-едва она насъ уложила.

Таня заснула. Бабушка прибирала въ комнатѣ и заправляла лампадку, а я думала.

— Бабушка,—сказала я,—вѣдь не хорошо топить животныхъ?

— Животное—тварь, милая, оно—тоже созданіе Божіе. Его убивать грѣхъ. Всякое дыханіе да хвалитъ Господа, сказано. Я тварь жалѣю.

— Бабинька, милая, вотъ ты говорила, если добрый человѣкъ умретъ — его душа пойдетъ въ рай, а злой—такъ въ адъ. А если собачка хорошая и добрая умретъ, ей тоже будетъ награда?

— Что ты, что ты, матушка,—сравняла! У человѣка душа, а у скота нѣтъ души—паръ. Издохнетъ собака—паръ выйдетъ, вотъ и все.

— Какъ-же это, бабушка? Отчего? Вѣдь собаки, какъ люди, тоже есть несчастныя и счастливыя. Отчего-же ей за несчастье ничего не дастся?

— Господь такъ устроилъ, родная,—Его воля... Спи со Христомъ, мнѣ итти надо.

Бабушка благословила меня и ушла, а я долго

не могла заснуть. И «Отче Нашъ» повторила, считала до ста—не сплю, все думаю.

И за что это во мнѣ душа, а въ Жучкѣ паръ?

И почему могутъ другихъ убивать тѣ, кого больше, и за это имъ—ничего? Какъ все странно и удивительно. Сама, сколько ни думаю—не могу понять; хоть-бы дядя Митя скорѣй пріѣхалъ. Онъ такой умный, онъ все знаетъ, навѣрно и это тоже онъ мнѣ объяснитъ...

Одинокій.

I.

Лугановы наняли квиртиру на Алексѣевской улицѣ.

Квартира была небольшая, но удобная, въ нижнемъ этажѣ. Наверху жили сами хозяева—Стаховскіе.

Лугановы много слышали объ этой семьѣ. Михаилъ Васильевичъ Стаховскій былъ еще не старикъ, плотный, загорѣлый, съ красивыми сѣдыми бакенбардами. Въ городѣ его звали «кремень человѣкъ». Онъ началъ безъ денегъ и безъ образованія, но къ пятидесяти годамъ у него было доходное мѣсто въ банкѣ и домъ.

О женѣ его,—которую почти никто не видалъ,—ходили самые странные толки: она была еще молодая женщина, но отъ постояннаго вспрыскиванія морфія—почти совсѣмъ сумасшедшая.

Ее жалѣли, но только тѣ, кто ее не видалъ, а видѣвшіе—молчали и покачивали головой.

Нина Луганова хотѣла больше всего познакомиться съ молодымъ Стаховскимъ. Она слышала,

что онъ очень привлекателенъ, и, кромѣ того, ее заинтересовала исторія перваго брака Михаила Васильевича: жена умерла отъ чахотки, и за нею умирали почти каждый годъ ея дѣти, къ которымъ перешла эта болѣзнь. Одна дочь, уже замужняя, умерла недавно, оставивъ ребенка. Послѣдній сынъ, двадцати-восьми лѣтъ, былъ на очереди,—его то и хотѣлось увидать Нинѣ.

Нина, старшая дочь Лугановыхъ, рано кончила гимназію. Теперь ей было только шестнадцать лѣтъ. Средняго роста, крѣпкая и розовая, съ совсѣмъ дѣтскими карими глазами и длинной каштановой косой,—она иногда казалась хорошенькой. Старшій братъ, который теперь уѣхалъ въ Петербургъ, пріохотилъ ее къ книгамъ. Нина читала безъ разбора и Спенсера, и Милля, и Юма—и очень гордилась, что она не похожа на другихъ барышенъ и читаетъ такія серьезныя книги. Понимала-ли она то, что читала, и какъ понимала—было неизвѣстно, но она всегда смѣло пускалась въ разговоры о существованіи души и въ споры о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ. Если сказать правду, это не мѣшало ей ссориться съ братомъ-гимназистомъ изъ за съѣденныхъ конфектъ, танцовать на балахъ и очень любить романы.

Молодого Стаховскаго всѣ звали Пьеромъ, на французскій ладъ.—Онъ былъ музыкантъ, немножко художникъ, блѣденъ, красивъ, и, главное, умиралъ отъ чахотки—всего этого оказывались болѣе чѣмъ достаточно, чтобы смертельно заинтересовать Нину. Она знала, что Пьеръ избалованъ своими успѣхами, сама видѣла нѣсколько барышенъ и ба

рынь, по слухамъ, влюбленныхъ въ него еще до его недавней поѣздки за-границу,—и съ нетерпѣніемъ ждала перваго визита Пьера.

II.

Можетъ быть, именно потому, что Нина слишкомъ много ожидала отъ перваго свиданья — она разочаровалась. Пьеръ ей не понравился.

Но, вѣроятно, Нина понравилась ему, потому что визиты стали повторяться, стали похожи на ухаживаніе. Одинъ разъ онъ принесъ ей недурную акварель свой работы, потомъ прислалъ букетъ. Нинѣ это было пріятно.

Наконецъ, въ одинъ изъ вечеровъ Пьеръ согласился принести свою скрипку и поиграть. Нина слышала хорошую игру только въ концертахъ, гдѣ сидѣть тѣсно и неловко, гдѣ сверху идетъ рѣзкій и непріятный свѣтъ, а воздухъ—душенъ и спертъ. Нина не любила ходить въ концерты и думала, что не любитъ музыку.

Теперь она устроилась уютно, въ темномъ уголкѣ дивана, подъ широкимъ листомъ латаніи.

Акомпанировалъ учитель музыки, робкій и сухой. Нина слушала съ недовѣріемъ, хотя знала, что Пьеръ долго занимался въ Вѣнѣ.

Нѣсколько первыхъ пьесъ прошло гладко, хотя и тогда уже Нину поразилъ жалобный и нѣжный звукъ очень дорогой, рѣдкой скрипки.

Пьеръ казался недовольнымъ, онъ что-то долго толковалъ учителю музыки, но не могъ растолко-

вать и, наконецъ, сказалъ, что ему удобнѣе играть безъ акомпанимента.

Нина недовѣчиво улыбнулась,—она никогда не слыхала скрипки безъ акомпанимента, ей казалось, что это будетъ нѣчто ужасное.

Учитель поспѣшно всталъ изъ-за рояля, потушивъ свѣчи.

Пьеръ вышелъ на середину комнаты и заигралъ.

Понемногу стало казаться, что это звукъ не струнъ, а человѣческаго голоса. Каждая нота была продолжительна и, сливаясь, переходила въ другую. Слова—это только способъ, средство передать чувство, музыка—это само чувство, какъ оно есть, какимъ мы увидѣли-бы его, ежели-бы можно было просто раскрыть чужое сердце и заглянуть внутрь.

Пьеръ игралъ нервно, почти безъ внѣшняго такта, по своему, и все у него выходило торопливо, обиженно, иногда жалобно и нѣжно, иногда странно сильно—и ударяло по нервамъ неожиданной гармоніей. Онъ, вѣроятно, ничего не думалъ, когда игралъ, и самъ не зналъ, какими способами находилъ единственно-истинные звуки.

Онъ игралъ только часъ, но, кончивъ, казался утомленнымъ и разсѣяннымъ.

Нина думала, что теперь любитъ музыку. Цѣлый вечеръ она не проронила ни слова. Съ тѣхъ поръ отношеніе ея къ Пьеру стало инымъ.

III.

Домъ со двора былъ окруженъ балконами, какъ всѣ южныя постройки. Стеклянная галлерея вела въ большой флигель—угрюмый и пустой, съ заколоченными окнами. Въ глубинѣ двора начинался садъ, не широкій, но очень тѣнистый лѣтомъ.

Теперь деревья, несмотря на конецъ февраля и очень теплую погоду, стояли еще голыя. Бесѣдки казались унылыми, и только около забора и корней деревьевъ росла свѣжая трава, да темныя фіалки. Пьеръ, сбросивъ съ себя пальто, усердно копалъ «свою» грядку.

Каждый годъ онъ самъ вскапывалъ ее, садилъ цвѣты и аккуратно поливалъ ихъ.

Его радовали и занимали пышныя маргаритки и геліотропъ, и онъ искренно огорчался, если цвѣты погибали.

Этой весной онъ обѣщалъ Нинѣ посадить цвѣты, какіе она захочетъ. Сѣмена были куплены, и сегодня Пьеръ вмѣстѣ съ Ниной собирался работать въ саду.

Пьеръ не вскопалъ и половины грядки, но уже усталъ.

Онъ снялъ мягкую коричневую шляпу и сѣлъ отдохнуть на скамейку подъ деревомъ. Съ утомленнымъ, немного осунувшимся лицомъ, онъ казался совсѣмъ больнымъ въ это солнечное утро.

Пьеръ давно зналъ и давно привыкъ къ тому, что онъ красивъ. Волнистые темные волосы, кудрявая бородка, тонкій носъ и очень бѣлый, вы-

сокій лобъ—были красивы. Даже худоба его не портила, а худъ онъ былъ такъ, что все платье его казалось сдѣланнымъ не по немъ: рукава слишкомъ широки, синяя курточка висѣла складками.

Улыбка у него была необычайно милая и кроткая. Нина часто говорила, что дѣйствительно избалованный и самонадѣянный человѣкъ не умѣлъ-бы такъ улыбаться.

Но выраженіе его глазъ часто пугало ее. Она не понимала—отчего они такіе странные?

А это были просто глаза больного человѣка. Взглядъ, который пугалъ Нину, былъ безучастенъ: здоровые люди такъ не смотрятъ.

Пьеръ зналъ съ дѣтства, что рано умретъ отъ чахотки, и привыкъ къ этой мысли. Онъ не кончилъ гимназіи, но его и не принуждали. Увлекся рисованіемъ, но учился не серьезно, точно «пока». Поѣхалъ за-границу, послушалъ лекціи въ университетахъ. Занялся музыкой и учился долго, потомъ вдругъ сразу бросилъ все и вернулся домой. Но все-таки мысль о неизбѣжной смерти не дѣлала его несчастнымъ. Болѣзнь измѣняла его такъ медленно и постепенно, что онъ не замѣчалъ перемѣны, и думалъ:

«Еще не теперь, еще поживу... хоть немного-то. Вотъ полечусь»...

И онъ усердно лечился.

Увидавъ Нину, онъ очень обрадовался.

Нина тихонько подошла и, краснѣя, протянула ему руку.

Пьеръ ухаживалъ за нею, сначала по привычкѣ, какъ за каждой хорошенькой дѣвочкой,—это

всегда было его развлеченіемъ. Теперь онъ видѣлъ, что самъ нравится ей, и ему эта дѣвочка становилась все милѣе.

— Вы устали?—сказала Нина.—Дайте, я вамъ помогу.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ничего, я самъ...—Пьеръ испугался, что она его считаетъ больнымъ.—Мнѣ ужъ немного осталось, я сейчасъ кончу...

Нина, все еще розовая, сѣла и молчала.

Пьеръ изрѣдка взглядывалъ на нее и думалъ что она очень хорошенькая сегодня, въ своемъ синемъ фланелевомъ платьицѣ съ кружевной косынкой на головѣ.

— Я, вотъ, думалъ утромъ о нашемъ вчерашнемъ разговорѣ, — сказалъ, наконецъ, Пьеръ.—И нахожу, что правъ былъ. Что-жъ, всякій по-своему думаетъ... Вы, вотъ, съ Молешоттомъ согласны, а я вѣрю, что я умру, а душа моя не умретъ...

— Но почему? На какихъ основаніяхъ?—спросила Нина, вдругъ вспыхнувъ.

— Да безъ всякихъ основаній, если хотите... Вотъ я вамъ что скажу, Нина Владиміровна...—

Онъ кончилъ работу, поднялъ шляпу и сѣлъ рядомъ съ Ниной на скамейку.—Вы знаете, мать у меня умерла—я еще маленькій былъ, не помню. А вотъ въ третьемъ году братъ умеръ, да семь мѣсяцевъ назадъ сестра—этихъ я любилъ, видѣлъ какъ они умирали. Теперь я совсѣмъ одинокъ на свѣтѣ, и я былъ-бы несчастенъ, если-бъ зналъ, что они навсегда умерли. А я чувствую, что это не такъ. Я ихъ по-прежнему люблю, и даже мнѣ кажется иногда, что я съ ними по-прежнему связанъ.

Нина слушала его и молчала. Онъ въ первый разъ говорилъ съ ней о себѣ—ее удивляла и радовала его откровенность.

— Вотъ я сейчасъ сказалъ, что я одинъ на свѣтѣ,—продолжалъ онъ между тѣмъ.—Вы, вѣрно, подумали: чего онъ жалуется? У него отецъ есть, все-таки родная семья... А вы знаете, мой отецъ—сухой человѣкъ. Онъ меня мало любитъ. Я росъ слабый, больной, старшія сестры меня нѣжили, баловали... А теперь... Вы видѣли Людмилу Антоновну?

Людмила Антоновна была мачиха Пьера. Нина видѣла ее раза два и теперь со страхомъ вспоминала эту маленькую, худенькую женщину, почти раздѣтую, съ растрепанной свѣтлой косой и крошечнымъ, некрасивымъ личикомъ. Глаза у нея были полузакрыты опухшими вѣками. Нервная, порывистая, безпрестанно сжимая маленькія, костлявыя руки, она говорила рѣзко и какимъ-то книжнымъ языкомъ.

Нина ея боялась.

На вопросъ Пьера Нина только кивнула головою.

— Видѣли? Знаете?—И Пьеръ печально улыбнулся. — Ну такъ вотъ мы съ ней не въ ладахъ. Отецъ ее слушаетъ. Я, конечно, человѣкъ не энергичный, къ тому-же больной,—что-жъ я могу? Ну и ссоримся. Велитъ мнѣ отдѣльную посуду покупать: заражу будто бы ихъ... А я развѣ такъ ужъ боленъ? — прибавилъ онъ вдругъ съ безпокойствомъ:—я еще слава Богу... Теперь комната ей моя понадобилась: хочетъ сулемой ее вымыть, но-

выми обоями оклеить и жить въ ней. Меня во флигель переводятъ, а мнѣ это тяжело: тамъ моя сестра умерла. Можетъ и меня туда на смерть переведутъ...

Онъ былъ взволнованъ. Нина хотѣла его утѣшить и не знала, что сказать. Они помолчали.

— Что-жъ, я Людмилу Антоновну не виню,—продолжалъ Пьеръ.—Ея жизнь тоже несчастная... Вышла замужъ институткой молоденькой. Ну, отецъ, конечно, очень строгъ къ ней былъ. Она и морфій-то въ первый разъ приняла, чтобы отравиться, да не умерла, а только заснула. Понравилось ей, и привыкла потомъ. А посмотрите, какая она умная, начитанная... Какъ стихи сочиняетъ... Всѣ новыя книги раньше выписывала — ну, теперь, конечно, гдѣ-жь... Нѣтъ, я ее очень не виню.

— Однако, что-же это я вамъ жалуюсь,—вамъ, можетъ, скучно?—прибавилъ онъ, улыбнувшись.—Вотъ васъ и домой зовутъ. Въ самомъ дѣлѣ, не простудиться-бы вамъ. Тепло, да не лѣто.

Онъ заботливо надѣлъ пальто и застегнулся. Они пошли къ выходу.

IV.

Съ каждымъ днемъ Пьеръ все меньше обращалъ вниманія на выходки мачихи, а выходки были по прежнему невыносимыя. Она отдаляла его отъ своихъ дѣтей, кричала пронзительно, чтобы онъ не пилъ воду изъ общаго стакана, дѣлала все съ-не то наивной, не то намѣренной грубостью, но на Пьера это теперь не дѣйствовало.

Въ послѣднее время у него явилась какая-то живая бодрость, какія-то ожиданія, настроеніе было веселое, дѣтское — да и чувствовалъ онъ себя лучше.

Вопросъ о переходѣ его во флигель оставался открытымъ, а пока онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ въ своей просторной комнатѣ со свѣтлыми обоями, какъ разъ надъ комнатою Нины, рисовалъ, писалъ стихи или путевыя воспоминанія.

Нина немножко удивлялась: она привыкла думать, что у мужчины всегда есть одно опредѣленное, серьезное дѣло.

— Развѣ вамъ не скучно?—спрашивала она.

— Нѣтъ, мнѣ никогда не бываетъ скучно; я-же всегда занятъ. Почитаю, на скрипкѣ поиграю, потомъ пойду погулять, потомъ порисую... День и проходитъ.

Нина не могла понять, что неизбѣжность ранней смерти сложила всю его жизнь на особый ладъ, и нельзя къ нему прилагать мѣрку другихъ, здоровыхъ людей.

Чѣмъ ближе онъ ей становился, тѣмъ меньше вѣрила она въ его болѣзнь, въ смерть...

Она даже почти никогда не думала объ этомъ. Она начинала его любить «для себя». Ей хотѣлось, чтобы онъ былъ съ ней, говорилъ съ ней, хотѣлось нравиться ему... Но когда мать гдѣ нибудь на вечерѣ говорила:

— Зачѣмъ ты заставляешь танцовать молодого Стаховскаго? Вѣдь ему можетъ сдѣлаться хуже. Какой несчастный!..

Нина всегда отвѣчала съ неудовольствіемъ:

— О, мама, вовсе онъ не такъ боленъ! Право, онъ, пожалуй, выздоровѣетъ!..

Они каждый день видѣлись въ саду.

Нина въ душѣ себя считала очень умной, главнымъ образомъ потому, что читала Юма и Милля, и была твердо увѣрена, что и Милль, и Юмъ интересуютъ ее.

Часто она думала о себѣ въ третьемъ лицѣ, какъ о героинѣ романа, и любовалась собою; и ничто ей не нравилось въ себѣ такъ сильно, какъ то обстоятельство, что она умна и читаетъ серьезныя книги.

Нина давно рѣшила, что Пьеръ не уменъ и мало развитъ: ужъ слишкомъ просто онъ судилъ обо всемъ.

Быть можетъ, она была права.

Рѣшивъ это, она, однако-же, не могла относиться къ Пьеру сверху внизъ, какъ ей хотѣлось, а напротивъ, робѣла и краснѣла. «Точно дѣвчонка!»—сердилась она на себя.

Пьеръ замѣчалъ это и добродушно улыбался про себя.

Нина ему очень нравилась.

Онъ видѣлъ другихъ, и болѣе красивыхъ, и болѣе привлекательныхъ, но въ Нинѣ для него была своя, особая привлекательность.

Ему нравилось, что ей только шестнадцать лѣтъ, что она такъ наивно краснѣетъ и не умѣетъ скрывать, что чувствуетъ. Ему нравилось, что она не боится въ легкомъ платьѣ до поздней ночи сидѣть въ саду, гдѣ сыро, танцуетъ на балахъ до

упаду, бѣгаетъ на перегонки со своимъ братомъ-гимназистомъ,—и ей ничего.

Пьеръ завидовалъ, и удивлялся, и радовался этому.

Когда въ саду они сидѣли на одной скамейкѣ, рядомъ, ему часто казалось, что между ними есть какая-то связь и что въ ней столько жизни и здоровья, что хватитъ на нихъ обоихъ.

V.

Нина была искренно удивлена, встрѣтивъ разъ, въ сумеркахъ, на одной изъ аллей Пьера съ толстой, черноглазой дѣвочкой на рукахъ.

Дѣвочка въ бѣломъ, вышитомъ платьицѣ, была прехорошенькая и казалась очень довольной своимъ положеніемъ.

Пьеръ немного сконфузился.

— Это Люся, дочка моей сестры,—сказалъ онъ.—Мы съ ней друзья. Вотъ узнала меня; какъ давно не видала, а сейчасъ ко мнѣ къ первому пошла. Завтра надо ѣхать провожать ее, она вѣдь тутъ за 60 верстъ живетъ, въ Ахаларахъ. У одной нашей родственницы воспитывается. Отецъ все въ разъѣздахъ... Вотъ привезли со мной повидаться на денекъ...

И онъ ласкалъ румяную дѣвочку, поглаживая рукой ея волосы.

— Надо будетъ у нихъ погостить. Няньчиться стану,—продолжалъ онъ, улыбаясь.—Я и такъ дѣтей люблю, ну, а эта еще и родная.

Нина никогда не видѣла его такимъ радостнымъ. Ей стало больно.

— Такъ вы надолго?—спросила она, и въ голосѣ у нея были слезы.

— Да, недѣльки двѣ поживу. А что?

— Не ѣздите! Мнѣ скучно безъ васъ.

— Вамъ безъ меня скучно? Отчего?

Онъ улыбался.

— Просто скучно. Я къ вамъ привыкла...

— Вотъ Люсѣ тоже скучно безъ меня. Да и вовсе вамъ не будетъ скучно... Черезъ двѣ недѣли я вернусь.

Нина больше ничего не говорила. Онъ съ Люсей скоро ушелъ домой. Въ саду было сыро и душно. Отъ вчерашняго дождя сразу распустились яблони и черешни и теперь стояли точно зимой—бѣлыя отъ сплошного цвѣта. Отъ земли поднимался теплый паръ. Стемнѣло. Нина сѣла на скамейку и долго плакала.

— Вѣдь я въ него влюблена, совсѣмъ, по настоящему влюблена!—думалось ей. А теперь онъ уѣзжаетъ...

Но въ Ахаларахъ Пьеру не пожилось.

Вдобавокъ онъ простудился, сталъ больше кашлять и такъ осунулся, что самъ это замѣтилъ.

Но, вернувшись черезъ полторы недѣли и увидавъ, какъ обрадовалась ему Нина, онъ снова повеселѣлъ.

Дома онъ становился все привѣтливѣе и проще. Онъ не скрывалъ, что ухаживаетъ за Ниной; имъ обоимъ казалось это простымъ и естественнымъ; они ждали такого-же отношенія къ себѣ и отъ другихъ.

Михаилъ Васильевичъ, отецъ Пьера, отлично все замѣчалъ, но считалъ шуткой и развлеченіемъ.

— Однако, ты, другъ, окончательно погибъ,— сказалъ онъ ему, усмѣхаясь.

— Погибъ! — шутливо отвѣтилъ Пьеръ.

— Влюбился по-уши, — продолжалъ отецъ. — И тебѣ не стыдно?

— Что жъ дѣлать...

— Ужъ не думаешь-ли жениться?

Пьеръ вдругъ сталъ серьезенъ.

— А отчего бы и не жениться?

Отецъ нахмурилъ брови. Онъ увидалъ, что Пьеръ не шутитъ.

Онъ, Пьеръ, хочетъ жениться! Михаилъ Васильевичъ рѣшительно не понималъ, что случилось съ сыномъ. Вѣдь онъ знаетъ-же, что боленъ, что скоро умретъ; отъ него этого никогда не скрывали. И самъ онъ прежде часто говорилъ о смерти. А теперь вдругъ—жениться! Развѣ сказать ему прямо, что это безуміе, потому что черезъ полгода его не будетъ въ живыхъ?.. Это тяжело, но сдѣлать это нужно.

— Милый Пьеръ...—началъ Михаилъ Васильевичъ.

Но Пьеръ, точно предчувствуя, что скажетъ отецъ, и, можетъ быть, боясь его словъ,—вдругъ поднялся со стула и вышелъ изъ комнаты.

Въ эти послѣдніе дни, когда онъ думалъ о любви, — онъ забылъ о смерти.

И Нина забыла объ этой возможности. «Я думаю, что онъ любитъ меня», — писала она по ночамъ въ своемъ дневникѣ. «Если любитъ, то

навѣрно скажетъ скоро, скоро, до нашего отъѣзда на дачу. О, еслибы скорѣе... Я такъ буду счастлива»... Пьеръ, дѣйствительно, рѣшился сказать ей все до отъѣзда Лугановыхъ.

Ему никогда еще не было такъ хорошо. Онъ мечталъ, какъ они заживутъ... Не здѣсь,—у него вѣдь остался маленькій капиталъ послѣ матери,—они поѣдутъ куда-нибудь на югъ, ну, хоть на Майдеру, и Люся съ ними...

А когда онъ поправится,—Пьеръ уже не сомнѣвался, что поправится,—они переѣдутъ въ Вѣну, онъ станетъ доучиваться въ консерваторіи... Потомъ концерты... Потомъ... И онъ уносился далеко.

Съ каждымъ днемъ онъ все больше привязывался къ Нинѣ. Онъ видѣлъ, что она ждетъ его слова, начиналъ — и вдругъ обрывалъ разговоръ, стараясь не смотрѣть на Нину, чтобы не встрѣтить удивленный взоръ ея милыхъ глазъ.

Приближался канунъ отъѣзда.

«Вотъ наканунѣ и скажу», — подумалъ Пьеръ и успокоился.

VI.

Была ночь. Пьеръ спалъ.

Онъ легъ рано и сейчасъ-же заснулъ. Маленькіе часы на письменномъ столѣ прозвонили двѣнадцать, потомъ часъ и, наконецъ, два.

Со вторымъ ударомъ Пьеръ вдругъ проснулся, сразу, какъ будто кто-нибудь дотронулся до него, и открылъ глаза.

Кругомъ было темно и тихо.

Онъ не могъ дать себѣ отчета: что это?— Чувство? Мысль? Но какая рѣзкая, простая и ужасная—сознаніе смерти!

Онъ понялъ, что уже не живетъ, что «она» тутъ, около него; понялъ ее, какая она, — и въ душѣ нашелъ глубокое смиреніе и покорность.

Все, что было близко,—отошло куда-то, и та, прежде милая, живая дѣвушка — казалась теперь безконечно чуждою.

Онъ стоялъ на переходѣ, и это одно было для него важно и велико.

Пьеръ зажегъ свѣчу, всталъ и прошелся по комнатѣ; и мало-по-малу прежде яркая мысль начала исчезать, уступая внѣшнему міру, и съ нею исчезало чувство. Онъ хотѣлъ удержать его потомъ припомнить,—напрасно.

Онъ повторялъ себѣ: «вѣдь я умираю»...

И уже самъ опять и вѣрилъ, и не вѣрилъ этому.

На другой день Нина уѣзжала.

Они простились. Нина плакала. Но онъ былъ безучастенъ и не могъ сказать ей—ничего...

VII.

Въ Кинеизѣ рѣдко выпадало такое веселое лѣто, какъ въ тотъ годъ. Вечера, спектакли, верховыя прогулки по горамъ, — каждый день что-нибудь новое, и дачникамъ, а въ особенности дачницамъ, жилось очень хорошо.

Надо сказать правду — первое время Нина ни въ чемъ не принимала участія, сидѣла дома груст-

ная, не читала Милля, и даже ея розовыя щеки слегка поблѣднѣли.

По ночамъ она нерѣдко плакала.

Печаль ея была непритворна.

Но прошелъ цѣлый мѣсяцъ; и потому-ли что она не глубоко любила, или потому, что ей было шестнадцать лѣтъ, но она становилась все веселѣе, начала танцовать и рѣже вспоминала о Пьерѣ.

Черезъ три мѣсяца послѣ разлуки Нина вдругъ замѣтила, что ей очень весело, а Пьера она забыла.

«Онъ меня не любилъ, — подумала Нина,—ну и я разлюбила; такъ и слѣдуетъ».

Она слышала, что Пьеръ уѣхалъ лѣчится въ Кисловодскъ, и танцовала со спокойнымъ сердцемъ.

Однажды Нина и ея мать пили чай на балконѣ, когда въ палисадникѣ скрипнула калитка.

Мать смотрѣла на гостя и не узнавала, но Нина узнала вмигъ.

— Стаховскій!—торопливо шепнула она матери и, стараясь быть спокойной, сошла со ступенекъ террасы на встрѣчу Пьеру.

При одномъ взглядѣ на него она поняла, сама не зная какъ, что нужно быть спокойной и сразу узнать его.

Теперь ужъ нельзя было сомнѣваться, — это умирающій человѣкъ.

Онъ похудѣлъ, хотя былъ худъ и раньше, согнулся въ плечахъ, какъ старикъ, и осторожно ступалъ больными ногами.

Коротко остриженные волосы, сухіе и точно неживые, почему-то особенно поразили Нину.

Но онъ не сознавалъ перемѣны: вновь увидавшись съ Ниной, замѣтивъ, что она покраснѣла, онъ сдѣлался веселъ, шутилъ, смѣялся своимъ добрымъ смѣхомъ; ему казалось, что этихъ трехъ мѣсяцевъ не было, что опять весна и Нина не уѣзжала.

Тамъ, на водахъ, онъ не могъ ужиться. Онъ былъ боленъ, воды не помогали, онъ сталъ тосковать о Нинѣ.

Онъ рѣшилъ, что все глупости и надо поѣхать къ ней, поправить дѣло.

И онъ поѣхалъ.

Къ вечеру второго дня Пьеръ предложилъ Нинѣ пройтись.

Онъ шелъ съ усиліемъ, но не хотѣлъ показать, что ему трудно.

Они миновали дачи и спустились съ горы въ ложбину, окруженную скалами.

Въ бѣлый выступъ камня былъ вставленъ образъ, а подъ нимъ журчала чистая, какъ стекло, вода. Этотъ ключъ здѣсь называли «Святымъ источникомъ».

Они остановились на минуту отдохнуть передъ тѣмъ, чтобы итти назадъ, на гору.

Сумерки быстро надвигались. Они стояли другъ передъ другомъ молча, но Нина понимала, что случится что-то ужасное, и непремѣнно сейчасъ.

— Нина Владиміровна,—сказалъ Пьеръ,—я, вы знаете, сначала не думалъ сюда пріѣхать, но потомъ я не могъ... Я только для васъ... И теперь я хочу васъ просить...

Онъ остановился, какъ-бы ища слова.

Нина видѣла передъ собой это темное, худое лицо, глаза, глубоко впавшіе, блѣдные, улыбающіяся губы, и ей стало жаль его, — въ первый разъ. И эта жалость дала ей такое горе, такое отчаяніе, какого никогда не давала любовь.

Пьеръ въ эту минуту взглянулъ на нее и сразу понялъ все. Онъ вспомнилъ ту ночную мысль, которую забылъ съ тѣхъ поръ.

Это былъ конецъ. Они вернулись, не сказавъ другъ другу ни слова,

VIII.

Осень наступала ранняя, холодная. Восточный вѣтеръ, дувшій два дня, сразу сорвалъ всѣ листья съ деревьевъ. Во дворѣ у Стаховскихъ перемѣна: флигель открылъ свои ставни, и окна, точно глаза, смотрѣли угрюмо.

Внутри онъ раздѣлялся на три громадныя, высокія комнаты, холодныя и почти пустыя.

Въ средней помѣстили Пьера, когда онъ вернулся въ городъ.

Мачиха ожидала исторій, но ничего не случилось. Ему было уже все равно.

Эти два мѣсяца онъ прожилъ день за днемъ, ни о комъ не спрашивалъ, говорилъ мало. Даже извѣстіе, что Люся неожиданно умерла отъ дифтерита, —онъ принялъ равнодушно. А со смертью Люси онъ терялъ, быть можетъ, единственное существо, любившее его.

Онъ только старался избавиться отъ физическихъ страданій. У доктора онъ попросилъ опіума,—тотъ сказалъ, что хорошо, послѣ.

Тогда онъ пришелъ къ мачихѣ и просилъ дать ему морфія. Но она испугалась и не дала.

Наконецъ онъ слегъ.

Онъ ничего не говорилъ, не отвѣчалъ, когда его спрашивали, и лежалъ неподвижно, повидимому спокойно.

Мачиха у него не бывала, но отецъ заходилъ ежедневно. Ему взяли сестру милосердія.

Онъ лежалъ такъ уже два дня, когда пріѣхалъ докторъ. Взявъ руку больного, посмотрѣвъ на него съ минуту, онъ вышелъ.

— Ну что? — спросилъ отецъ.

Докторъ пожалъ плечами.

— Онъ безъ сознанія. Агонія... Я еще заѣду...

— Нѣтъ, что-жъ, если вы думаете... Медицина безсильна...

— Какъ угодно, — сказалъ докторъ и ушелъ.

Отецъ вернулся въ спальню.

Больной лежалъ въ томъ-же положеніи. Мутный свѣтъ бѣлаго осенняго дня изъ-за приподнятой занавѣски освѣщалъ его лицо. Осеннія мухи жужжали и бились на стеклѣ.

Отецъ постоялъ немного.

— Закрыть-бы его чѣмъ нибудь, — прошептала сидѣлка, молоденькая и миловидная дѣвушка. — А то мухи, пожалуй, будутъ безпокоить...

Его осторожно покрыли кисеей, и, еслибы не ея тихое и мѣрное движеніе, — можно-бы подумать, что это лежитъ мертвый человѣкъ.

Такъ прошелъ еще день — и наступила ночь.

Передъ разсвѣтомъ заснувшая сидѣлка была разбужена какимъ-то страннымъ шумомъ.

При свѣтѣ потухающей, догорѣвшей свѣчи въ тазу, она увидѣла, что больной сидитъ на постели, сбросивъ съ себя почти все.

Его лицо было покрыто сѣроватымъ налетомъ, давно безмолвныя губы разомкнулись, онъ что-то говорилъ, но сидѣлка не могла понять; наконецъ, она разобрала: «отца... скажите... на минуточку... Неужели—это?..»

Сидѣлка бросилась къ двери; она слышала, какъ съ трескомъ потухла свѣча,—но уже не воротилась.

Она пробѣжала пустую комнату и длинную стеклянную галерею; въ корридорѣ большого дома она разбудила горничную:

— Кончается,—говорила она, плача и дрожа:—отца зоветъ, на минуточку...

— Нельзя, не велѣли будить,—объяснила горничная.

— Да вѣдь кончится сейчасъ...

— Не велѣлъ будить ни-за-что; я не смѣю.

— Ахъ ты, Господи! Пойдемте хоть вы со мной!

— Я? Мнѣ въ той комнатѣ бывать не приказано, я за барыней хожу. А вы то сами что жъ?

— Да не могу, жалко мнѣ, страшно... Непривычная я, въ первый разъ...

И бѣдная дѣвушка плакала.

— Ишь ты, какое дѣло,—сказала горничная.—Ну ужъ посидите здѣсь до утра на сундукѣ, ничего. А будить не велѣно.

Когда утромъ вошли въ комнату больного, онъ недвижно лежалъ на подушкахъ такъ-же, какъ и наканунѣ. Лицо его было, какъ у многихъ умер-

шихъ, свѣтло и спокойно. Это спокойствіе, когда ослабѣваютъ мускулы лица — часто заставляетъ предполагать тихую и радостную кончину, безъ мукъ агоніи. Смерть стираетъ слѣды своей жестокости. У Пьера въ одной, уже застывшей, рукѣ нашли разорванный и судорожно смятый кусокъ кисеи. Это былъ единый знакъ, единое воспоминаніе о тѣхъ, можетъ быть короткихъ, можетъ быть долгихъ минутахъ, которыя онъ провелъ въ темнотѣ, одинъ передъ лицомъ смерти.

Нина была на похоронахъ.

Сухой и вѣтреный осенній день; солнце на желтомъ позументѣ гроба; кругомъ — грустныя, спокойныя лица.

Мачиха, въ длинномъ креповомъ вуалѣ, громко рыдала и била себя въ грудь.

Когда гробъ опускали въ могилу, и отецъ, протянувъ впередъ руку, торжественно проговорилъ: «прощай, Пьеръ!»—Нина замѣтила какую-то некрасивую, бѣдно одѣтую дѣвушку, горько плакавшую.

Можетъ быть, хоть она любила его...

«Гдѣ-же онъ теперь?» думала Нина. «Какъ странно: вотъ и я чувствую, что онъ есть, есть,— все равно гдѣ».

Сквозь печаль, въ самой глубинѣ ея души, было чувство тихой радости и успокоенія.

Ей припомнились добрые глаза покойнаго и его слова: «а я вотъ вѣрю, что я умру, а душа моя не умретъ».

Миссъ Май.

I.

Какъ-то, незадолго до Пасхи, лакей Тихонъ встрѣтилъ молодого барина, вернувшагося изъ города, съ особенно мрачнымъ видомъ. Тихонъ былъ привезенъ Андреемъ изъ Москвы и до сихъ поръ не могъ освоиться ни съ малороссами, ни съ ихъ волами, ни съ ихъ говоромъ, ни съ бѣлымъ, снѣжнымъ затишьемъ хутора Вишняковъ зимой. Изъ Вишняковъ, впрочемъ, и самъ баринъ, какъ ни любилъ мамашу, Домну Ниловну Шарвенко, все чаще сталъ уѣзжать въ ближній городъ. Тихонъ опасался было, что молодой баринъ возьметъ въ свои руки хозяйство и поселится въ Вишнякахъ, о чемъ поговаривали, но баринъ вышелъ не изъ такихъ.

Андрей давно привыкъ къ черствой и унылой физіономіи своего слуги, но на этотъ разъ необычайно похоронный видъ, мрачный и торжественный, поразилъ его. Тихонъ былъ рыжеватъ, худощавъ, безъ усовъ и бороды, съ длиннымъ и тонкимъ носомъ, не лишенъ пріятности, хотя казался слишкомъ сосредоточеннымъ, будто рѣшающимъ всегда ариѳметическую задачу.

Позднѣе вечеромъ, ложась спать, Андрей спросилъ Тихона, который, хотя и молчалъ, какъ убитый, однако не уходилъ изъ спальни:

— Что съ тобой случилось? Ты какой-то мертвый.

— Я мертвый?

— Ну да, ты. Что съ тобой опять?

— Я, Андрей Николаевичъ, давно просилъ меня отпустить, какъ эти мѣста мнѣ недостаточно нравятся...

— Что-же, ты въ Москву поѣдешь?

— Я не къ тому сказалъ, что въ Москву ѣду, я такъ сказалъ, что у меня давно было предчувствіе эти мѣста покинуть. А къ этому предчувствію я отнесся безъ вниманія—и за-то теперь принужденъ и помышленіе о Москвѣ бросить.

— Да говори толкомъ! Что съ тобой?

— Я женюсь, Андрей Николаевичъ, вотъ что со мной... Я тоже жениться надумалъ.

Андрей расхохотался.

— Ну ужь это ты, Тихонъ, изъ подражанія. Я женюсь—такъ и ты тоже. На комъ ты?

— На Василисѣ, на прачкѣ...

Тихонъ произнесъ это гробовымъ голосомъ, точно объявлялъ, что Василиса умерла въ страшныхъ мученіяхъ.

— Это пѣвунья, кажется? Бѣлокурая такая, круглолицая, еще рябая немножко? И волосы гладкіе?

— Да, она. Поетъ-то она звонко.

И, вдругъ оживясь, Тихонъ произнесъ съ внезапной злобой:

— И какой это обычай у нихъ пакостный! Только что я ей открылся, порѣшили тамъ, когда обрученіе, когда что—сейчасъ она напялила себѣ на голову огромаднѣйшіе розаны бумажные, вокругъ головы на аршинъ, ей Богу. Такъ и ходитъ рогатая. Говорилъ—эй, Василиса, сними! Слышать не хочетъ. У нихъ невѣсты и по году такъ ходятъ.

— Она тебѣ нравится, что-ли? Какъ-ты вздумалъ? спросилъ Андрей.

— Она? Она мнѣ нравится. Мы ужъ давно валандаемся. Почему-жъ не жениться? Славная жена будетъ.

Андрею вспомнилось, что онъ этими-же словами подумалъ о Катѣ, когда въ первый разъ ему пришла ясная мысль, что они могутъ обвѣнчаться. Теперь уже все было рѣшено. Осенью Андрею обѣщали—хорошее для начала—мѣсто въ городѣ. Жить въ Вишнякахъ и заниматься сельскимъ хозяйствомъ Андрей чувствовалъ себя пока неспособнымъ. Онъ только что кончилъ университетъ въ Москвѣ, гдѣ всѣ четыре зимы прожилъ тихо и скромно. Товарищи считали его не то романтикомъ, идеалистомъ, не то просто рохлей, и во всякомъ случаѣ человѣкомъ не общительнымъ. Онъ никого не чуждался, но ни съ кѣмъ особенно и не сблизился. Онъ радъ былъ окончить курсъ и уѣхать въ провинцію, на хуторъ, гдѣ родился и выросъ, заниматься хозяйствомъ или служить, если хозяйство не пойдетъ. Да и лучше служить: Вишняками занята мать, здоровая, дѣятельная, еще молодая. Домна Ниловна одна вы-

ростила сына, рано овдовѣвъ. На все у нея были опредѣленные взгляды, обо всемъ свои здравыя и точныя понятія. Въ Вишнякахъ она даже управляющаго не держала, входя сама и въ мелочи хозяйства. Андрей былъ у нея одинъ и потому она, въ любви къ нему, еще проявляла иногда слабость—но и относительно сына у нея имѣлись свои планы. И все шло прекрасно. Андрею едва минуло двѣнадцать лѣтъ, когда Домна Ниловна стала засматриваться на пухленькую Катюшу, дочку своей троюродной сестры, думая, какая славная жена выйдетъ съ годами изъ этой аккуратной дѣвочки для Андрюши. Каждое лѣто Катенька гостила въ Вишнякахъ. Незамѣтно для себя Андрей привыкъ смотрѣть на нее, какъ на будущую жену. Когда онъ кончилъ университетъ—все рѣшилось само собою, къ общему удовольствію. Прошлое лѣто они были уже обручены и провели вмѣстѣ женихомъ и невѣстой. Катя, крѣпкая, черноглазая, свѣжая и добрая, понимала толкъ въ хозяйствѣ, какъ тридцатилѣтняя, хотя ей минуло восемнадцать—и вся вообще нравилась Андрею. На правахъ жениха онъ часто цѣловалъ ее и находилъ, что у нея удивительно мягкія и пріятныя для поцѣлуя губы. Но свадьбу неожиданно отложили по случаю болѣзни Катиной матери. Катя должна была уѣхать въ Крымъ, откуда писала Андрею милыя, дѣтски-серьезныя, даже наставительныя письма, какъ пишетъ очень молоденькая и благоразумная дѣвушка своему жениху. Потомъ мать Кати умерла. Изъ имѣнья дяди, ея попечителя, Катя должна была окончательно пріѣхать въ

Вишняки только весною, а въ концѣ лѣта назначили свадьбу.

Жизнь Андрея входила въ колею мирной, сладостной и удобной тишины. И онъ отдавался теченію и говорилъ себѣ, что радуется этимъ годамъ спокойствія, которые ему предстоятъ, и что онъ всегда этого въ сущности и желалъ.

Лакей Тихонъ, со своимъ мрачнымъ и молчаливымъ протестомъ, врагъ деревенскаго довольнаго спокойствія, какъ-то смущалъ Андрея. И потому теперь, когда выяснилось, что Тихонъ женится, пріобрѣтаетъ осѣдлость, поступаетъ такъ-же, какъ его баринъ,—Андрей почувствовалъ немалое удовольствіе.

И на другой день утромъ, придя пить чай въ низенькую теплую столовую, онъ поцѣловалъ мать въ щеку и весело сказалъ:

— Знаешь, мамаша, а мой Тихонъ женится!

Домна Ниловна удивленно приподняла брови и не улыбнулась. Ея загорѣлое, еще не старое лицо было всегда озабочено. Одѣвалась она въ просторныя кофты изъ темнаго ситца и говорила твердо, какъ хохлушка.

— Ой, да что ты! произнесла она.—Тихонъ? Да кто за него, за такого, пойдетъ?

— Напрасно вы, мама. Онъ вовсе не дуренъ. Чѣмъ онъ дуренъ? А идетъ за него Василиса прачка.

— Василиса? Это щебратенькая-то? Вотъ-то дура! Я смотрю вчера—она въ цвѣтахъ. Хотѣла спросить, за кого идетъ, да позабыла какъ-то. За Тихона! Нечего сказать! Этакая дивчина славная! Пѣвунья! Подумаешь—голосъ какой!

— Мамаша, вы Тихона понапрасну обижаете. Онъ прекрасный, честный, только серьезный немного, такъ вѣдь это-же не плохо.

— Не плохо? Какой тебѣ тамъ къ бѣсу серьезный! Не серьезный онъ, а точно все у него что-то на умѣ: думаетъ, думаетъ—и ужъ всегда такое выдумаетъ, что и не приснится никому. Я Тихона твоего, Андрюша, а особенно фантазій этихъ его—боюсь. Вотъ ей Богу-же боюсь. И зло у меня на него, и страхъ. А кажется никогда трусихой не была.

Андрюша улыбнулся.

Привезли почту. Пришло письмо отъ Кати къ Домнѣ Ниловнѣ: Катя извѣщала, что можетъ пріѣхать не раньше апрѣля; что съ ней пріѣдутъ тетя Варвара Дмитріевна, и Степанида Дмитріевна, и кузины; что Ваничка съ Егоромъ Кузьмичемъ, можетъ быть, пріѣдутъ раньше; кланялась Андрюшѣ и просила извиненія, что не пишетъ ему сегодня,—ей некогда.

Андрей нисколько не обидѣлся, онъ зналъ, что Катя человѣкъ занятой и не любитъ тратить времени на пустяки, на письма. Напишетъ въ другой разъ. Къ тому-же они такъ скоро увидятся—до апрѣля всего нѣсколько недѣль, онѣ пролетятъ незамѣтно...

И онѣ, точно, пролетѣли незамѣтно.

II.

Фруктовый садъ въ Вишнякахъ одной стороной выходилъ на широкій дворъ усадьбы, а дру-

гой—примыкалъ къ лѣсу и проѣзжей дорогѣ. Теперь, въ концѣ апрѣля, садъ стоялъ незапертый—тамъ только что облетали цвѣты грушъ, яблонь и черешенъ, сгоняемые съ вѣтокъ жирными, быстро ростущими, точно лакированными листьями. Андрей цѣлый день проходилъ въ лѣсу. Вернувшись ближней дорогой, черезъ фруктовый садъ, онъ медленно растворилъ калитку во дворъ—и остановился. Ему не хотѣлось домой и теперь. Сумерки были особенно нѣжныя, ласковыя и свѣжія. Просторный дворъ, поросшій травой, первой, короткой и яркой, казался пустыннымъ. Направо и налѣво сѣрѣли службы—амбары, ледникъ...

Домъ раскинулся во всю ширину двора, прямо противъ фруктоваго сада. Длинный и низкій, съ пристроечками, крылечками и балкончиками, онъ походилъ теперь, въ потемнѣвшемъ воздухѣ, на черную фигуру громаднаго животнаго, прилегшаго отдохнуть. Ночь надвигалась быстро и близко. Только вверху небо еще голубѣло, блѣднѣя, свѣтлое, вольное и, казалось, именно оттуда спускалась прохлада на землю. Андрей вспомнилъ, что въ дѣтствѣ няня, на его вопросы, почему къ вечеру дѣлается холоднѣе, отвѣчала, что это отъ крыльевъ серафимовъ вѣетъ прохлада, у нихъ крылья большія, длинныя и свѣжія, а послѣ заката серафимы всегда пролетаютъ съ одного края неба на другой.

Андрей невольно посмотрѣлъ въ небо, и ему почудилось, что вотъ именно теперь должны пролетать длиннокрылые серафимы.

Какъ разъ у забора, во дворѣ, стояла узень-

кая деревянная скамеечка для сторожа. Андрей опустился на нее, снялъ шляпу и задумался. Онъ самъ не зналъ, что съ нимъ сегодня. Весна дурно дѣйствуетъ на него. Ему не нравилась эта безпричинная грусть и тоска — теперь, когда все такъ хорошо: Катя пріѣхала, они встрѣтились, будто вчера разстались, она попрежнему любитъ его, онъ тоже, онъ опять, при всякомъ удобномъ случаѣ, цѣловалъ ее—у нея такія полныя, мягкія губки... И какая она милая! Мѣсто въ губернскомъ городѣ обѣщано навѣрно. Славно они заживутъ— вѣдь они всегда были точно родные, и лучше Кати ему и не выдумать жены...

И Андрей сердился на себя и не постигалъ, почему ему иногда грустно, больно до слезъ, почему онъ съ утра сегодня ушелъ изъ дому и все бродилъ по лѣсу почти безъ мыслей, только смотрѣлъ, какъ теплый воздухъ дрожитъ и струится на солнцѣ между полуголыми вѣтвями деревьевъ, да изъ подъ прошлогоднихъ листьевъ поднимаются бѣлые, робкіе цвѣты...

Совсѣмъ стемнѣло. Кое-гдѣ въ окнахъ, въ пристройкахъ, зажгли огни. Въ лѣвомъ флигелѣ особенно ярко освѣтили; тамъ двигались какія-то фигуры, Андрей не могъ разглядѣть черезъ дворъ— чьи, и слышался говоръ. Потомъ говоръ замолкъ, только рѣдкій и правильный звукъ тяжелаго катка нарушалъ тишину.

Андрей вспомнилъ, что въ лѣвомъ флигелѣ была прачешная и потому нисколько не удивился, когда, подъ мѣрный стукъ, два женскихъ голоса начали пѣсню. Василиса, невѣста Тихона, также

какъ и другая прачка, Поля, считались первыми пѣвуньями на хуторѣ. У Василисы, миловидной и низкорослой, съ голубоватыми выпуклыми глазами, голосъ былъ высокій, звонкій и легкій, съ красивыми переливами. Пелагея, дѣвушка рослая, даже слишкомъ рослая, смуглая, съ лицомъ почти некрасивымъ, грубымъ, но особенно гордымъ и выразительнымъ—пѣла низкимъ контральто. Ничего не могло быть пріятнѣе этого густого и мягкаго голоса, полнаго, слишкомъ широкаго, точно весенняя рѣка. Обѣ, Василиса и Поля, часто пѣли вмѣстѣ, какъ теперь.

Темная фигура мелькнула на дворѣ и гдѣ-то исчезла въ тѣни, за выступающимъ угломъ прачешной.

— Вѣрно опять Тихонъ слушаетъ, какъ невѣста поетъ, — подумалось Андрею. — А пожалуй у Поли голосъ пріятнѣе.

Онъ невольно вслушался въ слова пѣсни. Каждая нота и каждое слово были слышны.

Ни Поля, ни Василиса не любили своихъ деревенскихъ, чисто малорусскихъ пѣсенъ, гдѣ сама пѣвица не разбираетъ словъ и гдѣ непремѣнно мотивъ оканчивается однообразной высокой нотой. Ихъ пѣсни были не то городскія, не то неизвѣстно откуда занесенныя, особенно выразительныя и съ понятными словами, хотя порою неумѣло сложенныя.

Теперь онѣ пѣли:

Никто меня не пожалѣетъ,
И никому меня не жаль.
Никто унынья моего не знаетъ,
И не съ кѣмъ раздѣлить печаль.

Напѣвъ былъ почти надгробный, острый и медленный, проникающій насквозь, какой-то безпощадный.

Никто унынья моего не знаетъ...

Андрей почувствовалъ, что глаза его наполнились нежеланными слезами. Онъ не зналъ, о чемъ плачетъ,—и оттого ему было еще тяжелѣе.

Прошло нѣсколько мгновеній. Онъ всталъ, провелъ рукой по лицу и гладко остриженнымъ волосамъ—и пошелъ черезъ дворъ.

III.

Дойдя до крыльца, Андрей вдругъ остановился, задумался—и свернулъ въ сторону, чтобы, обогнувъ усадьбу, попасть въ паркъ, который тянулся по ту сторону дома и спускался къ самому пруду.

Справа полукругомъ шелъ рядъ остроконечныхъ тополей. Большая бѣлая луна поднялась надъ ними и освѣтила ихъ мертвыми лучами.

Безмолвные тополи, черные при лунѣ, всегда напоминали Андрею какую-то страшную картинку, видѣнную имъ въ дѣтствѣ: такъ-же бѣлѣла большая луна и таинственно и остро поднимались тополи.

Андрей шелъ безъ цѣли, почти безъ мысли. Въ одномъ мѣстѣ его охватилъ на минуту теплый ароматъ только что распускающейся черемухи. Потомъ струя сырого воздуха, пахнущаго глубокой водой и травами, донеслась отъ пруда. Андрей

шелъ дальше. Въ травѣ кузнечики стонали пронзительно, хотя шепотомъ. Какая то птица закричала, перелетая черезъ прудъ. Соловей началъ неумѣлыя трели, но самъ удивился и замолкъ.

Вдругъ раздались веселые и молодые голоса. Цѣлая компанія приближалась. Андрей, безотчетно желая избѣгнуть встрѣчи, шагнулъ въ мокрую траву и спрятался за стволъ.

— Это наши, Оля, Катя... Да, да. И Ваня съ ними... И Лидочка...

Барышни громко смѣялись. Это была все своя семья, родственники и родственницы. Всѣ носили трауръ по случаю недавней смерти Катиной матери. Въ черныхъ платьяхъ онѣ были такъ похожи одна на другую, что Андрей не сразу отличилъ свою невѣсту среди веселой толпы. Но за то онъ замѣтилъ съ удивленіемъ незнакомую ему женскую фигуру, очень высокую, одѣтую въ бѣлое.

Она прошла близко отъ Андрея, онъ даже видѣлъ, какъ не живой свѣтъ мѣсяца скользнулъ по волнующейся ткани ея платья, когда тѣнь отъ тополей перестала мѣшать,—но лица разглядѣть было нельзя.

Андрей проводилъ глазами черную толпу, невольно слѣдя за бѣлымъ пятномъ, которое одно, казалось, приняло въ себя все мѣсячное сіянье. Потомъ онъ вышелъ на дорожку, подумалъ и, медленно переступая, направился къ дому.

IV.

Яркій свѣтъ лампы въ столовой ослѣпилъ Андрея. Вся семья была въ сборѣ, пили вечерній чай. Катя вскочила съ мѣста и вскрикнула:

— Андрюша! Наконецъ-то! Куда это ты пропалъ? Мы такъ безпокоились!

— Стыдись, батюшка,—прибавила Домна Ниловна,—цѣлый день тебя нѣтъ, хоть-бы сказалъ, куда идешь, до города, или до попа, или куда. Мы что и думать не знали.

Андрей немного смутился.

— Нѣтъ, я такъ... У меня голова болѣла... Я хотѣлъ на воздухъ.

— Да вѣдь ты не обѣдалъ! Катюша, вели ему подать телятины. А тутъ тетенька Анна Ильинишна пріѣхала!

Андрей разсѣянно слушалъ заботливыя слова матери и невѣсты и возгласы многочисленныхъ кузинъ. Онъ съ первой минуты искалъ и соображалъ, кто могла быть та, въ бѣломъ, которую онъ видѣлъ въ паркѣ. Но кругомъ стола всѣ кузины, наперечетъ, сидѣли въ своемъ траурѣ. Гдѣже та, которая сейчасъ вошла въ домъ?

Услыхавъ о пріѣздѣ тетушки Анны Ильинишны, онъ слегка оживился.

— Когда пріѣхала? Сегодня? А гдѣ жъ она?

— Ты-бы еще позднѣе пришелъ. У себя. Она человѣкъ нездоровый, рано ложится. Завтра увидишь.

Неужели это была тетушка Анна Ильинишна въ бѣломъ? Не можетъ быть. Тетушка низенькая и очень полная, къ тому-же и не пойдетъ вечеромъ гулять по сырости.

Андрею хотѣлось спросить Катю, кто былъ съ ними въ саду, но потомъ показалось, что никакъ невозможно спросить, по крайней мѣрѣ онъ не спроситъ. Пусть лучше это такъ остается. Пусть само выяснится. Не надо этого трогать.

Андрей машинально ѣлъ все, что передъ нимъ поставили, и разсѣянно и печально молчалъ. Кузины тоже замолкли. Катя, очень миловидная, темноволосая дѣвушка, хорошо сложенная, полная и широкая, хотя не крупная, съ добрымъ ртомъ и короткими, пухлыми пальчиками — смотрѣла на Андрея, не отрываясь. Въ карихъ глазахъ ея было и обожаніе, и самодовольство—и все это спокойное, умѣренное и вѣрное.

Свѣтъ лампы слегка золотилъ блѣдные волосы Андрея, остриженные коротко, щеточкой. Андрей имѣлъ тонкое, очень длинное тѣло, удивительной красоты руки съ розовыми продолговатыми ногтями. Голова по росту казалась слишкомъ маленькой, черты лица были мелкія, пріятныя, женственно-безсильныя, носъ правильный и нѣжный. Надъ верхней губой вились очень свѣтлые, пепельные усики. Несмотря на слегка болѣзненную блѣдность и оттого безцвѣтность утомленнаго лица, его можно бы назвать красивымъ и многія изъ кузинъ завидовали Катѣ. Сама Катя искренно и спокойно считала себя счастливой.

Когда встали изъ-за стола, Андрей поспѣшно

поцѣловалъ руку матери и постарался никѣмъ незамѣченный скрыться въ свою комнату.

Комната его выходила на огибавшій усадьбу балконъ и была угловой. Постель оказалась неприготовленной. Андрей разсердился и хотѣлъ позвать Тихона, но въ эту минуту на порогѣ балконной двери онъ увидалъ Катю.

Она робко вытянула шею и заглянула въ комнату.

— Андрюша, ты здѣсь? Ты не выйдешь больше?

— Я ужасно усталъ, мнѣ хотѣлось лечь. А ты меня искала? Тебѣ что-нибудь нужно?

— Нѣтъ... Я думала... Ты со мной не простился...

— Войди, простимся.

Катя робко вошла въ комнату, приблизилась къ Андрею и положила ему руки на плечи. Ей это было не легко, она головой доставала ему только до груди.

— Скажи мнѣ, Андрюша, начала она вдругъ шепотомъ, — ты оттого разсердился, что я вчера въ фантахъ дала Ваничкѣ руку поцѣловать?

— Я разсердился? На кого? Какіе фанты?

— На меня разсердился... Я сейчасъ догадалась, когда ты съ утра убѣжалъ и къ обѣду не вернулся. Во вчерашнихъ фантахъ. Но Андрюша, милый мой, дорогой...

Андрей разсмѣялся.

— Катя, увѣряю тебя, я и не думалъ сердиться. Мнѣ просто сдѣлалось грустно...

Онъ остановился. Его голубые, выпуклые глаза были слегка близоруки, но слухъ онъ имѣлъ не-

обычайный, тонкій до болѣзненности. И въ этотъ моментъ ему показалось, что кто-то прошелъ мимо запертой двери. Шаги были совершенно незнакомые, легкіе и тихіе до неслышности, даже не шаги, и не шорохъ, а такъ, движеніе воздуха, точно что-то скользнуло мимо, провѣяло—и замолкло.

— Мнѣ сдѣлалось грустно... — снова началъ Андрей—и вдругъ перебилъ себя:

— Кто это прошелъ?

— Прошелъ? — Катя смотрѣла на него испуганными, непонимающими глазами.—Не знаю, кто прошелъ. Я ничего не слышала. Андрюша, не скрывай... Отчего тебѣ могло быть грустно, какъ не отъ этого... отъ фантовъ? — И она покраснѣла.—Андрюша, клянусь тебѣ всѣмъ святымъ...

Андрей хотѣлъ разсказать ей, какъ ему весь день было непонятно тоскливо и больно, взялъ ее за руку — но остановился. Зачѣмъ ее тревожить? Если онъ самъ не знаетъ, почему ему грустно, какъ она можетъ угадать? Да и не хотѣлось разсказывать, точно его тоска была ему особенно дорога.

Катя пристальнѣе взглянула въ его нѣмые глаза—и вдругъ неожиданно заплакала.

Андрей притянулъ ее къ себѣ.

— Что съ тобой? О чемъ ты? Катя?

— Отчего ты... такой? Ты меня... ты разлюбилъ?

— Богъ съ тобой, Катя! Какъ я могу тебя разлюбить, сама подумай! Съ чего ты взяла?

Онъ обнялъ ее и поцѣловалъ. Катя поцѣловалась охотно, крѣпко и сочно. Губы у нея попрежнему были пріятныя, мягкія, но Андрею почему-

то подумалось, что этотъ поцѣлуй, и первый ихъ поцѣлуй годъ тому назадъ — ничего не имѣютъ общаго. Тогда это казалось важнымъ дѣломъ — теперь обычнымъ и естественнымъ обстоятельствомъ. Онъ такъ хорошо зналъ розовыя губы и ощущеніе поцѣлуя, что едва замѣчалъ его. Но Катя почти утѣшилась.

— Такъ ты меня любишь, Андрюша?

— Конечно, люблю. Я разсержусь дѣйствительно, если ты будешь сомнѣваться.

Катя ушла, получивъ еще нѣсколько поцѣлуевъ. Андрей отпустилъ ее разсѣянно.

Его, помимо воли, занимало, кто прошелъ мимо двери. Онъ поймалъ себя на томъ, что соединялъ неслышные шаги съ мыслью о дѣвушкѣ въ бѣломъ платьѣ.

— Фу ты, какая глупость! Что я, въ привидѣнья вѣрю?

Онъ началъ раздѣваться. Вошелъ Тихонъ дѣлать постель, мрачный и погребальный, какъ всегда.

— Тихонъ, ты видалъ тетю Анну Ильинишну?

— Видалъ.

— Она давно пріѣхала? Въ которомъ часу?

— Въ пятомъ.

Андрей умолкъ, не зная, что спросить еще.

— А что, она похудѣла?

— Похудѣть не похудѣли. А какъ будто полнѣе.

Андрей опять замолкъ на минуту.

— А я, Тихонъ, видѣлъ тебя, какъ ты у прачешной сидѣлъ. Василису слушалъ, а?

Тихонъ вдругъ озлобился, бросилъ одѣяло, которое держалъ, въ рукахъ и повернулся къ барину.

— У прачешной? Я сидѣлъ? Ну и сидѣлъ. Василиса пѣла? Ну и пѣла. Что-жъ изъ-за этого мнѣ теперь въ каторгу итти?

Андрей, привыкшій къ ярости своего слуги, не удивился и проговорилъ только:

— Да никто тебя и не обвиняетъ. Это очень понятно.

Тихонъ успокоился, какъ вскипѣвшее молоко, когда кострюлю снимаютъ съ огня, и вновь вернулся къ одѣялу.

— А кто, не знаешь-ли, тутъ по коридору сейчасъ ходилъ?—не выдержалъ Андрей.

— По коридору? Не знаю. Мало-ли тутъ ходятъ. Я не долженъ знать, кто мимо пройдетъ.

Андрей легъ спать съ тревожнымъ чувствомъ, долго не могъ уснуть — и все прислушивался, не прошумитъ-ли опять полунеслышный шелестъ и шопотъ шаговъ.

V.

Цѣлую ночь былъ дождь. Андрей слышалъ веселый гулъ крупныхъ капель въ саду. Передъ утромъ начался ливень. Андрей въ просонкахъ вспомнилъ, что сегодня первое мая и что кузины и тетеньки давно затѣвали въ этотъ день какую-то особенную прогулку.

— Хорошая прогулка будетъ, если ненастье!— смутно промелькнуло у него въ головѣ — и сейчасъ-же явилась радость, потому что ему давно не хотѣлось ѣхать.

Но дождь пересталъ—и Андрей опять заснулъ.

Онъ проснулся поздно, сердитый, усталый и тревожный. Было уже десять часовъ, когда онъ одѣлся и готовъ былъ итти въ столовую. Безпокойное чувство, съ которымъ онъ заснулъ вчера, не уменьшилось, хотя онъ не позволялъ себѣ опредѣленно думать о причинахъ.

Андрей откинулъ занавѣсъ, раскрылъ дверь на балконъ—и остановился на порогѣ.

Утро было ослѣпительно яркое, влажное и душистое. Зелень сверкала, сильная, распустившаяся отъ дождя, точно разросшаяся за ночь. Блѣдныя кудри березы были пронизаны солнцемъ и бросали колеблющійся, золотистый отсвѣтъ на полъ балкона. А у перилъ, на балконѣ, прямо передъ дверью, стояла незнакомая высокая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ и смотрѣла на Андрея. Она молчала—и Андрей молчалъ, потому что ему пришло въ голову, что это опять только кажется и что вообще тутъ есть какое-то ужасное недоразумѣніе. Онъ сразу, съ одного взгляда, все въ ней замѣтилъ и понялъ, можетъ быть потому, что она почти вся была одного цвѣта, свѣтлаго, и казалась цѣльной и простой, какъ будто вырѣзанной изъ одного куска. Андрей замѣтилъ, что бѣлое платье изъ легкой, почти прозрачной, шелковой матеріи, все, и вверху и внизу, было въ безчисленныхъ складкахъ или сборкахъ, точно смятое. И складки не падали прямо, а слегка отставали и отъ непримѣтнаго вѣтра въ саду шевелились, то подымаясь, то опускаясь, какъ мыльная пѣна. Шея, очень длинная и тонкая, выходила изъ этой пѣны незамѣтно, она была такого-же цвѣта, какъ

платье, и тоже казалась прозрачной, какъ тонкій китайскій фарфоръ, когда его смотрятъ на солнце — только тутъ были едва уловимые, розовые отсвѣты жизни. Блѣдно-золотые волосы, не густые, безъ малѣйшаго рыжаго или сѣраго оттѣнка, были зачесаны гладко. Но болѣе короткіе отставали и слабо и легко завивались около ушей и висковъ. Лицо, прозрачное, какъ шея, безъ тѣни румянца, было спокойно. Сѣрые глаза, широко разставленные, были опушены завитыми рѣсницами, чуть темнѣе волосъ. Брови, еще темнѣе, поднимались ровно и просто. Розоватыя губы были сжаты плотно.

Андрей, послѣ первой-же минуты испуга и удивленія, зналъ, что никакого тутъ чуда нѣтъ, что дѣвушка эта — не призракъ и не навожденіе, а просто себѣ живая дѣвушка — и все-таки она казалась ему чудомъ, потому что не была похожа на живую и обыкновенную. Чтобы дотронуться до нея — надо было сдѣлать полтора шага, а казалось, что для этого нужно перейти небесныя и облачныя пропасти, и даже лучше совсѣмъ до нея не дотрагиваться, такое странное впечатлѣніе производила прозрачность ея лица.

Дѣвушка подняла руку и провела ею по волосамъ. Широкій и короткій рукавъ, собранный у локтя, опять какъ пѣна, взволновался и на мгновенье легко упалъ къ плечу. Пальцы были длинные, розовые на концахъ.

Андрей подошелъ ближе, не отрывая глазъ.

— Извините,—началъ онъ,—и вдругъ покраснѣлъ.—Я не былъ представленъ...

— Вамъ нужно пить чай, ждутъ въ саду, подъ липами,—проговорила дѣвушка, разомкнувъ губы.

Андрей замѣтилъ едва уловимую мягкость въ произношеніи. Такъ говорятъ дѣти, едва переставшія картавить. Голосъ у нея былъ не громкій, но и не глухой. Среди звуковъ природы онъ, вѣроятно, не нарушалъ-бы гармоніи, потому что въ немъ не было рѣзкости, свойственной человѣческому голосу.

Она тронулась съ мѣста и пошла по балкону. Андрей, къ удивленію своему, ничего не сказалъ, ни о чемъ не посмѣлъ спросить и молча пошелъ за дѣвушкой, стараясь держаться отъ нея въ трехъ шагахъ, глядя на ея колеблющееся платье и на шею, на ту черту, гдѣ постепенно розоватая бѣлизна переходила въ золотую и гдѣ начинали закручиваться первые, слабые волоски.

VI.

Чай пили дѣйствительно въ саду, на площадкѣ, окруженной липами. На площадкѣ было не очень хорошо и слишкомъ-солнечно, потому-что липы только-что начинали распускаться. Онѣ не то чернѣли, не то сѣрѣли — и безпомощно протягивали къ солнцу вѣтви, гдѣ чуть раскрылись зеленоватые лепестки, которые не хотѣли просыпаться. Березы, поодаль, качались и шумѣли почти по-лѣтнему, тополи тоже расцвѣли послѣ ночного дождя—липы оживали послѣднія, если не считать сумрачныхъ и недовѣрчивыхъ дубовъ, которые

спали еще крѣпко и чернѣли твердыми вѣтвями, не отзываясь на голосъ весны.

Андрей подойдя ближе, увидалъ за столомъ, въ креслѣ, тетеньку Анну Ильинишну. Полная и круглая, еще не старая, съ болѣзненнымъ и веселымъ лицомъ, она поднялась на-встрѣчу племяннику и заключила его въ свои объятія. Это былъ ея любимый племянникъ. Анна Ильинишна считалась богачкой и большой причудницей. Она давно вдовѣла, по-долгу, лѣтъ по пяти, живала за-границей, съ родными особенно не сближалась — Андрею-же доводилась теткой съ отцовской стороны. Ни Домну Ниловну, ни Катю она долюбливала, послѣднюю почему-то всегда называла «красна дѣвица, дочь купецкая»,

— Ну что, Андрей? —начала она, глядя ему въ глаза и держа его руки своими пухлыми ручками. — Весело-ли тебѣ живется? Какъ душенька твоя, довольна?

— Спасибо, тетя. Мнѣ хорошо.

Анна Ильинишна покачала головой, не сводя съ него глазъ. Потомъ отпустила его руки.

— Ну, ладно. Садись чай пить. А что, познакомились?

И она обернулась, ища взоромъ дѣвушку въ бѣломъ платьѣ. Дѣвушка стояла у кресла Анны Ильинишны.

Андрей что-то пробормоталъ.

— Моя компаньонка, дочь моя пріемная,—продолжала Анна Ильинишна.—Удивляюсь, согласилась со старухой жить—и не скучаетъ. Позапрошлымъ лѣтомъ я ее къ вамъ не привозила, она къ

отцу домой ѣздила. А теперь отецъ умеръ, такъ ужъ она вполнѣ стала моя. А какія способности-то, Домаша, а?—прибавила она, обращаясь къ Домнѣ Ниловнѣ. Кто-бы сказалъ, что она только съ четырнадцати лѣтъ по русски стала учиться?

Домна Ниловна, которая очевидно не раздѣляла восхищеній родственницы, изъ приличія вздохнула и покачала головой.

— Это мой племянникъ Андрей,—продолжала Анна Ильинишна.— Андрюша, рекомендую тебѣ миссъ Май Эверъ, прошу любить и жаловать.

Миссъ Эверъ подвинулась и подала руку Андрею. Онъ пожалъ ея розовые пальцы, но когда выпустилъ ихъ — ему стало казаться, что этого пожатія никогда не было и не могло быть.

Потомъ онъ вспомнилъ, что еще ни съ кѣмъ не поздоровался. Онъ разсѣянно поцѣловалъ мать, пожелалъ добраго утра кузинамъ и кузенамъ. Подошелъ къ Катѣ и, не глядя, наклонился, чтобы поцѣловать ее въ голову. Но Катя отвела голову. Андрей опомнился и удивленно посмотрѣлъ на свою невѣсту.

— Что съ тобой?

— Ничего.

Онъ увидѣлъ недовольное лицо и сухо сжатыя губы съ непріятнымъ выраженіемъ. Катя дулась! Никогда раньше съ ней не случалось ничего подобнаго. Андрея это заняло въ первую минуту, но въ слѣдующую онъ забылъ—и, обжигаясь горячимъ чаемъ, глядѣлъ на тетю Анну Ильинишну въ ея креслѣ и на англичанку рядомъ съ ней, прямую и всю необычайную и только удивлялся, почему

другіе не удивляются и не недоумѣваютъ, какъ онъ.

— А что-же, по Деснѣ поѣдемъ? — спросилъ коротконосый гимназистъ, кузенъ Ваничка.

— Поѣдемъ,—неожиданно рѣшила Анна Ильинишна.—И я поѣду.

Домна Ниловна вмѣшалась.

— А не вредно-ли вамъ будетъ, сестрица? Вы о своемъ здоровьѣ не думаете.

— Нѣтъ, я что-то сегодня себя очень бодро чувствую. Андрей, распоряжайся! Пускай ужъ мы непремѣнно поѣдемъ. И ты, Домаша, ступай.

Но Домна Ниловна рѣшительно отказалась — ей было некогда и подумать о гуляньѣ. Андрею вдругъ необыкновенно захотѣлось ѣхать и вообще стало весело. Спѣша распорядиться насчетъ провизіи—онъ догналъ въ корридорѣ Катю и вдругъ вспомнилъ, что она на него дуется.

Ему было весело, и стало жаль, что ей не весело. Онъ ласково обнялъ Катю одной рукой и заглянулъ ей въ глаза.

— Катюня, ты на меня за что-нибудь сердишься?

Катя молчала, выраженіе ея лица было непріязненно и некрасиво.

— Катя, а? Скажи мнѣ, за что ты сердишься? Изъ-за чего намъ ссориться? Подумай, развѣ это не глупо — ссориться, да еще безъ причины? Я, право, ни въ чемъ передъ тобою не виноватъ.

Катя, не подымая глазъ, вдругъ заговорила раздраженно:

— Нѣтъ, нѣть, оставь меня! Ты меня совсѣмъ не понимаешь.

— Катичка, въ чемъ-же я тебя не понимаю?

— Зачѣмъ ты такъ держишь себя, какъ будто тебѣ до меня все равно? Да еще при этой... при теткѣ. Я тебѣ два раза сказала: Андрюша, садись сюда! Андрюша, садись сюда! А ты какъ будто не слышишь и сѣлъ передъ теткой и передъ ея фрей противной. Гувернантка, компаньонка простая, а топорщится, словно баронесса. И для тетки твоей я не посмѣшище далась: что это за манеры: купецкая дочь! Чего она этимъ желаетъ достигнуть?

Андрей въ изумленіи слѣдилъ за потокомъ Катиныхъ словъ. Ему спорить съ ней не хотѣлось. И онъ вмѣсто возраженій обнялъ и поцѣловалъ Катю.

— Прости, Катюнчикъ, я, дѣйствительно, не слыхалъ тогда твоихъ словъ. Не сердись на меня, будь веселенькой. Вѣдь я-же тебя люблю. И слава Богу, всѣ это знаютъ, и тетѣ не придетъ въ голову усумниться, если я немного разсѣянъ.

Катя сама обняла его и поцѣловала. Потомъ Андрей опять ее поцѣловалъ, но уже думая, слѣдуетъ-ли взять двѣ, или три корзины.

Отправляясь за корзинами въ людскую, онъ думалъ про себя:

— Премилая эта Катя — и я ее очень люблю. Вотъ какъ руку свою собственную люблю, ни на чью бы не промѣнялъ. Жаль только, что такъ привыкаешь къ человѣку. Цѣловалъ ее и не помню даже, цѣловалъ-ли — никакого впечатлѣнія, вотъ опять какъ свою собственную руку. Еще въ прошломъ году было не такъ...

Потомъ его мысли улетѣли далеко отъ Кати

и сдѣлались такъ разсѣянны, что онъ самъ не могъ слѣдить за ними.

VII.

Въ кухнѣ, куда вошелъ Андрей, стоялъ чадъ и дымъ, что то жарилось и брызгало на плитѣ, а стряпуха, въ грязномъ розовомъ платьѣ, пронзительно ругалась.

Замѣтивъ панича, она примолкла. Андрей разглядѣлъ у стола Тихона чернѣе ночи и Василису-прачку съ гигантскимъ ореоломъ бумажныхъ розановъ. Василиса была блѣдна, плоское лицо ея казалось некрасивымъ, заплаканные глаза смотрѣли злобно.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ невольно Андрей.

Василиса кинулась въ ноги смущенному Андрею, который поспѣшилъ ее поднять.

— Панычу, миленькій, да скажите-жъ вы этому аспиду, чтобъ онъ души моей по ниточкѣ не выматывалъ! Это жъ никакихъ силъ терпѣнія не хватаетъ! Съ другими говорливъ, угодливъ—а со мной теперь молчитъ, какъ проклятый! Сказился онъ, что-ли? Чѣмъ я ему не угодила? Я-ль его не ласкала, я ль не любила? Не первый мѣсяцъ мы съ нимъ согласились, слава Богу, не чужаки теперь, обрученье-то еще когда было...

— Постой, Василиса,—сказалъ Андрей.—Скажи мнѣ, Тихонъ тебя обижаетъ?

— Да не обижаетъ онъ...

— Свадьбы, что-ли не хочетъ?

— Нѣтъ, на свадьбу онъ всегда согласенъ. И, говоритъ, люблю тебя прекрасно.

— Такъ чего-же ты хочешь?

— Дозвольте, баринъ, вмѣшался вдругъ Тихонъ, дозвольте ужъ намъ это дѣло межъ собою оставить. Дура баба, дура непремѣнно, ежели она баба. Она, значитъ недовольна, коли если я съ кѣмъ другимъ разговоръ заведу, а все чтобы съ ней. А что̀ я съ ней теперь буду говорить, коли если она мнѣ вдоль и поперекъ извѣстна и каждое ея слово, какое она сказать можетъ—я самъ себѣ могу сказать? Послѣ того извольте разсудить, какой мнѣ въ ней для разговору интересъ можетъ быть? Я ея ухватки всѣ какъ есть знаю. Мнѣ и нѣтъ интереса, а я, значитъ, къ другимъ подхожу. Она-же это пойми и довольна будь, что я моихъ чувствъ къ ней ни насколечко не измѣнилъ и въ положенное время на свадьбу согласенъ.

Андрей въ замѣшательствѣ смотрѣлъ то на Василису, то на Тихона.

— Ну что-жъ, Василиса,—произнесъ онъ, наконецъ,—видишь, это все вздоръ. Тихонъ тебя любитъ и не думаетъ отъ тебя отказываться. Онъ тобой доволенъ.

— Я доволенъ,—подтвердилъ Тихонъ. — Она славная будетъ жена. А съ женой какіе тебѣ тамъ тары-бары? Жена не для того.

— Однако, Тихонъ,—замѣтилъ Андрей съ нѣкоторой робостью, — я не понимаю, какъ ты женишься и не находишь въ Василисѣ, по твоимъ словамъ, никакого интереса. Я, признаться, не понимаю, какая-же радость...

Тихонъ взглянулъ мрачно и, взявъ шапку, пошелъ къ двери, не отвѣчая. Но на порогѣ оста-

новился и произнесъ съ нѣкоторой презрительностью въ голосѣ:

— Этого ужъ намъ объяснять не приходится. А только вотъ каждый день вы за столъ садитесь кушать, обѣдаете, значитъ. И какой только въ этомъ интересъ—не вижу! А послѣ обѣда книжки читаете, въ театръ въ городъ ѣдете. Тутъ ужъ, конечно, интересъ есть. Такъ не обѣдайте-ка вы никогда, а все книжки читайте. Или, ежели этого не угодно — занимайтесь кушаньемъ и къ нему одному интересъ имѣйте. Анъ на это никто не согласенъ. Хотятъ и того, и этого. И правильно хотятъ! Правильно хотятъ! Такъ ужъ мнѣ никто и не мѣшай! Никто меня и не учи!

Онъ произнесъ послѣднія слова угрожающимъ тономъ и вышелъ изъ кухни. Ошеломленная Василиса даже не всхлипывала. Андрей пожалъ плечами и намѣренно громко произнесъ:

— Вотъ нелѣпый! Притчами какими-то говоритъ!

VIII.

Нѣсколько лодокъ, одна за другой, плыли по рѣкѣ. Въ первую нагрузили провизію, самоваръ... Анна Ильинишна возымѣла желаніе сама заняться чаемъ, а въ помощницы, въ виду ея слабаго здоровья, великодушно предложила себя Катя, которая, послѣ примиренія съ Андреемъ, была особенно ласково настроена и чувствовала желаніе сдѣлать пріятное Аннѣ Ильинишнѣ, завоевать ея расположеніе. Къ тому-же и мастерица Катя была

великая относительно всего, что касалось провизіи и вообще устройства закусываній.

И Катя сѣла въ первую лодку.

Андрею пришлось сѣсть въ послѣднюю, такъ какъ онъ всѣхъ усаживалъ и устраивалъ. Случилось, что миссъ Эверъ тоже попала въ послѣднюю. Съ ними-же сѣлъ и кузенъ Ваничка, коротконосый гимназистъ.

Изъ города сегодня наѣхало много настоящихъ кавалеровъ—и Ваничка былъ въ рѣшительномъ загонѣ. Онъ не унывалъ. Онъ зналъ, что завтра-же всѣ скучающія барышни вернутся къ нему. Пока онъ развлекался, бороздя воду палкой и поглядывая на миссъ Эверъ.

Она сидѣла у руля, спокойная и молчаливая, въ своемъ бѣломъ платьѣ. На голову она надѣла широкую соломенную шляпу, мягкія поля которой слегка опускались съ боковъ. Лицо ея, въ тѣни, бѣлѣло узкое и нѣжное. Въ рукахъ была какая-то, повидимому иностранная, книжка.

Андрей сидѣлъ на веслахъ. Было не жарко, онъ гребъ легко, почти не замѣчая. Отъ воды вѣяло еще не лѣтней прохладой. Андрей молчалъ. Онъ не могъ забыть ссору Тихона съ невѣстой и сердился на Тихона, и не понималъ его совершенно. Дѣйствительно, Тихонъ ненормаленъ. Главное — нельзя уяснить, чего онъ хочетъ. То онъ любитъ Василису, то интереса къ ней не имѣетъ. Не диво, что дѣвка горюетъ. Андрей слишкомъ распустилъ Тихона. Слѣдуетъ взять его въ руки. И смѣшно, и грустно!

Андрею хотѣлось разсказать кому-нибудь исто-

рію Тихона, но Ваничкѣ нельзя было разсказывать, а къ блѣдной англичанкѣ онъ и подступиться не смѣлъ. Вообще не робкій и менѣе всего застѣнчивый, Андрей теперь молчалъ почти до невѣжества. Онъ все время странно чувствовалъ ея присутствіе. И такъ какъ онъ ѣхалъ назадъ, точно убѣгая отъ нея, то ему казалось, что она, сидя на кормѣ, преслѣдуетъ его,—всюду и всегда за нимъ, какъ скоро-бы онъ ни скользилъ по водѣ.

Вербы, ивы, кусты лозняка—все это у воды уже распустилось пышно, молодо и сочно. Иногда, въ узкомъ мѣстѣ, они въѣзжали въ свѣжую тѣнь. Кое-гдѣ плоскіе, еще не широкіе, листья кувшинокъ уже легли на остеклѣвшую воду. Весла Андрея разбивали стекло—и листья, не отрываясь отъ крѣпкихъ стеблей, только проворно ныряли въ глубь, и темную, и тихую. Когда деревья у береговъ бросали зеленый отблескъ подъ шляпу миссъ Май—лицо ея дѣлалось еще блѣднѣе, но оно было живое, какъ двухдневная береза, когда ея сіяющая листва пронизана солнечными лучами. Андрею вспомнилось, что, когда онъ увидѣлъ дѣвушку въ первый разъ, на балконѣ, сегодня утромъ—на ней также лежали отсвѣты отъ молодыхъ листьевъ. И ему подумалось, что она точно имѣетъ какое-то отношеніе къ нимъ, точно у себя дома вблизи этой живой зелени.

Ваничка пытался разговориться съ англичанкой, но она столько-же обратила вниманія на его рѣчь, какъ если-бы около нея жужжалъ комаръ. Ваничка умолкъ. Тогда черезъ нѣсколько времени она сказала, обращаясь къ Андрею:

— Я очень рада быть здѣсь, въ этой деревнѣ. Я чувствую себя очень хорошо весною здѣсь.

Едва замѣтная мягкость произношенія не шла къ ея серьезному лицу. Но въ этой негармоничности было какое-то отдохновеніе, отрада.

Андрей встрепенулся. Слѣдовало отвѣчать. И онъ спросилъ:

— А вы первую весну проводите въ Россіи?

— О, нѣтъ. Я проводила весну и въ деревнѣ Анны Ильиничны. Прошлую весну. Но у васъ лучше. Такая тѣнь! Такая вода! Мнѣ нравится, я люблю, когда есть вода и тѣнь. Тѣнь на водѣ. И вообще я люблю тѣнь и деревья.

— Вѣрно тамъ, гдѣ вы жили прежде, въ Англіи, были большіе лѣса?

— О, нѣтъ. Прежде, чѣмъ я выросла, я дѣйствительно жила въ помѣстьи, гдѣ были большія деревья. Такихъ большихъ деревьевъ здѣсь нѣтъ. Паркъ тянулся на нѣсколько миль отъ замка. Тамъ было очень хорошо и тамъ я и привыкла къ деревьямъ. Но потомъ мы уѣхали и жили на... вы знаете? на островѣ Гернсей. Тамъ мнѣ не нравилось, я не была довольна.

— Что-же, тамъ нѣтъ деревьевъ?

— Мы жили на берегу океана. Я не люблю океана. Слишкомъ большой, не прозрачный. Голое такое мѣсто, безъ растеній. И климатъ дурной. Все низкія тучи, мокрыя, сѣрое море мечется, а кругомъ скалы, тоже сѣрыя или черныя. Нѣтъ, тамъ жизни мало. Вѣдь волны—это отъ вѣтра. А деревья, напримѣръ, сами живутъ.

Андрей уже привыкъ къ ея акценту. Она го-

ворила простыя вещи, разсказывала охотно, но Андрей не чувствовалъ ни малѣйшаго сближенія между ними—попрежнему она была для него таинственной и необычайной, какъ будто всѣ эти слова она говорила для него, для Андрея, а главную свою тайну хранила свято для себя одной.

— А вы давно въ Россіи?

— Пять лѣтъ.

— И раньше не знали по-русски?

— О, нѣтъ. Я никогда не слышала русскаго языка. Съ Анной Ильиничной я говорила по-французски. Но и по-англійски она знаетъ.

— Когда-же вы успѣли такъ хорошо выучиться?

— Я не вполнѣ хорошо говорю. У меня акцентъ и я знаю не очень много словъ. Нѣкоторыя выраженія, совершенно русскія, мнѣ незнакомы. Но я продолжаю учиться и надѣюсь хорошо овладѣть языкомъ. Я люблю говорить по-русски. Вы не замѣтили, чтобы я сдѣлала ошибку?

Андрею показалось теперь, что она говоритъ съ нимъ только для практики. И у него явилось безумное желаніе умѣть говорить съ ней на ея родномъ языкѣ. Быть можетъ, тогда легче было-бы приблизиться къ ней.

На пригоркѣ, который почему-то считался особенно живописнымъ, устроили чай. Кузины и пріѣзжіе кавалеры любезничали, смѣялись сверхъ мѣры и вообще дѣлали все, что подобаетъ дѣлать «молодежи». Миссъ Май была сдержаннѣе другихъ, но вступала въ разговоръ охотно и безъ всякаго принужденія. Нѣсколько разъ она обра-

щалась къ Андрею, даже къ Ваничкѣ. И Андрей опять думалъ, что это она для практики, а что если-бы не практика, то она никому не удостоила-бы сказать ни единаго слова.

Было уже сыро и поздно, когда послѣ закусываній, игръ, прогулокъ собрались ѣхать домой. Анна Ильинишна чувствовала себя дурно и каялась, что поѣхала. Всѣ устали и примолкли. Андрей теперь сидѣлъ на узенькой рулевой скамеечкѣ рядомъ съ Катей, завернутой въ пледъ. Гребъ Ваничка и офицеръ изъ города. Катя прижалась плотно и молчала. Было очень тихо. Другія лодки отстали далеко. Небо и вода блѣднѣли и холодѣли. Яркая звѣзда зажглась на краю неба, еще совсѣмъ свѣтлаго. Въ лѣсу, надъ рѣкой, смѣлѣе защелкалъ соловей—и непріятно и рѣзко потревожилъ засыпающій день.

— О чемъ ты думаешь? спросила вдругъ Катя негромко, поднявъ глаза на Андрея.

Андрей не сразу отвѣтилъ. Онъ самъ не зналъ о чемъ онъ думалъ. Но ему не понравился вопросъ Кати. Онъ разбилъ его настроеніе. А настроеніе было смутное, блѣдное, какъ вечеръ, но дорогое ему.

— Такъ, ни о чемъ не думалъ, проговорилъ онъ.—А ты о чемъ?

— Мнѣ пришло въ голову, что свадьбу рѣшили двадцать четвертаго іюля, а двадцать четвертое іюля суббота. Въ субботу не вѣнчаютъ. И какъ это мы раньше не подумали? Что-же теперь?

— Теперь? Ну назначимъ двадцать пятаго. Не все-ли равно?

— Да, конечно... Ахъ Андрюша, Андрюша, какъ время летитъ! Не успѣемъ оглянуться, какъ эти три мѣсяца пройдутъ. А сколько дѣла! Успѣю-ли я?

— Это насчетъ приданаго?

— Да...

— Успѣешь...

Разговоръ погасъ, и они доѣхали молчаливо, прижавшись плечомъ къ плечу,—и каждый, въ своихъ собственныхъ мысляхъ, далекій другому.

IX.

Тетя Анна Ильинишна ничего не говорила Андрею, но такъ часто смотрѣла на него съ нескрываемымъ сокрушеніемъ, такъ явно показывала Катѣ снисходительное сожалѣніе, — что Андрей нехотя понялъ, какъ она относится къ предстоящему браку. Сначала это его удивило, потомъ и огорчило, ибо тетю Анну Ильинишну онъ и любилъ, и считалъ женщиной неглупой. Онъ рѣшилъ поговорить съ ней — и одинъ разъ, передъ обѣдомъ, нарочно пошелъ въ ея комнату.

Онъ засталъ тетку въ креслѣ. Миссъ Май не было.

Андрей немедля приступилъ къ разговору.

— Тетя, отчего вамъ не нравится, что я женюсь?

— Мнѣ, мой другъ, это не ненравится. Мнѣ твоя невѣста не нравится.

— Катя? Чѣмъ-же Катя можетъ не нравиться?

— Прекрасная, мой другъ, дѣвушка, прекрасная. Только она не для тебя.

— Да почему-же?

— Да во-первыхъ потому, что ты ее не любишь.

— Я? Катю? Милая тетя, увѣряю васъ, что я даже представить себѣ не могу, даже вообразить не могу, что я ее не люблю.

— Это ничего не значитъ. Часто случается, что вообразить не могутъ, что любятъ, а любятъ.

— Нѣтъ, тетя, я васъ не понимаю.

— Милый мой Андрюша, я хочу ту правду сказать, которую тебѣ безъ меня никто не скажетъ. Ты думаешь, что ты не буйный, тихій, скромный, недалекій, что такъ всю жизнь въ норѣ въ конурѣ проживешь съ толстыми дѣтьми, да съ хозяйкой-женой. А ты только запоздалый, Андрюша, вотъ какъ поздніе цыплята бываютъ. У тебя еще не прогорѣло. Подожди на пуховикъ ложиться, еще ноги молодыя, еще погуляй. А Катя тебя сразу на пуховикъ кладетъ. Ты около любви настоящей и не былъ, что̀ мы въ наше время любовью называли, а говоришь—Катю любишь. Ты ее любишь, я не спорю... Да страшно очень, Андрюша. Вѣдь ты на ней точно восемь лѣтъ женатъ. У тебя къ ней живого интереса нѣтъ, да и откуда? Ты ее какъ себя знаешь, да еще и знать-то въ ней меньше что̀ есть. Августъ дольше всѣхъ мѣсяцевъ тянется. Такой длинный, спокойный, вѣчный какой-то мѣсяцъ. Да вѣдь онъ хорошъ, Андрюша, только послѣ другихъ мѣсяцевъ. А у васъ съ Катей августъ незапамятный. Не вѣрно я говорю?

Андрей былъ смущенъ и сердитъ. Слова тетки

не убѣдили его. Но ему почему-то вспомнился Тихонъ. Онъ тоже потерялъ интересъ къ Василисѣ, хотя и любилъ ее.

— Оставьте, тетя, — произнесъ Андрей.—Августъ такъ августъ. Какіе тамъ августы! Пусть будетъ, какъ будетъ. Я Катю люблю очень и не хочу мѣнять планъ жизни изъ-за чего-то весьма гадательнаго. Вы говорите, я не знаю настоящей любви. И слава Богу! Жизнь для жизни, а не для игръ, да сантиментовъ. Я рѣшилъ прожить ее твердо, трезво и спокойно — и вы меня не смущайте, тетя,—это вамъ не удастся.

Въ первый разъ Андрей говорилъ такъ съ Анной Ильинишной. Но она не разсердилась. А когда онъ вышелъ, она покачала головой и улыбнулась.

X.

Андрей пошелъ въ паркъ. Въ липовой аллеѣ онъ услыхалъ за собою торопливые шаги. Онъ обернулся. За нимъ шла миссъ Май.

Послѣднюю недѣлю Андрею почти не случалось ни разговаривать, ни видѣться съ англичанкой. Она проходила мимо, легкая, свѣтлая и непонятная, Андрей чувствовалъ несказанную обиду, тревогу, шелъ къ Катѣ и говорилъ съ нею о приданомъ. Дни дѣлались душнѣе, разъ была гроза. Андрею казалось, что миссъ Май ему непріятна, и хорошо-бы, еслибъ она уѣхала.

Теперь, когда онъ увидалъ ее, идущую къ нему—ему пришло въ голову убѣжать. Но было невозможно. Онъ остановился и ждалъ.

— Андрей Николаевичъ,—сказала она,—я пройдусь съ вами. Я видѣла, какъ вы пошли сюда отъ Анны Ильиничны, и я рѣшила присоединиться къ вамъ, если вы не имѣете ничего противъ этого.

— Я очень радъ, пройдемся. Вы желаете къ пруду?

Онъ смотрѣлъ въ сторону, мимо нея, но все-таки видѣлъ ее хорошо. Она всегда одѣвалась въ свѣтлое. Теперь на ней было платье изъ тонкой матеріи, сшитое гладко, безъ сборокъ и складокъ,—неопредѣленное, блѣдно-красное, но не розовое, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, точно недозрѣлая земляника. Шляпа висѣла у нея на рукѣ, легкіе волосы слегка растрепались и закручивались у висковъ. Полувечернее солце уже проникло въ аллею сбоку, почти снизу, и стволы липъ казались жаркими и золотыми. Миссъ Май не щурила глаза, какъ будто лучи не мѣшали ей смотрѣть.

— Пойдемте прямо,—проговорила она.—Я имѣю вамъ что-то сказать.

Они пошли. Андрею опять стало непріятно, и онъ даже подумалъ про себя, но словами:

— Чего ей нужно? Вѣдь кажется видитъ, что я разстроенъ. Нѣтъ, пристаетъ...

Какъ бы въ отвѣтъ на его мысли, англичанка сказала:

— Вы разстроились, какъ я думаю, отъ разговора съ Анной Ильиничной. Это, конечно, большая нескромность, что я касаюсь вашихъ дѣлъ, но я лучше васъ знаю характеръ Анны Ильиничны, знаю ея сужденія о васъ, ея мнѣніе вообще о вашихъ планахъ... и я могу стараться разъяс-

нить ей ея ошибки, если онѣ заставляютъ васъ страдать.

Андрей мало понялъ.

— Какія ошибки? Что заставляетъ меня страдать? А вы развѣ знаете, о чемъ говорила со мной тетя?

— Она, я предполагаю, говорила о вашемъ супружествѣ, о... mademoiselle Катѣ и не одобряла вашихъ жизненныхъ плановъ. Она думаетъ, что у васъ есть предназначеніе для другого. Такъ вотъ если слова любимой тетки васъ огорчаютъ и вы хотѣли-бы лучше ея одобренія, то я и могу сказать, зная характеръ Анны Ильиничны, что она не долго будетъ держаться этого своего мнѣнія. Она всегда скоро сознаетъ ошибки.

Андрей былъ удивленъ. Что-то неожиданно и непріятно кольнуло его въ сердце.

— Ошибки? А почему-же вы-то увѣрены, что она ошибается? И въ чемъ ошибается?

— Но вы тоже думаете, что она ошибается, иначе-бы вы не огорчались,—возразила миссъ Май. Я считаю, что mademoiselle Катя къ вамъ очень подходитъ и что вы вмѣстѣ будете счастливы. И что вообще избранная вами дорога вамъ подходитъ.

Въ душѣ Андрея опять что-то повернулось. Онъ взглянулъ на дѣвушку мрачно, почти злобно:

— Значитъ, вы лично не считаете меня, какъ тетя, способнымъ на нѣчто болѣе широкое, дѣятельное, на любовь болѣе горячую, чѣмъ моя привычка къ Катѣ?

— Привычка? Нѣтъ, отчего? Это тоже назы-

ваютъ любовью. О вашихъ-же планахъ и вообще никакого болѣе мнѣнія о васъ я теперь выразить не могу. Скажу только, что вѣдь вы сами ничего другого и не хотите...

— Почему вы думаете, что не хочу?—вдругъ почти закричалъ Андрей, останавливаясь. Лицо его было блѣдно и зло.—Не хочу, не хочу! Можетъ быть я самъ не знаю, чего я хочу? Можетъ быть у меня тоска дикая, непереносная, я, можетъ быть, задохнусь въ болотѣ! Способенъ-ли тамъ, или нѣтъ на что другое, и на что̀ именно—я не знаю, а что хочу и живыхъ чувствъ, и живой жизни, и всего, всего другого—это я знаю! Вонъ и листья живутъ, ростутъ, мѣняются—посмотрите, какая липа стала кудрявая—а я, вы думаете, безропотно лежу на пуховикѣ?

Миссъ Май смотрѣла на него молча, безъ удивленія. Сѣрые глаза ея съ большими зрачками были такъ близко, что Андрей, вглядѣвшись въ эти зрачки, увидѣлъ въ нихъ свое собственное возбужденное лицо—и ему стало страшно. Чувство, никогда раньше не испытанное, похожее на необъятную тоску и желаніе броситься внизъ, въ пропасть безъ дна,—сжало грудь до физической боли. Онъ хотѣлъ еще что-то сказать—но не смогъ, повернулся и быстро пошелъ, почти побѣжалъ прочь.

XI.

Почему тетя Анна Ильинишна считала Андрея «запоздалымъ», Катю—способной вредно повліять на его жизнь, а его самого предназначеннымъ для

особенно широкой дѣятельности, и какой именно — всего этого она, вѣроятно, не могла-бы объяснить. Видѣть въ Андреѣ замѣчательныя свойства ей, конечно, помогало желаніе, въ отношеніяхъ-же съ Катей она, человѣкъ старый, не боящійся романтизма, любящій Андрея—просто чувствовала что-то неладное, не нравящееся ей и потому не хотѣла этого брака. Неладное кругомъ чувствовалъ и самъ Андрей. Приливы тоски, которая заставляла его бродить по лѣсу цѣлыми днями—теперь сдѣлались острѣе, глубже и какъ-то безнадежнѣе: у него и мысль никогда не являлась поговорить, посовѣтываться съ Катей. Онъ, напротивъ, боялся, чтобы она не узнала его настроеній. Она все равно не поняла-бы, или поняла неожиданнымъ образомъ, то-есть, что Андрей ее разлюбилъ, ревнуетъ, недоволенъ днемъ свадьбы, нездоровъ...

Послѣ страннаго разговора съ миссъ Май— Андрей быстрымъ шагомъ, не оглядываясь, пошелъ черезъ фруктовый садъ въ поле. Онъ забылъ, что сейчасъ обѣдъ, что его будутъ искать... Безпомощный и жалкій, какъ заблудившійся ребенокъ, онъ куда-то бѣжалъ, чтобы быть одному, сообразить что-то, обдумать, но непривычный умъ не слушался, въ головѣ путалось, и опять онъ не могъ ни понять, ни утолить свою тоску.

Было совсѣмъ темно, когда онъ вернулся къ усадьбѣ. Какъ въ тотъ вечеръ, ранней весною, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ въ паркѣ бѣлое платье миссъ Май, онъ не вошелъ въ домъ, но остановился на дворѣ. Въ прачешной горѣлъ огонь. Но пѣсенъ не было слышно. Темная, почти

черная, ночь не позволяла различать ни фигуръ, ни предметовъ на разстояніи, но вдругъ Андрей услыхалъ около себя задержанные голоса. Мужской голосъ принадлежалъ Тихону.

— Куда ты, ласточка?—говорилъ онъ кому-то. — Подожди, постой. Развѣ я тебя трогаю? Нельзя ужъ и говорить? Ты меня, дѣвка, коли хочешь знать, вотъ какъ приворожила. Я безъ тебя теперь ни ступить. Повернешься ты—мила мнѣ, слово скажешь—еще милѣе. Вся ты мнѣ кругомъ мила. Пѣсню запоешь—я сейчасъ на землю ничкомъ—и плачу. Такъ, самъ о себѣ плачу. И сладко вотъ мнѣ, и сладко, и самъ я не знаю, что̀ мнѣ сладко. Главное—вся ты для меня удивительная, вотъ что главное.

Прошло нѣсколько секундъ молчанія, вѣроятно собесѣдница Тихона думала надъ его словами.

Наконецъ она сказала.

— Да, говоришь: мила—мила... Ловокъ ты, поглядѣть на тебя... Небось на Васенкѣ женишься... Я тебѣ что? Я тебѣ не невѣста, ты около своей невѣсты ходи. Я тебѣ вѣрить никакъ не могу, я тебѣ за эти твои подходы такого покажу, что ты у меня ажно до амбара полетишь. Что тамъ! Гони тогда Васенку! Пускай я цвѣты надѣну—и буду замѣсто нея! А то слова-то мнѣ эти давно прислушались. Я человѣкъ горячій.

Въ голосѣ Тихона, когда онъ отвѣтилъ, были и досада, и горестное удивленіе.

— Эхъ ты, дѣвка! Ни словъ, ни чувствованій человѣческихъ понять не можешь. И чего взбѣленилась? Развѣ я тебя трогаю? За что ты меня

гнать-то отъ себя будешь? Пѣсню твою нельзя послушать? Обидно милой быть? Съ Васенкой у насъ обѣщанье, давнишнее, я ее, Васену, вдоль и поперекъ знаю, она славная жена будетъ... Можетъ и ты славная жена будешь—да жалѣю я тебя смертно въ жены взять. Ты теперь, Поля, такая мнѣ удивительная, и сладкая, какъ-бы мнѣ отъ Бога ниспосланіе—а тогда что? Какъ Васена и будешь. Жена—что? Жена всегда жена. Для духа нѣтъ простора, умиленія нѣтъ. Не гони ты меня, Поляша, зачѣмъ меня гнать? Всякая тварь теперь радуется, цвѣты распускаются, послѣдняя букашка—и та съ кѣмъ хочетъ, съ тѣмъ и летитъ—чего-жъ ты меня къ Васенѣ гонишь? Человѣкъ не хуже. Да и тебѣ я не противенъ.

— Это онъ съ Пелагеей прачкой, подумалъ Андрей, вспоминая рослую фигуру Поли, смуглое свѣжее лицо и голосъ.—А Василиса?

Андрей пошелъ на голоса, по предъ нимъ только метнулись двѣ темныя фигуры съ легкимъ шорохомъ—и скрылись. Андрей все-таки двигался впередъ, самъ не зная хорошенько, что ему нужно. Ни за что въ мірѣ онъ не пошелъ-бы теперь домой, къ матери, въ освѣщенную столовую, къ слезамъ и разспросамъ Кати. Ему хотѣлось итти такъ прямо, до пруда, потомъ еще прямо, въ прудъ, въ воду,—не въ воду, только прямо, ни оглядываясь, не думая, не видя.

Калитка въ паркъ была отворена. Но Андрей вдругъ остановился, потому что увидалъ свѣтлое пятно передъ собой въ двухъ шагахъ. Онъ остановился только на мгновеніе, онъ сразу, безспорно,

неотвратимо понялъ, что это миссъ Май. Онъ подошелъ ближе, совсѣмъ близко, обнялъ ее и прижалъ къ себѣ. Подъ его руками было тонкое, почти несуществующее тѣло, почти призракъ. Андрей не самъ подошелъ, не самъ обнялъ—онъ бы не посмѣлъ: но ему точно приказалъ кто-то дѣлать это, сильнѣе его,—и онъ повиновался безъ мысли, съ ужасомъ.

Она не сопротивлялась. Нѣсколько мгновеній они стояли неподвижно, потомъ пошли такъ, обнявшись, куда-то внизъ, должно быть къ пруду. Кругомъ стоялъ шумъ, шорохъ, шелестъ и шепотъ лѣтней ночи, темной, съ черносинимъ небомъ и большими, лучистыми звѣздами. Вотъ и прудъ, застывшій, неподвижный, какъ бездонная яма. Между камышами черно и глухо, только кое гдѣ неожиданно блеститъ отраженная звѣзда. Это тотъ самый прудъ, до котораго Андрей хотѣлъ сейчасъ итти одинъ, до пруда, въ прудъ... Но Андрей забылъ это, какъ вообще забылъ, что онъ думалъ и какъ жилъ раньше. Они шли долго, потомъ сѣли на скамейку. Они еще не сказали ни слова, но Андрей чувствовалъ въ горлѣ теплыя слезы—и не боялся ихъ. Прошло какое то время, они опять медленно огибали темный прудъ—и уже говорили. Можетъ быть Андрей началъ первый говорить, а можетъ быть и Май.

— Какая ты необыкновенная, я тебя не понимаю. Ты любишь меня? Да это не то слово. Я и прежде любилъ. А для тебя у меня нѣтъ слова. Май, ты какъ жизнь. Все. И начало, и конецъ. Ты видишь, что я такъ чувствую? Скажи мнѣ, зачѣмъ ты, откуда ты такая?

— Я тебя люблю,—сказала Май.—Я никогда, никому не говорила «ты», кромѣ Бога. Я, быть можетъ, не умѣю говорить «ты». Но нельзя тебѣ иначе. Я люблю, потому что такъ нужно. И ты меня тоже, потому что такъ нужно—любить. Ты меня уже давно любишь, я давно вижу. Я и думала, что это любовь, я ее сейчасъ узнала. Остальное не это, не любовь.

— Но вѣдь я тебя не знаю, и ты меня не знаешь, за что-же ты любишь?

— Ни за что. Мнѣ все равно. Это само приходитъ—безъ всякихъ мыслей. Мысли даже могутъ быть противъ. По мыслямъ,—особенно какъ другіе думаютъ, тебѣ слѣдуетъ любить Катю, а не меня.

Андрей разсмѣялся. Онъ не чувствовалъ никакихъ угрызеній совѣсти, ни малѣйшей вины передъ невѣстой—такъ она была далеко отъ него, такъ ихъ отношенія были несравнимы съ теперешнимъ. Онъ ничего не отнялъ у Кати. Онъ самъ только что открылъ въ себѣ душу—и всю ее сейчасъ же отдалъ дѣвушкѣ въ бѣломъ платьѣ, которую едва зналъ и отъ которой едва слышалъ нѣсколько словъ. Она сказала, что «это» само приходитъ—и вѣроятно въ ея словахъ была истина.

— Катя, Катя.. —повторилъ Андрей.—Чтожъ, она ко мнѣ подходитъ. Сегодня въ аллеѣ, помнишь? Ты мнѣ говорила правду...

— Да, но я нарочно. Правду, но не всю... Половину. Мысли—вѣдь тоже не ложь, а я говорила о нихъ, о мысляхъ. Я ужъ знала тогда, что есть и другое, вотъ что пришло. Это неизбѣжно.

За тополями небо покраснѣло, какъ зарево пожара—и большая, тусклая луна поднялась. Все выяснилось, почти непримѣтно свѣтлѣя. Андрей увидалъ блѣдныя черты Май. Лицо ея было строго и серьезно. Луна поднималась, дѣлалась меньше и серебристѣе. Отъ тихихъ деревьевъ и травы ползли сырые ароматы.

— Мнѣ не стыдно деревьевъ, — сказалъ Андрей.—Трава, и небо, и зелень похожи на тебя. Я давно замѣтилъ, что листья такъ даютъ тебѣ тѣнь—точно ты имъ своя.

— Все это—одно. А ты не зналъ? Не надо удивляться, надо приближаться ко всему, тогда будетъ хорошо.

— Май, какая ты странная! Но вѣдь люди—люди, они живутъ, они служатъ, у нихъ дѣла, деньги, свадьбы, законы... Ты точно не хочешь знать ничего простого.

— Простого? О, нѣтъ, ты говоришь не о простомъ, ты о житейскомъ, о мелкомъ говоришь. Оно есть, но ему не слѣдуетъ быть, несчастіе, что оно есть. А простое—это не то. Все просто—и я, и травы, и любовь, и небо, и смерть...

Приливъ отчаянія охватилъ Андрея. Что-же дальше? Она здѣсь теперь, съ нимъ, а потомъ? Какъ соединить сонъ и дѣйствительность?

— Я хочу быть всегда съ тобой. Я женюсь на тебѣ.

Май засмѣялась и покачала головой. Лицо ея было все свѣтлое отъ мѣсяца и прозрачное, какъ листья бѣлыхъ цвѣтовъ.

— О, нѣтъ, — сказала она, продолжая улыбаться.—Я не жена.

— Отчего? Отчего? Но что же дѣлать?

— У тебя есть любовь въ душѣ. О чемъ ты заботишься?

— Я хочу всегда съ тобой, всегда, какъ теперь. Я не могу не жениться на тебѣ.

— Послушай, — сказала Май.—Пойми, что я думаю. Я думаю, что люди гораздо дольше живутъ, чѣмъ имъ слѣдуетъ, чѣмъ они дѣйствительно могутъ. Это какъ если бы зрѣлые апельсины не падали съ вѣтокъ, а сохли и портились на деревѣ. Истинная жизнь человѣка проходитъ быстро, какъ весна и лѣто, такъ же быстро. А потомъ люди остаются доживать,—это ошибка, имъ прѣсно и скучно, потому что жизни нѣтъ. Большое счастье, если можно пройти жизнь, прожить весну и лѣто—и кончить, не ползти дальше. И жизнь ничѣмъ нельзя продлить, какъ май нельзя продлить. Ты хочешь всегда со мной—какъ теперь. Теперь есть счастье, потому что есть жизнь, а потомъ все равно ничего не будетъ, потому что придетъ смертъ. Живи со мной—а доживай... съ кѣмъ хочешь... Я-бы не хотѣла доживать совсѣмъ.

— Я тебя не понимаю,—робко сказалъ Андрей.—Но какъ и зачѣмъ отъ тебя уйти?—И онъ обнялъ ее и поцѣловалъ легкіе волосы.—Куда уйти? А ты? Оставишь меня? Выйдешь замужъ?

Май опять улыбнулась.

— О, я не выйду. Я думаю, я не доживу до старыхъ лѣтъ. Отецъ умеръ отъ сердца, у меня

тоже болѣзнь сердца, это я знаю. Я не выйду замужъ.

Андрей сжалъ ея руки.

— Болѣзнь? А я? Боже мой, а я?

— Но это не сейчасъ, это потомъ. А болѣзнь — это хорошо, потому что скоро. Надо вѣдь умирать отъ чего-нибудь.

Она первая сказала, что пора итти домой. Было очень поздно, но въ усадьбѣ еще горѣли огни. Андрея ждали. У двери они разстались—такъ-же неожиданно, какъ сошлись, безъ поцѣлуя, безъ обѣщаній встрѣтиться. Андрей пришелъ къ себѣ, заперъ дверь на ключъ и не отвѣтилъ, когда къ нему стучали. Онъ не спалъ всю ночь и о чемъ-то думалъ, что-то хотѣлъ понять и рѣшить. Но рѣшать было нечего, а понять, соединить любовь и жизнь не могли люди и до Андрея, не смогутъ, вѣроятно, и послѣ него.

XII.

Въ маленькой комнатѣ съ лежанкой, къ сундуками и корзинками, съ вареньемъ на полкахъ— сидѣли Домна Ниловна, тетушка Анна Ильинишна и Катя.

Комната эта помѣщалась въ самомъ дальнемъ углу дома и называлась почему-то «теплушкой». Во всѣхъ случаяхъ жизни, требовавшихъ обсужденій сообща, Домна Ниловна устраивала семейный совѣтъ именно въ теплушкѣ. Даже когда она одна должна была что-нибудь рѣшить, относительно хозяйства, напримѣръ,—она удалялась въ эту

тѣсную комнатку, считала банки съ пикулями и вареньемъ, перебирала пучки рѣзко пахнущихъ, сухихъ травъ, висящихъ на стѣнахъ—и сейчасъ-же чувствовала, что укрѣпляется въ мысляхъ.

Теперь и Анна Ильинишна была привлечена сюда. Она чувствовала себя преотвратительно въ теплушкѣ. Сундуки тѣснили ее, низенькіе стульчики казались неудобными, отъ спертаго воздуха ей становилось душно.

— Что-же, сестрица? Чего-же охать? Ты ужъ мнѣ скажи, наконецъ, что у васъ случилось и причемъ тутъ я?

Домна Ниловна махнула рукой. Катя отошла къ окну и, вынувъ платокъ, заплакала, громко дыша. У нея и раньше были красные глаза.

Анна Ильинишна нетерпѣливо задвигалась на стулѣ.

— Да вѣдь можно-же объяснить, наконецъ, въ чемъ дѣло?

— Думать надо—вы все, сестрица, знаете, начала Домна Ниловна. Что тамъ, вина не ваша, но горько мнѣ, горько видѣть, какъ гибнетъ единое дитя, да какъ дѣвичье сердце болитъ, золотое сердце, это всякій видитъ...

— Прошу тебя, Домаша, изъясниться. Весьма серьезно прошу.

— А какого тутъ шута изъясняться?—вдругъ вскипѣла Домна Ниловна.—Твоя-же эта гувернантка передъ Андрюшей вертѣлась, знала, что женихъ—безстыдные ея глаза—и такъ ребенка повредила, что нà поди! все забылъ. Ровно приши-

тые другъ къ другу. Цѣлый мѣсяцъ только вдвоемъ. Катю вѣдь ужъ любилъ, любилъ, и что-жъ! Точно колдовство. Обѣщанье, любовь, честный бракъ — все какъ нищему въ торбу кинулъ! Я ему сегодня слово—а онъ меня такъ и пришибилъ: я, говоритъ, ее больше жизни люблю. Только, говоритъ, при Катѣ молчите. Да что-же это за срамъ! Это одно только—боленъ мальчикъ, нездоровъ!

Анна Ильинишна помолчала.

— Не знаю, Домаша, какъ ты можешъ такъ разговаривать со мною. Извиняю тебя, потому что ты разстроена. Май для меня какъ дочь, я ее чуть не съ десяти лѣтъ воспитала, а ты ее мнѣ позоришь. Думаю я, что нельзя взрослому человѣку запретить любить, кого онъ хочетъ. Мое-же личное мнѣніе таково, коли хочешь знать, что Андрей куда больше характеромъ къ англичанкѣ подходитъ, чѣмъ къ своей невѣстѣ—ты меня, Катичка, извини, я тебя цѣню и уважаю, я только про сходство ваше съ Андреемъ говорю. Ѣхала сюда, нпчего рѣшеннаго у васъ не зная, я уже думала о своей: вотъ-бы ихъ съ Андреемъ парочка! И смѣло говорю: пусть сладится, рада буду.

Домна Ниловна всплеснула руками, Катя у окна заплакала громче и, вдругъ оторвавъ искаженное лицо отъ платка, крикнула зло:

— Больная-то, больная! Какъ смерть блѣдная, какъ прутъ тонкая! Любитъ мужъ жену здоровую! Молчите ужъ вы! Не Андрюшина вина, а ваша! Вы сводили!

Она была груба и непріятна; вѣроятно, она

сильно страдала. Даже Домна Ниловна прикрикнула на нее. Катя затихла и замерла у окна.

Анна Ильинишна тоже молчала. Катины слова имѣли долю правды: миссъ Май точно была больная и Анна Ильинишна это знала. Андрея она любила больше и теперь, сквозь романтическое желаніе соединить своихъ дѣтей, здравый смыслъ пожилой женщины шепнулъ ей: разумно-ли это? Полезно-ли для Андрея?

— Я тебѣ свое окончательное мнѣніе сообщу,— произнесла она, съ трудомъ поднимаясь съ низенькаго стула. А теперь, извини, мать моя — я пойду. Задохлась тутъ отъ этихъ травъ.

Катя и Домна Ниловна остались—она ушла въ свою комнату. Но и тамъ было душно. И Анна Ильинишна рѣшилась пройти въ паркъ, въ бесѣдку, гдѣ стояло ея кресло.

Лѣто было въ разгарѣ. Все распустилось, разошлось, каждый листъ раскрылся съ полнымъ безстыдствомъ, не оставляя мѣста никакой тайнѣ. Солнце жгло и жарило. Пахло пылью и горячей смолой. Нигдѣ не было отрады.

Въ бесѣдкѣ было особенно жарко—и Анна Ильинишна хотѣла встать, но вдругъ въ дверяхъ появилась Май. Она подошла ближе и сѣла на низенькую скамеечку, у самаго кресла.

Анна Ильинишна посмотрѣла на свою воспитанницу. Казалось—жара на нее иначе дѣйствовала, чѣмъ на другихъ. Лицо ея было еще блѣднѣе, прозрачнѣе, меньше, спокойные всегда глаза—грустны, точно весь этотъ лѣтній зной, эта грубая сила природы, смѣнившая нѣжность, была

враждебна ей, печалила ее такъ же безконечно, какъ прежде радовала нѣжность.

— Мнѣ хотѣлось-бы уѣхать отсюда, сказала Май.—Здѣсь такъ жарко, и мнѣ немного дурно.

— Тебѣ дурно отъ жары?

— Мнѣ хочется уѣхать,—повторила Май кротко.—Я думаю, мнѣ будетъ гораздо лучше, если я уѣду.

— Послушай, дѣвочка, — начала Анна Ильинишна серьезно. — Отчего ты со мною всегда такая скрытная? Ты лучше мнѣ скажи—я все равно знаю—ты любишь Андрюшу?

Май не покраснѣла, не взволновалась—она сказала очень просто, почти холодно:

— Да, я люблю.

— И оттого хочешь уѣхать? Бѣжать? Оттого, что онъ женихъ другой? Но, дѣвочка, послушай меня... Я тебя понимаю...

— О, нѣтъ,—сказала Май.—Вы ошибаетесь. Я совсѣмъ не бѣгу. Для меня мало значенія имѣло, что Андрей Николаевичъ женихъ...

— Какъ мало? Но вѣдь онъ не могъ тебѣ предложеніе сдѣлать...

— Отчего? Онъ просилъ, чтобы я вышла за него замужъ. Но я отказала.

— Отказала! Боже милостивый! Любятъ другъ друга—и отказала! И все ради Катерины!

— О, нѣтъ, нѣтъ, вѣдь я уже упомянула, что для меня не имѣло значенія это обстоятельство... невѣста его. Между нами была любовь и правда, но теперь уже все кончилось.

— Поссорились вы, что-ли?

Лицо Май на секунду затуманилось, точно ей было нетерпѣливо и скучно.

— Нѣтъ, мы не ссорились,—проговорила она.— Такъ кончилось. Замужъ—это другое. Замужъ я ни за кого не выйду. И вы со мной не говорите объ этомъ, — прибавила она твердо.—Я вамъ не умѣю объяснить. Я только знаю, что любовь — одно, а бракъ—другое. Я къ браку никакой склонности не имѣю.

— По твоему безъ брака любить, что-ли?— почти озлобленно крикнула Анна Ильинишна.

Май улыбнулась.

— Да нѣтъ,—сказала она.—Я говорю—почему если рѣчь идетъ о любви—сейчасъ что-то нужно устраивать, свадьбу... Какъ это выразить?.. точно маленькими гвоздиками любовь приколачиваютъ... Зачѣмъ это? Я о свадьбахъ и знать не хочу. Любовь живая..Она пришла—и ушла. А свадьбы—какое мнѣ дѣло? Пусть тамъ кто хочетъ. Я на это не пойду.

Анна Ильинишна смотрѣла растерянно. Изъ всѣхъ рѣчей своей сумасбродной воспитанницы она поняла только одно, что замужъ за Андрея она не выйдетъ и что, дѣйствительно, имъ лучше уѣхать. Она вспомнила о болѣзненности Май — и почувствовала себя слегка утѣшенной.

Май встала, помогла встать Аннѣ Ильинишнѣ и поцѣловала у нея руку.

— Я могу приготовить чемоданы? Мы завтра утромъ уѣдемъ?

— Завтра? Ну, завтра... Да куда только?.. Постой... Вѣдь надо рѣшить—куда. Не въ деревню-же... Ты куда хочешь?

— Все равно, куда вамъ угодно.

— Ну что-жъ... Ну въ Швейцарію поѣдемъ, повыше куда-нибудь, хочешь?

— Да, хочу... Тамъ еще весна,—прибавила она какъ-бы про себя и опять поцѣловала руку у взволнованной и растерянной Анны Ильинишны.

XIII.

Стемнѣло рано, потому что надвинулись тучи, низкія, плотныя, черныя, обѣщая грозу. Ожиданіе было тихо и томительно. И во всемъ домѣ уже давно было тихо и томительно, точно гдѣ то лежалъ больной или нависло несчастіе. Катя ходила съ красными глазами и молчала, Домна Ниловна вздыхала, Андрей сидѣлъ безвыходно, когда не гулялъ съ Май. Первое время онъ былъ только счастливъ, безуменъ и веселъ, не думая ни о чемъ, кромѣ своей странной любви, но теперь опять онъ мучился, не понимая, что будетъ дальше и по привычкѣ желая кончить все это опредѣленно, подвести подъ какую-нибудь изъ условностей. И мысль о Катѣ мѣшала ему. И Май была не его, а чѣмъ ближе онъ къ ней подходилъ, тѣмъ она казалась ему страннѣе и недоступнѣе.

На столѣ горѣла свѣча. Пламя не колебалось, хотя дверь на балконъ была отворена и казалась черной пастью. Андрей лежалъ на турецкомъ диванѣ, заложивъ руки подъ голову.

Вошелъ Тихонъ. Андрей не взглянулъ на него сначала. Но потомъ, когда Тихонъ сталъ убирать книги на письменномъ столѣ, сохраняя важное

молчаніе, Андрей мало-по-малу сталъ слѣдить за движеніями его спины въ сѣромъ пиджакѣ, за его затылкомъ, поросшемъ свѣтлыми волосами, свѣтлѣе загорѣлой шеи—и вдругъ что-то впомнилъ.

— Тихонъ!—окликнулъ онъ его.

Тихонъ обернулся.

— Чего изволите?

Лицо его по обыкновенію было мрачно.

— Ты, Тихонъ... вотъ что я тебѣ хотѣлъ сказать... Вѣдь я тебя съ Полей замѣтилъ.

— Съ Полей? Съ какой такой Полей?

— Да не отпирайся, пожалуйста. Съ Пелагеей прачкой.

— А чего-жъ мнѣ отпираться? — сказалъ Тихонъ, и вдругъ неожиданно и непривычно улыбнулся, какъ ни старался хмурить брови. — Замѣтили, такъ замѣтили. Мнѣ Полю Богъ послалъ. Каждая во мнѣ жилка дрожитъ, какъ я ее вижу. Она теперь за десять верстъ, къ матери пошла жить, въ Каменку, значитъ. Я туда черезъ воскресенье къ обѣднѣ стану ходить. Вся она мнѣ кругомъ мила, какъ зимнее солнышко.

— А Василиса?

— Эхъ, баринъ! Сами вы очень хорошо должны понять. Что Василиса? Василиса на своемъ мѣстѣ. Развѣ онѣ другъ дружкѣ мѣшаютъ? Съ Василисой мы вѣнчаться будемъ. Это особая статья. Жена—женой, она Божьему ниспосланію не должна мѣшать. Которая баба этого не понимаетъ—такъ той втолковать должно.

Андрей поднялся и сѣлъ. Ему почудился шорохъ на балконѣ. Тихонъ еще что-то поворчалъ,

повозился и вышелъ. Андрей заперъ дверь въ коридоръ на крючекъ, потомъ опять сѣлъ и пристально всматривался въ черное пятно. Глаза устали и онъ на секунду отвелъ ихъ, а когда поднялъ вновь—на порогѣ стояла Май.

Андрей вскочилъ, бросился къ ней и обнялъ ее. Всегда, цѣлуя ее, онъ ощущалъ какой-то холодъ въ ней, даже не холодъ, а свѣжесть, точно вѣтеръ отъ вечерней, весенней воды—и никогда не думалъ и не понималъ, что цѣлуетъ ее, такъ это ему казалось невѣроятнымъ и особеннымъ. И острое, какъ игла, чувство тоскливой радости кололо и язвило его каждый разъ.

Теперь онъ схватилъ ее почти грубо, безъ обычнаго страха и осторожности, посадилъ къ себѣ на колѣни, цѣловалъ руки и шею. Въ саду зашумѣла сухая гроза.

— Май, шепталъ Андрей.—Не мучай меня больше. За что? Я такъ утомленъ. Рѣши, согласись, чтобъ мы были мужъ и жена, вѣдь я тебя люблю... Отчего ты не хочешь?..

Она вдругъ освободилась отъ него и встала.

— Мнѣ жарко... сказала она. Я не могу. Я пришла проститься съ тобой, Андрей. Я уѣду завтра.

— Уѣдешь? Уѣдешь?

— Да. Вотъ что: я не говорю, что ты меня не любилъ. Но наша любовь прошла. Все хорошее въ любви прошло. Теперь надо разстаться. Вѣдь ты былъ счастливъ отъ этой любви? Были настоящія минуты большого счастья? Скажи? Когда

липы расцвѣтали, помнишь? Когда ты меня поцѣловать боялся? Были?

— Да, были...—прошепталъ Андрей.

— Ну вотъ, а теперь прошло. Липы не могутъ опять распуститься, и тѣхъ, лучшихъ минутъ, не будетъ. Ты смѣшиваешь то, что не смѣшивается. Ты любовь, то, что отъ Бога, сводишь на свадьбу, на соединеніе, на привычку, на связи, которыя отъ людей. Можетъ быть и свадьба—хорошо, но только я на это не пойду. Мнѣ жарко, мнѣ душно, мнѣ тяжело. Я одну любовь люблю. Прости меня. Не надо роптать, если что нибудь прошло. Такъ должно. Вѣдь оно было...

Андрей стоялъ передъ ней безъ словъ.

— Прощай-же,—сказала она, и поцѣловала, чуть дотронувшись до него блѣдными губами.— Не надо никогда забывать другъ друга. Ты знаешь, это бываетъ только одинъ разъ. Прощай.

Она вышла на балконъ. Молнія безъ грома трясущимся, сѣрымъ блескомъ вдругъ освѣтила деревья сада и небо. Андрей въ послѣдній разъ увидалъ бѣлое платье Май—и утомленной, безсильной душѣ его показалось, что это призракъ, какъ и вся его любовь.

Прошло нѣсколько дней. Семья сидѣла за вечернимъ чаемъ на террасѣ. Домна Ниловна разговаривала съ Катей, угощала Андрея земляникой со сливками, была доброй и ласковой и почти болтливой, чтобы не думать о недоговоренномъ. Андрей молча принималъ заботливость Кати и матери, былъ неловокъ и тихъ. Послѣ жаркаго

дня наступалъ ясный вечеръ. Скошенная трава пахла пронзительно и сладко.

На террасу вошелъ Тихонъ и остановился у двери.

— Что тебѣ? проговорила Домна Ниловна.

— А я къ барину.

— Да что нужно?

Андрей медленно поднялъ глаза.

— Скажи, что тебѣ, Тихонъ? — проговорилъ онъ кротко.

— А я насчетъ свадьбы. Мнѣ, Андрей Николаевичъ, никакъ невозможно. Назначено тамъ на двадцать пятое іюля. Намъ съ Васеной это не подходитъ. Что-жъ? Справить свадьбу, да и дѣло къ сторонѣ. Дозвольте сейчасъ послѣ Петровокъ. Это и спокойнѣе, да и вообще облегчительнѣе. Какъ угодно, а иначе я не могу.

— Что-же ты сердишься? сказалъ Андрей по прежнему кротко.—Я очень радъ. Вѣнчайся себѣ послѣ Петровокъ. У насъ съ тобой свадьба въ одинъ день была назначена. А я давно ужъ думалъ, что и намъ нечего тянуть. Мама, Катя,— продолжалъ онъ, обернувшись въ ихъ сторону,— какъ вы полагаете, можно намъ перемѣнить день? Къ чему цѣлый мѣсяцъ? Катюша, ты согласна?

Катя вспыхнула отъ неожиданности, взглянула на него глазами, полными удовольствія и благодарности.

— Я не знаю...—проговорила она. — Какъ мамаша...

Домна Ниловна сіяла. Всѣмъ стало легче и свободнѣе.

— Господь съ вами, дѣтки, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Порадуйте меня, старуху.

Катя подошла къ Андрею и прислонилась къ его плечу.

— Значитъ, рѣшено?—сказалъ Андрей громко, приподнимая розовое Катино личико.—Черезъ недѣлю?

— Да... Черезъ недѣлю... Только вотъ что: Андрюша, мамаша, мы не подумали! А приданое, а платье подвѣнечное? Не успѣютъ сшить! Андрюша, какъ по твоему?

И она взглянула съ безпокойствомъ.

— Успѣютъ, успѣютъ,—проговорилъ Андрей.—Не тревожься, Катюша, все успѣютъ.

Онъ наклонилъ голову и поцѣловалъ ее. Она съ радостью отвѣтила ему—и Андрей опять невольно подумалъ, какія у нея мягкія, пріятныя губы и какая она вся милая.

КОНЕЦЪ.

Оглавленіе.

Яблони цвѣтутъ 1
Ближе къ природѣ 32
Богиня 62
Простая жизнь 90
Голубое небо. 128
Смиреніе. 170

Стихотворенія:

„Мой другъ, меня сомнѣнья не тревожатъ“. . . 215
Баллада 216
Пѣсня 219
Никогда 220
Безсиліе 221
„Небеса унылы и низки“ 222
Сонетъ 223
Снѣжные хлопья 224
Цвѣты ночи. 226
Гризельда 227
Однообразіе 230
Иди за мной 231

Месть. 232
Легенда. 259
Цыганка. 287
Время. 327
Совѣсть 359
Одинокій. 374
Миссъ Май 396

0

BINDING DEPT. AUG 26 1966

PG
3460
G5N6a

Gippius, Zinaida Nikolaevna
Novye liudi

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY